398.

LE ROYAUME DE DIEU.

Par Léon Tolstoy.

Prix : 2 fr. 50 cents. ; 2s. ; 1 Fl. 20 Kr. ; 2 M. ; 1 руб.

1 экз.
изд. Черткова

BIBLIOTEKA MUZEUM IM. ROSLINA

Л. Н. Толстой.

ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ

или

ХРИСТІАНСТВО НЕ КАКЪ МИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ, А КАКЪ НОВОЕ ЖИЗНЕПОНИМАНІЕ.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

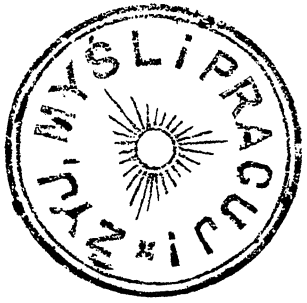
Изданіе Владиміра Черткова.

LONDON,
1898

VLADIMIR TCHERTKOFF,
Purleigh, Essex, England.

95

Пров 49



Л. Н. Толстой.

ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ

Л. Н. Толстой.

ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ

ИЛИ

ХРІСТІАНСТВО НЕ КАКЪ МИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ, А КАКЪ НОВОЕ ЖИЗНЕПОНІМАНІЕ.

Познаете истину и истина освободитъ васъ. (Іоан. VIII, 32).
И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенѣ (Мо. X, 28).
Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами человѣковъ. (I. Коринѳянамъ VII, 22).

Изданіе Владиміра Черткова.

LONDON.
1898

„Пров 39

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
107
28

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства исповѣдовалось и исповѣдуется меньшинствомъ людей 1

О книгѣ «Въ чемъ моя вѣра». Свѣдѣнія, вызванныя этой книгой. Письма квакеровъ. Провозглашеніе Гаррисона. Аличъ Балу, его сочиненія и катехизисъ. «Сѣть вѣры» Хельчицкаго. Отношеніе людей къ сочиненіямъ, разъясняющимъ ученіе Христа. Книга «О войнѣ» Даймонда. Книга «Утвержденіе непротивленія» Мосера. Отношеніе правительства къ людямъ, въ 1818 г. отказавшимся отъ военной службы. Вообще враждебное отношеніе правительствъ и либеральныхъ людей къ людямъ, отказывающимся отъ участія въ государственныхъ насиліяхъ, и ихъ сознательное стремленіе замолчать и скрыть эти проявленія христіанскаго непротивленія.

II. Сужденія о непротивленіи злу насиліемъ людей вѣрующихъ и невѣрующихъ 12

Судьба книги «Въ чемъ моя вѣра». Уклончивость отвѣтовъ религіозныхъ критикъ на вопросы, поставленные въ этой книгѣ. 1-й отвѣтъ: насиліе не противорѣчитъ христіанству. 2-й отвѣтъ: необходимость насилія для обузданія злодѣевъ. 3-й отвѣтъ: обязательность насилія для защиты ближняго. 4-й отвѣтъ: признаніе нарушенія заповѣди о непротивленіи за простую слабость. 5-й отвѣтъ: уклоненіе отъ отвѣта дѣланіемъ вида, что вопросъ этотъ уже давно рѣшенъ. Эта ложь и прикрытіе себя авторитетомъ церкви, древности и святости есть единственный выходъ для людей религіозныхъ изъ противорѣчія насилія и христіанства, какъ въ теоріи, такъ и въ жизни. Обычное отношеніе духовенства и властей къ исповѣданію истиннаго христіанства. Общій характеръ русскихъ свѣтскихъ критикъ. Иностранныя свѣтскія критики. Невѣрность сужденій тѣхъ и другихъ критикъ происходитъ отъ непониманія истиннаго значенія ученія Христа.

III. Непониманіе христіанства людьми вѣрующими . . . 18

Смыслъ христіанскаго ученія ясный для меньшинства сдѣлался совершенно непонятнымъ для большинства людей. Причина этого — ложное пониманіе христіанства и ложная увѣренность какъ людей вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ, что они его понимаютъ. Пониманіе христіанства для людей вѣрующихъ скрывается церковью. Появленіе христіанскаго ученія. Сущность его и отличіе отъ языческихъ ученій. Христіанство, не вполнѣ понятое сначала, все больше и больше уяснялось для людей, принявшихъ его, благодаря соотвѣтствію его съ истиной. Одновременно съ этимъ возникло утвержденіе пониманія истиннаго смысла ученія, подтверждаемое чудесностью его передачи. Соборъ учениковъ по Дѣяніямъ. Авторитетное и чудесное утвержденіе истинности пониманія ученія Христа логически дошло до признанія символа вѣры и церкви. Церковь не могла быть основана Христомъ. Опредѣленіе церкви по катехизисамъ. Церквей всегда нѣсколько и всегда враждебныхъ одна другой. Что такое ересь. Сочиненіе Г. Арнольда о ересяхъ. Ереси есть проявленія

движенія въ церквахъ. Церкви разъединяютъ людей и всегда враждебны христіанству. Въ чемъ состоитъ дѣятельность русской церкви. Мѳ. XXIII, 23. Нагорная проповѣдь или символъ вѣры. Православная церковь скрываетъ отъ народа истинное пониманіе христіанства. То же дѣлаютъ и другія церкви. Всѣ современныя внѣшнія условія таковы, что разрушаютъ ученіе церкви, и потому церкви употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы поддержать свое ученіе.

IV. Непониманіе христіанства людьми научными 31

Отношеніе людей науки къ религіямъ вообще. Что такое религія, и ихъ значеніе для жизни человѣчества. Три пониманія жизни. Христіанское ученіе есть выраженіе божескаго жизнепониманія. Непониманіе христіанства людьми науки, изучающими его внѣшнія проявленія, происходитъ оттого, что они разсматриваютъ его съ точки зрѣнія общественнаго жизнепониманія. Вытекающее изъ этого непониманія мнѣніе, что ученіе Христа преувеличено и неисполнимо. Выраженіе божескаго жизнепониманія въ Евангеліи. Ложное сужденіе людей науки о христіанствѣ происходитъ отъ ихъ увѣренности въ обладаніи непогрѣшимымъ орудіемъ познанія. Отсюда вытекаютъ два недоразумѣнія относительно христіанскаго ученія. 1-е недоразумѣніе, о неисполнимости ученія происходитъ оттого, что христіанское ученіе даетъ иное руководство жизнью, чѣмъ даетъ общественное ученіе. Христіанство даетъ не правило, но идеалъ. Христосъ къ силѣ животной прикладываетъ сознаніе силы божеской. Христіанство кажется исключающимъ возможность жизни только тогда, когда указаніе идеала принимается за правило. Идеалъ нельзя принижать. Жизнь по ученію Христа есть движеніе. Идеалъ и заповѣди. 2-е недоразумѣніе о замѣнѣ любви къ Богу и служенія Ему любовью и служеніемъ человѣчеству. Люди науки предполагаютъ, что ихъ ученіе о служеніи человѣчеству и христіанство — одно и то же. Ученіе о любви къ человѣчеству имѣетъ въ основѣ общественное жизнепониманіе. Любовь къ человѣчеству, логически вытекая изъ любви къ личности, не имѣетъ смысла, потому, что человѣчество — фикція; христіанская любовь, вытекая изъ любви къ Богу, имѣетъ своимъ предметомъ не только человѣчество, но весь міръ. Христіанство учитъ жить согласно своей божественной природѣ. Оно указываетъ, что сущность души человѣка есть любовь и что благо его получается отъ любви его къ Богу, котораго онъ сознаетъ въ себѣ любовью.

V. Противорѣчія нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ 40

Люди считаютъ, что можно принять христіанство, не измѣняя своей жизни. Языческое жизнепониманіе не соотвѣтствуетъ уже тому возрасту, въ которомъ находится человѣчество и которому можетъ удовлетворить только христіанское жизнепониманіе. Христіанское жизнепониманіе не понято еще людьми, но сама жизнь приводитъ къ необходимости принятія его. Требованія новаго жизнепониманія всегда кажутся непонятными, мистическими и сверхъестественными. Таковы для большинства людей и требованія христіанскаго жизнепониманія. Усвоеніе христіанскаго жизнепониманія неизбѣжно совершится вслѣдствіе и матеріальныхъ и духовныхъ причинъ. Вслѣдствіе того, что люди, зная требованія высшаго жизнепониманія, продолжаютъ держаться низшихъ формъ жизни, возникаютъ противорѣчія и страданія, отравляющія жизнь и требующія ея измѣненія. Противорѣчія нашей жизни. Противорѣчіе экономическое и страданія, изъ него вытекающія и для рабочихъ, и для богатыхъ людей. Противорѣчіе государственное и страданія, вытекающія изъ повиновенія государственнымъ законамъ. Противорѣчіе международное и сознаніе его современниками: Комаровскій, Ферри, Бугъ, *Passy*, *Lawson*, *Wilson*, *Bartlett*, *Defourny*, Монета. Рѣзкость противорѣчія военнаго.

VI. Отношеніе людей нашего міра къ войнѣ 49

Люди не стараются уничтожить противорѣчіе между жизнью и сознаніемъ измѣненіемъ жизни, а образованные передовые изъ нихъ употребляютъ всѣ силы для того, чтобы скрыть требованія сознанія и оправдать свою жизнь, и этимъ влекутъ общество къ состоянію даже не языческому, а къ состоянію первобытной дикости. Неопредѣленность отношенія передовыхъ людей нашего времени къ войнѣ, къ всеобщему вооруженію и къ воинской повинности. Отношеніе однихъ — какъ къ

случайному политическому явленію поправимому одними внѣшними мѣрами. Конгрессъ мира. Статья въ *Revue des Revues*. Предложеніе *M. de Camp*. Значеніе третейскихъ судовъ и разоруженія. Отношеніе правительствъ къ людямъ этого разряда и дѣламъ, которыми они занимаются. Отношеніе другихъ, — какъ къ жестокому, но неизбѣжному явленію. Мопасанъ. Эд. Родъ. Отношеніе третьихъ, — какъ къ необходимому, даже полезному дѣлу. Дусэ. Кларети. Золя. Вогюэ.

VII. Значеніе общей воинской повинности. 61

Общая воинская повинность не есть политическая случайность, а есть послѣдній предѣлъ противорѣчія, заключавшагося въ общественномъ жизнепониманіи. Возникновеніе власти въ обществѣ. Основа власти есть тѣлесное насиліе. Для возможности совершенія насилія властью ей необходима организація вооруженныхъ людей — войско. Возникновеніе въ обществѣ власти, т. е. насилія есть начало, разлагающее общественное жизнепониманіе. Отношеніе власти и массъ, отношеніе правительствъ и рабочихъ, т. е. покоренныхъ людей. Правительства стараются держать рабочихъ въ убѣжденіи о необходимости государственнаго насилія для безопасности отъ внѣшнихъ враговъ. Но войско нужно, главнымъ образомъ, для обороны себя отъ своихъ подданныхъ, подавленныхъ рабочихъ. Рѣчь Каприви. Всѣ преимущества правящихъ классовъ обезпечиваются насиліемъ. Возрастаніе войскъ до всеобщей воинской повинности. Общая воинская повинность разрушаетъ всѣ тѣ выгоды общественной жизни, которыя призвано хранить государство. Общая воинская повинность есть послѣдній предѣлъ повиновенія, такъ какъ она во имя государства требуетъ отреченія отъ всего, что можетъ быть дорого человѣку. Нужно ли государство? Жертвы, требуемыя имъ отъ гражданъ черезъ общую воинскую повинность, не имѣютъ уже никакихъ основаній. И человѣку выгоднѣе не подчиняться требованіямъ государства, чѣмъ подчиняться имъ.

VIII. Неизбѣжность принятія христіанскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ людьми нашего міра 68

Христіанство не есть законодательство, а новое пониманіе жизни и потому оно не было обязательно и не было принято всѣми людьми во всемъ его значеніи, а лишь немногими, остальные же приняли его въ извращенномъ видѣ. Христіанство кромѣ того есть пророчество о погибельности языческой жизни и потому необходимости принятія христіанскаго ученія. Непротивленіе злу насиліемъ есть одна изъ сторонъ христіанскаго ученія, которая въ наше время неизбѣжно должна быть принята людьми. Два способа разрѣшенія всякой борьбы. Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы найти общія опредѣленія зла, обязательныя для всѣхъ, и бороться съ этимъ зломъ насиліемъ. Второй способъ, — христіанскій — состоитъ въ томъ, чтобы вовсе не бороться со зломъ насиліемъ. Хотя безуспѣшность перваго способа уже сознавалась въ первыя вѣка христіанства, но онъ продолжалъ прилагаться, и только по мѣрѣ движенія человѣчества становилось все очевиднѣе, что общаго опредѣленія зла нѣтъ и не можетъ быть. Теперь же это очевидно для всѣхъ и если существуетъ насиліе, предназначенное для борьбы со зломъ, то не потому, что оно продолжаетъ считаться нужнымъ, а потому, что люди не умѣютъ отъ него избавиться. Трудность избавленія зависитъ отъ хитрости и сложности государственнаго насилія. Насиліе это поддерживается 4-мя средствами: устрашеніемъ, подкупомъ, гипнотизаціей и примѣненіемъ военной силы. Избавленіе отъ государственнаго насилія не можетъ произойти вслѣдствіе сверженія государственной власти. Люди бѣдственностью языческой жизни приведены къ необходимости признанія обойденнаго ими ученія Христа съ его непротивленіемъ злу. Къ той же необходимости принятія христіанскаго ученія приводитъ и сознаніе его истинности, распространенное въ нашемъ мірѣ. Сознаніе это находится въ полномъ противорѣчіи съ нашей жизнью, что особенно очевидно на общей воинской повинности, но люди, вслѣдствіе привычки и воздѣйствія 4-хъ средствъ государственнаго насилія, не видятъ этого противорѣчія христіанства съ обязанностями солдата. Люди не видятъ этого даже и тогда, когда имъ съ полной очевидностью сами власти представляютъ всю безнравственность обязанностей солдата. Призывъ къ воинской повинности — есть крайнее испытаніе для каждаго человѣка, предложеніе выбора между принятіемъ христіанскаго ученія непротивленія или рабской покорности существующему государственному устрой-

ству. Люди обыкновенно, отрекаясь отъ всего святаго, покоряются требованіямъ государственнаго устройства и какъ будто не видятъ иного выхода. Для людей языческаго жизнепониманія и нѣтъ иного выхода и не будетъ, не смотря на всѣ еще болѣе ужасныя бѣдствія войны. Общество изъ такихъ людей должно погибнуть и никакія общественныя переустройства не спасутъ его. Языческая жизнь дошла до послѣднихъ предѣловъ,— она уничтожаетъ самую себя.

IX. Принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей языческой жизни . . 77

Внѣшняя жизнь христіанскихъ народовъ остается языческою, но они уже проникнуты христіанскимъ сознаніемъ. Выходъ изъ этого противорѣчія въ принятіи христіанскаго жизнепониманія. Въ немъ только каждый человѣкъ свободенъ и оно только освобождаетъ его отъ всякой человѣческой власти. Освобожденіе это совершается не измѣненіемъ внѣшнихъ условій, а только измѣненіемъ пониманія своей жизни. Христіанское жизнепониманіе требуетъ отреченія отъ насилія и, освобождая человѣка, принявшаго его, освобождаетъ и міръ отъ всякой внѣшней власти. Выходъ изъ теперешняго, кажущаго безвыходнымъ, положенія въ томъ, чтобы каждый человѣкъ, способный усвоить христіанское жизнепониманіе, принялъ его и жилъ сообразно съ нимъ. Но люди считаютъ этотъ путь слишкомъ медленнымъ и видятъ спасеніе во внѣшнихъ измѣненіяхъ жизни при участіи государственной власти. Это ни къ чему не приведетъ, потому что люди сами производятъ то зло, отъ котораго страдаютъ. Это особенно очевидно на покорномъ исполненіи воинской повинности, отъ которой выгоднѣе всякому отказаться, чѣмъ покориться. Освобожденіе людей произойдетъ только черезъ освобожденіе себя каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, и проявляющіеся уже случаи такого освобожденія угрожаютъ разрушеніемъ государственнаго устройства. Отреченіе людей отъ нехристіанскихъ требованій правительствъ подрываетъ власть правительствъ и освобождаетъ людей. И потому случаи такого отреченія страшнѣе для государственной власти, чѣмъ всякіе заговоры и насилія. Отказы въ Россіи отъ присяги, уплаты податей, отъ паспортовъ, отъ полицейскихъ должностей, отъ участія въ судѣ, отъ воинской повинности. Подробности одного изъ отказовъ отъ воинской повинности. Случаи такихъ отказовъ въ другихъ государствахъ. Правительства не знаютъ, что дѣлать съ людьми, отказывающимися на основаніи христіанскаго ученія отъ ихъ требованій, обличающими ихъ и обходящимися безъ нихъ. Люди эти, не борясь, изнутри разрушаютъ основы правительствъ. Наказывать такихъ людей значитъ самимъ отречься отъ христіанства и способствовать распространенію того самаго сознанія, во имя котораго совершаются эти отказы. Поэтому положеніе правительствъ отчаянное, и люди, проповѣдующіе безполезность личнаго освобожденія, только задерживаютъ разрушеніе существующаго насильническаго государственнаго устройства.

X. Безполезность государственнаго насилія для уничтоженія зла. Нравственное движеніе человѣчества совершается не только черезъ познаніе истины, но и черезъ установленіе общественнаго мнѣнія 87

Христіанство разрушаетъ государство. Но что нужнѣе: принятіе христіанства или существованіе государства? Есть люди, защищающіе необходимость, и есть люди, отрицающіе на однородныхъ съ первыми основаніяхъ необходимость государственнаго устройства. Отвлеченными разсужденіями нельзя доказать ни того, ни другого. Вопросъ этотъ рѣшаетъ степень сознанія человѣка, запрещающая или дозволяющая ему участвовать въ государственномъ устройствѣ. Сознаніе безполезности и безнравственности участія въ государственномъ устройствѣ, противорѣчащемъ христіанскимъ требованіямъ, рѣшаетъ для каждаго этотъ вопросъ, не смотря на участь государства. Доводъ защитниковъ государства, какъ формы общественной жизни, необходимой для защиты добрыхъ отъ злыхъ до тѣхъ поръ, пока не всѣ народы и не всѣ члены государства стали христіанами. Властвуютъ, т. е. обладаютъ насиліемъ всегда наиболѣе злые. Вся исторія есть исторія захватыванія власти болѣе злыми надъ болѣе добрыми. Признаніе властями необходимости борьбы насиліемъ со зломъ равносильно уничтоженію самихъ себя. Уничтоженіе государственнаго насилія не можетъ увеличить количества насилія. Уничтоженіе насилія не только возможно, но оно совершается на нашихъ глазахъ. Но уничтожается оно не госу-

дарственнымъ насиліемъ, а тѣмъ, что люди, насиліемъ достигая власти и познавая тщету ея и плодовъ ея, становятся болѣе добрыми и неспособными употреблять насиліе. Черезъ этотъ процессъ проходятъ отдѣльные люди и цѣлые народы. Этимъ путемъ христіанство проникаетъ въ сознаніе людей и не только не смотря на употребляемое властью насиліе, но посредствомъ него, и потому упраздненіе власти не только не опасно, но совершается постоянно самою жизнью. Возраженіе защитниковъ государственнаго устройства, что распространеніе христіанства едва ли когда нибудь случится. Распространеніе христіанскихъ истинъ, отрицающихъ насиліе, совершается не только однимъ внутреннимъ постепеннымъ путемъ познанія истины пророческимъ чувствомъ и сознанія тщеты власти и отреченія отдѣльныхъ людей отъ нея, но и другимъ внѣшнимъ путемъ, при которомъ сразу большія массы людей низшихъ по развитію по одному довѣрію къ первымъ принимаютъ новую истину. Извѣстная степень распространенія истины создаетъ общественное мнѣніе, которое заставляетъ сразу признать новую истину большую массу людей, которая раньше противилась этой истинѣ. И потому отреченіе отъ насилія всѣхъ людей можетъ совершиться очень скоро, именно тогда, когда установится христіанское общественное мнѣніе. Признаніе необходимости насилія мѣшаетъ установленію христіанскаго общественнаго мнѣнія и извращаетъ его. Насиліе заставляетъ людей не вѣрить той духовной силѣ, которая одна движетъ людьми. Ни народы, ни отдѣльные люди не покорялись насиліемъ, а покорялись только общественнымъ мнѣніемъ, которому не можетъ противодѣйствовать никакое насиліе. Покорить дикіе народы и дикихъ людей можно только распространеніемъ между ними христіанскаго общественнаго мнѣнія, христіанскіе же народы для этого покоренія дѣлаютъ все, что только можетъ разрушать устанавливающееся христіанское общественное мнѣніе. Нельзя эти неудачные опыты приводить въ доказательство невозможности покоренія людей христіанствомъ. Насиліе, извращая общественное мнѣніе, только мѣшаетъ общественному устройству быть тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, и при устраненіи насилія христіанское общественное мнѣніе получитъ распространеніе. Что бы ни было при устраненіи насилія, это неизвѣстное будущее не можетъ быть хуже теперешняго положенія и потому бояться его нечего. Познаніе неизвѣстнаго и движеніе въ него есть сущность жизни.

XI. Христіанское общественное мнѣніе уже зародилось въ нашемъ обществѣ и неизбѣжно разрушитъ насильническое устройство нашей жизни. Когда это будетъ . . . 98

Положеніе и устройство нашего общества ужасно, но оно все держится общественнымъ мнѣніемъ и имъ же можетъ быть разрушено. Въ людяхъ уже измѣняется взглядъ на насиліе и кругъ людей, готовыхъ служить правительству, становится все меньше и сами слуги государства стыдятся своего положенія и потому часто не исполняютъ своихъ обязанностей. Всѣ эти явленія суть признаки появившагося общественнаго мнѣнія, которое, все распространяясь, сдѣлаетъ то, что некому будетъ поступать на правительственныя должности. Кромѣ того, все яснѣе и яснѣе становится, что самыя эти должности и люди, занимающіе ихъ, ни на что не нужны. Люди уже начинаютъ понимать ненужность всѣхъ учрежденій насилія, а если это поняли нѣкоторые люди, то поймутъ и всѣ. Время освобожденія людей не извѣстно, но оно зависитъ отъ самихъ людей, отъ того, на сколько каждый человѣкъ будетъ жить тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

XII. Покайтесь, потому что Царство Божіе близко, при двераxъ 106

1.

Встрѣча съ поѣздомъ, везшимъ солдатъ для усмиренія голодающихъ крестьянъ. Поводъ, по которому они ѣхали. Какъ исполняются рѣшенія высшей власти въ случаяхъ непокорности крестьянъ. Орловское дѣло, какъ образчикъ дѣлъ истязаній и убійствъ, производимыхъ для утвержденія правъ богатыхъ. Всѣ преимущества богатыхъ основываются на такихъ же насиліяхъ.

2.

Составъ тульскаго поѣзда и поведеніе лицъ, находящихся въ немъ. Какъ могутъ эти люди дѣлать такія дѣла. Причина этого ни въ незнаніи, ни въ убѣжденіяхъ, ни въ жестокости, ни въ малодушіи, ни въ невѣдѣніи безнравственности такихъ дѣлъ. Они дѣлаютъ эти дѣла потому, что дѣла эти необходимы для поддержанія существующаго порядка, поддерживать же существующій порядокъ есть, по ихъ мнѣнію, обязанность каждаго. На чемъ основана увѣренность въ необходимости и неизмѣнности существующаго порядка. Для высшихъ классовъ увѣренность эта основывается на выгодности для нихъ существующаго порядка. Но что заставляетъ вѣрить въ неизмѣнность существующаго порядка людей низшихъ классовъ, не имѣющихъ отъ него никакой выгоды и своими руками дѣлающихъ для поддержанія этого порядка противныя совѣсти дѣла? Происходитъ это оттого, что низшіе классы обманываются высшими, какъ въ необходимости существующаго порядка, такъ и въ законности необходимыхъ для поддержанія его насилій. Обманъ общій. Обманъ частный — военный. Рекрутскій наборъ.

3.

Какъ допускаютъ люди признаніе законности убійства рядомъ съ проповѣдью нравственности, и существованіе въ своей средѣ военной организаціи и насилія, постоянно угрожающей безопасности общества? Допускаютъ это только высшіе, для которыхъ такая организація выгодна, такъ какъ поддерживаетъ ихъ исключительное положеніе. Допускаютъ это высшіе и исполняютъ это низшіе, не смотря на сознаніе безнравственности дѣлъ насилія, еще и потому, что, благодаря государственному устройству, нравственная отвѣтственность за такія дѣла разлагается на большое число участниковъ и каждый считаетъ отвѣтственнымъ другого, а не себя. Кромѣ того, потеря сознанія нравственной отвѣтственности происходитъ и вслѣдствіе обмана неравенства людей и происходящаго изъ этого опьяненія — для высшихъ — власти, а для низшихъ — подобострастія. Состояніе этихъ людей, совершающихъ противныя совѣсти дѣла, подобно состоянію загипнотизированныхъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ внушенія людей. Чѣмъ отличается подчиненіе государственному внушенію отъ подчиненія выше стоящимъ по сознанію людямъ и общественному мнѣнію. Существующій порядокъ, вытекающій изъ отжитаго общественнаго мнѣнія и противорѣчащій уже существующему новому общественному мнѣнію, поддерживается только благодаря усыпленію совѣсти, производимому самовнушеніемъ высшихъ классовъ и гипнотизиціей низшихъ высшими. Совѣсть или разумное сознаніе этихъ людей можетъ проснуться и бываютъ случаи, когда она просыпается, и потому нельзя сказать, сдѣлаютъ ли эти люди то, за чѣмъ выѣхали. Все зависитъ отъ степени сознанія незаконности дѣлъ насилія и сознаніе это можетъ проснуться непосредственно въ самихъ людяхъ или посредственно воздѣйствіемъ проснувшихся людей.

4.

Все зависитъ отъ силы сознанія каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ христіанской истины. Но передовые люди нашего времени не считаютъ нужнымъ уясненіе христіанской истины и исповѣданіе ея, а для улучшенія жизни человѣческой считаютъ достаточнымъ измѣненіе внѣшнихъ условій жизни въ предѣлахъ, дозволенныхъ властями. На этой научной теоріи лицемѣрія, замѣнившей лицемѣріе религіозное, основываются оправданія своего положенія людьми богатыхъ классовъ. Благодаря этому лицемѣрію они, пользуясь насиліемъ, ложью для своихъ исключительно выгодныхъ положеній, могутъ притворяться, другъ передъ другомъ [illegible] и успокаиваться. Это же лицемѣріе позволяетъ людямъ, проповѣдующимъ христіанство, участвовать въ учрежденіяхъ насилія. Никакія внѣшнія улучшенія жизни не сдѣлаютъ ее менѣе бѣдственною. Бѣдствія происходятъ отъ разъединенія, разъединеніе происходитъ отъ слѣдованія не истинѣ, а лжамъ. Единеніе возможно только въ истинѣ. Лицемѣріе препятствуетъ этому единенію, такъ какъ, лицемѣря, люди скрываютъ отъ себя и другихъ ту истину, которую знаютъ. Лицемѣріе обращаетъ всѣ улучшенія жизни во зло. Лицемѣріе извращаетъ понятіе о добрѣ и злѣ и потому стоитъ на пути совершенствованія людей. Открытые злодѣи и преступники дѣлаютъ меньше зла людямъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ узаконеннымъ насиліемъ, прикрываясь лицемѣріемъ. Всѣ сознаютъ беззаконность нашей жизни и давно бы измѣнили ее, если бы она не была прикрыта лицемѣріемъ. Но мы, кажется, дошли до предѣловъ лицемѣрія и намъ нужно сдѣлать только усиліе сознанія, чтобы, какъ человѣку подъ кошмаромъ, проснуться къ иной дѣйствительности.

5.

Можетъ ли человѣкъ сдѣлать это усиліе? По существующей теоріи лицемѣрія человѣкъ не свободенъ измѣнить свою жизнь. Человѣкъ не свободенъ въ своихъ поступ-

кахъ, но онъ свободенъ въ признаніи или непризнаніи извѣстной уже ему истины. Признаніе истины есть причина поступковъ. Троякое отношеніе человѣка къ истинамъ. Причина кажущейся неразрѣшимости вопроса о свободѣ человѣка. Свобода человѣка только въ признаніи открывающейся ему истины, иной свободы нѣтъ. Признаніе истины даетъ свободу и указываетъ путь, по которому добровольно или невольно долженъ идти человѣкъ. Признаніе истины и дѣйствительной свободы даетъ человѣку возможность быть участникомъ Божьяго дѣла и не рабомъ, а творцомъ жизни. Стоитъ только людямъ сдѣлать усиліе отреченія отъ заботы объ улучшеніи внѣшнихъ условій жизни и всѣ силы употребить на признаніе и исповѣданіе извѣстной имъ истины, и тотчасъ же разрушился бы мучительный существующій строй жизни и наступила бы доступная уже людямъ ступень Царства Божія. Для этого только нужно перестать лгать и притворяться. Но что тогда насъ ждетъ впереди?

Мучительность вопросовъ о томъ, что будетъ съ человѣчествомъ, если люди станутъ исполнять велѣнія своей совѣсти, и какъ жить безъ привычныхъ намъ условій нашей культурной жизни, — устраняется тѣмъ соображеніемъ, что отъ осуществленія истины ничто истинное и благое не можетъ исчезнуть, а можетъ только освободиться отъ примѣси лжи и усилиться.

6.

Жизнь наша дошла до предѣловъ бѣдственности и не можетъ быть обезпечена никакими устройствами. Вся наша жизнь и всѣ ея языческія устройства не имѣютъ смысла. То ли мы дѣлаемъ, признавая за собой положенія и обязанности къ государству, чего хочетъ отъ насъ Богъ? Мы находимся въ такомъ положеніи не потому, что міръ такъ устроенъ, что это неизбѣжно, а потому, что мы этого хотимъ, что это выгодно нѣкоторымъ изъ насъ. Все сознаніе наше противорѣчитъ этому положенію и дѣятельности, и выходъ изъ этого тотъ, чтобы признать христіанскую истину: не дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Какъ обязанности къ себѣ должны подчиняться обязанностямъ къ людямъ, такъ обязанности къ людямъ должны подчиняться обязанностямъ къ Богу. Выходъ изъ нашего положенія въ томъ, чтобы если не сразу отречься отъ своего положенія и правъ, то признать свою вину и не оправдывать себя и не лицемѣрить. Единственный смыслъ жизни въ томъ, чтобы познавать истину и исповѣдовать ее, признаніе же своего государственнаго положенія и дѣятельности лишаетъ нашу жизнь всякаго смысла. Богъ хочетъ отъ насъ, чтобы мы, живя, служили Царствію Божьему, т. е. устанавливали наибольшее единеніе всего живущаго, возможное только въ истинѣ.

ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ

ИЛИ

ХРИСТІАНСТВО, НЕ КАКЪ МИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ, А КАКЪ НОВОЕ ЖИЗНЕПОНИМАНІЕ.

Въ 1884 году я написалъ книгу подъ заглавіемъ: „Въ чемъ моя вѣра?“ Въ книгѣ этой я дѣйствительно изложилъ то, во что я вѣрю.

Излагая свою вѣру въ ученіе Христа, я не могъ не высказать и того, почему я не вѣрю и считаю заблужденіемъ ту церковную вѣру, которая обыкновенно называется христіанствомъ.

Въ числѣ многихъ отступленій этого ученія отъ ученія Христа я указывалъ на главное отступленіе, именно—на непризнаніе заповѣди непротивленія злу насиліемъ, очевиднѣе другихъ отступленій указывающее на извращеніе церковнымъ ученіемъ ученія Христа.

Я очень мало зналъ, какъ и всѣ мы, о томъ, что дѣлалось и было проповѣдуемо и писано въ прежнее время по вопросу о непротивленіи злу. Я зналъ то, что было высказано объ этомъ предметѣ у отцевъ церкви—Оригена, Тертулліана, и другихъ, —зналъ и о томъ, что существовали и существуютъ нѣкоторыя, такъ называемыя, секты Менонитовъ, Гернгутеровъ, Квакеровъ, которыя не допускаютъ для христіанина употребленія оружія, и не идутъ въ военную службу; но что было сдѣлано этими, такъ называемыми, сектами для разъясненія этого вопроса, было мнѣ мало извѣстно.

Книга моя, какъ я и ожидалъ, была задержана русской цензурой, но отчасти вслѣдствіе моей репутаціи какъ писателя, отчасти потому, что она заинтересовала людей, книга эта распространилась въ рукописяхъ и литографіяхъ въ Россіи и въ переводахъ заграницей, и вызвала съ одной стороны отъ людей, раздѣляющихъ мои мысли, рядъ свѣдѣній о сочиненіяхъ, писанныхъ объ этомъ же предметѣ, съ другой стороны рядъ критикъ на мысли, высказанныя въ самой книгѣ.

Какъ то, такъ и другое, вмѣстѣ съ историческими явленіями послѣдняго времени, выяснило для меня очень многое и привело меня къ новымъ выводамъ и заключеніямъ, которые я и хочу высказать.

Прежде скажу о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя я получилъ объ исторіи вопроса о непротивленіи злу; потомъ о тѣхъ сужденіяхъ объ этомъ вопросѣ, которыя были высказаны какъ духовными, т. е. исповѣдующими христіанскую религію критиками, такъ и свѣтскими, т. е. не исповѣдующими христіанскую религію; и наконецъ тѣ выводы, къ которымъ я былъ приведенъ и тѣми и другими, и историчискими событіями послѣдняго времени.

I.

Однимъ изъ первыхъ откликовъ на мою книгу были письма отъ американскихъ квакеровъ. Въ письмахъ этихъ, выражая свое сочувствіе моимъ взглядамъ о незаконности для христіанина всякаго насилія и войны, квакеры сообщили мнѣ подробности о своей, такъ называемой, сектѣ, болѣе 200 лѣтъ исповѣдующей на дѣлѣ ученіе Христа о непротивленіи злу насиліемъ и не употреблявшей, и теперь не употребляющей для защиты себя оружія. Вмѣстѣ съ письмами квакеры присылали мнѣ свои брошюры, журналы и книги. Изъ этихъ присланныхъ мнѣ ими журналовъ, брошюръ и книгъ я узналъ, до какой степени уже много лѣтъ тому назадъ ими неопровержимо была доказана для христіанина обязанность выполненія заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ и была обличена неправильность церковнаго ученія, допускающаго казни и войны.

Цѣлымъ рядомъ разсужденій и текстовъ доказавъ то, что съ религіей, основанной на миролюбіи и благоволеніи къ людямъ, несовмѣстима война, т. е. калѣченіе и убійство людей, квакеры утверждаютъ и доказываютъ, что ничто столько не содѣйствовало затемнѣнію Христовой истины въ глазахъ язычниковъ и не мѣшало распространенію христіанства въ мірѣ, какъ непризнаніе этой заповѣди людьми, именовавшими себя христіанами, — какъ разрѣшеніе для христіанъ войны и насилія.

„Христово ученіе, вошедшее въ сознаніе людей не посредствомъ меча и насилія, говорятъ они, а посредствомъ непротивленія злу, посредствомъ кротости, смиренія и миролюбія—только примѣромъ мира, согласія и любви между своими послѣдователями и можетъ распространиться въ мірѣ.

„Христіанинъ, по ученію самого Бога, можетъ быть руководимъ въ отношеніяхъ къ людямъ только миролюбіемъ и потому не можетъ быть такого авторитета, который заставилъ бы христіанина дѣйствовать противно ученію Бога и главнаго свойства

христіанина по отношенію своихъ близкихъ.

„Правило государственной необходимости, говорятъ они, можетъ заставить измѣнить закону Бога тѣхъ, которые ради житейскихъ выгодъ стараются согласить несогласимое, но для христіанина, который истинно вѣритъ тому, что слѣдованіе ученію Христа даетъ ему спасеніе, правило это не можетъ имѣть никакого значенія."

Знакомство съ дѣятельностью квакеровъ и ихъ сочиненіями: съ Фоксомъ, Пэномъ и въ особенности съ книгой Даймонда (*Dymond*) 1827 г. — показало мнѣ, что не только давнымъ давно сознана невозможность соединенія христіанства съ насиліемъ и войною, но что эта несовмѣстимость давнымъ давно такъ ясно и несомнѣнно доказана, что надо только удивляться, какимъ образомъ можетъ продолжаться это невозможное соединеніе христіанскаго ученія съ насиліемъ, которое проповѣдывалось и продолжаетъ проповѣдываться церквами.

Кромѣ свѣдѣній, полученныхъ мною отъ квакеровъ около этого же времени, я получилъ тоже изъ Америки свѣдѣнія о томъ же предметѣ изъ совершенно другаго, и прежде мнѣ вовсе неизвѣстнаго источника.

Сынъ Вильяма Лойда Гаррисона, знаменитаго борца за свободу негровъ, писалъ мнѣ, что, прочтя мою книгу, въ которой онъ нашелъ мысли, сходныя съ тѣми, которыя были выражены его отцомъ въ 1838 году, онъ, полагая, что мнѣ будетъ интересно узнать это, присылаетъ мнѣ составленную его отцомъ почти 50 лѣтъ тому назадъ декларацію или провозглашеніе непротивленія — „*Non-resistance*".

Провозглашеніе это возникло при слѣдующихъ условіяхъ: Вильямъ Лойдъ Гаррисонъ, разсуждая въ существовавшемъ въ 1838 году въ Америкѣ обществѣ для установленія мира между людьми, о мѣрахъ прекращенія войны, пришелъ къ заключенію, что установленіе всеобщаго мира можетъ быть основано только на явномъ признаніи заповѣди непротивленія злу насиліемъ [Мо. V. 39] во всемъ ея значеніи, такъ, какъ понимаютъ ее квакеры, съ которыми Гаррисонъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Придя къ такому заключенію, Гаррисонъ и составилъ тогда и предложилъ обществу слѣдующее провозглашеніе, которое было подписано тогда, въ 1838 году, многими членами.

Провозглашеніе основъ, принятыхъ членами общества, основаннаго для установленія между людьми всеобщаго мира.

Бостонъ, 1838 г.

Мы, ниже подписавшіеся, считаемъ своимъ долгомъ по отношенію къ себѣ, къ дѣлу, близкому нашему сердцу, къ странѣ, въ которой мы живемъ, и ко всему остальному міру, объявить это наше исповѣданіе, выразивъ въ немъ тѣ основы, которыхъ мы держимся, цѣли, къ которымъ мы стремимся и средства, которыя мы намѣрены употреблять для достиженія всеобщаго благодѣтельнаго и мирнаго переворота. Вотъ это наше исповѣданіе.

Мы не признаемъ никакого человѣческаго правительства. Мы признаемъ только одного Царя и Законодателя, только одного Судью и Правителя надъ человѣчествомъ. Отечествомъ нашимъ мы признаемъ весь міръ, соотечественниками своими признаемъ все человѣчество. Мы любимъ свою родину столько же, сколько мы любимъ и другія страны. Интересы, права нашихъ согражданъ намъ не дороже интересовъ и правъ всего человѣчества. Поэтому мы не допускаемъ того, чтобы чувство патріотизма могло оправдывать мщеніе за обиду или за вредъ, нанесенный нашему народу...

Мы признаемъ, что народъ не имѣетъ права ни защищать себя отъ внѣшнихъ враговъ, ни нападать на нихъ. Мы признаемъ также, что отдѣльныя лица въ своихъ личныхъ отношеніяхъ не могутъ имѣть этого права. Единица не можетъ имѣть большаго значенія, чѣмъ совокупность ихъ. Если правительство не должно оказывать сопротивленія чужестраннымъ завоевателямъ, имѣющимъ цѣлью опустошать наше отечество и избивать нашихъ согражданъ, то точно также не должно быть оказываемо сопротивленіе силою отдѣльнымъ лицамъ, нарушающимъ общественное спокойствіе и грозящимъ частной безопасности. Проповѣдуемое церквами положеніе о томъ, что всѣ государства на землѣ установлены и одобряемы Богомъ и что всѣ власти, существующія въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Россіи, въ Турціи, соотвѣтствуютъ волѣ Бога, столь же нелѣпо, какъ и кощунственно. Это положеніе представляетъ Творца нашего существомъ пристрастнымъ и устанавливающимъ и поощряющимъ зло. Никто не рѣшится утверждать того, чтобы власти, существующія въ какой бы то ни было странѣ, дѣйствовали по отношенію къ своимъ врагамъ въ духѣ ученія и по примѣру Христа. А потому дѣятельность этихъ властей не можетъ быть пріятна Богу, и потому и власти эти не могли быть установлены Богомъ и должны быть низвергнуты не силою, но духовнымъ возрожденіемъ людей.

Мы признаемъ нехристіанскими и незаконными не только самыя войны — какъ наступательныя, такъ и оборонительныя — но и всѣ приготовленія къ войнамъ: устройство всякихъ арсеналовъ, укрѣпленій, военныхъ кораблей; — признаемъ нехристіанскимъ и незаконнымъ существованіе всякихъ постоянныхъ армій, всякаго военнаго начальства, всякихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь побѣдъ или павшихъ враговъ, всякихъ трофеевъ, добытыхъ на полѣ сраженія, всякихъ празд-

нованій военныхъ подвиговъ, всякихъ присвоеній, совершенныхъ военной силой; признаемъ нехристіанскимъ и незаконнымъ всякое правительственное постановленіе, требующее военной службы отъ своихъ подданныхъ.

Вслѣдствіе всего этого, мы считаемъ для себя невозможнымъ не только службу въ войскахъ, но и заниманіе должностей, обязующихъ насъ принуждать людей поступать хорошо подъ страхомъ тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаемъ себя изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій и отказываемся отъ всякой политики, отъ всѣхъ земныхъ почестей и должностей.

Несчитая себя въ правѣ занимать мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ, мы точно также не считаемъ себя въ правѣ и избирать на эти мѣста другихъ лицъ. Мы также считаемъ себя не въ правѣ судиться съ людьми, чтобы заставить ихъ возвратить взятое у насъ. Мы считаемъ, что мы обязаны отдать и кафтанъ тому, кто взялъ нашу рубашку, но никакъ не подвергать его насилію. Мѳ. V. 40.

Мы вѣримъ въ то, что уголовный законъ Ветхаго Завѣта: око за око, зубъ за зубъ, отмѣненъ Іисусомъ Христомъ и что по Новому Завѣту всѣмъ его послѣдователямъ проповѣдуется прощеніе врагамъ вмѣсто мщенія, во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Вымогать же насиліемъ деньги, запирать въ тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощеніе обидъ, а мщеніе.

Исторія человѣчества наполнена доказательствами того, что физическое насиліе не содѣйствуетъ нравственному возрожденію, и что грѣховныя наклонности человѣка могутъ быть подавлены лишь любовью, что зло можетъ быть уничтожено только добромъ, что не должно надѣяться на силу руки, чтобъ защищать себя отъ зла, что настоящая безопасность для людей находится въ добродѣ, долготерпѣніи и милосердіи, что лишь кроткіе наслѣдуютъ землю, а поднявшіе мечъ отъ меча погибнутъ.

И поэтому, какъ для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствіе и частное благо людей, такъ и для того, чтобы исполнить волю Того, кто есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, мы отъ всей души принимаемъ основное ученіе непротивленія злу зломъ, твердо вѣруя, что это ученіе, отвѣчая всѣмъ возможнымъ случайностямъ и выражая волю Бога, въ концѣ концовъ должно восторжествовать надъ всѣми злыми силами. Мы не проповѣдуемъ революціоннаго ученія. Духъ революціоннаго ученія есть духъ мести, насилія и убійства. Онъ не боится Бога и не уважаетъ личности человѣка. Мы же желаемъ быть преисполнены духа Христова. Слѣдуя основному нашему правилу непротивленія злу зломъ, мы не можемъ производить заговоровъ, смутъ или насилій. Мы подчиняемся всѣмъ узаконеніямъ и всѣмъ требованіямъ правительства, кромѣ тѣхъ, которыя противны требованіямъ Евангелія. Сопротивленіе наше ограничивается покорнымъ подчиненіемъ, имѣющимъ быть наложеннымъ на насъ за неповиновеніе, наказаніямъ. Намѣреваясь безъ сопротивленія переносить всѣ направленныя на насъ нападенія, мы, между тѣмъ, съ своей стороны, намѣрены не переставая нападать на зло міра, гдѣ бы оно ни было, вверху или внизу, въ области политической, административной или религіозной, стремясь всѣми возможными для насъ средствами къ осуществленію того, чтобы царства земныя слились въ одно царство Господа нашего Іисуса Христа. Мы считаемъ несомнѣнной истиной то, что все то, что противно Евангелію и духу Его и потому подлежитъ уничтоженію, должно быть сейчасъ же уничтожаемо. И потому, если мы вѣримъ предсказанію о томъ, что наступитъ время, когда мечи перекуются на орала и копья на серпы, мы сейчасъ-же, не откладывая этого на будущее время, должны дѣлать это по мѣрѣ силъ нашихъ. И потому всѣ тѣ, которые выдѣлываютъ, продаютъ, употребляютъ оружіе, содѣйствуютъ всякимъ военнымъ приготовленіямъ, этимъ самымъ вооружаются противъ мирнаго господства Сына Божьяго на землѣ. Высказавъ наши основы, скажемъ теперь о томъ, какими путями мы надѣемся достигнуть нашей цѣли. Мы надѣемся побѣдить „безуміемъ проповѣди“.

Мы будемъ стараться распространять свои взгляды среди всѣхъ людей, къ какимъ бы народамъ, исповѣданіямъ и слоямъ общества они не принадлежали. Для этой цѣли мы будемъ устраивать публичныя чтенія, распространять печатныя объявленія и брошюры, составлять общества и подавать прошенія во всякія правительственныя учрежденія. Вообще будемъ стремиться всѣми доступными для насъ средствами къ достиженію кореннаго переворота во взглядахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ нашего общества относительно грѣховности насилія по отношенію къ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ. Принимаясь за это великое дѣло, мы вполнѣ сознаемъ, что наша искренность можетъ быть подвергнута жестокимъ испытаніямъ. Наша задача можетъ навлечь на насъ оскорбленія, обиды, страданія и даже смерть. Насъ ожидаетъ непониманіе, ложное толкованіе и клевета. Противъ насъ должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбіе и жестокость, правители и власти, все это можетъ соединиться, чтобъ уничтожить насъ. Такимъ образомъ поступали съ Мессіей, которому мы стремимся подражать по мѣрѣ силъ своихъ.

Но насъ не пугаютъ эти ужасы. Мы надѣемся не на людей, а на всемогущаго Господа. Если мы отказались отъ человѣческаго заступничества, что же можетъ поддержать насъ, какъ не одна вѣра, побѣждающая міръ? Мы не будемъ удивляться тѣмъ испытаніямъ, которымъ мы подвергнемся, а будемъ радоваться тому, что удостоимся раздѣлить страданія Христа.

Вслѣдствіе всего этого мы передаемъ души свои Богу, вѣруя тому, что сказано, что тотъ, кто оставитъ дома и братьевъ и сестеръ или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или поля ради Христа, получитъ во сто разъ больше и наслѣдуетъ жизнь вѣчную. И такъ, твердо вѣруя, не смотря на все, что можетъ вооружиться противъ насъ, въ несомнѣнное торжество во всемъ мірѣ основъ, выраженныхъ въ этомъ провозглашеніи, мы прилагаемъ здѣсь свои подписи, надѣясь на разумъ и совѣсть человѣчества, болѣе же всего на силу Божію, которой и вручаемъ себя.

Вслѣдъ за этимъ провозглашеніемъ были основаны Гаррисономъ общество непротивленія и журналъ, называвшійся „Непротивляющимся“ („*Non-resistant*“), въ которомъ проповѣдывалось ученіе непротивленія во всемъ его значеніи и со всѣми его послѣдствіями, какъ оно было выражено въ провозглашеніи. Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ общества и журнала непротивленія получены мною изъ прекрасной біографіи В. Л. Гаррисона, составленной его сыновьями.

Общество и журналъ просуществовали не долго: большинство сотрудниковъ Гаррисона по дѣлу освобожденія рабовъ, опасаясь того, чтобы слишкомъ радикальныя требованія, выраженныя въ журналѣ „Непротивляющемся“, не оттолкнули людей отъ практическаго дѣла освобожденія негровъ—большинство сотрудниковъ отказалось отъ исповѣданія принципа непротивленія, какъ онъ былъ выраженъ въ провозглашеніи, и общество и журналъ прекратили свое существованіе.

Это провозглашеніе Гаррисона, такъ сильно и краснорѣчиво выражавшее такое важное для людей исповѣданіе вѣры, казалось должно бы было поразить людей и сдѣлаться всемірно извѣстнымъ и предметомъ всесторонняго обсужденія. Но ничего подобнаго не было. Оно не только не извѣстно въ Европѣ, но среди Американцевъ, столь высоко чтущихъ память Гаррисона, провозглашеніе это почти не извѣстно.

Та же неизвѣстность постигла и другого борца за непротивленіе злу недавно умершаго, въ продолженіи 50 лѣтъ проповѣдывавшаго это ученіе, американца Адина Балу. До какой степени мало извѣстно все то, что относится къ вопросу непротивленія, видно изъ того, что Гаррисонъ сынъ, написавшій превосходную, въ 4-хъ большихъ томахъ, біографію своего отца, этотъ Гаррисонъ сынъ на вопросъ мой о томъ, существуетъ-ли теперь общество непротивленія и есть ли послѣдователи его, отвѣчалъ мнѣ, что, сколько ему извѣстно, общество это распалось и послѣдователей этого ученія не существуетъ, тогда какъ въ то время, когда онъ писалъ мнѣ, жилъ въ Массачусетѣ, въ *Hopedale* Адинъ Балу, участвовавшій въ трудахъ отца Гаррисона и посвятившій 50 лѣтъ жизни на проповѣдь устно и печатно ученія непротивленія. Впослѣдствіе я получилъ письмо отъ Вильсона, ученика и помощника Балу и вошелъ въ сношенія съ самимъ Балу. Я написалъ Балу и онъ отвѣчалъ мнѣ и прислалъ мнѣ свои сочиненія. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ нихъ.

„Іисусъ Христосъ— мой Господь и Учитель,“ говоритъ Балу въ одной изъ статей, обличающей непослѣдовательность Христіанъ, признающихъ право защиты и войны. „Я обѣщалъ, оставивъ все, слѣдовать за Нимъ, на худое и доброе до самой смерти. Но я гражданинъ демократической республики Соединенныхъ Штатовъ, которой я присягалъ въ вѣрности въ томъ, что я буду поддерживать конституцію моей страны, если нужно жертвою жизни. Христосъ требуетъ отъ меня, чтобы я сдѣлалъ другимъ то, что я хотѣлъ-бы, чтобы мнѣ дѣлали. Конституція Соединенныхъ Штатовъ требуетъ отъ меня, чтобы я дѣлалъ двумъ милліонамъ рабовъ (тогда были рабы, теперь на мѣсто ихъ смѣло можно поставить рабочихъ) какъ разъ обратное тому, чтобы я хотѣлъ, чтобы мнѣ дѣлали, т. е. содѣйствовалъ бы тому, чтобы держать ихъ въ томъ рабствѣ, въ которомъ они находятся. И это ничего, я продолжаю избирать или избираться, я помогаю управлять, я даже готовъ быть выбранъ на какую-либо должность управленія. Это не мѣшаетъ мнѣ быть христіаниномъ. Я продолжаю исповѣдывать, и не нахожу затрудненія исполнять завѣтъ съ Христомъ и съ правительствомъ.

„Іисусъ Христосъ запрещаетъ мнѣ противиться дѣлающимъ зло и лишать ихъ ока за око и зуба за зубъ, крови за кровь, жизни за жизнь.

„Мое правительство требуетъ отъ меня какъ разъ противнаго и защиту себя основываетъ на висѣлицѣ, ружьѣ, мечѣ, употребляемыхъ противъ своихъ домашнихъ и внѣшнихъ враговъ. И соотвѣтственно этому страна снабжается висѣлицами, тюрьмами, арсеналами, военными кораблями и солдатами.

„Въ поддержаніи и употребленіи этихъ дорого стоющихъ убійственныхъ приспособленій, мы можемъ весьма удобно осуществить добродѣтель прощенія обижающихъ насъ, любви къ врагамъ, благословенія проклинающихъ насъ и дѣла-

нія добра ненавидящимъ насъ. Для этой цѣли у насъ есть постоянные христіанскіе священники, чтобы молиться за насъ и призывать благословеніе Божіе на святыя убійства. Я все это вижу (т. е. противорѣчіе исповѣданія и жизни), и продолжаю и исповѣдовать и управлять, и горжусь тѣмъ, что я въ одно и то же время и набожный христіанинъ и преданный слуга правительству. Не хочу я согласиться съ этимъ безумнымъ понятіемъ непротивленія. Не могу я отказаться отъ своего вліянія и оставить однихъ безнравственныхъ людей во главѣ правительства. Конституція говоритъ: правительство имѣетъ право объявлять войну, и я соглашаюсь, я поддерживаю это, я клянусь, что буду поддерживать. Я отъ этого не перестаю быть христіаниномъ. Война тоже христіанская обязанность. Развѣ не христіанское дѣло убить сотни тысячъ ближнихъ, насиловать женщинъ, разорять и сжигать города и дѣлать всевозможныя жестокости? Пора бросить всѣ эти выдуманныя сентиментальности. Это самое настоящее средство прощать обиды и любить враговъ. Если мы только дѣлаемъ это въ духѣ любви, ничего не можетъ быть болѣе христіанскаго, какъ такое огульное убійство."

Въ другой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Сколько нужно людей, чтобы преобразить злодѣйство въ праведность" онъ говоритъ: —" Одинъ человѣкъ не долженъ убивать. Если онъ убилъ, онъ преступникъ, онъ убійца. Два, десять, сто человѣкъ, если они дѣлаютъ это — они убійцы. Но государство или народъ можетъ убивать, сколько онъ хочетъ, и это не будетъ убійство, а хорошее, доброе дѣло. Только собрать побольше народа и бойня десятковъ тысячъ людей становится невиннымъ дѣломъ. Но сколько именно нужно людей для этого? Вотъ въ чемъ вопросъ. Одинъ не можетъ красть, грабить, но пѣлый народъ можетъ. Но сколько именно нужно для этого? Почему 1, 10, 100 человѣкъ не должны нарушать закона Бога, а очень много могутъ?"

А вотъ катехизисъ Балу, составленный для его паствы.

Катехизисъ непротивленія. *)

Вопр. — Откуда взято слово „непротивленіе"?

Отв. — Изъ изреченія: не противься злому. Мѳ. V. 39.

Вопр. — Что выражаетъ это слово?

Отв. — Оно выражаетъ высокую христіанскую добродѣтель, предписываемую Христомъ.

Вопр. — Слѣдуетъ ли слово непротивленіе принимать въ самомъ его обширномъ смыслѣ, т. е. что оно указываетъ на то, чтобы не дѣлать никакого сопротивленія злу.

Отв. — Нѣтъ, оно должно быть понимаемо въ точномъ смыслѣ наставленія Спасителя, т. е. не платить зломъ за зло. Злу должно противиться всякими праведными средствами, но никакъ не зломъ.

Вопр. — Изъ чего видно, что Христосъ въ такомъ смыслѣ предписалъ непротивленіе?

Отв. — Изъ словъ, которыя онъ при этомъ сказалъ. Онъ говорилъ: Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую, и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Вопр. — О комъ онъ говорилъ въ словахъ: вы слышали, что сказано?

Отв. — О патріархахъ и пророкахъ, о томъ, что они сказали,—что содержится въ писаніяхъ Ветхаго Завѣта, который Евреи обыкновенно называютъ Законъ и пророки.

Вопр. — Какія предписанія разумѣетъ Христосъ подъ словами: „вамъ сказано?"

Отв. — Тѣ предписанія, въ которыхъ Ной, Моисей и другіе пророки даютъ право причинять личный вредъ наносителямъ вреда, чтобы наказывать и уничтожать злыя дѣла.

Вопр. — Приведите такія предписанія.

Отв. — „Кто прольетъ кровь человѣческую между людьми, того самого кровь прольется." Быт. IX. 6.

„Кто ударитъ человѣка такъ, что тотъ умретъ, да будетъ преданъ смерти. А если будетъ вредъ, то отдай душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ." Исх. XXI, 12. 23. 25.

„Кто убьетъ какого либо человѣка, тотъ преданъ будетъ смерти." „А кто сдѣлаетъ поврежденіе ближнему своему, тому должно сдѣлать то же, что онъ сдѣлалъ." „Переломъ за переломъ, око за око, зубъ за зубъ." Лев. XXIV, 17. 19. 20.

„А судьи должны хорошо изслѣдовать, и, если свидѣтель тотъ есть свидѣтель ложный, ложно донесъ на брата своего, то поступайте съ нимъ такъ, какъ онъ умышлялъ поступить съ братомъ своимъ. Да не пощадитъ его глазъ твой: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу." Второз. XIX, 18. 21.

Вотъ предписанія, о которыхъ говоритъ Іисусъ.

Ной, Моисей и пророки учили такъ, что тотъ, кто убиваетъ, калѣчитъ или мучаетъ своихъ ближнихъ, дѣлаетъ зло. Чтобы противиться такому злу и уничтожать его, нужно дѣлающаго зло наказывать

*) Переводъ сдѣланъ свободно съ нѣкоторыми пропусками.

смертью или искалѣченіемъ или какимъ нибудь личнымъ мученіемъ. Обидѣ нужно противупоставить обиду, убійству—убійство, мученію — мученіе, злу — зло. Такъ учили Ной, Моисей и пророки. Но Христосъ отрицаетъ все это. „Я говорю вамъ", написано въ Евангеліи: „не противься злому, не противься обидѣ—обидою, но скорѣе перенеси повторенную обиду отъ дѣлающаго зло." То, что было позволено, запрещается. Понявши какого рода противленію они учили, мы точно знаемъ, чему учитъ непротивленіе Христа.

Вопр. — Допускали ли древніе сопротивленіе обидѣ обидою?

Отв. — Да. Но Іисусъ запретилъ это. Христіанинъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права лишать жизни или подвергать обидѣ дѣлающаго зло ближняго.

Вопр. — Можетъ ли онъ убить или искалѣчить другаго при самооборонѣ?

Отв. — Нѣтъ.

Вопр. — Можетъ ли онъ войти съ жалобой въ судъ съ той цѣлью, чтобы его обидчикъ былъ наказанъ?

Отв. — Нѣтъ. Ибо, что онъ дѣлаетъ черезъ другихъ, въ сущности онъ самъ дѣлаетъ.

Вопр. — Можетъ ли онъ сражаться въ войскѣ противъ непріятелей, или противъ домашнихъ бунтовщиковъ?

Отв. — Конечно нѣтъ. Онъ не можетъ принимать никакого участія въ войнѣ или воинскихъ приготовленіяхъ. Онъ не можетъ употреблять смертоноснаго оружія. Онъ не можетъ противиться обидѣ обидой, все равно одинъ ли онъ или вмѣстѣ съ другими, самъ или черезъ другихъ людей.

Вопр. — Можетъ ли онъ добровольно выбирать или снаряжать военныхъ людей правительству?

Отв. — Онъ не можетъ дѣлать ничего этого, если хочетъ быть вѣрнымъ закону Христа.

Вопр. — Можетъ ли онъ добровольно давать деньги для помощи правительству, поддерживаемому военной силой, смертной казнью, вообще насиліемъ?

Отв. — Нѣтъ, если только деньги не предназначены на какой нибудь особый предметъ, справедливый въ самомъ себѣ, гдѣ и цѣль и средства добрыя.

Вопр. — Можетъ ли онъ платить подати такому правительству?

Отв. — Нѣтъ, онъ не долженъ добровольно платить подати, но не долженъ противиться взиманію податей. Подать налагаемая правительствомъ, взыскивается независимо отъ воли подданныхъ. Ей нельзя противиться, не прибѣгая самому къ насилію. Насилія же христіанинъ употреблять не можетъ, поэтому онъ долженъ предоставить прямо свою собственность насильственному ущербу, производимому властями.

Вопр. — Можетъ ли христіанинъ подавать голосъ при выборахъ и участвовать въ судѣ или управленіи?

Отв. — Нѣтъ, участіе въ выборахъ, судѣ или управленіи есть участіе въ правительственномъ насиліи.

Вопр. — Въ чемъ главное значеніе ученія о непротивленіи?

Отв. — Въ томъ, что оно одно даетъ возможность вырвать съ корнемъ зло, какъ изъ своего сердца, такъ и изъ сердца ближняго. Ученіе это запрещаетъ дѣлать то, чѣмъ увѣковѣчивается и умножается зло въ мірѣ. Тотъ, кто нападаетъ на другого и обижаетъ его, зажигаетъ въ другомъ чувство ненависти, корень всякаго зла. Обидѣть другого, потому что онъ насъ обидѣлъ, будто бы для того, чтобы устранить зло, значитъ повторить дурное дѣло и надъ нимъ и надъ собой, значитъ *породить* или по крайней мѣрѣ *освободить-поощрить* того самаго демона, котораго мы будто бы хотимъ изгнать. Сатана не можетъ быть изгнанъ сатаною, неправда не можетъ быть очищена неправдою и зло не можетъ быть побѣждено зломъ.

Истинное *непротивленіе* есть единственное настоящее сопротивленіе злу. Оно сокрушаетъ голову змія. Оно убиваетъ и въ концѣ истребляетъ злое чувство.

Вопр. — Но если мысль ученія и вѣрна, то исполнимо ли оно?

Отв. — Такъ же исполнимо, какъ всякое добро, предписываемое Закономъ Божіимъ. Добро не можетъ быть исполняемо во всѣхъ обстоятельствахъ безъ самоотреченія, лишенія, страданія, и въ крайнихъ случаяхъ, безъ потери самой жизни. Но тотъ, кто дорожитъ жизнью болѣе, чѣмъ исполненіемъ воли Бога, уже мертвъ для единственной истинной жизни. Такой человѣкъ, стараясь спасти свою жизнь, потеряетъ ее. Кромѣ того и вообще тамъ, гдѣ *непротивленіе* стоитъ пожертвованія одною жизнью, или какимъ нибудь существеннымъ благомъ жизни, противленіе стоитъ такихъ жертвъ тысячи.

Непротивленіе сохраняетъ—противленіе разрушаетъ.

Несравненно безопаснѣе поступать справедливо, чѣмъ несправедливо; сносить обиду, чѣмъ противиться ей насиліемъ,—безопаснѣе даже въ отношеніи къ настоящей жизни. Если-бы всѣ люди не противились злу зломъ, нашъ міръ былъ бы блаженъ.

Вопр. — Но когда лишь немногіе будутъ такъ поступать, что станется съ ними?

Отв. — Если-бы такъ поступалъ даже только одинъ человѣкъ, а всѣ остальные согласились распять его, то не болѣе-ли славно было бы ему умереть въ торжествѣ непротивляющейся любви, молясь за враговъ своихъ, чѣмъ жить, неся корону Цезаря, обрызганную кровью убитыхъ? Но одинъ ли или тысячи людей, твердо рѣшившихъ не противиться злу зломъ, все равно среди просвѣщенныхъ ли или среди

ликихъ ближнихъ, гораздо больше безопасны отъ насилія, чѣмъ тѣ, которые полагаются на насиліе. Разбойникъ, убійца, обманщикъ скорѣе оставитъ ихъ въ покоѣ, чѣмъ тѣхъ, кто сопротивляется оружіемъ. Взявшіе мечъ отъ меча погибнутъ, а ищущіе мира, поступающіе дружественно, безобидно, забывающіе и прощающіе обиды большею частью наслаждаются миромъ или, если умираютъ, то умираютъ благословляемыми.

Такимъ образомъ, если бы всѣ соблюдали заповѣдь непротивленія, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодѣйства. Если бы такихъ было большинство, то они установили бы управленіе любви и доброжелательства даже надъ обижающими, никогда не противясь злу зломъ, никогда не употребляя насилія. Если бы такихъ людей было довольно многочисленное меньшинство, то они произвели бы такое исправительное нравственное дѣйствіе на общество, что всякое жестокое наказаніе было бы отмѣнено, а насиліе и вражда замѣнились бы миромъ и любовью. Если бы ихъ было только малое меньшинство, то оно рѣдко испытало бы что нибудь худшее, чѣмъ презрѣніе міра, а міръ между тѣмъ, самъ того не чувствуя, и не будучи за то благодаренъ, постоянно становился бы мудрѣе и лучше отъ этого тайнаго воздѣйствія. И если бы въ самомъ худшемъ случаѣ нѣкоторые изъ членовъ меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшіе за правду оставили бы по себѣ свое ученіе, уже освященное ихъ мученической кровью.

Да будетъ миръ со всѣми, кто ищетъ мира, и всепобѣждающая любовь да будетъ негибнущимъ наслѣдіемъ всякой души, добровольно подчиняющейся Закону Христа: „Не противься злу насиліемъ."

Балу въ продолженіи 50 лѣтъ писалъ и издавалъ книги преимущественно о вопросѣ непротивленія злу насиліемъ. Въ сочиненіяхъ этихъ, прекрасныхъ по ясности мысли и красотѣ изложенія, вопросъ разсмотренъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Устанавливается обязательность этой заповѣди для всякаго христіанина, исповѣдующаго Библію, какъ Божеское откровеніе. Приводятся всѣ обычныя возраженія противъ заповѣди непротивленія, какъ изъ Ветхаго Завѣта, такъ и изъ Новаго, какъ напримѣръ: изгнаніе изъ храма и т. п. и на всѣ выставляются опроверженія; показывается независимо отъ писанія практическая разумность этого правила, и выставляются всѣ обычно дѣлаемыя противъ нея возраженія и опровергаются. Такъ, одна глава его сочиненія трактуетъ о непротивленіи злу въ исключительныхъ случаяхъ, въ которой онъ признаетъ, что если бы были случаи, въ которыхъ невозможно примѣненіе непротивленія злу, то это доказывало бы, что правило это вообще несостоятельно. Приводя эти исключительные случаи, онъ доказываетъ, что именно въ нихъ то и нужно, и разумно примѣненіе этого правила. Нѣтъ стороны вопроса, какъ для сторонниковъ его, такъ и для противниковъ, которая бы не была изслѣдована въ этихъ сочиненіяхъ. Все это я говорю для того, чтобы показать тотъ несомнѣнный интересъ, который должны бы имѣть такія сочиненія для людей, исповѣдующихъ христіанство, и что потому, казалось бы, дѣятельность Балу должна бы была быть извѣстной, и мысли, выраженныя имъ, должны бы быть или признаны или опровергнуты; но ничего подобнаго не было.

Дѣятельность Гаррисона-отца съ его основаніемъ общества непротивляющихся и декларація, еще болѣе, чѣмъ сношенія мои съ квакерами, убѣждали меня въ томъ, что отступленіе государственнаго христіанства отъ закона Христа о непротивленіи насиліемъ есть дѣло давно замѣченное и указанное, и для обличенія котораго работали и не перестаютъ работать люди. Дѣятельность Балу еще болѣе подтвердила мнѣ это. Но судьба и Гаррисона, и въ особенности Балу, никому неизвѣстнаго, несмотря на 50 лѣтъ упорной и постоянной работы въ одномъ и томъ-же направленіи, подтвердила для меня и то, что существуетъ какой то невысказанный, но твердый уговоръ замалчиванья всѣхъ такихъ попытокъ.

Въ Августѣ 1890 года Балу скончался и въ американскомъ христіанскаго направленія журналѣ (*Religio-Philosophical journal, August* 23) былъ его некрологъ.

Въ хвалебномъ некрологѣ этомъ пишется о томъ, что Балу былъ духовнымъ руководителемъ общины, что онъ произнесъ отъ 8 до 9 тысячъ проповѣдей, женилъ 1000 паръ и написалъ около 500 статей, но ни одного слова не сказано о той цѣли, которой онъ посвятилъ свою жизнь, не сказано даже и слова: «непротивленіе».

Какъ все то, что 200 лѣтъ проповѣдуютъ квакеры, какъ дѣятельность Гаррисона отца, основаніе его общества и журнала, его провозглашеніе, такъ и вся дѣятельность Балу точно какъ будто не существуютъ и не существовали.

Поразительнымъ примѣромъ такой неизвѣстности сочиненій, направленныхъ на разъясненіе непротивленія злу насиліемъ и обличеніе тѣхъ, которые не признаютъ этой заповѣди, служитъ судьба книги чеха Хельчицкаго, только недавно ставшей извѣстной и до сихъ поръ еще не напечатанной.

Вскорѣ по выходѣ моей книги по нѣмецки, я получилъ изъ Праги письмо отъ профессора тамошняго университета, сообщившее мнѣ о существованіи никогда нигдѣ не напечатаннаго сочиненія чеха Хельчицкаго XV вѣка, подъ названіемъ «Сѣть вѣры». Въ сочиненіи этомъ, какъ писалъ

мнѣ профессоръ, Хельчицкій около 4-хъ вѣковъ тому назадъ высказывалъ тотъ-же взглядъ на истинное и ложное христіанство, который высказывалъ и я въ сочиненіи: «Въ чемъ моя вѣра».—Профессоръ писалъ мнѣ, что сочиненіе Хельчицкаго должно было быть издано въ первый разъ на чешскомъ языкѣ въ журналѣ «Петербургской академіи наукъ». — Не имѣя возможности достать самое сочиненіе, я постарался познакомиться съ тѣмъ, что извѣстно о Хельчицкомъ, и такія свѣдѣнія я получилъ изъ нѣмецкой книги, присланной мнѣ тѣмъ же пражскимъ профессоромъ и изъ исторіи чешской литературы Пыпина. Вотъ что сказано у Пыпина:

„Сѣть вѣры" есть ученіе Христово, которое должно извлекать человѣка изъ темной глубины житейскаго моря и его неправдъ. Истинная вѣра состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить Божьимъ словамъ; но теперь пришло такое время, что люди истинную вѣру принимаютъ за ересь и поэтому разумъ долженъ указать, въ чемъ состоитъ истинная вѣра, если кто этого не знаетъ.— Тьма закрыла ее отъ людей и они не узнаютъ истиннаго закона Христа.

„Для объясненія этого закона Хельчицкій указываетъ на первобытное устройство христіанскаго общества, — то устройство, которое, говоритъ онъ, считается теперь въ Римской церкви гнуснымъ еретичествомъ.

„Эта первобытная церковь была его собственнымъ идеаломъ общественнаго устройства, основаннаго на равенствѣ, свободѣ и братствѣ. Христіанство, по мнѣнію Хельчицкаго, до сихъ поръ хранитъ въ себѣ эти основанія, нужно только, чтобъ общество возвратилось къ его чистому ученію и тогда оказался бы излишнимъ всякій иной порядокъ, которому нужны короли и папы: во всемъ достаточно одного закона любви ...

„Исторически Хельчицкій относитъ упадокъ христіанства ко временамъ Константина Великаго, котораго папа Сильвестръ ввелъ въ христіанство со всѣми языческими нравами и жизнью. Константинъ, въ свою очередь, надѣлилъ папу свѣтскимъ богатствомъ и властью. Съ тѣхъ поръ обѣ власти постоянно помогали другъ другу и стремились только къ внѣшней славѣ. Доктора и магистры и духовное сословіе стали заботиться только о томъ, чтобы покорить весь свѣтъ своему владычеству, вооружали людей другъ противъ друга на убійства и грабежи и совсѣмъ уничтожили христіанство въ вѣрѣ и въ жизни. Хельчицкій совершенно отвергаетъ право войны и смертную казнь: всякій воинъ, даже и «рыцарь» есть только насильникъ, злодѣй и убійца."

То же, съ нѣкоторыми біографическими подробностями и выдержками изъ переписки Хельчицкаго, сказано и въ нѣмецкой книгѣ.

Узнавъ, такимъ образомъ, сущность ученія Хельчицкаго, я съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія «Сѣти вѣры» въ журналѣ Академіи. Но прошелъ годъ, два, три — книга не появлялась. Только въ 1888 году я узналъ, что начатое печатаніе книги пріостановилось. Я досталъ корректурные листы того, что было отпечатано и прочелъ книгу. Книга во всѣхъ отношеніяхъ удивительная.

Содержаніе ея совершенно вѣрно передано Пыпинымъ. Основная мысль Хельчицкаго та, что христіанство, соединившись съ властью при Константинѣ и продолжая развиваться въ этихъ условіяхъ, совершенно извратилось и перестало быть христіанствомъ. Заглавіе «Сѣть вѣры» дано Хельчицкимъ его сочиненію потому, что, взявъ эпиграфомъ стихъ Евангелія о призваніи учениковъ съ тѣмъ, чтобы они стали ловцами людей, Хельчицкій, продолжая это сравненіе, говоритъ: „Христосъ посредствомъ учениковъ захватилъ въ свою сѣть вѣры весь міръ, но большія рыбы, пробивъ сѣть, выскочили изъ нея и въ подѣланныя этими большими рыбами дыры ушли и всѣ остальныя, такъ что сѣть осталась почти пустая."

Большія рыбы, пробившія сѣть, это властители, императоры, папы, короли, которые, не отказываясь отъ власти, приняли не христіанство, а только личину его.

Хельчицкій учитъ тому же, чему учили и учатъ теперь непротивляющіеся Меноніты, Квакеры, въ прежнія времена—Богомилы, Павликіане и многіе другіе. Онъ учитъ тому, что христіанство, требующее отъ своихъ послѣдователей кротости, смиренія, незлобія, прощенія обидъ, подставленія другой щеки, когда бьютъ по одной, любви къ врагамъ—несовмѣстимо съ насиліемъ, составляющимъ необходимое условіе власти.

Христіанинъ, по толкованію Хельчицкаго, не только не можетъ быть начальникомъ или солдатомъ, но не можетъ принимать никакого участія въ управленіи, не можетъ быть торговцемъ или даже землевладѣльцемъ, а можетъ быть только или ремесленникомъ или земледѣльцемъ.

Книга эта—одна изъ рѣдкихъ, уцѣлѣвшихъ отъ костровъ книгъ, обличающихъ оффиціальное христіанство. Всѣ такія книги, называемыя еретическими, сожжены вмѣстѣ съ авторами, такъ что древнихъ сочиненій, обличающихъ отступленіе оффиціальнаго христіанства очень мало, и потому эта книга особенно интересна.

Но кромѣ того, что она интересна, какъ ни смотрѣть на нее, книга эта есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній мысли и по глубинѣ содержанія, и по удивительной силѣ и красотѣ народнаго языка, и по древности. А между тѣмъ книга эта остается, вотъ уже болѣе четырехъ вѣковъ, не напечатанной и продолжаетъ быть неизвѣстной, за исключеніемъ ученыхъ спеціалистовъ.

Казалось бы, что всѣ такого рода сочиненія и Квакеровъ, и Гаррисона, и Балу, и Хельчицкаго, утверждающія и доказывающія на основаніи Евангелія, что нашъ міръ ложно понимаетъ ученіе Христа, должны бы возбуждать интересъ, волненіе, шумъ, споры въ средѣ какъ пастырей, такъ и пасомыхъ.

Сочиненія такого рода, затрагивающія самую сущность христіанскаго ученія, должны бы были, казалось, быть разобраны и признаны справедливыми или отвергнуты и опровергнуты.

Но ничего подобнаго нѣтъ. Со всѣми этими сочиненіями повторяется одно и тоже. Люди самыхъ разныхъ взглядовъ, какъ вѣрующіе, такъ и—что достойно удивленія — невѣрующіе либералы, какъ бы сговорившись, всѣ одинаково упорно молчатъ о нихъ и все то, что дѣлается людьми для разъясненія истиннаго смысла ученія Христа, остается неизвѣстнымъ или забытымъ.

Но еще болѣе удивительна неизвѣстность двухъ сочиненій, о которыхъ я узналъ тоже по случаю появленія моей книги. Это книга *Dymond*'а «*On war*» — «О войнѣ», изданная въ первый разъ въ Лондонѣ въ 1824 году, и *Daniel Musser*'а «О непротивленіи», написанная въ 1864 году. Неизвѣстность этихъ книгъ удивительна особенно потому, что не говоря о достоинствѣ ихъ, обѣ книги трактуютъ не столько о теоріи, сколько о практическомъ приложеніи теоріи къ жизни, объ отношеніи христіанства къ военной службѣ, что теперь особенно важно и интересно при общей воинской повинности.

Спросятъ можетъ быть: какъ же обязанъ поступить подданный, который вѣритъ, что война несовмѣстима съ его религіею, но отъ котораго правительство требуетъ участія въ военной службѣ?

Кажется, что это вопросъ самый живой и такой, на который отвѣтъ при теперешней общей воинской повинности особенно важенъ. Всѣ, или огромное большинство людей — христіане, и всѣ мущины призываются къ военной службѣ. Какъ же долженъ человѣкъ, какъ христіанинъ, отвѣчать на это требованіе? Отвѣтъ *Dymond*'а такой:

«Обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы съ кротостью, но и съ твердостью отказаться отъ службы.

«Есть нѣкоторые люди, которые безъ всякаго опредѣленнаго разсужденія, прямо почему то заключаютъ, что отвѣтственность за государственныя мѣры ложится только на тѣхъ, которые распоряжаются, или—что правительство и цари рѣшаютъ вопросы о томъ, что хорошо или дурно для подданныхъ, и что подданные обязаны только повиноваться. Я думаю, что разсужденія такого рода только отуманиваютъ совѣсть людей. „Я могу не участвовать въ совѣтѣ правительства и потому не отвѣтственъ въ его преступленіяхъ.“ Правда, мы не отвѣтственны въ преступленіяхъ правителей, но мы отвѣтственны въ своихъ собственныхъ преступленіяхъ. И преступленія правителей дѣлаются нашими, если мы, зная, что это преступленія, содѣйствуемъ ихъ совершенію .... Тѣ, которые полагаютъ, что они обязаны повиноваться правительству и что отвѣтственность за совершаемыя ими преступленія переносится съ нихъ на ихъ государей, сами себя обманываютъ.

«Говорятъ: „мы передаемъ свои поступки волѣ другихъ людей, и наши поступки не могутъ быть ни дурными, ни хорошими; въ нашихъ поступкахъ не можетъ быть ни заслуги за доброе, ни отвѣтственности за злое, такъ какъ они совершаются не по нашей волѣ.»

Замѣчательно, что это самое выражено въ наставленіи солдатамъ, которое ихъ заставляютъ заучивать: тамъ сказано, что только начальникъ отвѣчаетъ за послѣдствія своего приказанія.

Но это несправедливо. Человѣкъ не можетъ снять съ себя отвѣтственности за свои поступки. И это видно изъ слѣдующаго:

«Если начальникъ велитъ вамъ убить ребенка вашего сосѣда, убить вашего отца, вашу мать, послушаетесь ли вы? Если-же вы не послушаетесь, то и все разсужденіе никуда не годится, потому что, если вы можете не послушаться правителей въ одномъ случаѣ, то гдѣ же вы найдете тотъ предѣлъ, до котораго вы можете повиноваться? Нѣтъ другаго предѣла, кромѣ того, который опредѣленъ христіанствомъ, и предѣлъ этотъ и разуменъ и исполнимъ.

«И потому мы полагаемъ, что обязанность каждаго человѣка, считающаго, что война несовмѣстима съ христіанствомъ,— кротко, но твердо отказаться отъ военной службы. И пусть тѣ, которымъ приходится такъ поступать, пусть они помнятъ, что на нихъ лежитъ великая обязанность. Отъ ихъ вѣрности своей религіи зависитъ настолько, насколько она зависитъ отъ людей—судьба міра въ человѣчествѣ. Пускай они исповѣдуютъ свое убѣжденіе и защищаютъ его. И не одними словами, но и страданіями, если то будетъ нужно. Если вы вѣрите, что Христосъ запретилъ убійство, не вѣрьте ни сужденіямъ, ни приказаніямъ людей, призывающихъ васъ къ участію въ немъ. Такимъ твердымъ отказомъ отъ участія въ насиліи, вы привлечете къ себѣ благословеніе, данное тѣмъ, которые слышатъ слова эти и исполняютъ ихъ и придетъ время, когда и міръ почтитъ васъ, какъ участниковъ въ возрожденіи человѣчества».

Книга Мосера — называется «Утвержденіе непротивленія» или «Раздѣленіе царства Христа и царства міра сего, въ 1864. «*Non resi.*

stance asserted» или *«Kingdom of Christ and kingdom of this world separated»*.

Книга эта посвящена тому же вопросу и разъясняетъ его по случаю требованія американскимъ правительствомъ отъ своихъ гражданъ военной службы во время междоусобной войны. И тоже имѣетъ самое современное значеніе, разъясняя вопросъ о томъ, какъ, при какихъ условіяхъ люди должны и могутъ отказываться отъ военной службы. Въ вступленіи авторъ говоритъ:

«Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ есть много людей, сознательно отрицающихъ войну. Ихъ называютъ «непротивляющимися» (*non-resistant*) или «беззащитными» (*defenceless*) христіанами. Эти христіане отказываются защищать свою страну, носить оружіе и, по требованію правительства, воевать противъ его враговъ. До сихъ поръ эта религіозная причина была уважаема правительствомъ и тѣ, которые выставляли ее, были освобождаемы отъ службы. Но съ началомъ нашей междоусобной войны, общественное мнѣніе возмущено этимъ обстоятельствомъ. Естественно, что лица, считающія своей обязанностью нести всѣ тяжести и опасности военной жизни для защиты своего отечества, чувствуютъ недоброжелательство къ тѣмъ лицамъ, которыя вмѣстѣ съ ними въ продолженіи долгаго времени пользовались покровительствомъ и выгодами правительства; во время же нуждъ и опасности не хотятъ участвовать въ несеніи трудовъ и опасности для защиты его. Естественно даже и то, что положеніе такихъ людей признаютъ неразумнымъ, уродливымъ и признаютъ его подозрительнымъ.

„Много ораторовъ и писателей, говоритъ авторъ, возстали противъ такого положенія и старались доказать несправедливость непротивленія и по здравому смыслу и по писанію; и это совершенно естественно и во многихъ случаяхъ эти писатели правы,— правы въ отношеніи къ лицамъ, которыя, отказываясь отъ трудовъ военной службы, не отказываются отъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ правительствъ, но—не правы по отношенію самого принципа «непротивленія». Прежде всего авторъ доказываетъ обязательность для христіанина правила непротивленія тѣмъ, что предписаніе это ясно и что оно безъ возможности перетолкованія дано Христомъ всякому христіанину.

«Судите сами, справедливо ли повиноваться человѣку болѣе, чѣмъ Богу», сказали Петръ и Іоаннъ. И точно также всякій человѣкъ, желающій быть христіаниномъ, долженъ относиться къ требованіямъ идти на войну, когда Христосъ сказалъ ему: «не противься злу насиліемъ».

Этимъ вопросъ о самомъ принципѣ авторъ считаетъ рѣшеннымъ. Но другой вопросъ о томъ, имѣютъ ли право отказаться отъ военной службы лица, не отказывающіяся отъ выгодъ, даваемыхъ насиліемъ правительства, авторъ разбираетъ подробно и приходитъ къ заключенію, что христіанинъ, слѣдующій закону Христа, если онъ не идетъ на войну, не можетъ точно также принимать участія ни въ какихъ правительственныхъ распоряженіяхъ: —ни въ судахъ, ни въ выборахъ,—не можетъ точно также и въ личныхъ дѣлахъ прибѣгать къ власти, полиціи или суду.— Далѣе въ книгѣ разбирается отношеніе Ветхаго Завѣта къ Новому, значеніе правительства для нехристіанъ; представляются возраженія на ученіе непротивленія и опроверженія ихъ. Заключаетъ свою книгу авторъ слѣдующимъ:

«Христіане не нуждаются въ правительствѣ и потому не могутъ: ни повиноваться ему въ томъ, что противно ученію Христа, ни, тѣмъ менѣе, участвовать въ немъ.»

«Христосъ избралъ своихъ учениковъ изъ міра», говоритъ онъ. «Они не ожидаютъ мірскихъ благъ и мірскаго счастія, а, напротивъ, они ожидаютъ жизни вѣчной. Духъ, въ которомъ они живутъ, дѣлаетъ ихъ довольными и счастливыми во всякомъ положеніи. Если міръ терпитъ ихъ, они всегда довольны. Если же міръ не хочетъ оставить ихъ въ покоѣ, то они уйдутъ въ другое мѣсто, такъ какъ они странники на землѣ и у нихъ нѣтъ опредѣленнаго мѣста жительства. Они считаютъ, что мертвые могутъ хоронить своихъ мертвецовъ, имъ же нужно одно: «слѣдовать за своимъ учителемъ».

Не касаясь вопроса о томъ, вѣрно или невѣрно опредѣленіе обязанности христіанина по отношенію къ войнѣ, которая устанавливается въ обѣихъ книгахъ, нельзя не видѣть практической важности и настоятельности рѣшенія этого вопроса.

Есть люди — есть сотни тысячъ Квакеровъ, есть Менониты, есть всѣ наши духоборцы, молокане и люди, не принадлежащіе ни къ какимъ опредѣленнымъ сектамъ, которые считаютъ, что насиліе, а потому и военная служба—не совмѣстимы съ христіанствомъ, и потому каждый годъ у насъ въ Россіи нѣсколько призываемыхъ людей отказываются отъ военной службы на основаніи своихъ религіозныхъ убѣжденій. Какъ же поступаетъ правительство? Отпускаетъ ихъ?—Нѣтъ.— Заставляетъ ихъ идти и, въ случаѣ несогласія, наказываетъ ихъ?—Нѣтъ . . . Въ 1818 году правительство поступило слѣдующимъ образомъ. Вотъ никому почти въ Россіи неизвѣстная выписка изъ дневника Ник. Ник. Муравьева-Карскаго, не пропущенная цензурой:

2-го Октября 1818 г. Тифлисъ.

«Поутру комендантъ сказалъ мнѣ, что недавно прислано въ Грузію пять крестьянъ помѣщичьихъ Тамбовской губерніи. Сіи люди были въ солдаты сданы, но не хотятъ служить; ихъ уже нѣсколько разъ кнутомъ сѣкли и сквозь строй гнали, но

они отдаютъ себя охотно на самыя жестокія мученія и на смерть, дабы не служить. „Отпустите насъ“, говорятъ они, „и не троньте насъ, мы никого трогать не будемъ. Всѣ люди равны, и Государь тотъ же человѣкъ, какъ и мы; зачѣмъ мы будемъ ему подати платить, зачѣмъ я буду подвергать свою жизнь опасности, чтобы убить на войнѣ человѣка, мнѣ не сдѣлавшаго никакого зла? Вы можете насъ по кускамъ рѣзать, а мы не перемѣнимъ своихъ мыслей, не надѣнемъ шинели и не будемъ пайка ѣсть. Тотъ, который надъ нами сжалится, дастъ намъ милостыню, а казеннаго мы ничего не имѣли и имѣть не хотимъ». Вотъ слова сихъ мужиковъ, которые увѣряютъ, что имъ подобныхъ есть множество въ Россіи. Ихъ четыре раза водили въ Комитетъ Министровъ и наконецъ рѣшились о томъ представить Государю, который приказалъ для поправленія отправить ихъ въ Грузію и предписалъ Главнокомандующему доносить ему ежемѣсячно о постепенныхъ успѣхахъ для приведенія сихъ крестьянъ къ настоящимъ мыслямъ».

Чѣмъ кончилось это поправленіе—неизвѣстно, такъ какъ неизвѣстенъ и весь эпизодъ, содержавшійся въ глубокой тайнѣ.

Такъ поступало правительство 75 лѣтъ тому назадъ,—такъ поступало оно въ большомъ количествѣ случаевъ, всегда старательно скрываемыхъ отъ народа. Также поступаетъ оно и теперь, за исключеніемъ нѣмцевъ Меноннтовъ, живущихъ въ Херсонской губерніи, отказъ которыхъ отъ военной службы признается уважительнымъ и которыхъ заставляютъ отбывать сроки службы въ работахъ при лѣсничествѣ.

Въ тѣхъ недавнихъ случаяхъ отказа отъ военной службы, вслѣдствіе религіозныхъ убѣжденій не Меноннтовъ, правительственныя лица поступали такъ:

Сначала прилагаютъ всѣ употребляемыя въ наше время мѣры насилія для «поправленія» отказывающихся и приведенія ихъ «къ настоящимъ мыслямъ» и держать производство этихъ дѣлъ въ величайшей тайнѣ. Я знаю, что про одного изъ отказавшихся въ 1884 году въ Москвѣ черезъ два мѣсяца послѣ его отказа составилось огромное толстое дѣло, хранившееся въ министерствѣ подъ величайшимъ секретомъ.

Начинается обыкновенно съ того, что отказывающагося посылаютъ къ священникамъ и, къ стыду ихъ, они всегда увѣщеваютъ отказывающихся. — Но такъ какъ увѣщаніе во имя Христа — отречься отъ Христа бываетъ большей частью безуспѣшнымъ, то отказавшагося послѣ увѣщанія духовныхъ лицъ посылаютъ къ жандармамъ. Жандармы обыкновенно, не находя ничего политическаго, возвращаютъ его назадъ и тогда отказавшагося посылаютъ къ ученымъ, къ врачамъ и въ сумасшедшій домъ. Во всѣхъ этихъ пересылкахъ отказывающійся, лишенный свободы, терпитъ всякаго рода униженія и страданія, какъ приговоренный преступникъ. (Это повторялось въ четырехъ случаяхъ). Изъ сумасшедшаго дома доктора выпускаютъ отказавшагося и тогда начинаются всякія тайныя, хитрыя мѣры, чтобы и не отпустить отказавшагося, поощривъ тѣмъ другихъ отказываться такъ же, какъ и онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставить его среди солдатъ, чтобы и солдаты не узнали отъ него того, что призваніе ихъ къ военной службѣ совершается совсѣмъ не по закону Бога, какъ ихъ увѣряютъ, а противъ него.

Самое удобное для правительства былобы казнить отказавшагося: засѣчь палками или какимъ нибудь инымъ способомъ, какъ это дѣлалось прежде. Но казнить открыто человѣка за то, что онъ вѣренъ ученію, которое мы сами исповѣдуемъ, — нельзя. Оставить же человѣка, отказывающагося отъ повиновенія - тоже нельзя. И вотъ правительство старается или страданіями заставить этого человѣка отречься отъ Христа или какъ нибудь незамѣтно избавиться отъ него, не казня его открыто, скрыть какъ нибудь и поступокъ этого человѣка и его самого отъ другихъ людей. И начинаются всякаго рода уловки и хитрости и мученія этого человѣка. Или ссылаютъ этого человѣка на окраины, или вызываютъ на непослушаніе и тогда судятъ за нарушеніе дисциплины и запираютъ въ тюрьму, дисциплинарный батальонъ, гдѣ уже тайно отъ всѣхъ свободно мучаютъ его, или признаютъ сумасшедшимъ и запираютъ въ домъ умалишенныхъ. Такъ одного сослали въ Ташкентъ, т. е. какъ будто перевели въ Ташкентское войско, другаго въ Омскъ, третьяго судили за непослушаніе и заперли въ тюрьму, четвертаго въ домъ умалишенныхъ.

Вездѣ повторяется одно и то же. Не только правительство, но и большинство либеральныхъ, свободно мыслящихъ людей, какъ бы сговорившись, старательно отворачиваются отъ всего того, что говорилось, писалось, дѣлалось и дѣлается людьми для обличенія несовмѣстимости насилія въ самой ужасной, грубой и яркой его формѣ— въ формѣ солдатства, т. е. готовности убійства кого бы то ни было,—съ ученіемъ не только христіанства, но хотя бы гуманности, которое общество будто бы исповѣдуетъ.

Такъ что свѣдѣнія, полученныя мною о томъ, въ какой степени уже давно разъяснено и все больше и больше разъясняется истинное значеніе ученія Христа и о томъ, какъ относятся къ этому разъясненію и исполненію ученія высшіе правящіе классы не только въ Россіи, но въ Европѣ и въ Америкѣ, убѣдили меня въ томъ, что существуетъ въ этихъ правящихъ классахъ

сознательно враждебное отношеніе къ истинному христіанству, выражающееся преимущественно замалчиваніемъ всѣхъ проявленій его.

II.

Такое же впечатлѣніе желанія скрыть, замолчать то, что я старался высказать въ своей книгѣ, произвели во мнѣ и сужденія о ней.

Книга по выходѣ ея, какъ я и ожидалъ, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вмѣсто сожженія была разобрана чиновниками и распространилась въ большомъ количествѣ списковъ и литографныхъ отписковъ, и въ переводахъ, напечатанныхъ заграницей.

И очень скоро на книгу появились критики, не только духовныя, но и свѣтскія, которыя правительство не только допускало, но и поощряло. Такъ что даже опроверженіе книги, которая считалась никому неизвѣстной, назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ.

Критики на мою книгу, какъ русскія, такъ и иностранныя, раздѣляются на два главные рода: критики религіозныя — людей, считающихъ себя вѣрующими, и критики свѣтскія—вольнодумныя.

Начну съ первыхъ:

Въ книгѣ моей я обвиняю церковныхъ учителей въ томъ, что они учатъ противно заповѣдямъ Христа, ясно и опредѣленно выраженнымъ въ нагорной проповѣди, и особенно противно заповѣди о непротивленіи злу и лишаютъ этимъ ученіе Христа всего его значенія. Церковные учители признаютъ нагорную проповѣдь съ заповѣдью о непротивленіи злу насиліемъ божественнымъ откровеніемъ и потому, если они уже разъ нашли нужнымъ писать о моей книгѣ, то, казалось бы, имъ необходимо было прежде всего отвѣтить на этотъ главный пунктъ обвиненія и прямо высказать: —признаютъ или не признаютъ они обязательнымъ для христіанина ученіе нагорной проповѣди и заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ, и отвѣчать не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается, т. е. сказать, что хотя съ одной стороны нельзя собственно отрицать, но съ другой стороны опять таки нельзя утверждать, тѣмъ болѣе, что и т. д., а отвѣтить такъ же, какъ поставленъ вопросъ въ моей книгѣ: дѣйствительно ли Христосъ требовалъ отъ своихъ учениковъ исполненія того, чему онъ училъ въ нагорной проповѣди и потому можетъ или не можетъ христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, идти въ судъ, участвуя въ немъ; осуждая людей, или ища въ немъ защиты силой, можетъ или не можетъ христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, участвовать въ управленіи, употребляя насиліе противъ своихъ ближнихъ и самый главный, всѣмъ предстоящій теперь съ общей воинской повинностью, вопросъ—можетъ или не можетъ христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, противно прямому указанію Христа обѣщаться въ будущихъ поступкахъ, прямо противныхъ ученію и, участвуя въ военной службѣ, готовиться къ убійству людей или совершать ихъ?

Вопросы поставлены ясно и прямо, и, казалось, надобно ясно и прямо отвѣтить на нихъ. Но во всѣхъ критикахъ на мою книгу ничего подобнаго не было сдѣлано, точно такъ же какъ не было сдѣлано и по отношенію всѣхъ тѣхъ обличеній церковныхъ учителей въ отступленіи ихъ отъ закона Христа, которыми со временъ Константина полна исторія.

Очень много было говорено по случаю моей книги о томъ, какъ я неправильно толкую тѣ и другія мѣста Евангелія, о томъ, какъ я заблуждаюсь, не признавая Троицы, искупленія и безсмертія души; говорено было очень многое, но только не то одно, что для всякаго христіанина составляетъ главный существенный вопросъ жизни: какъ соединить ясно выраженное въ словахъ учителя и въ сердцѣ каждаго изъ насъ ученіе о прощеніи, смиреніи, отреченіи и любви ко всѣмъ: къ ближнимъ и къ врагамъ, съ требованіемъ военнаго насилія надъ людьми своего или чужого народа.

Все, что можно назвать подобіями отвѣтовъ на этотъ вопросъ, можно свести къ слѣдующимъ пяти разрядамъ. Я старался собрать въ этомъ отношеніи все, что могъ, не только по критикамъ на мою книгу, но и по всему тому, что и въ прежнія времена писалось на эту тему.

Первый самый грубый способъ отвѣта состоитъ въ смѣломъ утвержденіи того, что насиліе не противорѣчитъ ученію Христа, что оно разрѣшено и даже предписано христіанамъ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ.

Этого рода утвержденія исходятъ большею частью отъ людей, находящихся на высокихъ ступеняхъ правительственной или духовной іерархіи и вслѣдствіе этого совершенно увѣренныхъ, что на ихъ утвержденія возражать никто не посмѣетъ, а если кто и будетъ возражать, то они не услышатъ этихъ возраженій. Люди эти большею частью до такой степени, вслѣдствіе одурманенія властью, потеряли представленіе о томъ, что есть то христіанство, во имя котораго они занимаютъ свое положеніе, что все то, что есть въ христіанствѣ христіанскаго, представляется имъ сектантствомъ; все же то, что въ писаніи какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта можетъ быть перетолковано въ смыслѣ антихристіанскомъ и языческомъ, они считаютъ основаніемъ христіанства. Въ пользу своего утвержденія о томъ, что христіанство не противорѣчитъ насилію, эти люди выставляютъ обыкновенно съ величайшей смѣлостью самыя соблазнительныя мѣста

изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, самымъ нехристіанскимъ образомъ толкуя ихъ: казнь Ананія и Сапфиры, казнь Симона Волхва и т. п. Приводятся всѣ тѣ слова Христа, которыя можно перетолковать, какъ оправданіе жестокости: изгнаніе изъ храма, «Отраднѣе будетъ землѣ Содомской, чѣмъ городу этому» и т. п.

По понятіямъ этихъ людей христіанское правительство нисколько не обязано руководиться духомъ смиренія, прощенія обидъ и любви къ врагамъ.

Опровергать такое утвержденіе безполезно потому, что люди, утверждающіе это, сами себя опровергаютъ или скорѣе отвергаютъ себя отъ Христа, выдумывая своего Христа и свое христіанство вмѣсто того, во имя котораго и существуетъ и церковь, и то положеніе, которое они въ ней занимаютъ. Если бы всѣ люди знали, что церковь проповѣдуетъ Христа казнящаго и не прощающаго и воюющаго, то никто бы не вѣрилъ въ эту церковь и некому было бы доказывать то, что она доказываетъ.

Второй способъ нѣсколько менѣе грубый состоитъ въ томъ, чтобы утверждать, что хотя дѣйствительно Христосъ училъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ, и что это очень высокое нравственное требованіе, но . . . что есть на свѣтѣ злодѣи, и если не усмирять силой этихъ злодѣевъ, то погибнетъ весь міръ и погибнутъ добрые. Доводъ этотъ я нашелъ въ первый разъ у Іоанна Златоуста и выставляю несправедливость его въ книгѣ «Въ чемъ моя вѣра».

Доводъ этотъ неоснователенъ потому, что если мы позволимъ себѣ признать какихъ либо людей злодѣями особенными (рака), то во первыхъ мы этимъ уничтожаемъ весь смыслъ христіанскаго ученія, по которому всѣ мы равны и братья, какъ сыны одного Отца небеснаго; во вторыхъ потому, что если бы и было разрѣшено Богомъ употреблять насиліе противъ злодѣевъ, то такъ какъ никакъ нельзя найти того вѣрнаго и несомнѣннаго опредѣленія, по которому можно навѣрное узнавать злодѣя отъ незлодѣя, то каждый человѣкъ или общество людей стало бы признавать взаимно другъ друга злодѣями, что и есть теперь; въ третьихъ, потому что еслибы и было возможно несомнѣнно узнавать злодѣевъ отъ незлодѣевъ, то и тогда нельзя бы было въ христіанскомъ обществѣ казнить или калѣчить, или запирать въ тюрьмы этихъ злодѣевъ, потому что въ христіанскомъ обществѣ некому бы было исполнять это, такъ какъ каждому христіанину, какъ христіанину предписано не дѣлать насилія надъ злодѣемъ.

Третій способъ отвѣтовъ еще болѣе тонкій, чѣмъ предыдущій, состоитъ въ утвержденіи того, что хотя заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ и обязательна для христіанина, когда зло направлено лично противъ него, она перестаетъ быть обязательной, когда зло направлено противъ ближнихъ, и что тогда христіанинъ не только не обязанъ исполнять заповѣди, но обязанъ для защиты ближнихъ противно заповѣди употреблять насиліе противъ насилующихъ.

Утвержденіе это совершенно произвольно и во всемъ ученіи Христа нельзя найти подтвержденія такому толкованію. Такое толкованіе есть не только ограниченіе заповѣди, но прямое отрицаніе и уничтоженіе ея. Если каждый имѣетъ право употреблять насиліе при угрожающей другому опасности, то вопросъ объ употребленіи насилія сводится къ вопросу опредѣленія того, что считать опасностью для другого. Если же мое частное сужденіе рѣшаетъ вопросъ опасности для другого, то нѣтъ того случая насилія, котораго нельзя бы было объяснить угрожающей другому опасностью. Казнили и сжигали колдуновъ, казнили аристократовъ и жирондистовъ, казнили и ихъ враговъ, потому что тѣ, которые были во власти, считали ихъ опасными для людей.

Если бы это важное ограниченіе, въ корнѣ подрывающее значеніе заповѣди, входило въ мысль Христа, то о немъ должно было быть гдѣ нибудь упомянуто. Во всей же проповѣди и жизни учителя не только не сдѣлано этого ограниченія, но напротивъ какъ разъ дано предостереженіе противъ такого ложнаго и соблазнительнаго, уничтожающаго заповѣдь ограниченія. Ошибка и невозможность такого ограниченія съ особенной яркостью показана въ Евангеліи при разсказѣ о разсужденіи Каіафы, сдѣлавшаго именно это ограниченіе. Онъ признавалъ, что нехорошо казнить невиннаго Іисуса, но видѣлъ въ этомъ опасность не для себя, но для всего народа и потому сказалъ: «лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ всему народу.» И еще ярче высказано отрицаніе такого ограниченія въ словахъ, сказанныхъ Петру при его попыткѣ воспротивиться насиліемъ злу, направленному противъ Іисуса (Мѳ. XXVI. 52). Петръ защищалъ не себя, но своего любимаго и божественнаго учителя. И Христосъ прямо запретилъ ему это, сказавъ, что поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ.

Кромѣ того оправданіе насилія, употребленнаго надъ ближнимъ для защиты другаго ближняго отъ худшаго насилія, всегда невѣрно, потому что никогда при употребленіи насилія противъ несовершившагося еще зла нельзя знать, какое зло будетъ больше—зло ли моего насилія или того, отъ котораго я хочу защищать. Мы казнимъ преступника, избавляя отъ него общество, и никакъ не можемъ знать, не измѣнился ли бы завтра бывшій преступникъ и не есть ли наша казнь безполезная жестокость. Мы запираемъ опаснаго,

по нашему мнѣнію, члена общества, но съ завтрашняго дня этотъ человѣкъ могъ неперестать быть опаснымъ и заключеніе его напрасно. Я вижу, что извѣстный мнѣ разбойникъ преслѣдуетъ дѣвушку, у меня въ рукѣ ружье—я убиваю разбойника, спасаю дѣвушку, но смерть, или пораненіе разбойника совершилось навѣрное, то же, что бы произошло, если бы этого не было, мнѣ неизвѣстно. А какое огромное количество зла должно произойти, какъ оно и происходитъ—отъ признанія людьми за собой права предупреждать могущее случиться зло. 0,99 зла міра отъ инквизиціи до динамитныхъ бомбъ и казней и страданій десятковъ тысячъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ основано на этомъ разсужденіи.

Четвертый еще болѣе утонченный отвѣтъ на вопросъ, какъ должно относиться христіанину къ заповѣди Христа о непротивленіи злу насиліемъ, состоитъ въ томъ, чтобы утверждать, что заповѣдь непротивленія злу насиліемъ не отрицается ими, а признается, какъ и всякая другая, но что они только не приписываютъ этой заповѣди особеннаго исключительнаго значенія, какъ это дѣлаютъ сектанты. Приписываніе этой заповѣди неизмѣннаго условія христіанской жизни, какъ это дѣлаютъ Гаррисонъ, Балу, Даймондъ, Квакеры, Меноиты, Шекеры и какъ это дѣлали Моравскіе братья, Вальденцы, Альбигойцы, Богомилы, Павликіане—есть одностороннее сектантство. Заповѣдь эта имѣетъ ни больше, ни меньше значенія, чѣмъ и всѣ другія, и человѣкъ, преступившій по слабости какую бы то ни было заповѣдь, а также и заповѣдь о непротивленіи, не перестаетъ быть христіаниномъ, если онъ правильно вѣритъ.

Изворотъ этотъ очень искусенъ и многіе люди, желающіе быть обманутыми, легко обманываются имъ. Изворотъ состоитъ въ томъ, чтобы прямое сознательное отрицаніе заповѣди свести къ случайному нарушенію ея. Но стоитъ только сравнить отношеніе церковныхъ учителей къ этой и къ другимъ, дѣйствительно признаваемымъ ими заповѣдямъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что отношеніе церковныхъ учителей къ заповѣдямъ, которыя они признаютъ, и къ этой—совершенно различно.

Заповѣдь противъ блуда они дѣйствительно признаютъ и потому никогда ни въ какомъ случаѣ не признаютъ того, чтобы блудъ не былъ зломъ. Никогда церковные проповѣдники не указываютъ случаевъ, когда заповѣдь противъ блуда должна бы была нарушаться, и всегда поучаютъ тому, что должно избѣгать соблазновъ, вводящихъ въ искушеніе противъ блуда. Но не то съ заповѣдью непротивленія. Всѣ церковные проповѣдники знаютъ случаи, когда заповѣдь эта можетъ быть нарушена. И такъ и учатъ людей. И не только не учатъ избѣгать этихъ соблазновъ, изъ которыхъ главный есть присяга, но сами производятъ его. Церковные проповѣдники никогда ни въ какомъ случаѣ не проповѣдуютъ нарушенія всякой другой заповѣди. По отношенію же заповѣди о непротивленіи они прямо учатъ тому, что не надо слишкомъ прямо понимать это запрещеніе, что не только не всегда нужно исполнять заповѣдь, но что есть условія, положенія, въ которыхъ нужно дѣлать прямо противное, т. е. судить, воевать, казнить. Такъ что, по случаю заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ, проповѣдуется въ большей части случаевъ о томъ, какъ не исполнять ее. Исполненіе этой заповѣди, говорятъ они, очень трудно и свойственно только совершенству. Но какъ-же ей быть не трудной, когда нарушеніе ея не только не запрещается, но прямо поощряется, когда прямо благословляются суды, тюрьмы, пушки, ружья, войска, сраженія.

Стало быть неправда то, что заповѣдь эта признается церковными проповѣдниками наравнѣ съ другими заповѣдями. Церковные проповѣдники прямо не признаютъ ее и, только не смѣя сознаться въ этомъ, стараюсь скрыть свое непризнаніе ея.

Таковъ четвертый способъ отвѣтовъ.

Пятый способъ самый тонкій, самый употребительный и самый могущественный, состоитъ въ уклоненіи отъ отвѣта, въ дѣланіи вида, что вопросъ этотъ кѣмъ то давнымъ давно разрѣшенъ вполнѣ ясно и удовлетворительно и что говорить объ этомъ не стоитъ.

Этотъ способъ употребляемъ всѣми болѣе или менѣе культурными духовными писателями, т. е. такими, которые чувствуютъ для себя обязательными законы логики. Зная, что противорѣчіе, существующее между ученіемъ Христа, которое мы на словахъ исповѣдуемъ, и всѣмъ строемъ нашей жизни нельзя распутать словами и касаясь его, можно только сдѣлать его еще очевиднѣе, они съ большей или меньшей ловкостью, дѣлая видъ, что вопросъ о соединеніи христіанства съ насиліемъ уже разрѣшенъ или вовсе не существуетъ, обходятъ его. *)

*) Знаю только одну не критику въ точномъ смыслѣ слова, но статью, трактующую о томъ же предметѣ и имѣющую въ виду мою книгу, немного отступающую отъ этого общаго опредѣленія. Это брошюра Троицкаго (Казань): «Нагорная бесѣда». Авторъ очевидно признаетъ ученіе Христа въ его настоящемъ значеніи. Онъ говоритъ, что заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ значитъ то самое, что она значитъ, тоже и о заповѣди о клятвѣ; онъ не отрицаетъ, какъ это дѣлаютъ другіе, значеніе ученія Христа, но, къ сожалѣнію,

Большинство духовныхъ критиковъ на мою книгу пользуются этимъ способомъ. Я бы могъ привести десятки такихъ критикъ, въ которыхъ безъ исключенія повторяется одно и то же: говорится обо всемъ, но только не о томъ, что составляетъ главный предметъ книги. Какъ характерный примѣръ такихъ критикъ, приведу статью знаменитаго, утонченнаго англійскаго писателя и проповѣдника Фаррара, великаго, какъ и многіе ученые богословы, мастера обходовъ и умолчаній. Статья эта напечатана въ американскомъ журналѣ «*Forum*» за октябрь 1888 года.

Изложивъ добросовѣстно вкратцѣ содержаніе моей книги, Фарраръ говоритъ:

«Толстой пришелъ къ убѣжденію, что міръ былъ грубо обманутъ, когда людей увѣрили, что ученіе Христа «непротивься злу или зломъ» совмѣстимо съ войной, судами, смертной казнью, разводами, клятвой, народными пристрастіями и вообще съ большинствомъ учрежденій гражданской и общественной жизни. Онъ вѣритъ теперь, что Царство Бога наступитъ тогда, когда люди будутъ исполнять 5 заповѣдей Христа, именно: 1) жить въ мирѣ со всѣми людьми; 2) вести чистую жизнь; 3) не клясться; 4) никогда не противиться злу и 5) отказываться отъ народныхъ различій».

«Толстой, говоритъ онъ, отрицаетъ боговдохновенность Ветхаго Завѣта, посланій, отрицаетъ всѣ догматы церкви, какъ то: Троицы, искупленія, сошествія св. Духа, священства, и признаетъ только слова и заповѣди Христа». «Но вѣрно ли такое толкованіе ученія Христа? говоритъ онъ. Обязаны ли всѣ люди поступать такъ, какъ учитъ Толстой, т. е. исполнять 5 заповѣдей Христа?»

Такъ и ждешь, что на этотъ существенный вопросъ, который одинъ только и могъ побудить человѣка писать статью о книгѣ, человѣкъ скажетъ, что это толкованіе ученія Христа вѣрно и что надо слѣдовать ему, или скажетъ, что такое толкованіе невѣрно, докажетъ почему, и дастъ другое правильное толкованіе тѣхъ словъ, которыя я неправильно толкую. Но ничего подобнаго не дѣлается. Фарраръ выражаетъ только «убѣжденіе», что—«Толстой, хотя и руководимый самой благородной искренностью, впалъ въ заблужденіе частныхъ и односторонніхъ толкованій смысла Евангелія и разума (*mind*) и воли Христа».

Въ чемъ это заблужденіе, не разъясняется, а говорится только: «Входить въ доказательства этого невозможно въ этой статьѣ, потому что я уже и такъ превзошелъ количество листовъ, предоставленныхъ мнѣ».

И онъ съ покойнымъ духомъ заключаетъ: «Между тѣмъ, если читатель чувствуетъ себя смущеннымъ мыслью о томъ, что онъ обязанъ, какъ христіанинъ, такъ же какъ и Толстой, покинуть свои привычныя условія жизни и жить какъ простой работникъ, то пусть онъ успокоится и держится принципа «*Securus judicat orbis terrarum*».*) «За малыми исключеніями», продолжаетъ онъ, все христіанство отъ апостольскихъ временъ и до нашихъ дней пришло къ убѣжденію, что цѣль Христа состояла въ томъ, чтобы дать людямъ великій принципъ, но не въ томъ, чтобы разрушить основы учрежденія всего человѣческаго общества, которое утверждается на божескомъ установленіи (*sanction*) и на необходимости. Если бы моей задачей было доказать, какъ невозможно ученіе коммунизма, основываемое Толстымъ на божественныхъ парадоксахъ (*sic*), которые могутъ быть истолковываемы только на основаніи историческихъ принциповъ въ согласіи со всѣми методами ученія Христа, —это потребовало бы болѣе мѣста, чѣмъ я имѣю въ своемъ распоряженіи».

Экое горе, мѣста ему нѣтъ! И странное дѣло, никому вотъ уже 15 вѣковъ нѣтъ мѣста доказать то, что Христосъ, котораго мы исповѣдуемъ, говорилъ совсѣмъ не то, что онъ говорилъ. А доказать они могли бы, если бы захотѣли. Впрочемъ и не стоитъ доказывать то, что всѣмъ извѣстно. Довольно сказать: «*Securus judicat orbis terrarum*».

И таковы безъ исключенія всѣ критики культурныхъ вѣрующихъ людей и потому понимающихъ опасность своего положенія. Единственный выходъ изъ него для нихъ надежда на то, что, пользуясь авторитетомъ церкви, древности, святости, можно запугать читателя, отвлечь его отъ мысли самому прочесть Евангеліе и самому своимъ умомъ обдумать вопросъ. И это удается.

Кому въ самомъ дѣлѣ придетъ въ голову то, что все то, что съ такой увѣренностью и торжественностью повторяется изъ вѣка въ вѣкъ всѣми этими архидіаконами, епископами, архіепископами, святѣйшими синодами и папами, что все это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обезпеченія денегъ,

---

не дѣлаетъ изъ этого признанія тѣхъ неизбѣжныхъ выводовъ, которые въ нашей жизни сами собой напрашиваются при такомъ пониманіи ученія Христа. Если противиться злу насиліемъ и клясться не должно, то всякій естественно спрашиваетъ:—какъ же военная служба? Присяга? А вотъ на этотъ вопросъ авторъ не даетъ отвѣта, а надо отвѣтить. А если нельзя отвѣтить, то лучше и не говорить, потому что умолчаніе производитъ заблужденіе.

*) Весь міръ судитъ легкомысленно.

Ред.

которыя имъ нужны для сладкой жизни на шеяхъ другихъ людей,—ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоитъ въ томъ, чтобы запугивать людей своей увѣренностью, своей безсовѣстностью.

Это все то же, что происходило послѣдніе года въ воинскихъ присутствіяхъ: сидятъ за столомъ за зерцаломъ, на первыхъ мѣстахъ, подъ портретомъ во весь ростъ императора, старые, важные, въ регаліяхъ чиновники, и свободно, развязно бесѣдуютъ, записываютъ, приказываютъ и вызываютъ. Тутъ же въ наперсномъ крестѣ и шелковой рясѣ съ выпростанными сѣдыми волосами на эпитрахили, благообразный старецъ-священникъ передъ аналоемъ, на которомъ лежитъ золотой крестъ съ кованнымъ въ золотѣ Евангеліемъ.

Вызываютъ Ивана Петрова. Выходитъ юноша, дурно, грязно одѣтый, испуганный, съ дрожащими мускулами лица и блестящими бѣгающими глазами и прерывающимся голосомъ, шепотомъ почти говоритъ: «я . . . по закону . . . . я, какъ христіанинъ . . . я не могу . . .»

— Что онъ бормочетъ? спрашиваетъ нетерпѣливо, щурясь и прислушиваясь предсѣдатель, поднимая голову отъ книги.

— Говорите громче! кричитъ на него полковникъ съ блестящими погонами.

— «Я . . . я. . . какъ христіанинъ. . . .»

И наконецъ оказывается, что юноша отказывается отъ военной службы, потому что онъ христіанинъ.

— Не говори вздору. Ставь въ мѣрку. Докторъ, потрудитесь смѣрить. Годится?

— Годится.

— Батюшка, приведите къ присягѣ.

Никто не только не смущенъ, но даже не обращаетъ вниманія на то, что лопочетъ этотъ испуганный, жалкій юноша. «Они всѣ что нибудь лопочатъ, а намъ некогда, надо еще столькихъ принять.»

Рекрутъ что то хочетъ сказать еще. — «Это противъ закона Христа».

— «Ступайте, ступайте, безъ васъ знаютъ, что по закону, что не по закону, а вы отправляйтесь. Батюшка, внушите ему. Слѣдующій: Василій Никитинъ».

И дрожащаго юношу уводятъ. И кому, и сторожамъ, и Василію Никитину, котораго вводятъ, и всѣмъ, которые со стороны видѣли эту сцену, прійдетъ въ голову, что тѣ неясныя короткія слова юноши, тотчасъ же замятыя начальствомъ, содержатъ въ себѣ истину, а тѣ громкія, торжественно произносимыя рѣчи самоувѣренныхъ, спокойныхъ чиновниковъ и священника суть ложь, обманъ.

Такое же впечатлѣніе производятъ статьи не одного Фаррара, но всѣ тѣ торжественныя проповѣди, статьи и книги, которыя появляются со всѣхъ сторонъ, какъ только гдѣ нибудь проглянетъ истина, обличающая царствующую ложь. Тотчасъ же начинаются длинные, умные, изящные, торжественные разговоры или писанія о вопросахъ, близко касающихся предмета съ искуснымъ умолчаніемъ о самомъ предметѣ.

Въ этомъ состоитъ пятый и самый дѣйствительный способъ устраненія того противорѣчія, въ которое поставило себя церковное христіанство, исповѣдуя на словахъ Христа и отрицая въ жизни его ученіе и научая этому людей.

Тѣ, которые оправдываются по первому способу, прямо, грубо утверждая, что Христосъ разрѣшилъ насиліе: войны, убійства — сами себя отвергаютъ отъ ученія Христа; тѣ, которые защищаются по второму, третьему и четвертому способу, сами путаются и ихъ легко уличить въ ихъ неправдѣ; но эти послѣдніе, не разсуждающіе, не удостаивающіе разсуждать, а прячущіеся за свое величіе и дѣлающіе видъ, что все это ими, или еще кѣмъ то уже давно рѣшено и не подлежитъ уже никакому сомнѣнію,—эти кажутся неуязвимыми и будутъ неуязвимы до тѣхъ поръ, пока люди будутъ находиться подъ дѣйствіемъ гипнотическаго внушенія, наводимаго на нихъ правительствами и церквами, и не встряхнутся отъ него.

Такъ относились къ моей книгѣ духовные, т. е. исповѣдующіе вѣру въ Христа. И иначе имъ нельзя было отнестись: ихъ связываетъ то противорѣчіе, въ которомъ они находятся — вѣры въ божественность учителя, и невѣрія въ его самыя ясныя слова, — изъ котораго имъ надо какъ нибудь выпутываться, и потому нельзя было ожидать отъ нихъ свободныхъ сужденій о самой сущности вопроса, о томъ измѣненіи жизни людей, которое вытекаетъ изъ приложенія ученія Христа къ существующему порядку. Такого рода сужденій я ожидалъ отъ свѣтскихъ, вольнодумныхъ критиковъ, которые ничѣмъ не связаны съ ученіемъ Христа и могутъ свободно смотрѣть на него. Я ожидалъ, что вольнодумные писатели посмотрятъ на Христа не только, какъ на установителя религіи поклоненія и личнаго спасенія (какъ его понимаютъ церковники), а, выражаясь ихъ языкомъ, и какъ на реформатора, разрушающаго старыя и дающаго новыя основы жизни, реформа котораго не совершилась еще, а продолжается и до сихъ поръ.

Такой взглядъ на Христа и его ученіе вытекаетъ изъ моей книги. Но къ удивленію моему изъ числа въ большомъ количествѣ появившихся на мою книгу критикъ, не было ни одной, ни русской, ни иностранной, которая трактовала бы предметъ съ той самой стороны, съ которой онъ изложенъ въ книгѣ, т. е. которая посмотрѣла бы на ученіе Христа, какъ на философское, нравственное и соціальное (говоря

КИЕВЛИ... КОМЕНУНИСТ...

опять языкомъ научныхъ людей) ученіе. Ни въ одной критикѣ этого не было.

Русскіе свѣтскіе критики, понявъ мою книгу такъ, что все ея содержаніе сводится къ непротивленію злу и понявъ самое ученіе о непротивленіи злу (вѣроятно для удобства возраженія) такъ, что оно будто бы запрещаетъ всякую борьбу со зломъ, русскіе свѣтскіе критики съ раздраженіемъ напали на это ученіе и весьма успѣшно, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ доказывали, что ученіе Христа неправильно, такъ какъ оно запрещаетъ противиться злу. Ихъ опроверженія этого мнимаго ученія Христа были тѣмъ болѣе успѣшны, что они впередъ знали, что ихъ разсужденія не могутъ быть ни опровергаемы, ни исправляемы, такъ какъ цензура, не пропустивъ книги, не пропускала и статей въ защиту ея.

Замѣчательно при этомъ то, что у насъ, гдѣ нельзя сказать слова о священномъ писаніи, безъ запрета цензуры, нѣсколько лѣтъ во всѣхъ журналахъ извращалась, критиковалась, осуждалась, осмѣивалась прямо и точно выраженная заповѣдь Христа. Мѳ. V. 39.

Русскіе свѣтскіе критики, очевидно не зная всего того, что было сдѣлано по разработкѣ вопроса о непротивленіи злу и даже иногда какъ будто предполагая, что это я лично выдумалъ правило непротивленія злу насиліемъ, нападали на самую мысль, опровергая, извращая ее и съ большимъ жаромъ выставляя аргументы, давнымъ давно уже со всѣхъ сторонъ разобранные и опровергнутые, доказывали, что человѣкъ непремѣнно долженъ (насиліемъ) защищать всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ и что поэтому ученіе о непротивленіи злу насиліемъ есть ученіе безнравственное.

Всѣмъ русскимъ критикамъ все значеніе проповѣди Христа представлялось только въ томъ, что она какъ будто имъ на зло мѣшаетъ извѣстной дѣятельности, направленной противъ того, что ими въ данную минуту считается зломъ, такъ что выходило, что на принципъ непротивленія злу насиліемъ нападали два противоположные лагеря: консерваторы, потому что этотъ принципъ препятствовалъ ихъ дѣятельности противленія злу, производимому революціонерами, ихъ преслѣдованіямъ и казнямъ; революціонеры же потому, что этотъ принципъ препятствовалъ противленію злу, производимому консерваторами и ихъ ниспроверженію. Консерваторы возмущались тѣмъ, что ученіе о непротивленіи злу насиліемъ препятствуетъ энергическому подавленію революціонныхъ элементовъ, могущихъ погубить благосостояніе народа; революціонеры возмущались тѣмъ, что ученіе о непротивленіи злу насиліемъ препятствуетъ ниспроверженію консерваторовъ, губящихъ благосостояніе народа. Замѣчательно при этомъ то, что революціонеры нападали на принципъ непротивленія злу насиліемъ, не смотря на то, что онъ самый страшный и опасный для всякаго деспотизма, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ на противоположномъ принципѣ необходимости противленія злу насиліемъ основывались и основываются всѣ насилія отъ инквизиціи до Шлиссельбургской крѣпости.

Кромѣ того русскіе критики указывали и на то, что приложеніе къ жизни заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ своротило бы человѣчество съ того пути цивилизаціи, по которому оно идетъ. Путь же цивилизаціи, по которому идетъ европейское человѣчество есть, по ихъ мнѣнію, тотъ самый, по которому и должно всегда идти все человѣчество.

Таковъ былъ главный характеръ русскихъ критиковъ.

Иностранные критики исходили изъ тѣхъ же основъ, но разсужденія ихъ о моей книгѣ нѣсколько отличались отъ разсужденій русскихъ критиковъ не только меньшей раздражительностью и большей культурностью, но и по существу дѣла..

Разсуждая о моей книгѣ и вообще о Евангельскомъ ученіи, какъ оно выражено въ нагорной проповѣди, иностранные критики утверждали, что такое ученіе не есть собственно христіанское (христіанское ученіе по ихъ мнѣнію есть католицизмъ и протестантство)—ученіе же нагорной проповѣди есть только рядъ очень милыхъ непрактическихъ мечтаній *du charmant docteur*, какъ говоритъ Ренанъ, годныхъ для наивныхъ и полудикихъ обитателей Галилеи, жившихъ за 1800 лѣтъ назадъ, и для русскихъ полудикихъ мужиковъ—Сютаева, Бондарева и русскаго мистика Толстого, но никакъ не приложимыхъ къ высокой степени Европейской культуры.

Иностранные, свѣтскіе критики тонкимъ манеромъ, не оскорбляя меня, старались дать почувствовать, что сужденія мои о томъ, что человѣчество можетъ руководиться такимъ наивнымъ ученіемъ, какъ нагорная проповѣдь, происходитъ отчасти отъ моего невѣжества, незнанія исторіи, незнанія всѣхъ тѣхъ тщетныхъ попытокъ осуществленія въ жизни принциповъ нагорной проповѣди, которыя были дѣлаемы въ исторіи и ни къ чему не привели, отчасти отъ непониманія всего значенія той высокой культуры, на которой со своими крупповскими пушками, бездымнымъ порохомъ, колонизаціей Африки, управленіемъ Ирландіи, парламентомъ, журналистикой, стачками, конституціей и Эйфелевой башней стоитъ теперь европейское человѣчество.

Такъ писалъ *Vogué*, такъ писалъ *Leroy Beaulieu*, такъ писалъ Матью Арнольдъ, такъ писалъ американскій писатель Саваджъ и Ингерзаль, популярный амери-

канскій свободомыслящій проповѣдникъ и многіе другіе.

«Ученіе Христа не годится, потому что не соотвѣтствуетъ нашему индустріальному вѣку», наивно говоритъ Ингерзадъ, выражая этимъ съ совершенной точностью и наивностью то самое, что думаютъ утонченно образованные люди нашего времени объ ученіи Христа. Ученіе не годится для нашего индустріальнаго вѣка, точно какъ будто то, что существуетъ индустріальный вѣкъ есть дѣло священное, которое не должно и не можетъ быть измѣнено. Въ родѣ того, какъ еслибы пьяницы противъ совѣтовъ о томъ, какъ имъ привести себя въ трезвое состояніе, отвѣчали бы, что эти совѣты неумѣстны при ихъ алкоголическомъ состояніи.

Разсужденія всѣхъ свѣтскихъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, какъ ни различенъ ихъ тонъ и манера доводовъ, всѣ въ сущности сводятся къ одному и тому же странному недоразумѣнію, именно къ тому, что ученіе Христа, одно изъ послѣдствій котораго есть непротивленіе злу насиліемъ, непригодно намъ, потому что оно требуетъ измѣненія нашей жизни.

Ученіе Христа негодно, потому что, еслибы оно было исполнено, не могла бы продолжаться наша жизнь; другими словами: еслибы мы начали жить хорошо, какъ насъ учитъ Христосъ, мы не могли бы продолжать жить дурно, какъ мы живемъ и привыкли жить. Вопросъ же о непротивленіи злу насиліемъ не только не обсуждается, но самое упоминаніе о томъ, что въ ученіе Христа входитъ требованіе непротивленія злу насиліемъ, уже считается достаточнымъ доказательствомъ неприложимости всего ученія.

А между тѣмъ, казалось бы необходимо указать хоть на какое нибудь рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ онъ стоитъ въ основѣ почти всѣхъ дѣлъ, которыя занимаютъ насъ.

Вопросъ вѣдь состоитъ въ томъ: какимъ образомъ разрѣшать столкновенія людей когда одни люди считаютъ зломъ то, что другіе считаютъ добромъ, и на оборотъ? И потому считать, что зло есть то, что я считаю зломъ, не смотря на то, что противникъ мой считаетъ это добромъ, не есть отвѣтъ. Отвѣтовъ можетъ быть только два: или тотъ, чтобы найти вѣрный и неоспоримый критеріумъ того, что есть зло, или тотъ, чтобы не противиться злу насиліемъ.

Первый выходъ былъ пробованъ съ начала историческихъ временъ и, какъ мы всѣ знаемъ, не привелъ до сихъ поръ къ успѣшнымъ результатамъ.

Второй отвѣтъ — не противиться насиліемъ тому, что мы считаемъ зломъ, до тѣхъ поръ, пока мы не нашли общаго критеріума — этотъ отвѣтъ предложенъ Христомъ.

Можно находить, что отвѣтъ, данный Христомъ, — неправиленъ; можно выставить на мѣсто его другой, лучшій, найди такой критеріумъ, который для всѣхъ несомнѣнно и одновременно опредѣлялъ бы зло; можно просто не сознавать сущности вопроса, какъ не сознаютъ этого дикіе народы, но нельзя, какъ это дѣлаютъ ученые критики христіанскаго ученія, дѣлать видъ, что вопроса никакого вовсе и не существуетъ, или что признаніе за извѣстными лицами или собраніями людей (тѣмъ менѣе, когда эти люди мы сами) права опредѣлять зло и противиться ему насиліемъ, разрѣшаетъ вопросъ; тогда какъ мы всѣ знаемъ, что такое признаніе нисколько не разрѣшаетъ вопроса, такъ какъ всегда есть люди, не признающіе за извѣстными людьми или собраніями этого права.

А это то признаніе того, что то, что намъ кажется зломъ, то и есть зло, или совершенное непониманіе вопроса, и служитъ основой сужденій свѣтскихъ критиковъ о христіанскомъ ученіи, такъ что сужденія о моей книгѣ, какъ церковныхъ такъ и свѣтскихъ критиковъ доказали мнѣ то, что большинство людей прямо не понимаютъ не только самого ученія Христа, но даже и тѣхъ вопросовъ, на которые оно служитъ отвѣтомъ.

III.

Такъ что, какъ свѣдѣнія, полученныя мною послѣ выхода моей книги о томъ, какъ не переставая понималось и понимается меньшинствомъ людей христіанское ученіе въ его прямомъ и истинномъ смыслѣ, такъ и критики на нее, и церковныя и свѣтскія, отрицающія возможность понимать ученіе Христа въ прямомъ смыслѣ, убѣдили меня въ томъ, что, тогда какъ съ одной стороны никогда для меньшинства не прекращалось, но все яснѣе и яснѣе становилось истинное пониманіе этого ученія, такъ съ другой стороны для большинства смыслъ его все болѣе и болѣе затемнялся, дойдя наконецъ до той степени затемнѣнія, что люди прямо уже не понимаютъ самыхъ простыхъ положеній, самыми простыми словами выраженныхъ въ Евангеліи.

Непониманіе ученія Христа въ его истинномъ, простомъ и прямомъ смыслѣ въ наше время, когда свѣтъ этого ученія проникъ уже всѣ, самые темные углы сознанія людскаго; когда, какъ говорилъ Христосъ, теперь уже съ крышъ кричатъ то, что онъ говорилъ на ухо: когда ученіе это проникаетъ всѣ стороны человѣческой жизни: и семейную, и экономическую, и гражданскую, и государственную, и международную, — непониманіе это было бы необъяснимо, если бы непониманію этому не было причинъ.

Одна изъ этихъ причинъ это та, что какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе твердо

убѣждены, что ученіе Христа понято ими давно, и такъ полно, несомнѣнно и окончательно, что никакого другого значенія кромѣ того, которое они придаютъ ему, и не можетъ быть въ немъ. Причина этого состоитъ въ продолжительности преданія ложнаго пониманія и потому непониманія его.

Самая сильная струя воды не можетъ прибавить ни капли жидкости въ сосудъ, который полонъ.

Можно самому непонятливому человѣку объяснить самыя мудреныя вещи, если онъ не составилъ себѣ о нихъ еще никакого понятія; но самому понятливому человѣку нельзя объяснить самой простой вещи, если онъ твердо убѣжденъ, что знаетъ, да еще несомнѣнно знаетъ то, что передается ему.

Христіанское ученіе представляется людямъ нашего міра именно такимъ, давно и несомнѣнно каждому до всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностей извѣстнымъ ученіемъ, которое не можетъ быть понимаемо иначе какъ такъ, какъ оно понято.

Христіанство понимается теперь исповѣдующими церковныя ученія, какъ сверхъестественное, чудесное откровеніе обо всемъ томъ, что сказано въ символѣ вѣры; невѣрующими же,—какъ пережитое человѣчествомъ проявленіе его потребности вѣры въ сверхъестественное, какъ историческое явленіе, вполнѣ выразившееся въ католичествѣ, православіи, протестантствѣ и не имѣющее уже для насъ никакого жизненнаго значенія. Для вѣрующихъ значеніе ученія скрывается церковью, для невѣрующихъ—наукою.

Скажу сперва о первыхъ.

1800 лѣтъ тому назадъ среди языческаго Римскаго міра явилось странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, новое ученіе, приписывавшееся человѣку Христу.

Новое ученіе это было совершенно новое, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, и для еврейскаго міра, среди котораго оно возникло, и въ особенности для того Римскаго міра, среди котораго оно проповѣдывалось и распространялось.

Среди разработанности религіозныхъ правилъ еврейства, гдѣ, по словамъ Исаіи, было правило на правилѣ, и среди Римскаго, выработаннаго до великой степени совершенства, законодательства явилось ученіе, отрицавшее не только всякія божества,—всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру въ нихъ,—но и всякія человѣческія учрежденія и всякую необходимость въ нихъ.

Вмѣсто всякихъ правилъ прежнихъ исповѣданій, ученіе это выставляло только образецъ внутренняго совершенства, истины и любви въ лицѣ Христа и послѣдствія этого внутренняго совершенства, достигаемаго людьми, — внѣшняго совершенства, предсказаннаго пророками, — Царства Божія, при которомъ всѣ люди разучатся враждовать, будутъ всѣ научены Богомъ и соединены любовью, и левъ будетъ лежать съ ягненкомъ.

Вмѣсто угрозъ наказанія за неисполненіе правилъ, которыя выставлялись прежними законами, какъ религіозными, такъ и государственными, вмѣсто приманки наградъ за исполненіе ихъ, ученіе это призывало къ себѣ только тѣмъ, что оно истина. «Кто хочетъ узнать объ этомъ ученіи —отъ Бога-ли оно, пусть исполняетъ его». Іоан. VII. 17. «Если Я говорю истину, почему не вѣрите Мнѣ? Зачѣмъ ищите убить человѣка, сказавшаго вамъ истину? Только истина освободитъ васъ. Исповѣдовать Бога надо только въ истинѣ. Все ученіе откроется и уяснится духомъ истины. Дѣлайте то, что Я говорю, и узнаете, правда-ли то, что Я говорю.» Іоан. VIII.

Доказательствъ ученія не выставлялось никакихъ, кромѣ истины, кромѣ соотвѣтствія ученія съ истиной. Все ученіе состояло въ познаніи истины и слѣдованіи ей, въ бо́льшемъ и бо́льшемъ постиженіи истины и бо́льшемъ и бо́льшемъ приближеніи къ ней въ дѣлахъ жизни.

Нѣтъ по этому ученію поступковъ, которые-бы могли оправдать человѣка, сдѣлать его праведнымъ, есть только влекущій къ себѣ сердца образецъ истины для внутренняго совершенства въ лицѣ Христа, а для внѣшняго — въ осуществленіи Царства Божія. Исполненіе ученія — только въ движеніи по указанному пути, въ приближеніи къ совершенству внутреннему — подражанія Христу, и внѣшнему — установленія Царства Божія. Бо́льшее или меньшее благо человѣка зависитъ по этому ученію не отъ той степени совершенства, до которагѣ онъ достигаетъ, а отъ бо́льшаго или меньшаго ускоренія движенія.

Движеніе къ совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на крестѣ по этому ученію бо́льшее благо, чѣмъ неподвижная праведность фарисея. Заблудшая овца дороже 99-ти незаблудшихъ. Блудный сынъ, потерянная и опять найденная монета дороже, любимѣе Богомъ тѣхъ, которые не пропадали.

Всякое состояніе по этому ученію есть только извѣстная ступень на пути къ недостижимому внутреннему и внѣшнему совершенству и потому не имѣетъ значенія. Благо только въ движеніи къ совершенству, остановка же на какомъ-бы то ни было состояніи есть прекращеніе блага.

«Пусть лѣвая не знаетъ, что дѣлаетъ правая», и «не надежетъ для царства Божія работникъ, взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ». «Не радуйтесь тому, что бѣсы повинуются вамъ, а ищите того, чтобы имена ваши были написаны на небесахъ». «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». «Ищите Царствія Божія и правды его».

Исполненіе ученія только въ безостановочномъ движеніи—въ постиженіи все высшей и высшей истины, и все въ большемъ и большемъ осуществленіи ея въ себѣ все большей и большей любовью, а внѣ себя все большимъ и большимъ осуществленіемъ Царства Божія.

Очевидно, что явившееся среди еврейскаго и языческаго міра, ученіе это не могло быть принято большинствомъ людей, жившихъ совершенно иною жизнью, чѣмъ та, которой требовало это ученіе; и что даже тѣми, которыми оно было принято, оно, какъ совершенно противоположное всѣмъ прежнимъ взглядамъ, не могло быть понято во всемъ его значеніи.

Только рядомъ недоразумѣній, ошибокъ, односторонностей разъясненій, исправляемыхъ и дополняемыхъ поколѣніями людей, смыслъ христіанскаго ученія все болѣе и болѣе уяснялся людямъ. Совершалось воздѣйствіе христіанскаго міросозерцанія на еврейское и языческое, и языческаго и еврейскаго на христіанское. И христіанское, какъ живое, все болѣе и болѣе проникало отживающее еврейское и языческое и выступало все яснѣе и яснѣе, освобождаясь отъ накладываемыхъ на него ложныхъ примѣсей. Люди все дальше и дальше постигали смыслъ христіанства, и болѣе и болѣе осуществляли его въ жизни.

Чѣмъ дальше жило человѣчество, тѣмъ болѣе и болѣе уяснялся ему смыслъ христіанства, какъ это не могло и не можетъ быть иначе со всякимъ ученіемъ о жизни. Послѣдующія поколѣнія исправляли ошибки предшественниковъ и все болѣе и болѣе приближались къ пониманію истиннаго его смысла.

Такъ это было съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. И вотъ тутъ-то, съ самыхъ первыхъ временъ его, появились люди, начавшіе утверждать про себя, что тотъ смыслъ, который они придаютъ ученію, есть единый истинный, и что доказательствомъ этого служатъ сверхъестественныя явленія, подтверждающія справедливость ихъ пониманія.

Это-то и было главной причиной сначала непониманія ученія, а потомъ и полнаго извращенія ученія.

Предполагалось, что ученіе Христа передается людямъ, не какъ всякая другая истина, а особеннымъ, сверхъестественнымъ способомъ, такъ что истинность пониманія ученія доказывается не соотвѣтственностью передаваемаго съ требованіями разума и всей природы человѣка, а чудесностью передачи, служащей непреложнымъ доказательствомъ истинности пониманія. Возникло это предположеніе изъ непониманія, и послѣдствіемъ его была невозможность пониманія.

Началось это съ самыхъ первыхъ временъ, когда такъ неполно еще и часто превратно понималось ученіе, какъ мы видимъ это по Евангеліямъ и Дѣяніямъ. Чѣмъ менѣе было понято ученіе, тѣмъ оно представлялось темнѣе, и тѣмъ нужнѣе были внѣшнія доказательства его истинности. Положеніе о томъ, чтобы не дѣлать другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, не нужно было доказывать чудесами, и положенію этому не нужно было требовать вѣры, потому что положеніе это само по себѣ убѣдительно, соотвѣтствуя и разуму и природѣ человѣка; но положеніе о томъ, что Христосъ былъ Богъ, надо было доказывать чудесами совершенно непонятными.

Чѣмъ было темнѣе пониманіе ученія Христа, тѣмъ болѣе примѣшивалось къ нему чудеснаго; а чѣмъ болѣе примѣшивалось чудеснаго, тѣмъ болѣе ученіе отклонялось отъ своего смысла и становилось темнѣе; а чѣмъ болѣе оно отклонялось отъ своего смысла и становилось темнѣе, тѣмъ сильнѣе надо было утверждать свою непогрѣшимость, и тѣмъ менѣе ученіе становилось понятно.

Съ самыхъ первыхъ временъ по Евангеліямъ, Дѣяніямъ, Посланіямъ можно видѣть, какимъ образомъ непониманіе ученія вызывало необходимость доказательствъ черезъ чудесное и непонятное.

Началось это, по книгѣ Дѣяній, съ того собранія, на которомъ сошлись ученики въ Іерусалимѣ для разрѣшенія возникшаго вопроса о крещеніи или некрещеніи необрѣзанныхъ и о ѣдящихъ идоложертвенное.

Самая постановка вопроса показывала, что обсуждавшіе его не понимали ученія Христа — отвергающаго всѣ внѣшніе обряды: — омовенія, очищенія, посты, субботы. Прямо сказано: «сквернитъ не то, что въ уста входитъ, а то, что исходитъ изъ сердца», и потому вопросъ о крещеніи необрѣзанныхъ могъ возникнуть только среди людей, любившихъ учителя, смутно чувствовавшихъ величіе его ученія, но еще очень неясно понимавшихъ самое ученіе. Такъ оно и было.

Насколько члены собранія не понимали ученія, настолько понадобилось имъ внѣшнее подтвержденіе своего неполнаго пониманія. И вотъ для рѣшенія вопроса, самая постановка котораго показываетъ непониманіе ученія, были произнесены на этомъ собраніи, какъ это описываетъ книга Дѣяній, въ первый разъ долженствовавшія внѣшнимъ образомъ утвердить справедливость извѣстныхъ утвержденій, эти страшныя, надѣлавшія столько зла, слова: «угодно Святому Духу и намъ», т. е. утверждалось, что справедливость того, что они постановили, засвидѣтельствована чудеснымъ участіемъ въ этомъ рѣшеніи Святаго Духа, т. е. Бога. Но утвержденіе о томъ, что Святой Духъ, т. е. Богъ говорилъ черезъ апостоловъ, опять надо было доказать. И вотъ понадобилось для этого

утверждать то, что въ Пятидесятницу Святой Духъ въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на тѣхъ, которые утверждали это. (Въ описаніи сошествіе Св. Духа предшествуетъ собору, но написаны Дѣянія много послѣ того и другаго). Но и сошествіе Святаго Духа надо было подтвердить для тѣхъ, которые не видали огненныхъ языковъ (хотя и непонятно, почему огненный языкъ, зажегшійся надъ головой человѣка, показываетъ что то, что будетъ говорить этотъ человѣкъ, — несомнѣнная правда), и понадобились еще чудеса и изцѣленія, воскресенія, умерщвленія и всѣ тѣ соблазнительныя чудеса, которыми наполнены Дѣянія и которыя не только никогда не могутъ убѣдить въ истинности христіанскаго ученія, но могутъ только оттолкнуть отъ него. Послѣдствія такого способа утвержденія истины были тѣ, что чѣмъ болѣе нагромождались одно за другимъ эти подтвержденія истинности разсказами о чудесахъ, тѣмъ болѣе отклонялось самое ученіе отъ своего первоначальнаго смысла, и тѣмъ непонятнѣе становилось оно.

Такъ это было съ первыхъ временъ и такъ это шло, постоянно усиливаясь, логически дойдя въ наше время до догматовъ пресуществленія и непогрѣшимости папы или епископовъ, или писаній, т. е. до совершенно непонятнаго, дошедшаго до безсмыслицы и до требованій слѣпой вѣры не Богу, не Христу, не ученію даже, а лицу, какъ въ католичествѣ, или лицамъ, какъ въ православіи, или—вѣры книжкѣ, какъ въ протестантствѣ. Чѣмъ шире распространялось христіанство, и чѣмъ большую оно захватывало толпу неподготовленныхъ людей, тѣмъ менѣе оно понималось, тѣмъ рѣшительнѣе утверждалась непогрѣшимость пониманія и тѣмъ менѣе становилась возможность понять истинный смыслъ ученія. Уже ко времени Константина все пониманіе ученія свелось къ резюме, утвержденнымъ свѣтской властью, — резюме споровъ, происходившихъ на соборѣ, — къ символу вѣры, въ которомъ значится: вѣрую въ то-то, то-то и то-то и подъ конецъ — въ единую, святую, соборную и апостольскую церковь, т. е. въ непогрѣшимость тѣхъ лицъ, которыя называютъ себя церковью, такъ что все свелось къ тому, что человѣкъ вѣритъ уже не Богу, не Христу, какъ они открылись ему, а тому, чему велитъ вѣрить церковь.

Но церковь свята, церковь основана Христомъ. Не могъ Богъ предоставить людямъ толковать свое ученіе произвольно, — и потому Онъ установилъ церковь. Всѣ эти положенія до такой степени несправедливы и голословны, что совѣстно опровергать ихъ. Нигдѣ, ни по чему, кромѣ какъ по утвержденію церквей, не видно, чтобы Богъ или Христосъ основывали что либо подобное тому, что церковники разумѣютъ подъ церковью. Въ Евангеліи есть указаніе противъ церкви, какъ внѣшняго авторитета, самое очевидное и ясное въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, чтобы ученики Христа никого не называли учителями и отцами. Но нигдѣ ничего не сказано объ установленіи того, что церковники называютъ церковью.

Въ Евангеліяхъ два раза употреблено слово «церковь». Одинъ разъ въ смыслѣ собранія людей, разрѣшающаго споръ; другой разъ въ связи съ темными словами о камнѣ — Петрѣ и вратахъ ада. Изъ этихъ двухъ упоминаній слова «церковь», имѣющаго значеніе только собранія, выводится то, что мы теперь разумѣемъ подъ словомъ церковь.

Но Христосъ никакъ не могъ основать церковь, т. е. то, что мы теперь понимаемъ подъ этимъ словомъ, потому что ничего подобнаго понятію церкви такой, какую знаемъ теперь съ таинствами, іерархіей и, главное, съ своимъ утвержденіемъ непогрѣшимости не было ни въ словахъ Христа, ни въ понятіяхъ людей того времени.

То, что люди назвали то, что сложилось потомъ, тѣмъ-же словомъ, которое Христосъ употреблялъ о чемъ-то другомъ, никакъ не даетъ имъ права утверждать того, что Христосъ основалъ единую истинную церковь.

Кромѣ того, еслибы Христосъ дѣйствительно установилъ такое учрежденіе, какъ церковь, на которомъ основано все ученіе и вся вѣра, то онъ вѣроятно бы высказалъ это установленіе такъ опредѣленно и ясно и придалъ бы единой истинной церкви, кромѣ разсказовъ о чудесахъ, употребляемыхъ при всякихъ суевѣріяхъ, такіе признаки, при которыхъ не могло бы быть никакого сомнѣнія въ ея истинности; но ничего подобнаго нѣтъ, а какъ были, такъ и есть теперь различныя учрежденія, называющія себя каждое единою истинною церковью.

Католическій катехизисъ говоритъ: «*L'église est la société de fidèles établie par notre Seigneur Jésus-Christ, répandue sur toute la terre et soumise à l'autorité des pasteurs légitimes, principalement notre Saint Père — le Pape,**) подразумѣвая подъ *pasteurs légitimes* человѣческое учрежденіе, имѣющее во главѣ своей папу и составленное изъ извѣстныхъ, связанныхъ между собой извѣстной организаціей, лицъ.

Православный катехизисъ говоритъ: «Церковь есть основанное Іисусомъ Христомъ на землѣ общество, соединенное между собою въ одно цѣлое однимъ божествен-

*) Церковь есть общество вѣрующихъ, основанное Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, распространенное по всей землѣ и подчиненное власти законныхъ пастырей и Святаго нашего отца — Папы.

нымъ ученіемъ и таинствами, подъ управленіемъ и руководствомъ Богоустановленной іерархіи», разумѣя подъ Богоустановленной іерархіей именно греческую іерархію, составленную изъ извѣстныхъ такихъ то лицъ, находящихся въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ.

Лютеранскій катехизисъ говоритъ: «Церковь есть святое христіанство, или собраніе всѣхъ вѣрующихъ подъ Христомъ, главою ихъ, въ которомъ Св. Духъ черезъ Евангеліе и таинства предлагаетъ, сообщаетъ, усваиваетъ Божеское спасеніе», подразумѣвая то, что католическая церковь заблудшая и отпавшая и что истинное преданіе хранится въ лютеранствѣ.

Для католиковъ божественная церковь совпадаетъ съ Римской іерархіей и папой. Для православныхъ божественная церковь совпадаетъ съ учрежденіемъ восточной и русской іерархіи.*) Для лютеранъ божественная церковь совпадаетъ съ собраніемъ людей, признающихъ библію и катехизисъ Лютера.

---

*) Имѣющее нѣкоторый успѣхъ между русскими людьми опредѣленіе церкви Хомякова не исправляетъ дѣла, если признавать вмѣстѣ съ Хомяковымъ, что единая истинная церковь есть православная. Хомяковъ утверждаетъ, что церковь есть собраніе людей (всѣхъ безъ различія клира и паствы), соединенныхъ любовью, что только людямъ, соединеннымъ любовью, открывается истина. (Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ и т. д.) и что таковая церковь есть церковь, во-первыхъ признающая Никейскій символъ, а во-вторыхъ, та, которая послѣ раздѣленія церквей не признаетъ папы и новыхъ догматовъ. Но при такомъ опредѣленіи церкви является еще большее затрудненіе приравнять, какъ того хочетъ Хомяковъ, церковь, соединенную любовью, съ церковью, признающею Никейскій символъ и правоту Фотія. Такъ что утвержденіе Хомякова о томъ, что эта соединенная любовью и, слѣдовательно, святая церковь и есть самая, исповѣдуемая греческой іерархіей, церковь, еще болѣе произвольно, чѣмъ утвержденіе католиковъ и старыхъ православныхъ. Если допустить понятіе церкви въ томъ значеніи, которое даетъ ему Хомяковъ, т. е. какъ собраніе людей, соединенныхъ любовью и истиной, то все, что можетъ сказать всякій человѣкъ по отношенію этого собранія, — это то, что весьма желательно быть членомъ такого собранія, если такое существуетъ, т. е. быть въ любви и истинѣ; но нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно бы было себя или другого причислить къ этому святому собранію или отвергнуть отъ него, такъ какъ никакое внѣшнее учрежденіе не можетъ отвѣчать этому понятію.

Обыкновенно, говоря о происхожденіи христіанства, люди, принадлежащіе къ одной изъ существующихъ церквей, употребляютъ слово «церковь» въ единственномъ числѣ, какъ будто церковь была и есть только одна. Но это совершенно несправедливо. Церковь, какъ учрежденіе, утверждающее про себя, что она обладаетъ несомнѣнной истиной, явилась только тогда, когда она была не одна, а было ихъ по крайней мѣрѣ двѣ.

Пока вѣрующіе были согласны между собою, и собраніе было одно, ему незачѣмъ было утверждать себя церковью. Только тогда, когда вѣрующіе раздѣлились на противуположныя, отрицающія другъ друга партіи, явилась потребность каждой стороны утверждать свою истинность, приписывая себѣ непогрѣшимость. — Понятіе единой церкви возникло только изъ того, что, при разногласіи и спорѣ двухъ сторонъ, каждая, называя другую сторону ересью, признавала только свою сторону непогрѣшимою церковью.

Если мы знаемъ, что была церковь, рѣшившая въ 51 году принимать необрѣзанныхъ, то церковь эта явилась только потому, что была другая церковь — іудействующихъ, рѣшившая не принимать необрѣзанныхъ.

Если есть теперь церковь католическая, утверждающая свою непогрѣшимость, то только потому, что есть церкви: грекороссійская, православная, лютеранская, каждая утверждающая свою непогрѣшимость и этимъ самымъ отрицающая всѣ другія церкви. Такъ что церковь единая есть только фантастическое представленіе, не имѣющее въ себѣ ни малѣйшаго признака дѣйствительности.

Какъ дѣйствительное историческое явленіе существовали и существуютъ только многія собранія людей, утверждающія каждое про себя, что оно есть единая, основанная Христомъ церковь, а что всѣ другія, называющія себя церквами, суть ереси и расколы.

Катехизисы самыхъ распространенныхъ церквей: католической, православной и лютеранской прямо говорятъ это.

Въ католическомъ катехизисѣ сказано: *Quels sont ceux, qui sont hors de l'église?* — *Les infidèles, les hérétiques, les schismatiques.**) Схизматиками признаются, такъ называемые, православные. Еретиками признаются лютеране; такъ что по католическому катехизису въ церкви — одни католики.

Въ такъ называемомъ православномъ катехизисѣ сказано: «Подъ единой церковью Христовой разумѣется только православная, которая остается вполнѣ согласною съ церковью вселенской. Что же ка-

---

*) Кто находится внѣ церкви? — Невѣрные, еретики и схизматики.

сается Римской церкви и другихъ исповѣданій (лютеранъ и другихъ не называютъ даже церковью), то онѣ не могутъ быть относимы къ единой истинной церкви, такъ какъ сами отдѣлились отъ нея.

По этому опредѣленію католики и лютеране — внѣ церкви, а въ церкви—одни православные.

Лютеранскій же катехизисъ гласитъ: «*Die wahre Kirche wird darin erkannt, dass in ihr das Wort Gottes lauter und rein ohne Menschenzusätze gelehrt und die Sacramente treu nach Christi Einsetzung gewahret werden*».*)

По этому опредѣленію всѣ тѣ, которые прибавили что либо къ ученію Христа и апостоловъ, какъ это сдѣлали католическая и греческая церковь, — находятся внѣ церкви. И въ церкви—одни протестанты.

Католики утверждаютъ, что Св. Духъ непрерывно дѣйствовалъ въ ихъ іерархіи; православные утверждаютъ, что тотъ же Св. Духъ непрерывно дѣйствовалъ въ ихъ іерархіи; аріане утверждали, что Св. Духъ дѣйствовалъ въ ихъ іерархіи (утверждали это съ такимъ же правомъ, съ какимъ утверждаютъ это теперь существующія церкви); всякаго рода протестанты: лютеране, реформаты, пресвитерьяне, методисты, сведенборгіанцы, мормоны утверждаютъ, что Св. Духъ дѣйствуетъ только въ ихъ собраніяхъ.

Если католики утверждаютъ, что Духъ Святой во время раздѣленія церквей аріанской и греческой оставлялъ отпавшія церкви и оставался въ одной истинной, то точно съ такимъ же правомъ могутъ утверждать протестанты всякаго наименованія, что во время отдѣленія ихъ церкви отъ католической Духъ Святой оставлялъ католическую и переходилъ въ церковь ими признаваемую. Такъ они это и дѣлаютъ.

Всякая церковь выводитъ свое исповѣданіе черезъ непрерывное преданіе отъ Христа и апостоловъ. И дѣйствительно, всякое христіанское исповѣданіе, происходя отъ Христа, неизбѣжно должно было дойти до настоящаго поколѣнія черезъ извѣстное преданіе. Но это не доказываетъ того, чтобы одно изъ этихъ преданій, исключая всѣ другія, было несомнѣнно истинно.

Каждый сучекъ на деревѣ идетъ безъ перерыва отъ корня; но то, что каждый сучекъ идетъ отъ одного корня, никакъ не доказываетъ того, чтобы каждый сучекъ былъ единственный. Точно также и церкви. Каждая церковь представляетъ точно такія же доказательства своей преемственности и даже чудесъ въ пользу истинности своей, какъ и всякая другая; такъ что строгое и точное опредѣленіе того, что есть церковь (никакъ нѣчто фантастическое, чего бы намъ хотѣлось, но какъ то, что есть и было въ дѣйствительности) — только одно: церковь есть такое собраніе людей, которые утверждаютъ про себя, что они находятся въ полномъ и единственномъ обладаніи истины.

Вотъ эти то собранія, перешедшія впослѣдствіе при помощи поддержки власти въ могущественныя учрежденія, и были главными препятствіями распространенію истиннаго пониманія ученія Христа.

Оно и не могло быть иначе: главная особенность ученія Христа отъ всѣхъ прежнихъ ученій состояла въ томъ, что люди, принявшіе его, все больше и больше стремились понимать и исполнять ученіе; церковное же ученіе утверждало свое полное и окончательное пониманіе и исполненіе его.

Какъ ни странно это кажется для насъ, людей воспитанныхъ въ ложномъ ученіи о церкви, какъ о христіанскомъ учрежденіи, и въ презрѣніи къ ереси, — но только въ томъ, что называлось ересью и было истинное движеніе, т. е. истинное христіанство, и только тогда переставало быть имъ, когда оно въ этихъ ересяхъ останавливалось въ своемъ движеніи и также закрѣплялось въ неподвижныя формы церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое ересь? Перечитайте всѣ богословскія сочиненія, трактующія о ересяхъ, о томъ предметѣ, который первый представляется для опредѣленія, такъ какъ каждое богословіе говоритъ объ истинномъ ученіи среди окружающихъ его ложныхъ, т. е. ересей, и нигдѣ не найдете даже подобія какого нибудь опредѣленія ереси.

Образцомъ того полнаго отсутствія какого нибудь подобія опредѣленія того, что понимается подъ словомъ ересь, можетъ служить сужденіе объ этомъ предметѣ ученаго историка христіанства *E. de Pressensé* въ его „*Histore du Dogme*“ съ Эпиграфомъ: „*Ubi Christus, ibi Ecclesia*“ (*Paris 1869*). Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ предисловіи (стр. 3):—“*Je sais, que l'on nous conteste le droit de qualifier ainsi*, т. е. называть ересями *les tendences qui furent si vivement combattues par les premiers Pères. La désignation même d'hérésie semble une atteinte portée à la liberté de consience et de pensée. Nous ne pouvons partager ces scrupules, car ils n'iraient à rien moins qu'à enlever au christianisme tout caractère distinctif.*”*

И сказавъ, что послѣ Константина цер-

*) Истинная церковь узнается по тому, что въ ней слово Бога ясно и чисто, безъ человѣческихъ прибавленій преподается, и таинства вѣрно по ученію Христа установлены.

*) Я знаю, что у насъ оспариваютъ право такъ опредѣлять (т. е. называть ересями) тѣ направленія, съ которыми столь напряженно боролись первые Отцы. Одно названіе «ересь» представляется покуше-

ковь дѣйствительно злоупотребляла своей властью опредѣлять несогласныхъ еретиками и преслѣдовать ихъ, онъ, обсуждая первыя времена, говоритъ:

"*L'église est une libre association; il y a tout profit à se séparer d'elle. La polémique contre l'erreur n'a d'autres ressources que la pensée et le sentiment. Un tipe doctrinal uniforme n'a pas encore été élaboré; les divergences secondaires se produisent en Orient et en Occident avec une entière liberté, la théologie n'est point liée à d'invariables formules. Si au sein de cette diversité apparaît un fonds commun de croyances, n'est-on pas en droit d'y voir non pas un système formulé et composé par les représentants d'une autorité d'école, mais la foi elle-même, dans son instinct le plus sûr et sa manifestation la plus spontanée? Si cette même unanimité qui se révèle dans les croyances essentielles, se retrouve pour repousser telles ou telles tendances, ne serons-nous pas en droit de conclure que ces tendances étaient en désaccord flagrant avec les principes fondamentaux du christianisme? Cette présomption ne se transformera-t-elle pas en certitude si nous reconnaissons dans la doctrine universellement repoussé par l'Eglise, les traits caractéristiques de l'une des religions du passé? Pour dire que le gnosticisme ou l'ebionitisme sont les formes légitimes de la pensée chrétienne, il faut dire hardiment qu'il n'y a pas de pensée chrétienne, ni de caractère spécifique qui la fasse reconnaître. Sous prétexte de l'élargir on la dissent. Personne, au temps de Platon, n'eût osé couvrir de son nom une doctrine qui n'eût pas fait place à la théorie des idées, et l'on eût excité les justes moqueries de la Grèce, en voulant fair d'Epicure où de Zénon un disciple de l'Académie. Reconnaissons donc que s'il existe une religion ou une doctrine, qui s'appelle le christianisme elle peut avoir ses hérésies.*"*

ніемъ на свободу совѣсти и мысли. Но мы съ своей стороны не можемъ раздѣлять подобныхъ сомнѣній, которыя привели бы ни къ чему другому, какъ къ отнятію у христіанства его отличительнаго характера.

*) Церковь есть ассоціація свободная; отдѣляться отъ нея представляетъ только выгоду. Полемика противъ заблужденія осуществима только на основаніи мысли и чувства. Общая и единая догматическая форма до сихъ поръ еще не выработана; частныя разногласія свободно проявляются какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ; теологія вовсе не прикована къ неизмѣннымъ формуламъ. Если среди всего этого разногласія просвѣчиваетъ фонъ общихъ вѣрованій, то разнѣ мы не вправѣ въ этомъ видѣть неокончательно оформленную систему, составленную авторитетными представителями той или другой школы, а — самую вѣру въ ея чистѣйшемъ побужденіи и въ самомъ непосредственномъ ея проявленіи? Если оказывается, что это самое единство, которое обнаруживается во всѣхъ основныхъ вѣрованіяхъ, возстаетъ противъ тѣхъ или другихъ направленій, то развѣ мы не въ правѣ изъ этого предположить, что эти направленія были въ противорѣчіи съ основными принципами христіанства? И не обратится ли такое наше предположеніе въ полную увѣренность тогда, когда мы признаемъ въ такомъ ученіи, отвергнутомъ церковью, характеристическія черты той или другой отжившей религіи? Если допустить, что гносгицизмъ и эбіонитизмъ суть законныя формы христіанской мысли, то приходится смѣло признать, что вовсе нѣтъ ни христіанской мысли, ни отличительнаго характера, по которому можно было бы ее узнать. Подъ предлогомъ ее разширить, мы ее совсѣмъ упразднили бы. Во время Платона никто не посмѣлъ бы выразить свое одобреніе такому ученію, въ которомъ не умѣщалась бы теорія идей, и... разсмѣшилъ бы всю Грецію тотъ, кто вздумалъ бы причислять Эпикура или Зенона къ ученикамъ Академіи. И такъ, допустимъ, что если существуетъ религія или ученіе, называемое христіанствомъ, то оно можетъ имѣть свои ереси. (Стр. 4).

Все разсужденіе автора сводится къ тому, что всякое сужденіе, несогласное съ исповѣдуемымъ нами въ данное время сводомъ догматовъ, есть ересь. Но вѣдь въ данное время и въ данномъ мѣстѣ люди что нибудь да исповѣдуютъ и это исповѣданіе чего нибудь, гдѣ нибудь, когда нибудь не можетъ быть критеріумомъ истины.

Все сводится къ тому, что *Ubi Cristus ibi ecclesia. Cristus*-же тамъ, гдѣ мы.

Всякая, такъ называемая, ересь, признавая истиной то, что она исповѣдуетъ, можетъ точно также найти въ исторіи церквей послѣдовательное выясненіе того, что она исповѣдуетъ, употребить для себя всѣ аргументы Пресансе и называть только свое исповѣданіе истинно христіанскимъ, что и дѣлали и дѣлаютъ всѣ ереси.

Единственное опредѣленіе ереси (слово αἵρεσις значитъ часть) есть названіе, которое даетъ собраніе людей всякому сужденію, опровергающему часть ученія, исповѣдуемаго собраніемъ. Болѣе же частное значеніе, чаще всего приписываемое ереси, есть значеніе мнѣнія, опровергающее установленное и поддерживаемое свѣтской властью церковное ученіе.

Есть замѣчательное, мало извѣстное огромное сочиненіе (*Unparteyische Kirchen- und Ketzer — Historie.* 1729 г.) Готфрида Арнольда, трактующаго прямо объ этомъ предметѣ и показывающаго всю незаконность, произвольность, безсмысленность и жестокость употребленія слова ересь въ

смыслѣ отверженія. Книга эта есть попытка описанія исторіи христіанства въ формѣ исторіи ересей.

Въ вступленіи авторъ ставитъ рядъ вопросовъ: 1) о тѣхъ, которые дѣлаютъ еретиковъ (*Von den Ketzermachern selbst*); 2) о тѣхъ, кого дѣлали еретиками; 3) о самихъ предметахъ ереси; 4) о способѣ дѣланія еретиковъ и 5) о цѣляхъ и послѣдствіяхъ дѣланія еретиковъ.

На каждый изъ этихъ пунктовъ онъ ставитъ еще десятки вопросовъ, отвѣты на которые даетъ потомъ изъ сочиненій извѣстныхъ богослововъ, а главное предоставляетъ самому читателю сдѣлать выводъ изъ изложенія всей книги. Какъ образцы этихъ вопросовъ, заключающихъ въ себѣ отчасти и отвѣты, приведу слѣдующіе. По 4-му пункту о томъ, какъ дѣлаются еретики, онъ говоритъ въ одномъ изъ вопросовъ (въ 7-омъ): «Не показываетъ ли вся исторія того, что самые большіе дѣлатели еретиковъ и мастера этого дѣла были именно тѣ мудрецы, отъ которыхъ Отецъ скрылъ свои тайны, т. е. лицемѣры, фарисеи и законники или совершенно безбожные и извращенные люди». (Вопр. 20—21): «И что не были ли въ испорченныя времена христіанства отброшены лицемѣрами и завистниками тѣ самые люди, особенно одаренные отъ Бога великими дарами, которые во времена чистаго христіанства были бы высоко почитаемы. И, напротивъ, не были ли бы эти люди, которые при упадкѣ христіанства возвысили себя выше всего и признали себя учителями чистѣйшаго христіанства, не были ли бы тѣ люди во времена апостоловъ и учениковъ Христа признаны самыми постыдными еретиками и антихристіанами».

Между прочимъ, высказывая въ этихъ вопросахъ мысль о томъ, что словесное выраженіе сущности вѣры, которое требовалось церковью и отступленіе отъ котораго считалось ересью, никогда не могло вполнѣ покрывать самого міросозерцанія вѣрующаго и что потому требованіе выраженія вѣры извѣстными словами и производило ереси, онъ въ вопросѣ 21-мъ и 33-мъ говоритъ:

«И что если человѣку божественныя дѣла и мысли представляются столь великими и глубокими, что онъ не находитъ соотвѣтствующихъ словъ для ихъ выраженія, то слѣдуетъ ли его признать еретикомъ, если онъ не можетъ вполнѣ точно выразить свое понятіе? И что не отъ того ли въ первыя времена не было ереси, что христіане судили другъ друга не по словеснымъ выраженіямъ, но по сердцу и дѣламъ, при совершенной свободѣ выраженія своихъ мыслей, безъ страха быть признаннымъ еретикомъ. Не было-ли самымъ обыкновеннымъ и легкимъ способомъ церкви (говоритъ онъ въ 31-мъ вопросѣ), если кларъ хотѣлъ избавиться или погубить кого, сдѣлать это лицо подозрительнымъ въ его ученіи и набросить на него плащъ еретичества и тѣмъ осудить и устранить это лицо?

«Хотя и справедливо то, что среди, такъ называемыхъ, еретиковъ были грѣхи и заблужденія, но не менѣе справедливо и очевидно изъ безчисленныхъ приводимыхъ здѣсь примѣровъ (т. е. въ исторіи церкви и ереси) и то, говоритъ онъ далѣе, что нѣтъ и не было ни одного искренняго и совѣстливаго человѣка съ нѣкоторымъ значеніемъ, который бы изъ зависти или другихъ причинъ не былъ бы погубленъ церковниками».

Такъ почти 200 лѣтъ тому назадъ понималось уже значеніе ереси и, не смотря на то, понятіе это существуетъ до сихъ поръ. Оно и не можетъ не существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ понятіе церкви. Ересь есть обратная сторона церкви. Тамъ, гдѣ есть церковь, должно быть и понятіе ереси. Церковь есть собраніе людей, утверждающихъ про себя, что они обладаютъ несомнѣнной истиной. Ересь есть мнѣніе людей, не признающихъ несомнѣнность истины церкви.

Ересь есть проявленіе движенія въ церкви, есть попытка разрушенія закоченѣвшаго утвержденія церкви, попытка живаго пониманія ученія. Всякій шагъ движенія впередъ, пониманія и исполненія ученія совершался еретиками: еретики были и Тертуліанъ, и Оригенъ, и Августинъ, и Лютеръ, и Гусъ, и Саванорола, и Хельчицкій и др. Оно и не могло быть иначе.

Ученикъ Христа, ученіе котораго состоитъ въ вѣчномъ большемъ и большемъ постиженіи ученія и большемъ и большемъ исполненіи его, въ движеніи къ совершенству, не можетъ именно потому, что онъ ученикъ Христа, утверждать про себя или про другого, что онъ понимаетъ вполнѣ ученіе Христа и исполняетъ его; еще менѣе можетъ утверждать это про какое либо собраніе.

На какой бы ступени пониманія и совершенства ни находился ученикъ Христа, онъ всегда чувствуетъ недостаточность своего и пониманія, и исполненія и всегда стремится къ большему и пониманію и исполненію. И потому утвержденіе про себя или про какое либо собраніе, что я или мы находимся въ обладаніи совершеннаго пониманія и исполненія ученія Христа, есть отреченіе отъ духа ученія Христа.

Какъ ни странно это кажется, церкви, какъ церкви, всегда были и не могутъ не быть учрежденіями не только чуждыми, но прямо враждебными ученію Христа. Не даромъ Вольтеръ (*Voltaire*) называлъ ее *l'infame* (безчестная); не даромъ всѣ или почти всѣ христіанскія, такъ называемыя, секты признавали и признаютъ церковь той блудницей, о которой пророче-

ствуетъ апокалипсисъ; не даромъ исторія церкви есть исторія величайшихъ жестокостей и ужасовъ.

Церкви, какъ церкви, не суть нѣкоторыя учрежденія, имѣющія въ основѣ своей христіанское начало, хотя и нѣсколько отклонившіяся отъ прямаго пути, какъ это думаютъ многіе; церкви, какъ церкви, какъ собранія, утверждающія свою непогрѣшимость, суть учрежденія противухристіанскія. Между церквами, какъ церквами и христіанствомъ не только нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени, но это два совершенно противуположныя и враждебныя другъ другу начала. Одно — гордость, насиліе, самоутвержденіе, неподвижность и смерть; другое — смиреніе, покаяніе, покорность, движеніе и жизнь.

Нельзя служить вмѣстѣ этимъ двумъ господамъ, надо выбрать того или другого.

Служители церквей всѣхъ исповѣданій, въ особенности въ послѣднее время, стараются выставить себя сторонниками движенія въ христіанствѣ: они дѣлаютъ уступки, желаютъ исправить вкравшіяся въ церковь злоупотребленія, и говорятъ, что изъ-за злоупотребленій нельзя отрицать самаго принципа христіанской церкви, которая одна только можетъ соединить всѣхъ во едино и быть посредницей между людьми и Богомъ. Но это все несправедливо. Церкви не только никогда не соединяли, но были всегда одной изъ главныхъ причинъ разъединенія людей, ненависти другъ къ другу, войнъ, побоищъ, инквизицій, Варѳоломеевскихъ ночей и т. п., и церкви никогда не служатъ посредниками между людьми и Богомъ, чего и не нужно и что прямо запрещено Христомъ, открывшимъ свое ученіе прямо непосредственно каждому человѣку, но ставятъ мертвыя формы вмѣсто Бога и не только не открываютъ, но заслоняютъ отъ людей Бога. Церкви, возникшія изъ непониманія и поддерживающія это непониманіе своей неподвижностью, не могутъ не преслѣдовать и не гнать всякое пониманіе ученія. Они стараются скрыть это, но это невозможно потому, что всякое движеніе впередъ по пути указанному Христомъ разрушаетъ ихъ существованіе.

Послушаешь и почитаешь статьи и проповѣди, въ которыхъ церковные писатели новаго времени всѣхъ исповѣданій говорятъ о христіанскихъ истинахъ и добродѣтеляхъ, послушаешь и почитаешь эти вѣками выработанныя искусныя разсужденія, увѣщанія, исповѣданія, иногда, какъ будто, похожія на искреннія и готовъ усомниться въ томъ, чтобы церкви могли быть враждебны христіанству: «не можетъ же быть того, чтобы эти люди, выставившіе такихъ людей, какъ Златоусты, Фенелоны, Вотлеры, и другихъ проповѣдниковъ христіанства, были враждебны ему». Хочется сказать: «церкви могли отклониться отъ христіанства, ошибаться, но не могли онѣ быть враждебны ему». Но посмотришь на плоды, чтобы оцѣнить дерево, какъ училъ Христосъ, и увидишь, что плоды ихъ были злы, что послѣдствіемъ ихъ дѣятельности было извращеніе христіанства и не можешь не признать, что, какъ ни добры были люди, — дѣло церкви, въ которомъ эти люди участвовали, было не христіанское. Доброта и достоинства всѣхъ этихъ людей, служившихъ церквамъ, были доброта и достоинства людей, но не того дѣла, которому они служили. Всѣ эти добрые люди, — какъ оба Франциска *d'Assise* и *de Lobes*, нашъ Тихонъ Задонскій, Ѳома Кемпійскій и др. были добрые люди, не смотря на то, что они служили дѣлу враждебному христіанству и они были бы еще добрѣе и достойнѣе, если бы не подпали тому заблужденію, которому служили.

Но зачѣмъ говорить о прошедшемъ, судить о прошедшемъ, которое можетъ быть ложно представлено и мало извѣстно намъ: церкви съ своими основами и съ своей дѣятельностью не есть дѣло прошедшаго; церкви теперь передъ нами и мы можемъ судить о нихъ на дѣлѣ по ихъ дѣятельности, ихъ вліянію на людей.

Въ чемъ же состоитъ теперь дѣятельность церквей? Какъ онѣ вліяютъ на людей? Что дѣлается церквами у насъ, у католиковъ, у протестантовъ всякихъ наименованій; въ чемъ ихъ дѣятельность и какія послѣдствія ихъ дѣятельности?

Дѣятельность нашей русской, такъ называемой православной, церкви на виду у всѣхъ. Это фактъ огромный, который скрыть нельзя и о которомъ спорить нельзя.

Въ чемъ состоитъ дѣятельность этой русской церкви, этого огромнаго, напряженно дѣйствующаго учрежденія, состоящаго изъ полумилліоннаго полчища, стоющаго народу десятки милліоновъ?

Дѣятельность этой церкви состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить 100-милліонной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжитыя, неимѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которые когда то исповѣдывали чуждые нашему народу люди и въ которыя почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ ложныхъ вѣрованій.

Внушеніе народу этихъ чуждыхъ ему, отжитыхъ и не имѣющихъ уже никакого смысла для людей нашего времени, формулъ византійскаго духовенства о Троицѣ, о Божіей матери, о таинствахъ, о благодати и т. п. составляетъ одну часть дѣятельности русской церкви; другую часть ея дѣятельности составляетъ дѣятельность поддержанія идолопоклонства, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова: почитанія святыхъ мощей, иконъ, принесенія имъ

жертвъ и ожиданія отъ нихъ исполненія желаній. Не буду говорить о томъ, что говорится, пишется духовенствомъ съ оттѣнкомъ научности и либерализма въ духовныхъ журналахъ, а буду говорить о томъ, что дѣйствительно совершается духовенствомъ по всей обширной русской землѣ среди 100-милліоннаго народа. Чему старательно, неупустительно, напряженно, вездѣ одинаково учатъ народъ? Чего отъ него требуютъ въ силу, такъ называемой, христіанской вѣры?

Начну съ начала, съ рожденія ребенка: при рожденіи ребенка, учатъ тому, что надо надъ ребенкомъ и матерью прочитать молитву, чтобы очистить ихъ, такъ какъ безъ молитвы этой родившая мать погана. Для этого передъ изображеніями святыхъ, называемыхъ народомъ прямо богами, священникъ береть въ руки ребенка и читаетъ заклинательныя слова и этимъ очищаетъ мать. Потомъ внушается родителямъ и даже требуется отъ нихъ подъ страхомъ наказанія за неисполненіе, чтобы ребенокъ былъ непремѣнно крещенъ, т. е. обмокнуть священникомъ три раза въ воду, при чемъ читаются никому непонятныя слова и совершаются еще менѣе понятныя дѣйствія, — мазаніе масломъ разныхъ частей тѣла, стрижка волосъ и дутье и плеваніе воспріемниковъ на воображаемаго дьявола. Все это должно очистить ребенка и сдѣлать его христіаниномъ. Потомъ внушается родителямъ, что ребенка надо причастить, т. е. дать ему подъ видомъ хлѣба и вина съѣсть частицу тѣла Христа, вслѣдствіе чего ребенокъ приметъ въ себя благодать Христа и т. д. Потомъ внушается, что этого ребенка, по мѣрѣ возраста, надо выучить молиться. Молиться — значитъ становиться прямо передъ досками, на которыхъ нарисованы лица Христа, Богородицы, Святыхъ, и кланяться головой, всѣмъ тѣломъ, а правой рукой, со сложенными извѣстнымъ образомъ пальцами, дотрогиваться до лба, плечъ и живота и произносить славянскія слова, изъ которыхъ самыя употребительныя и всѣмъ дѣтямъ внушаемыя: Богородица, дѣва радуйся и т. д. Потомъ внушается воспитываемому, что при видѣ всякой церкви и иконы надо дѣлать опять то же, т. е. креститься; потомъ внушается, что въ праздники (праздники — это дни, въ которые Христосъ родился, хотя никто не знаетъ, когда это было, дни, въ которые онъ обрѣзался, въ которые умерла Богородица, въ которые принесенъ крестъ, въ которые внесена икона, въ которые юродивый видѣлъ видѣніе и т. п.), въ праздники надо одѣться въ лучшія одежды и идти въ церковь и покупать и ставить тамъ свѣчи передъ изображеніями святыхъ, подавать записочки и поминанія и хлѣбцы, для вырѣзыванія въ нихъ треугольниковъ, и потомъ молиться много разъ за здоровье и благоденствіе царя и архіереевъ, и за себя и за свои дѣла и потомъ цѣловать крестъ и руку у священника.

Кромѣ этой молитвы внушается еще, что надо каждый годъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, говѣть. Говѣть,—значитъ готти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе своихъ грѣховъ чужому человѣку совершенно очищаетъ отъ грѣховъ, и потомъ съѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ, что еще болѣе очищаетъ. Потомъ внушается, что если мущина и женщина хотятъ, чтобы ихъ плотское общеніе было свято, то они должны придти въ церковь, надѣть на себя металлическія короны, выпить питья, обойти подъ звуки пѣнія три раза вокругъ стола, и что тогда плотское общеніе мужчины и женщины сдѣлается святымъ и совсѣмъ особеннымъ отъ всякихъ другихъ.

Въ жизни же внушается, что надо соблюдать слѣдующія правила: не ѣсть мяса и молока въ извѣстные дни, еще въ другіе извѣстные дни служить молебны и панихиды по умершимъ, въ праздники принимать священника и давать ему деньги и нѣсколько разъ въ году брать изъ церкви доски съ изображеніями и носить ихъ на полотенцахъ по полямъ и домамъ. Передъ смертью же внушается, что человѣкъ долженъ непремѣнно съѣсть съ ложечки хлѣба съ виномъ, а еще лучше, если успѣетъ помазаться масломъ. Это обезпечиваетъ ему благо въ будущей жизни. Послѣ же смерти внушается роднымъ его, что для спасенія души умершаго полезно положить ему въ руки печатную бумагу съ молитвой; полезно еще, чтобы надъ мертвымъ тѣломъ прочли извѣстную книгу и чтобы въ церкви въ извѣстное время произнесли бы имя умершаго.

Въ этомъ считается обязательная вѣра для каждаго.

Но если кто особенно хочетъ позаботиться о своей душѣ, то по этой вѣрѣ внушается, что наибольшее обезпеченіе блаженства души на томъ свѣтѣ достигается еще тѣмъ, чтобы жертвовать деньги на церкви и монастыри, обязывая этимъ святыхъ людей молиться за себя. Спасительны еще, по этой вѣрѣ, для души хожденія по монастырямъ и цѣлованіе явленныхъ иконъ и мощей.

По этой вѣрѣ явленныя иконы и мощи сосредоточиваютъ въ себѣ особенную святость, силу и благодать, и близость къ этимъ предметамъ: прикосновеніе, цѣлованіе, становленіе свѣчъ къ нимъ, подвязаніе подъ нихъ много содѣйствуетъ спасенію, равно и молебны, заказываемые передъ этими святынями.

И вотъ эта то вѣра, и никакая другая, называемая православной, т. е. настоящей вѣрой, подъ видомъ христіанской, всѣми силами впродолженіе многихъ вѣковъ и

съ особеннымъ напряженіемъ теперь, внушается народу.

И пусть не говорятъ, что православные учителя полагаютъ сущность ученія въ чемъ либо другомъ, а что это только древнія формы, которыя не считается нужнымъ разрушать. Это неправда: по всей Россіи, всѣмъ русскимъ духовенствомъ и въ послѣднее время съ особеннымъ напряженіемъ внушается только эта вѣра. Другого ничего нѣтъ. Про другое говорится и пишется въ столицахъ, но среди стамиліоннаго народа дѣлается только это и внушается только это и больше ничего. О другомъ церковники разговариваютъ, а это они внушаютъ всѣми возможными мѣрами.

Все это, и поклоненіе лицамъ, и иконамъ внесено въ богословіе, въ катехизисы; этому старательно учатъ народъ теоретически и практически, всѣми средствами торжественности, блеска, авторитета, насилія гипнотизируя его, заставляютъ его вѣрить въ это и ревниво оберегаютъ эту вѣру отъ каждой попытки освобожденія народа отъ этихъ дикихъ суевѣрій.

На моихъ глазахъ, какъ я говорилъ по случаю моей книги, впродолженіе многихъ лѣтъ ученіе Христа и его собственныя слова о непротивленіи злу были предметомъ насмѣшекъ, балаганныхъ шутокъ и церковники не только не противились этому, но поощряли это кощунство; но попробуйте сказать непочтительное слово о безобразномъ идолѣ, кощунственно развозимомъ по Москвѣ пьяными людьми подъ именемъ Иверской, и поднимется стонъ негодованія этихъ самыхъ православныхъ церковниковъ. Проповѣдуется только внѣшній культъ идолопоклонства. И пусть не говорятъ, что одно мѣшаетъ другому, что «сіе надлежитъ дѣлать и того не оставлять», что «все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте, но дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ». (Мѳ. XXIII, 23, 3). Это сказано о фарисеяхъ, которые исполняли всѣ внѣшнія предписанія закона, и потому слова: «что велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте», относятся къ дѣламъ милости и добра, слова же: «по дѣламъ же ихъ не поступайте, они говорятъ, но не дѣлаютъ», относятся къ исполненію обрядовъ и упущенію дѣлъ добра и имѣютъ какъ разъ обратный смыслъ того, который хотятъ придать этому мѣсту церковники, толкуя такъ, что соблюдать велѣно обряды. Внѣшній культъ и служеніе милости и правдѣ трудно совмѣстимы; большею частью одно исключаетъ другое. Такъ было это у фарисеевъ, такъ это и теперь у церковныхъ христіанъ.

Если человѣкъ можетъ спастись искупленіемъ, таинствами, молитвой, то добрыя дѣла уже не нужны ему.

Нагорная проповѣдь или символъ вѣры; нельзя вѣрить тому и другому. И церковники выбрали послѣднее: символъ вѣры учится и читается, какъ молитва, и въ церквахъ, а нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ, такъ что въ церквахъ никогда, кромѣ какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, прихожане не услышатъ ее. Да и не можетъ быть иначе: люди, вѣрующіе въ злаго и безразсуднаго Бога — проклявшаго родъ человѣческій и обрекшаго своего сына на жертву и часть людей на вѣчное мученіе,—не могутъ вѣрить въ Бога любви. Человѣкъ, вѣрующій въ Бога-Христа паки грядущаго со славою судить и казнить живыхъ и мертвыхъ, не можетъ вѣрить въ Христа, повелѣвающаго подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить враговъ. Человѣкъ, вѣрующій въ боговдохновенность Ветхаго Завѣта и святость Давида, завѣщающаго на смертномъ одрѣ убійство старика, оскорбившаго его и котораго онъ самъ не могъ убить, такъ какъ былъ связанъ клятвою (3-я книга царей, глава 2, стихъ 8) и тому подобныя мерзости, которыми полонъ Ветхій Завѣтъ, не можетъ вѣрить въ нравственный законъ Христа; человѣкъ, вѣрующій въ ученіе и проповѣди церкви о совмѣстимости съ христіанствомъ казней, войнъ, не можетъ уже вѣрить въ братство всѣхъ людей.

Главное же, человѣкъ, вѣрующій въ спасеніе людей вѣрою въ искупленіе или въ таинства, не можетъ уже всѣ силы свои полагать на исполненіе въ жизни нравственнаго ученія Христа.

Человѣкъ, наученный церковью тому кощунственному ученію о томъ, что человѣкъ не можетъ спастись своими силами, а что есть другое средство, неизбѣжно будетъ прибѣгать къ этому средству, а не къ своимъ силамъ, на которыя его увѣряютъ, — грѣхъ надѣяться. Ученіе церковное — всякое, съ своимъ искупленіемъ и таинствами, исключаетъ Христово ученіе, тѣмъ болѣе ученіе православное съ своимъ идолопоклонствомъ.

«Но народъ самъ такъ всегда вѣрилъ, такъ вѣрить теперь, скажутъ на это. Вся исторія русскаго народа доказываетъ это. Нельзя лишить народа его предавія». Въ этомъ то и обманъ. Народъ когда-то точно исповѣдовалъ нѣчто подобное тому, что исповѣдуетъ теперь церковь, хотя далеко не то же самое (въ народѣ, кромѣ этого язычества иконъ, домовыхъ, мощей и семиковъ съ вѣнками и березками, всегда было еще глубокое нравственное жизненное пониманіе христіанства, котораго никогда не было во всей церкви, а встрѣчалось только въ лучшихъ представителяхъ ея); но народъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя въ этомъ ставило ему государство и церковь, давно уже пережилъ въ лучшихъ представителяхъ своихъ эту грубую степень пониманія, что онъ и по-

казываетъ самозарождающимися вездѣ раціоналистическими сектами, которыми кишитъ теперь Россія и съ которыми такъ безуспѣшно борятся теперь церковники. Народъ идетъ впередъ въ сознаніи нравственной, жизненной стороны христіанства. И вотъ тутъ то и является церковь съ своимъ не поддерживаніемъ, но усиленнымъ внушеніемъ отжившаго язычества въ своей законченной формѣ, съ своимъ стремленіемъ втолкнуть опять народъ въ тотъ мракъ, изъ котораго онъ выбивается съ такимъ усиліемъ.

«Мы не учимъ ничему новому народъ, но только тому, во что онъ вѣруетъ, но только въ болѣе совершенной формѣ», говорятъ церковники. Это тоже самое, что-бы дѣлалъ человѣкъ, связывая выростающаго цыпленка и засовывая въ скорлупу, изъ которой онъ вышелъ.

Меня часто поражало это комическое, если бы послѣдствія его не были такъ ужасны, наблюденіе о томъ, какъ люди, сцѣпившись кругомъ, обманываютъ другъ друга и не могутъ выйти изъ этого заколдованнаго круга.

Первый вопросъ, первое сомнѣніе начинающаго мыслить русскаго человѣка есть вопросъ объ явленныхъ иконахъ и, главное, о мощахъ: правда ли, что онѣ нетлѣнны и что отъ нихъ совершаются чудеса? Сотни и тысячи людей задаютъ себѣ эти вопросы и затрудняются въ разрѣшеніи ихъ преимущественно тѣмъ, что архіереи, митрополиты и всѣ высокопоставленные люди прикладываются къ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ. Спросить у архіерея и высокопоставленныхъ лицъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, они скажутъ, что дѣлаютъ для народа, а народъ прикладывается потому, что архіереи и высокопоставленныя лица это дѣлаютъ.

Дѣятельность русской церкви, несмотря на весь тотъ внѣшній лоскъ современности, учености, духовности, который ея члены теперь начинаютъ принимать въ своихъ сочиненіяхъ, статьяхъ, въ духовныхъ журналахъ и проповѣдяхъ, состоитъ только въ томъ, чтобы не только держать народъ въ томъ состояніи грубаго и дикаго идолопоклонства, въ которомъ онъ находился, но еще усиливать и распространять суевѣріе и религіозное невѣжество, вытѣсняя изъ народа живущее въ немъ рядомъ съ идолопоклонствомъ жизненное пониманіе христіанства.

Помню, разъ въ монастырской книжной лавкѣ Оптиной пустыни я присутствовалъ при выборѣ старымъ мужикомъ божественныхъ книгъ для своего грамотнаго внука. Монахъ подсовывалъ ему описаніе мощей, праздниковъ, явленій иконъ, псалтырь и т. п. Я спросилъ старика, есть ли у него Евангеліе? Нѣтъ. Дайте ему русское евангеліе, сказалъ я монаху. «Это имъ нейдетъ», сказалъ мнѣ монахъ.

Это въ сжатомъ видѣ дѣятельность нашей церкви.

Но это такъ только въ варварской Россіи, скажетъ на это европейскій или американскій читатель. И такое сужденіе будетъ справедливо, но только въ той мѣрѣ, въ которой это сужденіе относится къ правительству, помогающему церкви совершать ея одуряющее и развращающее дѣйствіе въ Россіи.

Справедливо, что нигдѣ въ Европѣ нѣтъ столь деспотическаго правительства и до такой степени согласнаго съ царствующей церковью. И потому участіе власти въ развращеніи народа въ Россіи самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская въ своемъ вліяніи на народъ отличалась чѣмъ нибудь отъ какой либо другой церкви.

Церкви вездѣ однѣ и тѣ же, и если католическая, англиканская и лютеранская не имѣютъ подъ рукой такого покорнаго правительства, какъ русское, то это происходитъ не отъ отсутствія желанія воспользоваться таковымъ.

Церковь, какъ церковь, какая бы она ни была — католическая, англиканская, лютеранская, пресвитеріанская, всякая церковь, на сколько она церковь, не можетъ не стремиться къ тому же, къ чему и русская церковь, къ тому, чтобы скрыть настоящій смыслъ ученія Христа и замѣнить его своимъ ученіемъ, которое ни къ чему не обязываетъ, исключаетъ возможность пониманія истиннаго дѣятельнаго ученія Христа и, главное, оправдываетъ существованіе жрецовъ, кормящихся на счетъ народа.

Развѣ что либо другое дѣлало и дѣлаетъ католичество съ своимъ запретомъ чтенія Евангелія и съ своимъ требованіемъ неразсуждающей покорности церковнымъ руководителямъ и непогрѣшимому папѣ? Развѣ что либо другое, чѣмъ русская церковь, проповѣдуетъ католичество? Тотъ-же внѣшній культъ, тѣ же мощи, чудеса и статуи, чудодѣйственныя *Notre-Dames* и процессіи. Тѣ же возвышенно туманныя сужденія о христіанствѣ въ книгахъ и проповѣдяхъ, а когда дойдетъ до дѣла, то поддерживаніе самаго грубаго идолопоклонства.

И развѣ не то же самое дѣлается и въ англиканствѣ, лютеранствѣ, во всякомъ протестантствѣ, сложившемся въ церковь? Тѣ же требованія отъ паствы вѣры въ догматы, выраженныя въ IV вѣкѣ и потерявшія всякій смыслъ для людей нашего времени, и то же требованіе идолопоклонства, если не передъ мощами, иконами, то передъ днемъ субботнимъ и буквой библіи. Все та же дѣятельность, направленная на то, чтобы скрыть настоящія требованія христіанства и на мѣсто ихъ поставить, ни къ чему не обязывающую внѣшность и *cant*, какъ

прекрасно опредѣляютъ англичане то самое занятіе, которому они особенно подвержены. Среди протестантства эта дѣятельность особенно замѣтна потому, что нѣтъ у этого исповѣданія даже отговорки древности. И развѣ не тоже самое происходитъ и въ теперешнемъ ривайвализмѣ — обновленномъ кальвинизмѣ, евангелизмѣ, изъ котораго выродилась армія спасенія.

Какъ одинаково положеніе всѣхъ церковныхъ ученій, по отношенію къ ученію Христа, такъ одинаковы и ихъ пріемы.

Положеніе ихъ таково, что имъ нельзя не напрягать всѣ усилія на то, чтобы скрыть ученіе Христа, именемъ котораго они пользуются.

Несоотвѣтствіе всѣхъ церковныхъ исповѣданій съ ученіемъ Христа — вѣдь таково, что нужны особенныя усилія, чтобы скрыть это несоотвѣтствіе отъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь стоитъ только вздуматься въ положеніе каждаго взрослаго, не только образованнаго, но самого простаго человѣка нашего времени, набравшагося носящихся въ воздухѣ понятій о геологіи, физикѣ, химіи, космографіи, исторіи, когда онъ въ первый разъ сознательно отнесется къ тѣмъ, въ дѣтствѣ внушеннымъ ему и поддерживаемымъ церквами, вѣрованіямъ о томъ, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней; — свѣтъ прежде солнца, что Ной засунулъ всѣхъ звѣрей въ свой ковчегъ и т. п.; что Іисусъ есть тоже Богъ — сынъ, который творилъ все до времени; что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхъ Адама; что онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ и т. п.

Вѣдь всѣ эти положенія, выработанныя людьми IV вѣка и имѣвшія для людей того времени извѣстный смыслъ, для людей нашего времени не имѣютъ никакого. Люди нашего времени могутъ устами повторять эти слова, но вѣрить — не могутъ, потому что слова эти, какъ то, что Богъ живетъ на небѣ, что небо раскрылось и оттуда сказалъ голосъ что-то, что Христосъ воскресъ и полетѣлъ куда то на небо и опять придетъ откуда то на облакахъ и т. п.—не имѣютъ для насъ смысла.

Можно было человѣку, считавшему небо конечнымъ, твердымъ сводомъ, вѣрить или не вѣрить, что Богъ сотворилъ небо, что небо раскрылось, что Христосъ улетѣлъ на небо, но для насъ всѣ эти слова не имѣютъ никакого значенія. Люди нашего времени могутъ только вѣрить, что въ это надо вѣрить, что они и дѣлаютъ; но вѣрить не могутъ въ то, что для нихъ не имѣетъ смысла.

Если же всѣ эти выраженія должны имѣть иносказательный смыслъ и суть прообразы, то вѣдь мы знаемъ, что, во-первыхъ, не всѣ церковники согласны въ этомъ, а напротивъ, большинство настаиваетъ на пониманіи священнаго писанія въ прямомъ смыслѣ, а, во-вторыхъ, то, что толкованія эти очень многоразличны и ничѣмъ не подтверждаются.

Но, даже, если человѣкъ и захочетъ заставить себя вѣрить ученію церквей, такъ какъ оно преподается, — всеобщее распространеніе грамотности и Евангелій и общеніе между собою людей разныхъ исповѣданій составляютъ для этого другое еще болѣе непреодолимое препятствіе.

Вѣдь стоитъ только человѣку нашего времени купить за 3 копѣйки Евангеліе и прочесть ясныя, неподлежащія перетолкованію слова Христа къ Самарянкѣ о томъ, что Отцу нужны поклонники не въ Іерусалимѣ, ни на той горѣ, и ни на этой, а поклонники въ духѣ и истинѣ, или слова о томъ, что молиться христіанинъ долженъ, не какъ язычникъ въ храмахъ и на виду, а тайно, т. е. въ своей клѣти, или что ученикъ Христа никого не долженъ называть отцомъ или учителемъ, стоитъ только прочесть эти слова, чтобы убѣдиться, что никакіе духовные пастыри, называющіеся учителями въ противоположность ученію Христа и спорящіе между собою, не составляютъ никакого авторитета и что то, чему насъ учатъ церковники, не есть христіанство. Но мало и этого: если бы человѣкъ нашего времени и продолжалъ вѣрить въ чудеса и не читалъ бы Евангелія, одно общеніе съ людьми другихъ исповѣданій и вѣръ, сдѣлавшееся столь легкимъ въ наше время, заставитъ человѣка усумниться въ истинности своей вѣры. Хорошо было человѣку, не видавшему людей другаго исповѣданія, чѣмъ онъ самъ,—вѣрить, что его исповѣданіе — одно истинное; но стоитъ только думающему человѣку столкнуться, какъ это теперь безпрестанно случается, съ людьми одинаково добрыми и злыми разныхъ исповѣданій, осуждающихъ вѣры другъ друга, чтобы усумниться въ истинности исповѣдуемой имъ вѣры. Въ наше время только человѣкъ совершенно невѣжественный или совершенно равнодушный къ вопросамъ жизни, освящаемымъ религіей, можетъ оставаться въ церковной вѣрѣ.

Какія же нужны церквамъ хитрости и усилія, чтобы, несмотря на всѣ эти разрушающія вѣру условія, продолжать строить церкви, служить обѣдни, проповѣдовать, учить, обращать и, главное, получать за это огромное содержаніе, какъ всѣ эти священники, пастыри, интенданты, суперинтенданты, аббаты, архидіаконы, епископы и архіепископы.

Нужны особенныя, сверхъестественныя усилія. И такія усилія, все болѣе и болѣе напрягая ихъ, и употребляютъ церкви. У насъ въ Россіи (кромѣ всѣхъ другихъ) употребляется простое, грубое насиліе покорной церкви власти. Людей, отступающихъ отъ внѣшняго выраженія вѣры и высказывающихъ это, или прямо наказы-

вают или лишают правъ; людей же, строго держащихся внѣшнихъ формъ вѣры, награждаютъ, даютъ права.

Такъ поступаютъ православные; но и всѣ церкви, безъ исключенія, пользуются всѣми для этого средствами, изъ которыхъ главное — то, что теперь называется гипнотизаціей.

Пускаются въ дѣло всѣ искусства отъ архитектуры до поэзіи для воздѣйствія на души людей и для одуренія ихъ, и воздѣйствіе это происходитъ непереставшее. Особенно очевидна эта необходимость гипнотизирующаго воздѣйствія на людей для приведенія ихъ въ состояніе одуренія на дѣятельности арміи, спасенія, употребляющей новые, непривычные намъ пріемы трубъ, барабановъ, пѣсней, знаменъ, нарядовъ, шествій, плясокъ, слезъ и драматическихъ пріемовъ.

Но это насъ поражаетъ только потому, что это новые пріемы; развѣ старые пріемы храмовъ съ особеннымъ освѣщеніемъ, съ золотомъ, блескомъ, свѣчами, хорами, органомъ, колоколами, ризами, плаксивыми проповѣдями и т. п. не тоже самое?

Но какъ ни сильно это дѣйствіе гипнотизаціи, не въ этомъ главная и самая зловредная дѣятельность церквей. Главная и наизловреднѣйшая дѣятельность церкви есть та, которая направлена на обманъ дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей, про которыхъ Христосъ сказалъ, что горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ. Съ самаго перваго пробужденія сознанія ребенка, его начинаютъ обманывать, съ торжественностью внушать ему то, во что не вѣрятъ сами внушающіе, и внушать до тѣхъ поръ, пока обманъ не сростется посредствомъ привычки съ природой ребенка. Ребенка старательно обманываютъ въ самомъ важномъ дѣлѣ въ жизни, и когда обманъ такъ сросся съ его жизнью, что уже трудно оторвать его, тогда передъ ребенкомъ открываютъ весь міръ науки и дѣйствительности, который никакимъ образомъ не можетъ совмѣститься съ внушенными ему вѣрованіями, предоставляя ему разбираться самому, какъ онъ умѣетъ, въ этихъ противорѣчіяхъ.

Вѣдь если поставить себѣ задачей запутать человѣка такъ, чтобы онъ не могъ съ здоровымъ умомъ выбраться изъ внушенныхъ ему съ дѣтства двухъ противуположныхъ міросозерцаній, то нельзя ничего придумать сильнѣе того, что совершается надъ всякимъ молодымъ человѣкомъ, воспитываемымъ въ нашемъ, такъ называемомъ, христіанскомъ обществѣ.

Ужасно то, что дѣлаютъ надъ людьми церкви, но если вдуматься въ ихъ положеніе, то тѣмъ людямъ, которые составляютъ учрежденіе церквей, иначе поступать нельзя. Передъ церквами стоитъ диллема: нагорная проповѣдь или Никейскій символъ — одно исключаетъ другое: если человѣкъ искренне повѣритъ въ нагорную проповѣдь, Никейскій символъ неизбѣжно потеряетъ для него смыслъ и значеніе и вмѣстѣ съ нимъ церковь и ея представители; если же человѣкъ повѣритъ въ Никейскій символъ, т. е. въ церковь, т. е. въ тѣхъ, которые называютъ себя представителями ея, то нагорная проповѣдь станетъ для него излишняя. И потому церквамъ нельзя не употреблять всѣхъ возможныхъ усилій для затемнѣнія смысла нагорной проповѣди и для привлеченія къ себѣ людей. Только благодаря напряженной дѣятельности церквей въ этомъ направленіи держалось до сихъ поръ вліяніе церквей. Остановись церковь хоть на самый короткій срокъ это воздѣйствіе на массы гипнотизаціей и обманомъ дѣтей, и люди поймутъ ученіе Христа. А пониманіе ученія уничтожаетъ церкви и значеніе ихъ. И потому церкви ни на мгновенье не прекращаютъ усиленной дѣятельности и гипнотизаціи взрослыхъ и обмана дѣтей. И вотъ эта то дѣятельность церквей, внушающая людямъ ложное пониманіе ученія Христа, и служитъ препятствіемъ пониманія его для большинства людей, такъ называемыхъ, вѣрующихъ.

IV.

Теперь скажу о другомъ мнимомъ пониманіи христіанства, мѣшающемъ истинному пониманію его, — о пониманіи научномъ.

Церковные люди считаютъ христіанствомъ то представленіе о немъ, которое они себѣ составили, и это то пониманіе христіанства считаютъ единымъ несомнѣнно истиннымъ.

Люди науки считаютъ христіанствомъ только то, что исповѣдовали и исповѣдуютъ различныя церкви, и предполагая, что исповѣданія эти исчерпываютъ все значеніе христіанства, признаютъ его отжившимъ свое время религіознымъ ученіемъ.

Для того, чтобы ясно было, какъ невозможно при такомъ взглядѣ понять христіанское ученіе, необходимо составить себѣ понятіе о томъ мѣстѣ, которое въ дѣйствительности занимали и занимаютъ религіи вообще и, въ частности христіанская въ жизни человѣчества, и о томъ значеніи, которое приписывается имъ наукой.

Какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ жить, не имѣя извѣстнаго представленія о смыслѣ своей жизни и всегда, хотя часто и безсознательно, соображаетъ свои поступки съ этимъ, придаваемымъ имъ своей жизни смысломъ, такъ точно и совокупности людей, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ — народы, не могутъ не имѣть представленія о смыслѣ ихъ совокупной жизни и вытекающей изъ нея дѣятель-

ности. И какъ отдѣльный человѣкъ, вступая въ новый возрастъ, неизбѣжно измѣняетъ свое пониманіе жизни, и взрослый человѣкъ видитъ смыслъ ея въ иномъ, чѣмъ ребенокъ, такъ точно и совокупность людей, народа, неизбѣжно, соотвѣтственно возрасту своему, измѣняетъ свое пониманіе жизни и вытекающую изъ этого пониманія дѣятельность.

Различіе въ этомъ отношеніи отдѣльнаго человѣка отъ всего человѣчества состоитъ въ томъ, что тогда какъ отдѣльный человѣкъ въ опредѣленіи, свойственнаго тому новому періоду жизни, въ который онъ вступаетъ, пониманія жизни и вытекающей изъ него дѣятельности пользуется указаніями прежде жившихъ его людей, пережившихъ уже тотъ возрастъ, въ который онъ вступаетъ, человѣчество не можетъ имѣть этихъ указаній, потому что оно все подвигается по неизслѣдованному еще пути, и не у кого спросить: какъ надо понимать жизнь и дѣйствовать въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя оно вступаетъ, и въ которыхъ еще никто никогда не жилъ.

А между тѣмъ, какъ человѣку женатому и съ дѣтьми невозможно продолжать понимать жизнь такъ же, какъ онъ понималъ ее, будучи ребенкомъ, такъ и человѣчеству нельзя уже, при совершившихся разнообразныхъ измѣненіяхъ и густоты населенія, и установившагося общенія между разными народами, и усовершенствованія способовъ борьбы съ природой, и накопленія знаній, — продолжать понимать жизнь по прежнему, а необходимо установить новое жизнепониманіе, изъ котораго и вытекла бы и дѣятельность, соотвѣтствующая тому новому состоянію, въ которое оно вступило или вступаетъ.

На это то требованіе и отвѣчаетъ особенная способность человѣчества выдѣлять изъ себя людей, дающихъ новый смыслъ всей жизни человѣческой, — смыслъ, изъ котораго вытекаетъ вся иная, чѣмъ прежняя дѣятельность. Установленіе этого, свойственнаго человѣчеству въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя оно вступаетъ, жизнепониманія и вытекающей изъ него дѣятельности и есть то, что называется религія.

И потому религія, во-первыхъ, не есть какъ это думаетъ наука, явленіе, когда-то сопутствовавшее развитію человѣчества, но потомъ пережитое имъ, а есть всегда присущее жизни человѣчества явленіе, и въ наше время столь же неизбѣжно присущее человѣчеству, какъ и во всякое другое время. Во-вторыхъ, религія всегда есть опредѣленіе дѣятельности будущаго, а не прошедшаго, и потому, очевидно, что изслѣдованіе прошедшихъ явленій ни въ какомъ случаѣ не можетъ захватить сущности религіи.

Сущность всякаго религіознаго ученія — не въ желаніи символическаго выраженія силъ природы, не въ страхѣ передъ ними, не въ погребности къ чудесному и не во внѣшнихъ формахъ ея проявленія, какъ это думаютъ люди науки. Сущность религіи въ свойствѣ людей пророчески предвидѣть и указывать тотъ путь жизни, по которому должно идти человѣчество, въ иномъ, чѣмъ прежнее, опредѣленіи смысла жизни, изъ котораго вытекаетъ и иная, чѣмъ прежняя, вся будущая дѣятельность человѣчества.

Свойство это провидѣнія того пути, по которому должно идти человѣчество, въ большей или меньшей степени обще всѣмъ людямъ; но всегда во всѣ времена были люди, въ которыхъ это свойство проявлялось съ особенной силой, и люди эти ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали всѣ люди, и устанавливали новое пониманіе жизни, изъ котораго вытекала йная, чѣмъ прежняя дѣятельность, на многія сотни и тысячи лѣтъ.

Такихъ пониманій жизни мы знаемъ три: два уже пережитыхъ человѣчествомъ, и третье, которое мы теперь переживаемъ въ христіанствѣ. Пониманій такихъ три и только три, не потому что мы произвольно соединили различныя жизнепониманія въ эти три, а потому что поступки всѣхъ людей имѣютъ всегда въ основѣ одно изъ этихъ трехъ жизнепониманій потому что иначе, какъ только этими тремя способами мы не можемъ понимать жизнь.

Три жизнепониманія эти слѣдующія: — первое — личное или животное, второе — общественное или языческое, и третье — всемірное или божеское.

По первому жизнепониманію жизнь человѣка заключается въ одной его личности; цѣль его жизни — въ удовлетвореніи воли этой личности. По второму жизнепониманію жизнь человѣка заключается не въ одной его личности, а въ совокупности и послѣдовательности личностей: въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ; цѣль жизни заключается въ удовлетвореніи воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманію жизнь человѣка заключается и не въ своей личности, и не въ совокупности и послѣдовательности личностей, а въ началѣ и источникѣ жизни — въ Богѣ.

Эти три жизнепониманія служатъ основой всѣхъ существовавшихъ и существующихъ религій.

Дикарь признаетъ жизнь только въ себѣ, въ своихъ личныхъ желаніяхъ. Благо его жизни сосредоточено въ немъ одномъ. Высшее благо для него есть наиполнѣйшее удовлетвореніе его похоти. Двигатель его жизни есть личное наслажденіе. Религія его состоитъ въ умилостивленіи божества къ своей личности и въ поклоненіи воображаемымъ личностямъ боговъ, живущимъ только для личныхъ цѣлей.

Человѣкъ языческій, общественный при-

знаетъ жизнь уже не въ одномъ себѣ, но въ совокупности личностей — въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ, и жертвуетъ для этихъ совокупностей своимъ личнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть слава. Религія его состоитъ въ возвеличеніи главъ союзовъ: родоначальниковъ, предковъ, государей и въ поклоненіи богамъ — исключительнымъ покровителямъ его семьи, его рода, народа, государства.*)

Человѣкъ [illegible] жескаго жизнепониманія признаетъ жи[illegible]же не въ своей личности и не въ со[illegible]сти личностей (въ семьѣ, [illegible]ѣ, и [illegible]чествѣ или государствѣ), [illegible]ъ источникѣ вѣчной, неумирающей [illegible]—въ Богѣ; и для исполненія воли [illegible]жертвуетъ и своимъ личнымъ, и семейнымъ, и общественнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть любовь. И религія его есть поклоненіе дѣломъ и истиной началу всего — Богу.

Вся жизнь историческая человѣчества есть ничто иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманія личнаго, животнаго къ жизнепониманію общественному, и отъ жизнепониманія общественнаго къ жизнепониманію божескому. Вся исторія древнихъ народовъ, продолжавшаяся тысячелѣтія и заканчивающаяся исторіей Рима, есть исторія замѣны животнаго, личнаго жизнепониманія общественнымъ и государственнымъ. Вся исторія со времени императорскаго Рима и появленія христіанства есть, переживаемая нами и теперь исторія замѣны государственнаго жизнепониманія божескимъ.

Вотъ это то послѣднее жизнепониманіе и основанное на немъ христіанское ученіе, руководящее всей нашей жизнью и лежащее въ основѣ всей нашей дѣятельности, какъ практической, такъ и научной, люди мнимой науки, разсматривая его только по его внѣшнимъ признакамъ, признаютъ чѣмъ то отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія.

Ученіе это, по мнѣнію людей науки, заключающееся только въ его догматической сторонѣ — въ ученіи о Троицѣ, искупленіи, чудесахъ, церкви, таинствахъ и пр.— есть только одна изъ огромнаго количества религій, которыя возникали въ человѣчествѣ и теперь, съиграв свою роль въ исторіи, отживаетъ свое время, уничтожаясь передъ свѣтомъ науки и истиннаго просвѣщенія.

Происходитъ то, что въ большей части случаевъ служитъ источникомъ самыхъ грубыхъ заблужденій людскихъ: люди, стоящіе на низшей степени пониманія, встрѣчаясь съ явленіями высшаго порядка — вмѣсто того, чтобы сдѣлать усилія, чтобы понять ихъ, чтобы подняться на ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на предметъ, — обозреваютъ его съ своей низшей точки зрѣнія и съ тѣмъ большей смѣлостью и рѣшительностью, чѣмъ меньше они понимаютъ то, о чемъ говорятъ.

Для большинства научныхъ людей, разсматривающихъ жизненное нравственное ученіе Христа съ низшей точки зрѣнія общественнаго жизнепониманія, ученіе это есть только весьма неопредѣленное, нескладное соединеніе индійскаго аскетизма, стоическаго и неоплатоническаго ученія и утопическихъ антисоціальныхъ мечтаній, неимѣющихъ никакого серьезнаго значенія для нашего времени, и все значеніе его сосредоточивается для нихъ въ его внѣшнихъ проявленіяхъ: въ католичествѣ, протестантствѣ, догматахъ, борьбѣ съ свѣтской властью. Опредѣляя по этимъ явленіямъ значеніе христіанства, они подобны глухимъ, которые судили бы о значеніи и достоинствѣ музыки по виду движеній музыкантовъ.

Отъ этого происходитъ то, что всѣ эти люди, начиная отъ Конта, Страуса, Спенсера и Ренана, не понимая смысла рѣчей Христа, не понимая того, къ чему и зачѣмъ они сказаны, не понимая даже и вопроса, на который онѣ служатъ отвѣтомъ, не давая себѣ даже труда вникнуть въ смыслъ ихъ, прямо, если они враждебно настроены, отрицаютъ разумность ученія; если же они хотятъ быть снисходительны къ нему, то съ высоты своего величія поправляютъ его, предполагая, что Христосъ хотѣлъ сказать то самое, что они думаютъ, но не съумѣлъ этого сдѣлать. Они обращаются съ его ученіемъ такъ, какъ, большею частью, поправляя слова своего собесѣдника, говорятъ самоувѣренные люди съ тѣмъ, кого они считаютъ много ниже себя: «Да, вы собственно хотите сказать то-то и то-то». Поправка эта дѣлается всегда въ томъ смыслѣ, чтобы ученіе высшаго, божескаго жизнепониманія свести къ низшему, общественному.

Обыкновенно говорятъ, что нравственное ученіе христіанства хорошо, но преувеличено, — что для того, чтобы оно было вполнѣ хорошо, надо откинуть отъ него излишнее, неподходящее къ нашему строю жизни. «А то, ученіе, требующее слишкомъ многаго, неисполнимаго, хуже чѣмъ то, которое требуетъ отъ людей возможнаго, соотвѣтственно ихъ силамъ», думаютъ и утверждаютъ ученые толкователи хри-

*) То что на этомъ общественномъ или языческомъ жизнепониманіи основываются столь разнообразные склады жизни, какъ жизнь племенная, семейная, родовая, государственная и даже теоретически представляемая позитивистами жизнь человѣчества, это не нарушаетъ единства этого жизнепониманія. Всѣ эти разнообразныя формы жизни основаны на одномъ представленіи о томъ, что жизнь личности не есть достаточная цѣль жизни, что смыслъ жизни можетъ быть найденъ только въ совокупности личностей.

стіанства, повторяя при этомъ то, что давно уже утверждали и утверждаютъ и не могли не утверждать о христіанскомъ ученіи тѣ, которые, не понявъ его, распяли за то учителя — евреи.

Оказывается, что передъ судомъ ученыхъ нашего времени, законъ еврейскій: зубъ за зубъ и око за око, — законъ справедливаго возмездія, извѣстный человѣчеству 5000 лѣтъ тому назадъ, болѣе цѣлесообразенъ, чѣмъ законъ любви, 1800 лѣтъ тому назадъ проповѣданный Христомъ на мѣсто этого самаго закона справедливости.

Оказывается, что все то, что было сдѣлано тѣми людьми, которые поняли ученіе Христа прямо и жили сообразно съ такимъ пониманіемъ, — все то, что дѣлали и говорили всѣ истинные христіане, всѣ христіанскіе подвижники, все то, что преобразовываетъ міръ теперь подъ видомъ соціализма и коммунизма, все это преувеличенія, о которыхъ не стоитъ и говорить.

Люди, 18 вѣковъ воспитанные въ христіанствѣ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей-ученыхъ убѣдились въ томъ, что христіанское ученіе есть ученіе о догматахъ; жизненное же ученіе есть недоразумѣніе, есть преувеличеніе, нарушающее настоящія законныя требованія нравственности, соотвѣтствующія природѣ человѣка, и, что то самое ученіе справедливости, которое отвергъ Христосъ, на мѣсто котораго онъ поставилъ свое ученіе, гораздо пригоднѣе намъ.

Ученымъ людямъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ кажется преувеличеніемъ и даже неразумѣемъ. Если откинуть ее, то будетъ гораздо лучше, думаютъ они, не замѣчая того, что они толкуютъ вовсе не объ ученіи Христа, а о томъ, что имъ представляется таковымъ.

Они не замѣчаютъ того, что сказать, что въ ученіи Христа заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ есть преувеличеніе, все равно, что сказать, что въ ученіи о кругѣ положеніе о равенствѣ радіусовъ круга есть преувеличеніе. И тѣ, которые говорятъ это, дѣлаютъ совершенно то же, что дѣлалъ бы человѣкъ, не имѣющій понятія о томъ, что есть кругъ, который бы утверждалъ, что требованіе того, чтобы всѣ точки окружности были въ равномъ разстояніи отъ центра — есть преувеличеніе. Совѣтовать откинуть или умѣрить положеніе о равенствѣ радіусовъ въ кругѣ—значитъ не понимать того, что есть кругъ. Совѣтовать откинуть или умѣрить въ жизненномъ ученіи Христа заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ—значитъ не понимать ученія.

И тѣ, которые дѣлаютъ это, дѣйствительно совершенно не понимаютъ его. Они не понимаютъ того, что ученіе это есть установленіе новаго пониманія жизни, соотвѣтствующаго тому новому состоянію, въ которое вотъ уже 1800 лѣтъ вступили люди, и — опредѣленіе той новой дѣятельности, которая изъ него вытекаетъ. Они не вѣрятъ тому, что Христосъ хотѣлъ сказать то, что сказалъ; или имъ кажется, что онъ по увлеченію, по неразумію, по неразвитости своей говорилъ то, что говорилъ въ нагорной проповѣди и другихъ мѣстахъ.*).

(Мѳ. VI, 25—34).

25) Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣ[illegible] чего, во что одѣться. Душа не [illegible] ли пищи, и тѣло одежды? 26) Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ [illegible] ютъ, ни жнутъ, не собираютъ [illegible] житницу; и Отецъ вашъ Небесный пита[illegible] ихъ. Вы не гораздо ли лучше [illegible] 27) Да и кто изъ васъ, заботясь, мо[illegible] прибавить себѣ росту хоть на одинъ локоть. 28) И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ. 29) Но говорю вамъ, что Соломонъ, во всей славѣ своей, не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. 30) Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, мало-

*) Вотъ напримѣръ характерное сужденіе такого рода въ статьѣ американскаго журнала: *Arena*, 1890 г., Октябрь. *New basis of church life* (Новыя основанія церковной жизни). Разсуждая о значеніи нагорной проповѣди и въ особенности о непротивленіи злу, авторъ, не имѣя надобности, какъ это дѣлаютъ церковные, скрывать значеніе ея, говоритъ: «Христосъ дѣйствительно проповѣдовалъ полный коммунизмъ и анархію; но надо умѣть смотрѣть на Христа въ его историческомъ и психологическомъ значеніи. Какъ всякій проповѣдникъ человѣколюбія, энтузіастъ Христосъ доходилъ въ своемъ ученіи до утопическихъ крайностей. Всякій шагъ впередъ нравственнаго совершенствованія человѣчества всегда бываетъ руководимъ людьми, которые ничего не видятъ, кромѣ своего призванія. Христосъ же, не въ укоръ ему будь сказано, имѣлъ типическій темпераментъ такого преобразователя. И потому мы должны помнить, что ученія его не могутъ быть понимаемы, какъ полная философія жизни. Мы должны анализировать его слова съ уваженіемъ къ нимъ, но въ духѣ критицизма, ищущаго истины» и т. д. Христосъ и радъ бы сказать хорошо, но онъ не умѣлъ выражаться такъ точно и ясно, какъ мы, въ духѣ критицизма, и потому поправимъ его. Все, что онъ наговорилъ о смиреніи, жертвѣ, нищетѣ, незаботѣ о завтрашнемъ днѣ, все это онъ говорилъ нечаянно, по неумѣнію научно выражаться.

вѣры! 31) И такъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть, или что намъ пить? или во что одѣться. 32) Потому что всего этого ищутъ язычники, и потому что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. 33) Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ. 34) Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы.

(Лука. XII, 33, 34).

Продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себѣ влагалища неветшающія, сокровище неоскудѣвающее на небесахъ, куда воръ не приближается и гдѣ моль не съѣдаетъ; ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше будетъ.

Продай имѣніе твое и иди за мной, и кто не оставитъ отца или мать, и дѣтей и братьевъ и поля и домъ — тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ.

Отвергнись отъ себя, возьми крестъ свой на каждый день и иди за мной. Пища моя въ томъ, чтобы творить волю Пославшаго меня и совершать дѣло Его. Не моя воля да будетъ, но Твоя; не то, что я хочу, но что Ты хочешь, и не такъ какъ я хочу, а какъ Ты хочешь. Жизнь въ томъ, чтобы творить не свою волю, но волю Бога.

Всѣ эти положенія кажутся людямъ, стоящимъ на низшемъ жизнепониманіи, выраженіемъ какого то восторженнаго увлеченія, не имѣющаго никакого прямаго приложенія къ жизни. А между тѣмъ эти положенія также строго вытекаютъ изъ жизнепониманія христіанскаго, какъ положеніе объ отдачѣ своего труда для общаго дѣла, о жертвѣ своей жизни для защиты отечества вытекаетъ изъ жизнепониманія общественнаго.

Какъ человѣкъ общественнаго жизнепониманія говоритъ дикарю: опомнись, одумайся! Жизнь твоей личности не можетъ быть истинной жизнью, потому что жизнь эта бѣдственна и преходяща. Только жизнь совокупности и послѣдовательности личностей: племени, семьи, рода, государства продолжается и живетъ, и потому человѣкъ долженъ жертвовать своей личностью для жизни семьи, государства. Точно то же говоритъ христіанское ученіе человѣку жизнепониманія совокупнаго, общественнаго. Покайтесь-*μετανοετε*, т. е. одумайтесь, а то погибнете. Поймите, что эта плотская, личная жизнь нынче возникшая и завтра уничтожающаяся, ничѣмъ не можетъ быть обезпечена, что никакія внѣшнія мѣры, никакое устройство ея не можетъ придать ей твердости, разумности. Одумайтесь и поймите, что жизнь, которой вы живете, не есть настоящая жизнь; — жизнь семьи, жизнь общества, жизнь государства не спасетъ отъ погибели. Жизнь истинная, разумная возможна для человѣка только въ той мѣрѣ, въ которой онъ можетъ быть участникомъ не семьи или государства, но источника жизни, Отца; въ той мѣрѣ, въ которой онъ можетъ слить свою жизнь съ жизнью Отца. Таково несомнѣнно жизнепониманіе христіанское, видное въ каждомъ изреченіи Евангелія.

Можно не раздѣлять этого жизнепониманія, можно отрицать его, можно доказывать неточность, неправильность его; но невозможно судить объ ученіи, не усвоивъ того жизнепониманія, изъ котораго оно вытекаетъ; а тѣмъ болѣе невозможно судить о предметѣ высшаго порядка съ низшей точки зрѣнія: глядя на фундаментъ судить о колокольнѣ. А это-то самое дѣлаютъ люди научные нашего времени. Дѣлаютъ они это, потому что находятся въ подобномъ же церковнымъ людямъ заблужденіи о томъ, что они обладаютъ такими пріемами изученія предмета, что, если только употреблены эти пріемы, называемые научными, то не можетъ уже быть сомнѣнія въ истинности пониманія обсуживаемаго предмета.

Это то обладаніе мнимымъ непогрѣшимымъ ихъ орудіемъ познанія и служитъ главнымъ препятствіемъ пониманія христіанскаго ученія для людей невѣрующихъ и, такъ называемыхъ, научныхъ, мнѣніемъ которыхъ и руководится все огромное большинство невѣрующихъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей. Изъ этого то мнимаго пониманія вытекаютъ всѣ заблужденія научныхъ людей о христіанскомъ ученіи, и въ особенности два странныя недоразумѣнія, болѣе всего другого препятствующія правильному пониманію его.

Одно изъ этихъ недоразумѣній то, что христіанское жизненное ученіе неисполнимо, и потому или вовсе не обязательно, т. е. не должно быть принимаемо за руководство, или должно быть видоизмѣнено, умѣрено до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ исполненіе его возможно въ нашемъ обществѣ. Другое недоразумѣніе то, что христіанское ученіе любви къ Богу и потому служеніе Ему есть требованіе неясное, мистическое, не имѣющее опредѣленнаго предмета любви, которое поэтому должно быть замѣнено болѣе точнымъ и понятнымъ ученіемъ о любви къ людямъ и служеніи человѣчеству.

Первое недоразумѣніе о неисполнимости ученія состоитъ въ томъ, что люди общественнаго жизнепониманія, не понимая того способа, которымъ руководитъ людей христіанское ученіе, и принимая христіанское указаніе совершенства за правила, опредѣляющія жизнь, думаютъ и говорятъ, что слѣдованіе ученію Христа невозможно, потому что полное исполненіе требованій этого ученія уничтожаетъ жизнь. «Если

бы человѣкъ исполнилъ то, что проповѣдуется Христомъ, то онъ уничтожилъ бы свою жизнь; и если бы всѣ люди исполнили это, то прекратился бы и родъ человѣческій», говорятъ они.

«Не заботясь о завтрашнемъ днѣ, — о томъ, что ѣсть и что пить, и во что одѣться; не защищая свою жизнь, не противясь злу насиліемъ, отдавая свою жизнь за други своя и соблюдая полное цѣломудріе, человѣкъ и человѣческій родъ не могутъ существовать», думаютъ и говорятъ они.

И они совершенно правы, если принимать указанія совершенства, даваемыя ученіемъ Христа, за правила, которыя каждый обязанъ исполнять такъ-же, какъ въ общественномъ ученіи всякій обязанъ исполнять правило уплаты податей, участія въ судѣ и т. п.

Недоразумѣніе состоитъ именно въ томъ, что ученіе Христа руководитъ людьми инымъ способомъ, чѣмъ руководятъ ученія, основанныя на низшемъ жизнепониманіи. Ученія общественнаго жизнепониманія руководятъ только требованіемъ точнаго исполненія правилъ или законовъ. Ученіе Христа руководитъ людьми указаніемъ имъ того безконечнаго совершенства Отца небеснаго, къ которому свойственно произвольно стремиться всякому человѣку, на какой бы степени несовершенства онъ не находился.

Недоразумѣніе людей, судящихъ о христіанскомъ ученіи съ точки зрѣнія общественнаго, состоитъ въ томъ, что они, предполагая, что совершенство, указываемое Христомъ, можетъ быть вполнѣ достигнуто, спрашиваютъ себя (такъ же, какъ они спрашиваютъ себя, предполагая, что законы общественные будутъ исполнены), что будетъ, когда это все будетъ исполнено? Предположеніе это ложно, потому что совершенство, указываемое христіанамъ — безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто; и Христосъ даетъ свое ученіе, имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному, безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей, и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности.

Христосъ учитъ не ангеловъ, но людей, живущихъ животной жизнью, движущихся ею. И вотъ къ этой животной силѣ движенія Христосъ какъ-бы прикладываетъ новую, другую силу сознанія божескаго совершенства, — направляетъ этимъ движеніе жизни по равнодѣйствующей изъ двухъ силъ.

Полагать, что жизнь человѣческая пойдетъ по направленію, указанному Христомъ, все равно, что полагать, что лодочникъ, перебивая быструю рѣку и направляя свой ходъ почти прямо противъ теченія, поплываетъ по этому направленію.

Христосъ признаетъ существованіе объ ихъ сторонъ параллелограмма, объихъ вѣчныхъ, неуничтожимыхъ силъ, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка: силу животной природы и силу сознанія сыновности Богу. Не говоря о силѣ животной, которая сама себя утверждая, остается всегда равна сама себѣ и находится внѣ власти человѣка, Христосъ говоритъ только о силѣ Божеской, призывая человѣка къ наибольшему сознанію ея, къ наибольшему освобожденію ея отъ того, что задерживаетъ ее, и къ доведенію ея до высшей степени напряженія.

Въ этомъ освобожденіи-увеличеніи этой силы и состоитъ, по ученію Христа, истинная жизнь человѣка. Истинная жизнь, по прежнимъ условіямъ, состоитъ въ исполненіи правилъ, закона; по ученію Христа она состоитъ въ наибольшемъ приближеніи къ указанному и сознаваемому каждымъ человѣкомъ въ себѣ божескому совершенству, въ большемъ и большемъ приближеніи къ сліянію своей воли съ волей Божіей, сліянію, къ которому стремится человѣкъ, и которое было-бы уничтоженіемъ той жизни, какую мы знаемъ.

Божеское совершенство есть асимптота жизни человѣческой, къ которому она всегда стремится и приближается, и которое можетъ быть достигнуто ею только въ безконечности.

Ученіе христіанское кажется исключающимъ возможность жизни только тогда, когда люди указаніе идеала принимаютъ за правило. Только тогда представляются уничтожающими жизнь тѣ требованія, которыя предъявляются ученіемъ Христа. Требованія эти, напротивъ, однѣ даютъ возможность истинной жизни. Безъ этихъ требованій невозможна бы была истинная жизнь.

«Нельзя требовать слишкомъ многаго», говорятъ обыкновенно люди, обсуживая требованія христіанскаго ученія, «нельзя требовать того, чтобы совсѣмъ не заботиться о будущемъ, какъ это сказано въ Евангеліи, но надо только не слишкомъ много заботиться; нельзя отдавать бѣднымъ всего, но надо отдавать извѣстную, опредѣленную часть; не надо стремиться къ дѣвственности, но надо избѣгать разврата; не надо оставлять жену и дѣтей, но надо не имѣть къ нимъ слишкомъ большаго пристрастія» и т. д.

Но говорить такъ — все равно, что говорить человѣку, переплывающему быструю рѣку и направляющему свой ходъ противъ теченія, что нельзя переплыть рѣку, направляясь противъ теченія, а что для того, чтобы переплыть ее, надо плыть по тому направленію, по которому онъ хочетъ идти.

Ученіе Христа тѣмъ отличается отъ прежнихъ ученій, что оно руководитъ людьми

не внѣшними правилами, а внутреннимъ сознаніемъ возможности достиженія божескаго совершенства. И въ душѣ человѣка находятся не умѣренныя правила справедливости и филантропіи, а идеалъ полнаго, безконечнаго божескаго совершенства. Только стремленіе къ этому совершенству отклоняетъ направленіе жизни человѣка отъ животнаго состоянія къ божескому на столько, на сколько это возможно въ этой жизни.

Для того, чтобы приспать къ тому мѣсту, къ которому хочешь, надо всѣми силами направлять ходъ гораздо выше.

Спустить требованія идеала значитъ не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеалъ. Идеалъ, дѣйствующій на людей, есть не выдуманный кѣмъ-то идеалъ, но идеалъ, носимый въ душѣ каждымъ человѣкомъ. Только этотъ идеалъ полнаго безконечнаго совершенства дѣйствуетъ на людей и подвигаетъ ихъ къ дѣятельности. Умѣренное совершенство теряетъ свою силу воздѣйствія на души людей.

Ученіе Христа только тогда имѣетъ силу, когда оно требуетъ полнаго совершенства, т. е. сліянія божеской сущности, находящейся въ душѣ каждаго человѣка, съ волей Бога, — соединенія сына съ Отцемъ. Только это освобожденіе сына Божія, живущаго въ каждомъ человѣкѣ, изъ животнаго и приближеніе его къ Отцу и составляетъ жизнь по ученію Христа.

Существованіе въ человѣкѣ животнаго, только животнаго, не есть жизнь человѣческая. Жизнь по одной волѣ Бога тоже не есть жизнь человѣческая. Жизнь человѣческая есть составная изъ жизни животной и жизни Божеской. И чѣмъ болѣе приближается эта составная къ жизни божеской, тѣмъ больше жизни.

Жизнь по ученію христіанскому есть движеніе къ божескому совершенству. Ни одно состояніе по этому ученію не можетъ быть выше или ниже другаго. Всякое состояніе, по этому ученію, есть только извѣстная, сама по себѣ безразличная ступень къ недостижимому совершенству и потому — само по себѣ не составляетъ ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличеніе жизни, по этому ученію, есть только ускореніе движенія къ совершенству. И потому движеніе къ совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на крестѣ — составляетъ высшую степень жизни, чѣмъ неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого ученія не можетъ быть правилъ, обязательныхъ для исполненія. Человѣкъ, стоящій на низшей ступени, подвигаясь къ совершенству, живетъ нравственнѣе, лучше, болѣе исполняетъ ученіе, чѣмъ человѣкъ, стоящій на гораздо болѣе высокой ступени нравственности, но не подвигающійся къ совершенству.

Въ этомъ-то смыслѣ заблудшая овца дороже Отцу незаблудшихся. Блудный сынъ, потерянная и опять найденная монета дороже тѣхъ, которыя не пропадали.

Исполненіе ученія — въ движеніи отъ себя къ Богу. Очевидно, что для такого исполненія ученія не можетъ быть опредѣленныхъ законовъ и правилъ. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны передъ этимъ ученіемъ; никакое исполненіе законовъ не составляетъ исполненія ученія; и потому для ученія этого нѣтъ и не можетъ быть обязательныхъ правилъ и законовъ.

Изъ этого кореннаго отличія ученія Христа отъ всѣхъ предшествующихъ ученій, основанныхъ на общественномъ жизнепониманіи, происходитъ и различіе заповѣдей общественныхъ отъ заповѣдей христіанскихъ. Заповѣди общественныя большей частью положительныя, предписывающія извѣстные поступки, оправдывающіе людей, дающіе имъ праведность. Заповѣди-же христіанскія (заповѣдь любви не есть заповѣдь въ тѣсномъ смыслѣ слова, а выраженіе самой сущности ученія), пять заповѣдей нагорной проповѣди — всѣ отрицательныя и показываютъ только то, чего на извѣстной степени развитія человѣчества люди могутъ уже не дѣлать. Заповѣди эти суть какъ бы замѣтки на безконечномъ пути совершенства, къ которому идетъ человѣчество, той степени совершенства, которая возможна въ извѣстный періодъ развитія человѣчества.

Въ нагорной проповѣди выражены Христомъ и вѣчный идеалъ, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень его достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми.

Идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть зла ни на кого, не вызвать недоброжелательства ни въ комъ, любить всѣхъ; заповѣдь же, указывающая степень, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала, въ томъ, чтобы не оскорблять людей словомъ. И это составляетъ первую заповѣдь.

Идеалъ — полное цѣломудріе даже въ мысляхъ; — заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала — чистота брачной жизни, воздержаніе отъ блуда. И это составляетъ вторую заповѣдь.

Идеалъ — не заботиться о будущемъ, жить настоящимъ часомъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться — не клясться, впередъ не обѣщать ничего людямъ. И это — третья заповѣдь.

Идеалъ — никогда ни для какой цѣли не употреблять насилія;—заповѣдь, указывающая степень, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться, — не платить зломъ за зло, терпѣть обиды, отдавать рубаху. И это четвертая заповѣдь.

Идеалъ — любить враговъ, ненавидящихъ насъ; — заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться, — не дѣлать зла врагамъ, говорить о нихъ доброе, не дѣлать различія между ними и своими согражданами.

Всѣ эти заповѣди суть указанія того, чего на пути стремленія къ совершенству мы имѣемъ полную возможность уже не дѣлать,—того, надъ чѣмъ мы должны работать теперь, — того, что понемногу мы должны переводить въ область привычки, въ область безсознательнаго. Но заповѣди эти не только не составляютъ ученія и не исчерпываютъ его, но составляютъ только одну изъ безчисленныхъ ступеней его въ приближеніи къ совершенству.

За этими заповѣдями должны и будутъ слѣдовать высшія и высшія по пути совершенства, указываемаго ученіемъ.

И потому христіанскому ученію свойственно заявлять требованія высшія, чѣмъ тѣ, которыя выражены въ этихъ заповѣдяхъ; но никакъ не умалять требованія ни самаго идеала, ни этихъ заповѣдей, какъ это дѣлаютъ люди, судящіе объ ученіи христіанства съ точки зрѣнія общественнаго жизнепониманія.

Таково одно недоразумѣніе людей научныхъ относительно значенія и смысла ученія Христа; другое, вытекающее изъ этого-же источника, состоитъ въ замѣнѣ христіанскаго требованія любви къ Богу и служенія Ему — любовью и служеніемъ людямъ-человѣчеству.

Христіанское ученіе любви къ Богу и служенія Ему, и (только вслѣдствіе этой любви и служенія), — любви и служенія ближнему — кажется людямъ научнымъ неяснымъ, мистическимъ и произвольнымъ, и они исключаютъ совершенно требованіе любви и служенія Богу, полагая, что ученіе объ этой любви къ людямъ, къ человѣчеству гораздо понятнѣе, тверже и болѣе обосновано.

Научные люди теоретически учатъ тому, что жизнь осмысленная и добрая есть только жизнь служенія всему человѣчеству; и въ этомъ самомъ ученіи видятъ смыслъ христіанскаго ученія; къ этому ученію сводятъ христіанское ученіе; для этого своего ученія отыскиваютъ подтвержденіе въ христіанскомъ ученіи, предполагая, что ихъ ученіе и христіанское — одно и то-же.

Мнѣніе это совершенно ошибочно. Христіанское ученіе и ученіе позитивистовъ, коммунистовъ и всѣхъ проповѣдниковъ всемірнаго братства людей, основанное на выгодности этого братства, не имѣютъ ничего общаго между собой и отличаются другъ отъ друга въ особенности тѣмъ, что ученіе христіанское имѣетъ твердыя, ясныя основы въ душѣ человѣческой; ученіе же любви къ человѣчеству есть только теоретическій выводъ по аналогіи.

Ученіе о любви къ одному человѣчеству имѣетъ въ основѣ своей общественное жизнепониманіе.

Сущность общественнаго жизнепониманія состоитъ въ перенесеніи смысла своей личной жизни въ жизнь совокупности личностей: племени, семьи, рода, государства. Перенесеніе это совершалось и совершается легко и естественно въ первыхъ своихъ формахъ, въ перенесеніи смысла жизни изъ своей личности въ племя, семью. Перенесеніе-же въ родъ или народъ уже труднѣе и требуетъ особеннаго воспитанія для этого; перенесеніе-же сознанія въ государство уже составляетъ предѣлъ такого перенесенія.

Любить себя естественно каждому, и каждый себя любитъ безъ поощренія къ этому; любить свое племя, поддерживающее и защищающее меня, любить женъ-радость и помощь жизни, — своихъ дѣтей-утѣху и надежду жизни, и своихъ родителей, давшихъ жизнь и воспитаніе, — естественно; и любовь эта, хоть далеко не столь сильная, какъ любовь къ себѣ, встрѣчается довольно часто.

Любить для себя, для своей гордости свой родъ, свой народъ, хотя уже не такъ естественно, все таки встрѣчается. Любовь своего одноплеменнаго, одноязычнаго, одновѣрнаго народа еще возможна, хотя чувство это далеко не такое сильное не только какъ любовь къ себѣ, но и къ семьѣ или роду; но любовь къ государству, какъ Турція, Германія, Англія, Австрія, Россія, уже почти невозможная вещь и, не смотря на усиленное воспитаніе въ этомъ направленіи, только предполагается и не существуетъ въ дѣйствительности. На этой совокупности уже кончается возможность для человѣка переносить свое сознаніе и испытывать къ этой фикціи какое либо непосредственное чувство. Позитивисты-же и всѣ проповѣдники научнаго братства, не принимая во вниманіе ослабленіе чувства по мѣрѣ расширенія предмета, теоретически разсуждаютъ далѣе въ томъ-же направленіи. «Если», говорятъ они, «личности было выгоднѣе перенести свое сознаніе въ племя, семью, а потомъ въ народъ, государство, то еще выгоднѣе будетъ перенести свое сознаніе въ совокупность всего человѣчества, и всѣмъ жить для человѣчества такъ же, какъ люди живутъ для семьи, для государства».

Оно теоретически дѣйствительно такъ выходитъ.

Перенося сознаніе и любовь личности въ семью, изъ семьи въ родъ, народъ, государство, было-бы вполнѣ логично и людямъ для избавленія себя отъ борьбы и бѣдствій, которыя происходятъ отъ раздѣленія человѣчества на народы и государ-

ства — естественнѣе всего перенести свою любовь на человѣчество. Казалось-бы это логичнѣе всего, и теоретически проповѣдуютъ это, не замѣчая того, что любовь есть чувство, которое можно имѣть, но которое нельзя проповѣдывать, и что кромѣ того для любви долженъ быть предметъ, а человѣчество не есть предметъ, а только фикція.

Племя, семья, даже государство не выдуманы людьми, но образовались сами собой, какъ рой пчелъ, муравьевъ, и дѣйствительно существуетъ. Человѣкъ, любящій для своей животной личности семью, знаетъ кого онъ любитъ: Анну, Марью, Ивана, Петра и т. д. Человѣкъ, любящій родъ и гордящійся имъ, знаетъ, что онъ любитъ всѣхъ Гвельфовъ или всѣхъ Гибелиновъ; любящій государство знаетъ, что онъ любитъ Францію по берегъ Рейна, и Пиренеи, и главный городъ ея Парижъ, и ея исторію и т. д. Но что любитъ человѣкъ, любящій человѣчество? Есть государство, народъ, есть отвлеченное понятіе: человѣкъ; но человѣчества, какъ реальнаго понятія, нѣтъ и не можетъ быть.

Человѣчество? Гдѣ предѣлъ человѣчества? Гдѣ оно кончается или начинается? Кончается ли человѣчество дикаремъ, идіотомъ, алкоголикомъ, сумашедшимъ исключительно? Если мы проведемъ черту, отдѣляющую человѣчество, такъ что исключимъ низшихъ представителей человѣческаго рода, то гдѣ мы проведемъ черту? Исключимъ-ли мы негровъ, какъ ихъ исключаютъ Американцы, и Индѣйцевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые англичане, и Евреевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые? Если-же мы захватимъ всѣхъ людей безъ исключенія, то почему же мы захватимъ однихъ только людей, а не высшихъ животныхъ, изъ которыхъ многія выше низшихъ представителей человѣческаго рода?

Человѣчество мы не знаемъ, какъ внѣшній предметъ, не знаемъ предѣловъ его. Человѣчество есть фикція, и его нельзя любить. Дѣйствительно очень выгодно бы было, если-бы люди могли любить человѣчество такъ же, какъ они любятъ семью; было бы очень выгодно, какъ про это толкуютъ коммунисты, замѣнить соревновательное направленіе дѣятельности людской—общиннымъ, или индивидуальное—универсальнымъ, чтобы каждый для всѣхъ и всѣ для одного, да только нѣтъ для этого никакихъ мотивовъ. Позитивисты, коммунисты и всѣ проповѣдники научнаго братства, проповѣдуютъ расширять ту любовь, которую люди имѣютъ къ себѣ и къ своимъ семьямъ и къ государству на все человѣчество, забывая то, что любовь, которую они проповѣдуютъ, есть любовь личная, которая могла разжижаясь, распространиться до семьи; еще болѣе разжижаясь, распространиться до естественнаго отечества; которая совершенно исчезаетъ, касаясь искусственнаго государства, какъ Австрія, Англія, Турція, и которой мы даже не можемъ себѣ представить, когда дѣло касается всего человѣчества, предмета вполнѣ мистическаго.

«Человѣкъ любитъ себя (свою животную жизнь), любитъ семью, любитъ даже отечество. Отчего-же бы ему не полюбить и человѣчество? Такъ бы это хорошо было. Кстати же это самое проповѣдуетъ и христіанство». Такъ думаютъ проповѣдники позитивнаго, коммунистическаго, соціалистическаго братства. Дѣйствительно это бы было очень хорошо, но никакъ этого не можетъ быть, потому что любовь, основанная на личномъ и общественномъ жизнепониманіи, дальше любви къ государству идти не можетъ.

Ошибка разсужденія въ томъ, что жизнепониманіе общественное, на которомъ основана любовь къ семьѣ и къ отечеству, зиждется на любви къ личности, и что эта любовь, переносясь отъ личности къ семьѣ, роду, народности, государству, все слабѣетъ и слабѣетъ, и въ государствѣ доходитъ до своего послѣдняго предѣла, дальше котораго она идти не можетъ.

Необходимость расширенія области любви несомнѣнна; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая необходимость разширенія ея въ дѣйствительности уничтожаетъ возможность любви и доказываетъ недостаточность любви личной, человѣческой.

И вотъ тутъ-то проповѣдники позитивистическаго, коммунистическаго, соціальнаго братства, на помощь этой, оказавшейся несостоятельной человѣческой любви, предлагаютъ христіанскую любовь, но только въ ея послѣдствіяхъ, но не въ ея основахъ: они предлагаютъ любовь къ одному человѣчеству безъ любви къ Богу.

Но любви такой не можетъ быть. Для нея нѣтъ никакого мотива. Христіанская любовь вытекаетъ только изъ христіанскаго жизнепониманія, по которому смыслъ жизни состоитъ въ любви и служеніи Богу.

Естественнымъ ходомъ отъ любви къ себѣ, потомъ къ семьѣ, къ роду, къ народу, государству, — общественное жизнепониманіе привело людей къ сознанію необходимости любви къ человѣчеству, не имѣющему предѣловъ и сливающемуся со всѣмъ существующимъ, — къ чему то не вызывающему въ человѣкѣ никакого чувства, привело къ противорѣчію, которое не можетъ быть разрѣшено общественнымъ жизнепониманіемъ.

Только христіанское ученіе во всемъ его значеніи, давая новый смыслъ жизни, разрѣшаетъ его. Христіанство признаетъ любовь и къ себѣ, и къ семьѣ, и къ народу, и къ человѣчеству, не только къ человѣчеству, но ко всему живому, ко всему существующему, признаетъ необходимость безконечнаго расширенія области

любви; но предметъ этой любви оно находитъ не внѣ себя, не въ совокупности личностей: въ семьѣ, родѣ, государствѣ, человѣчествѣ, во всемъ внѣшнемъ мірѣ, но въ себѣ же, въ своей личности, но личности божеской, сущность которой есть та самая любовь, къ потребности расширенія которой приведена была личность животная, спасаясь отъ сознанія своей погибельности.

Различія христіанскаго ученія отъ прежнихъ — то, что прежнее ученіе общественное говорило: живи противно твоей природѣ (подразумѣвая одну животную природу), подчиняй ее внѣшнему закону семьи, общества, государства; христіанство говоритъ: живи сообразно твоей природѣ (подразумѣвая божественную природу), не подчиняя ее ничему, — ни своей, ни чужой животной природѣ, и ты достигнешь того самаго, къ чему ты стремишься, подчиняя внѣшнимъ законамъ свою внѣшнюю природу.

Христіанское ученіе возвращаетъ человѣка къ первоначальному сознанію себя, но только не себя-животнаго, а себя—Бога, искры Божьей, себя—сына Божія, Бога такого-же, какъ и Отецъ, но заключеннаго въ животную оболочку. И сознаніе себя этимъ сыномъ Божьимъ, главное свойство котораго есть любовь, удовлетворяетъ и всѣмъ тѣмъ требованіямъ расширенія области любви, къ которой былъ приведенъ человѣкъ общественнаго жизнепониманія. Тамъ при все большемъ и большемъ расширеніи области любви для спасенія личности, любовь была необходимостью и пріурочивалась къ извѣстнымъ предметамъ: къ себѣ, семьѣ, обществу, человѣчеству; при христіанскомъ міровоззрѣніи любовь есть не необходимость и не пріурочивается ни къ чему, а есть существенное свойство души человѣка. Человѣкъ любитъ не потому, что ему выгодно любить того-то и тѣхъ-то, а потому, что любовь есть сущность его души, — потому что онъ не можетъ не любить.

Христіанское ученіе есть указаніе человѣку на то, что сущность его души есть любовь, что благо его получается не отъ того, что онъ будетъ любить того-то и того-то, а отъ того, что онъ будетъ любить начало всего — Бога, котораго онъ сознаетъ въ себѣ любовью, и потому будетъ любить всѣхъ и все.

Въ этомъ состоитъ основное различіе христіанскаго ученія отъ ученія позитивистовъ и всѣхъ теоретиковъ нехристіанскаго всемірнаго братства.

Таковы два главныя недоразумѣнія относительно христіанскаго ученія, изъ которыхъ вытекаетъ большинство ложныхъ сужденій о немъ. Одно,—что ученіе Христа поучаетъ людей, какъ прежнія ученія, правиламъ, которымъ люди обязаны слѣдовать, и что правила эти неисполнимы; другое — то, что все значеніе христіанства состоитъ въ ученіи о выгодномъ сожитіи человѣчества, какъ одной семьи, для чего, не упоминая о любви къ Богу, нужно только слѣдовать правилу любви къ человѣчеству.

Ложное мнѣніе научныхъ людей, что ученіе о сверхъестественномъ составляетъ сущность христіанскаго ученія, и что жизненное ученіе его неприложимо, вмѣстѣ съ вытекающимъ изъ этого ложнаго мнѣнія недоразумѣніемъ и составляетъ другую причину непониманія христіанства людьми нашего времени.

V.

Причинъ непониманія ученія Христа много. Причина и въ томъ, что люди полагаютъ, что они поняли ученіе это, когда рѣшили, какъ это дѣлаютъ церковники, что оно сверхъестественнымъ способомъ передано имъ; или, какъ это дѣлаютъ люди научные, — что они поняли его, когда изучили часть тѣхъ внѣшнихъ явленій, которыми оно выразилось. Причина непониманія — и въ недоразумѣніяхъ о неисполнимости ученія, и о томъ, что оно должно быть замѣнено ученіемъ о любви къ человѣчеству, но главная причина, породившая всѣ эти недоразумѣнія, — та, что ученіе Христа считается такимъ ученіемъ, которое можно принять, или не принять, не измѣняя своей жизни.

Люди, привыкшіе къ существующему порядку вещей, любящіе его, боящіеся измѣнить его, стараются понять ученіе, какъ собраніе откровеній и правилъ, которыя можно принять, не измѣняя своей жизни, тогда какъ ученіе Христа не есть только ученіе о правилахъ, которымъ долженъ слѣдовать человѣкъ, но — выясненіе новаго смысла жизни, опредѣляющаго всю, совсѣмъ иную, чѣмъ прежняя, дѣятельность человѣчества въ тотъ періодъ, въ который оно вступаетъ.

Жизнь человѣческая движется, проходитъ, какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, возрасты, и каждый возрастъ имѣетъ соотвѣтствующее ему жизнепониманіе, и жизнепониманіе это неизбѣжно усваивается людьми. Тѣ люди, которые не усваиваютъ соотвѣтствующаго возрасту жизнепониманія сознательно, приводятся къ этому безсознательно. То, что происходитъ съ измѣненіемъ взглядовъ на жизнь отдѣльныхъ людей, то-же происходитъ и съ измѣненіемъ взглядовъ на жизнь народовъ и всего человѣчества. Если человѣкъ семейный продолжаетъ руководствоваться въ своей дѣятельности ребяческимъ жизнепониманіемъ, то жизнь его сдѣлается такъ трудна ему, что онъ невольно будетъ искать инаго жизнепониманія и охотно усвоитъ то, которое свойственно его возрасту.

То же происходитъ и теперь въ нашемъ человѣчествѣ при переходѣ, переживаемомъ нами, отъ языческаго жизнепониманія къ христіанскому. Общественный человѣкъ нашего времени приводится самою жизнью къ необходимости отречься отъ языческаго пониманія жизни, несвойственнаго теперешнему возрасту человѣчества, и подчиниться требованіямъ христіанскаго ученія, истины котораго, какъ бы онѣ не были извращены и перетолкованы, все таки извѣстны ему и однѣ представляютъ разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ онъ путается.

Если человѣку общественнаго жизнепониманія кажутся странными и даже опасными требованія христіанскаго ученія, то точно столь же странными, непонятными и опасными представлялись въ давнишнія времена дикарю требованія ученія общественнаго, когда еще онъ не вполнѣ понималъ ихъ и не могъ предвидѣть ихъ послѣдствій.

«Неразумно жертвовать своимъ спокойствіемъ или жизнью», говоритъ дикарь, «чтобы защищать что-то непонятное и неосязаемое, условное: семью, родъ, отечество, и, главное, опасно отдавать себя въ распоряженіе чуждой власти». Но пришло время для дикаря, когда съ одной стороны, онъ, хотя и смутно, но понялъ значеніе общественной жизни, значеніе главнаго двигателя ея, общественнаго одобренія или осужденія — славы; съ другой стороны, когда страданія его личной жизни стали такъ велики, что онъ не могъ уже продолжать вѣрить въ истинность своего прежняго пониманія жизни, и онъ принялъ ученіе общественное, государственное и подчинился ему.

Точно то-же теперь совершается и съ человѣкомъ общественнымъ, государственнымъ.

«Неразумно,» говоритъ человѣкъ общественный, «жертвовать благомъ своимъ, своей семьи, своего отечества для исполненія требованій какого-то высшаго закона, требующаго отъ меня отреченія отъ самыхъ естественныхъ и добрыхъ чувствъ любви къ себѣ, къ своей семьѣ, къ роднѣ, къ отечеству, и, главное, опасно отвергать обезпеченіе жизни, даваемое государственнымъ устройствомъ».

Но приходитъ время, когда съ одной стороны — смутное сознаніе въ душѣ своей высшаго закона любви къ Богу и ближнему, съ другой — страданія, вытекающія изъ противорѣчій жизни, заставляютъ человѣка отречься отъ жизнепониманія общественнаго и усвоить новое, — предлагаемое ему, разрѣшающее всѣ противорѣчія и устраняющее страданія его жизни — жизнепониманіе христіанское. И время это пришло теперь.

Намъ, пережившимъ тысячелѣтія назадъ уже переходъ отъ жизнепониманія животнаго, личнаго, къ жизнепониманію общественному, кажется, что тотъ переходъ былъ необходимъ и естественъ, а этотъ — тотъ, который мы переживаемъ теперь эти послѣднія 1800 лѣтъ, — и произволенъ, и неестественъ, и страшенъ. Но это намъ кажется только, потому что тотъ переходъ уже совершенъ, и дѣятельность его уже перешла въ безсознательную; теперешній переходъ еще не оконченъ и мы сознательно должны совершить его.

Жизнепониманіе общественное входило въ сознаніе людей вѣками, тысячелѣтіями, проходило черезъ разныя формы и теперь уже взошло для человѣчества въ область безсознательнаго, передаваемаго наслѣдственностью, воспитаніемъ и привычкой; и потому оно кажется намъ естественнымъ. Но 5000 лѣтъ тому назадъ оно казалось людямъ столь-же неестественнымъ и страшнымъ, какъ имъ теперь кажется ученіе христіанское въ его настоящемъ смыслѣ.

Намъ кажется теперь, что требованія христіанскаго ученія о всеобщемъ братствѣ, безразличіи народностей, объ отсутствіи собственности, о столь кажущемся страннымъ непротивленіи злу насиліемъ — суть требованія невозможнаго. Но точно такими-же казались тысячелѣтія тому назадъ въ болѣе древнія времена, требованія не только государственныя, но семейныя, какъ напримѣръ: требованіе того, чтобы родители кормили дѣтей, молодые — старыхъ, чтобы супруги были вѣрны другъ другу. Еще болѣе странными, даже безумными казались требованія государственныя: чтобы граждане подчинялись поставленной власти, платили подати, шли на войну для защиты отечества и т. д. Намъ теперь кажется, что всѣ такія требованія просты, понятны, естественны и не имѣютъ въ себѣ ничего мистическаго и даже страннаго; но пять или три тысячи лѣтъ тому назадъ эти требованія казались требованіями невозможнаго.

Жизнепониманіе общественное потому и служило основаніемъ религій, что въ то время, когда оно предъявлялось людямъ, оно казалось имъ вполнѣ непонятнымъ, мистическимъ и сверхъестественнымъ. Теперь, пережившъ уже этотъ фазисъ жизни человѣчества, намъ понятны разумныя причины соединенія людей въ семьи, общины, государства; но въ древности требованія такого соединенія предъявлялись во имя сверхъестественнаго и подтверждались имъ.

Патріархальныя религіи обоготворяли семьи, роды, народы; государственныя религіи обоготворяли царей и государства. Даже и теперь большая часть малообразованныхъ людей, какъ наши крестьяне, называющіе царя земнымъ Богомъ, подчиняются законамъ общественнымъ не по разумному сознанію ихъ необходимости, не потому, что они имѣютъ понятіе объ идеѣ

государства, а по религіозному чувству.

Точно такъ же и теперь христіанское ученіе представляется людямъ общественнаго или языческаго міросозерцанія въ видѣ сверхъестественной религіи, тогда какъ въ дѣйствительности въ немъ нѣтъ ничего ни таинственнаго, ни мистическаго, ни сверхъестественнаго; а оно есть только ученіе о жизни, соотвѣтствующее той степени матеріальнаго развитія, тому возрасту, въ которомъ находится человѣчество, и которое поэтому неизбѣжно должно быть принято имъ.

Придетъ время и приходитъ уже, когда христіанскія основы жизни равенства, братства людей, общности имуществъ, непротивленія злу насиліемъ — сдѣлаются столь же естественными и простыми, какими теперь намъ кажутся основы жизни семейной, общественной, государственной.

Ни человѣкъ, ни человѣчество не могутъ въ своемъ движеніи возвращаться назадъ. Жизнепониманіе общественное, семейное и государственное пережито людьми, и надо идти впередъ и усвоить слѣдующее высшее жизнепониманіе, что и совершается теперь.

Движеніе это совершается съ двухъ сторонъ, и сознательно вслѣдствіе духовныхъ причинъ, и безсознательно вслѣдствіе причинъ матеріальныхъ.

Какъ очень рѣдко отдѣльный человѣкъ измѣняетъ свою жизнь только по указаніямъ разума, а большей частью, не смотря на новый смыслъ и новыя цѣли, указываемыя разумомъ, продолжаетъ жить прежнею жизнью и измѣняетъ ее только тогда, когда жизнь его становится совсѣмъ противорѣчащей его сознанію, и вслѣдствіе того—мучительной; точно также человѣчество, узнавъ черезъ своихъ религіозныхъ руководителей новый смыслъ жизни, новыя цѣли, къ которымъ ему нужно стремиться, долго еще и послѣ этого познанія продолжаетъ въ большинствѣ людей жить прежней жизнью и приводится къ принятію новаго жизнепониманія только сознаніемъ невозможности продолженія прежней жизни.

Не смотря на требованія измѣненія жизни, сознанныя, высказанныя религіозными руководителями и принятыя разумнѣйшими людьми, большинство людей, не смотря на религіозное отношеніе къ этимъ руководителямъ, т. е. вѣру въ ихъ ученіе, продолжаетъ въ усложнившейся жизни руководствоваться прежнимъ ученіемъ, подобно тому, какъ поступалъ-бы семейный человѣкъ, если-бы, зная о томъ, какъ слѣдуетъ жить въ его возрастѣ, по привычкѣ и по легкомыслію продолжалъ бы жить ребяческою жизнью.

Это-то и происходитъ въ дѣлѣ перехода человѣчества отъ одного возраста къ другому, которое мы переживаемъ теперь. Человѣчество выросло изъ своего общественнаго, государственнаго возраста и вступило въ новый. Оно знаетъ то ученіе, которое должно быть положено въ основу жизни этого новаго возраста; но по инерціи продолжаетъ держаться прежнихъ формъ жизни. Изъ этого несоотвѣтствія жизнепониманія съ практикой жизни вытекаетъ рядъ противорѣчій и страданій, отравляющихъ нашу жизнь и требующихъ ея измѣненія.

Вѣдь стоитъ только сличить практику жизни съ ея теоріей, чтобы ужаснуться передъ тѣмъ вопіющимъ противорѣчіемъ условій жизни и нашего сознанія, въ которомъ мы живемъ.

Вся жизнь наша есть сплошное противорѣчіе всему тому, что мы знаемъ и что мы считаемъ нужнымъ и должнымъ. Противорѣчіе это—во всемъ: и въ экономической, и государственной, и международной жизни. Мы, какъ будто забывъ то, что знаемъ, и на время отложивъ то, во что мы вѣримъ (не можемъ не вѣрить, потому что это наши единственныя основы жизни), дѣлаемъ все навыворотъ тому, чего требуетъ отъ насъ наша совѣсть и нашъ здравый смыслъ.

Мы руководимся въ экономическихъ, государственныхъ и международныхъ отношеніяхъ тѣми основами, которыя были годны людямъ три и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ и которыя прямо противорѣчатъ и теперешнему нашему сознанію, и тѣмъ условіямъ жизни, въ которыхъ мы находимся теперь.

Хорошо было человѣку древности жить среди дѣленія людей на рабовъ и господъ, когда онъ вѣрилъ, что дѣленіе это отъ Бога и что не можетъ быть иначе. Но развѣ возможно подобное дѣленіе въ наше время?

Человѣкъ древняго міра могъ считать себя вправѣ пользоваться благами міра сего въ ущербъ другимъ людямъ, заставляя ихъ страдать поколѣніями, потому что онъ вѣрилъ, что люди рождаются разной породы, черной и бѣлой кости, Іафетова и Хамова отродья. Величайшіе мудрецы міра, учители человѣчества: Платонъ, Аристотель не только оправдывали существованіе рабовъ и доказывали законность этого, но даже три вѣка тому назадъ люди, писавшіе о воображаемомъ обществѣ будущаго, Утопіи, не могли представить себѣ его безъ рабовъ.

Люди древности и даже среднихъ вѣковъ вѣрили, точно вѣрили, что люди не равны, что настоящіе люди только Персы, только Греки, только Римляне, только Французы; но вѣдь намъ нельзя уже вѣрить въ это. И тѣ люди, которые въ наше время распинаются за аристократизмъ и за патріотизмъ, не вѣрятъ, не могутъ вѣрить въ то, что они говорятъ.

Мы всѣ знаемъ и не можемъ не знать, если-бы даже мы никогда и не слыхали и не читали ясно выраженной этой мысли

и никогда сами не выражали ее, мы, всосавъ это носящееся въ христіанскомъ воздухѣ сознаніе, — всѣ, всѣмъ сердцемъ знаемъ и не можемъ не знать ту основную истину христіанскаго ученія, ту, что мы всѣ сыны одного Отца, всѣ, гдѣ бы мы ни жили и на какомъ-бы языкѣ ни говорили, — всѣ братья, и подлежимъ только одному закону любви, общимъ Отцемъ нашимъ вложенному въ наши сердца.

Каковы бы ни были образъ мыслей и степень образованія человѣка нашего времени, будь онъ образованный либералъ какого-бы то ни было оттѣнка, будь онъ философъ какого-бы то ни было толка, будь онъ научный человѣкъ, экономистъ какой-бы то ни было школы, будь онъ необразованный, даже религіозный человѣкъ какого-бы то ни было исповѣданія, — всякій человѣкъ нашего времени знаетъ, что люди всѣ имѣютъ одинаковыя права на жизнь и блага міра, что одни люди не лучше и не хуже другихъ, что всѣ люди равны. Всякій знаетъ это несомнѣнно твердо всѣмъ существомъ своимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только видитъ вокругъ себя дѣленіе всѣхъ людей на двѣ касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и страдающую, а другую — праздную, угнетающую и роскошествующую и веселящуюся,—не только видитъ, но волей-неволей съ той или другой стороны принимаетъ участіе въ этомъ отвергаемомъ его сознаніемъ раздѣленіи людей, и не можетъ не страдать отъ сознанія такого противорѣчія и участія въ немъ.

Будетъ-ли онъ господиномъ или рабомъ, человѣкъ нашего времени не можетъ не испытывать постояннаго мучительнаго противорѣчія сознанія съ дѣйствительностью и выгекающихъ изъ него страданій.

Рабочая масса, большое большинство людей, страдая отъ постояннаго, поглощающаго всю ихъ жизнь, безсмысленнаго, безразсвѣтнаго труда и лишеній, страдаетъ больше всего отъ сознанія вопіющаго противорѣчія того, что есть, съ тѣмъ, что должно-бы быть по всему тому, что исповѣдуется ими самими и тѣми, которые поставили ихъ въ это положеніе и удерживаютъ въ немъ.

Они знаютъ, что они въ рабствѣ и гибнутъ въ нуждѣ и мракѣ для того, чтобы служить похотямъ меньшинства, держащаго ихъ въ рабствѣ. Они знаютъ и высказываютъ это. И это сознаніе не только увеличиваетъ, но составляетъ сущность ихъ страданія.

Древній рабъ зналъ, что онъ рабъ отъ природы, а нашъ рабочій, чувствуя себя рабомъ, знаетъ, что ему не надо быть рабомъ и потому испытываетъ мученія тантала, вѣчно желая и не получая того, что не только могло, но должно-бы быть. Страданія для рабочихъ классовъ, происходящія отъ противорѣчія между тѣмъ, что есть и что должно-бы быть — удесятеряются вытекающими изъ этого сознанія завистью и ненавистью.

Рабочій нашего времени, если-бы даже работа его и была много легче работы древняго раба, если-бы онъ даже добился восьмичасоваго дня и платы трехъ долларовъ за день, не перестанетъ страдать, потому что, работая вещи, которыми онъ не будетъ пользоваться, работая не для себя по своей охотѣ, а по нуждѣ, для прихоти вообще роскошествующихъ и праздныхъ людей и въ частности для наживы одного богача, владѣтеля фабрики или завода, онъ знаетъ, что все это происходитъ въ мірѣ, въ которомъ признается не только научное положеніе о томъ, что только работа есть богатство, что пользованіе чужими трудами есть несправедливость, незаконность, казнимая законами, но—въ мірѣ, въ которомъ исповѣдуется ученіе Христа, по которому мы всѣ братья, и достоинство и заслуга человѣка только въ служеніи ближнему, а не въ пользованіи имъ.

Онъ знаетъ все это и не можетъ не страдать мучительно отъ этого вопіющаго противорѣчія всего того, что должно бы быть, и того, что есть. «По всѣмъ даннымъ и по всему, что я знаю, что исповѣдуютъ всѣ», говоритъ себѣ рабочій человѣкъ, «я-бы долженъ быть свободенъ, равенъ всѣмъ другимъ людямъ, любимъ, а я — рабъ, я униженъ и ненавидимъ». И онъ самъ ненавидитъ и ищетъ средствъ спастись отъ своего положенія, свергнуть съ себя навалившагося на него врага и самому сѣсть на него. Говорятъ: «рабочіе не правы тѣмъ, что они хотятъ сѣсть на мѣсто капиталистовъ, бѣдные на мѣсто богатыхъ». Это неправда: рабочіе и бѣдные были-бы неправы, если-бы они этого хотѣли въ томъ мірѣ, въ которомъ признаются отъ Бога установленные рабы и господа, богатые и бѣдные; но они хотятъ этого въ томъ мірѣ, въ которомъ исповѣдуется ученіе евангельское, — первое положеніе котораго есть сыновность людей Богу и потому братство и равенство всѣхъ людей. И какъ ни стараются люди, нельзя скрыть того, что одно изъ первыхъ условій христіанской жизни есть любовь не на словахъ, а на дѣлѣ.

Еще въ большемъ противорѣчіи и страданіи живетъ человѣкъ, такъ называемаго, образованнаго класса. Всякій такой человѣкъ, если вѣритъ во что нибудь, то вѣритъ, если и не въ братство людей, то въ гуманность, если не въ гуманность, то въ справедливость, если не въ справедливость, то въ науку, и вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что вся его жизнь построена на условіяхъ прямо противуположныхъ всему этому, всѣмъ положеніямъ и христіанства, и гуманности, и справедливости, и науки.

Онъ знаетъ, что всѣ привычки, въ ко-

торыхъ онъ воспитанъ, лишеніе которыхъ было-бы для него мученіемъ, всѣ онѣ могутъ удовлетворяться только мучительнымъ, часто губительнымъ трудомъ угнетенныхъ рабочихъ, т. е. самымъ очевиднымъ, грубымъ нарушеніемъ тѣхъ принциповъ христіанства, гуманности, справедливости, даже научности (я разумѣю требованія политической экономіи), которые онъ исповѣдуетъ. Онъ исповѣдуетъ принципы братства, гуманности, справедливости, научности и не только живетъ такъ, что ему необходимо то угнетеніе рабочихъ, которое онъ отрицаетъ, но такъ, что вся жизнь его есть пользованіе этимъ угнетеніемъ, и не только живетъ такъ, но и направляетъ свою дѣятельность на поддержаніе этого порядка вещей, прямо противоположнаго всему тому, во что онъ вѣритъ.

Мы всѣ братья, а между тѣмъ каждое утро братъ или сестра выноситъ мой горшокъ. Мы всѣ братья, а мнѣ утромъ необходима сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работѣ которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои, равные мнѣ, братья и сестры, а я пользуюсь этими предметами и даже требую ихъ. Мы всѣ братья, а я живу тѣмъ, что работаю въ банкѣ, или въ торговомъ домѣ и лавкѣ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать всѣ нужные моимъ братьямъ товары дороже. Мы всѣ братья, а я живу тѣмъ, что получаю жалованье за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существованіе которыхъ обусловлено всѣмъ складомъ моей жизни и которыхъ я самъ знаю, что надо не казнить, а исправлять. Мы всѣ братья, но я живу тѣмъ, что получаю жалованье за собираніе податей съ бѣдныхъ рабочихъ для употребленія ихъ на роскошь праздныхъ и богатыхъ. Мы всѣ братья, а я получаю жалованье за то, чтобы проповѣдовать людямъ мнимо христіанскую вѣру, въ которую я самъ не вѣрю, лишающую ихъ возможности узнать истинную. Я получаю жалованье, какъ священникъ, епископъ, за то, что обманываю людей въ самомъ важномъ для нихъ дѣлѣ. Мы всѣ братья, но я отдаю бѣднымъ свои педагогическіе, врачебные, литературные труды только за деньги. Мы всѣ братья, а я получаю жалованье за то, что готовлюсь къ убійству, учусь убивать, или дѣлаю оружіе, порохъ, крѣпости.

Вся жизнь нашихъ высшихъ классовъ есть сплошное противорѣчіе, тѣмъ болѣе мучительное, чѣмъ чутче нравственное сознаніе человѣка.

Человѣкъ съ чуткой совѣстью не можетъ не страдать, если онъ живетъ этой жизнью. Одно средство для него избавиться отъ этого страданія — въ томъ, чтобы заглушить свою совѣсть, но если и удается такимъ людямъ заглушить совѣсть, они не могутъ заглушить страхъ.

Нечуткіе и заглушившіе совѣсть люди высшихъ угнетающихъ классовъ, если не страдаютъ совѣстью, страдаютъ страхомъ и ненавистью. И имъ нельзя не страдать. Они знаютъ про ту ненависть противъ нихъ, которая живетъ и не можетъ не жить въ рабочихъ классахъ, — знаютъ, что рабочіе знаютъ, что они обмануты и изнасилованы, и начинаютъ организовываться, чтобы скинуть съ себя угнетеніе и отплатить угнетателямъ. Высшіе классы видятъ союзы, стачки, 1-е мая и чуютъ ту бѣду, которая угрожаетъ имъ, и страхъ этотъ отравляетъ имъ жизнь. Они чуютъ ту бѣду, которая угрожаетъ имъ, и страхъ, который они испытываютъ, переходитъ въ чувство самозащиты и въ ненависть. Они знаютъ, что если на минуту ослабнутъ въ борьбѣ съ угнетаемыми ими рабами, то сами погибнутъ, потому что рабы озлоблены, и озлобленіе это ростетъ съ каждымъ днемъ угнетенія. Угнетающіе, если-бы они и желали этого, не могутъ перестать угнетать. Они знаютъ, что сами погибнутъ, какъ скоро не только перестанутъ, но ослабѣютъ въ угнетеніи. Они и дѣлаютъ это, не смотря на мнимыя заботы о благодентвіи рабочаго, о 8-ми часовомъ днѣ, о запрещеніи работъ малолѣтнимъ и женщинамъ, о пенсіяхъ и вознагражденіяхъ. Все это обманъ или забота о томъ, чтобы рабъ былъ въ силахъ работать; но рабъ остается рабомъ, и господинъ, не могущій жить безъ раба, меньше чѣмъ когда-нибудь, готовъ освободить его.

Правящіе классы по отношенію рабочихъ находятся въ положеніи подмявшаго подъ себя противника и держащаго, не выпуская его не столько потому, что онъ не хочетъ выпустить его, сколько потому, что онъ знаетъ, что стоитъ ему выпустить на мгновеніе подмятаго, чтобы самому быть сейчасъ же зарѣзаннымъ, потому что подмятый озлобленъ и въ рукѣ его ножъ. И потому, будутъ ли они чутки или не чутки, наши богатые классы не могутъ наслаждаться тѣми благами, которыя они похитили у бѣдныхъ, какъ это дѣлали древніе, вѣровавшіе въ свое право. Вся жизнь и всѣ наслажденія ихъ отравлены укорами совѣсти или страхомъ.

Таково противорѣчіе экономическое. Еще поразительнѣе противорѣчіе государственное.

Всѣ люди прежде всего воспитываются въ привычкахъ повиновенія государственнымъ законамъ. Вся жизнь людей нашего времени опредѣлена государственнымъ закономъ. Человѣкъ женится и разводится, воспитываетъ дѣтей, даже исповѣдуетъ вѣру (во многихъ государствахъ) сообразно закону. Что же такое этотъ законъ, опредѣляющій всю жизнь людей? Вѣрятъ ли люди въ этотъ законъ? Считаютъ ли его истиннымъ? Нисколько. Въ большинствѣ случаевъ люди нашего времени не вѣрятъ въ справедливость этого закона,

презираютъ его, а всетаки повинуются ему. Хорошо было людямъ древности исполнять свои законы. Они вѣрили, точно вѣрили въ то, что законъ ихъ (онъ же большею частью былъ религіозный) былъ единственный истинный законъ, которому должны подчиняться всѣ люди. Но мы? Вѣдь мы знаемъ и не можемъ не знать, что законъ нашего государства не только не есть одинъ вѣчный законъ, но что это только одинъ изъ многихъ законовъ разныхъ государствъ, одинаково несовершенныхъ, а часто и явно ложныхъ и несправедливыхъ, со всѣхъ сторонъ обсуждавшихся въ газетахъ. Хорошо было еврею подчиняться своимъ законамъ, когда онъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ писалъ пальцемъ Богъ; или — римлянину, когда онъ думалъ, что ихъ писала нимфа Егерія; или даже, когда вѣрили, что цари, дающіе законы — помазанники Божіи, или хоть тому, что собранія законодательныя имѣютъ и желаніе и возможность найти наилучшіе законы. Но вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы, мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, что законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій, — что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. И потому люди нашего времени не могутъ вѣрить тому, чтобы повиновеніе законамъ гражданскимъ или государственнымъ удовлетворяло бы требованіямъ разумности человѣческой природы. Люди давно уже знаютъ, что неразумно повиноваться такому закону, въ истинности котораго можетъ быть сомнѣніе и потому не могутъ не страдать, повинуясь закону, разумность и обязательность котораго не признаютъ.

Не можетъ человѣкъ не страдать, когда вся его жизнь впередъ опредѣлена законами, которымъ онъ долженъ повиноваться, подъ угрозой наказанія, и—разумности, справедливости которыхъ онъ не только не вѣритъ, но несправедливость, жестокость, неестественность которыхъ онъ часто ясно сознаетъ. Мы признаемъ ненужность таможенъ и заграничныхъ пошлинъ, и должны платить ихъ; признаемъ безполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія; признаемъ вредной проповѣдь церковную и должны участвовать въ поддержаніи этихъ учрежденій; мы признаемъ жестокими и безсовѣстными наказанія, накладываемыя судами, и должны участвовать въ нихъ; признаемъ неправильнымъ и вреднымъ распредѣленіе земельной собственности и должны подчиняться ему; не признаемъ необходимости войскъ и войны и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войнъ и т. п.

Но и это противорѣчіе ничто въ сравненіи съ противорѣчіемъ, которое въ международныхъ сношеніяхъ возстало теперь передъ людьми, и подъ угрозой погибели и человѣческаго разума, и человѣческой жизни, требуютъ разрѣшенія. Это противорѣчіе христіанскаго сознанія и войны.

Мы всѣ христіанскіе народы, живущіе одной духовной жизнью, такъ что всякая добрая, плодотворная мысль, возникающая на одномъ концѣ міра, тотчасъ же сообщаясь всему христіанскому человѣчеству, вызываетъ одинаковыя чувства радости и гордости независимо отъ національности; мы, любящіе не только мыслителей, благодѣтелей, поэтовъ, ученыхъ чужихъ народовъ, мы, гордящіеся подвигомъ Даміана, какъ своимъ собственнымъ, мы, просто любящіе людей чужихъ національностей: Французовъ, Нѣмцевъ, Американцевъ, Англичанъ, мы, не только уважающіе ихъ качества, но радующіеся, когда встрѣчаемся съ ними, радостно улыбающіеся имъ, не могущіе не только считать подвигомъ войну съ этими людьми, но не могущіе безъ ужаса подумать о томъ, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть такое разногласіе, которое должно бы было быть разрѣшено взаимнымъ убійствомъ, — мы всѣ призваны къ участію въ убійствѣ, которое неизбѣжно, не нынче, такъ завтра должно совершиться.

Вѣдь хорошо было Еврею, Греку, Римлянину не только отстаивать независимость своего народа убійствомъ, но и убійствомъ-же подчинять себѣ другіе народы, когда онъ твердо вѣрилъ тому, что его народъ одинъ настоящій, хорошій, добрый, любимый Богомъ народъ, а всѣ остальные — филистимляне, варвары. Могли вѣрить въ это еще и люди средневѣковые, могли вѣрить недавно еще въ концѣ прошлаго и въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но мы, сколько бы ни раздразнивали насъ, мы уже не можемъ вѣрить въ это, и противорѣчіе это для людей нашего времени такъ ужасно, что жить, не разрѣшивъ его, стало невозможно.

«Мы живемъ во время, полное противорѣчій», пишетъ въ своемъ ученомъ трактатѣ профессоръ международнаго права графъ Комаровскій. «Въ печати всѣхъ странъ постоянно выдвигается всеобщее стремленіе къ миру, къ необходимости его для всѣхъ народовъ. Въ томъ-же смыслѣ говорятъ представители правительствъ и частные люди, и какъ официальные органы, въ парламентскихъ рѣчахъ, въ дипломатическихъ переговорахъ и даже во взаимныхъ договорахъ. Въ то-же время, однако, возвышаютъ правительства ежегодно военную силу страны, накладываютъ новыя подати, дѣлаютъ займы и оставляютъ будущимъ поколѣніямъ, какъ завѣщаніе, обязанность нести ошибки теперешней неразумной политики. Какое кричащее противорѣчіе между словами и дѣломъ!»

«Конечно правительства указываютъ для оправданія этихъ мѣръ на исключительно оборонительный характеръ всѣхъ этихъ

расходовъ и вооруженій, но все-таки остается непонятнымъ для всякаго незаинтересованнаго человѣка, откуда можно ожидать нападенія, когда всѣ великія державы, единодушно въ своей политикѣ преслѣдуютъ единственную цѣль обороны. Въ дѣйствительности-же это имѣетъ видъ такой, какъ будто каждая изъ державъ ждетъ ежеминутно нападенія на себя другихъ, и послѣдствія этого слѣдующія: всеобщее недовѣріе и сверхъестественное напряженіе правительствъ превзойти силу другихъ державъ. Подобное соревнованіе увеличиваетъ само по себѣ опасность войны: народы не могутъ переносить долго увеличенное вооруженіе и рано или поздно предпочтутъ войну всѣмъ невыгодамъ настоящаго положенія и постоянной угрозы. Такъ что ничтожнѣйшій поводъ будетъ достаточенъ для того, чтобы во всей Европѣ загорѣлся огонь всеобщей войны. Несправедливо думать, что такой кризисъ можетъ излѣчить насъ отъ давящихъ политическихъ и экономическихъ бѣдствій. Опытъ войнъ, веденныхъ въ послѣдніе годы, учитъ насъ, что каждая война только обострила враждебность народовъ, увеличила тяжесть и невыносимость давленія милитаризма и сдѣлала политико-экономическое положеніе Европы только еще печальнѣе и запутаннѣе».

«Современная Европа держитъ подъ ружьемъ активную армію въ 9 милліоновъ людей», пишетъ Энрико Ферри, «да еще 15 милліоновъ арміи запасной, расходуя на это 4 милліарда франковъ въ годъ. Вооружаясь все болѣе и болѣе, она парализуетъ источники соціальнаго и индивидуальнаго благосостоянія и легко можетъ быть уподоблена человѣку, который для того, чтобы запастись оружіемъ, приговариваетъ себя къ анеміи, утрачивая вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя силы свои для пользованія тѣмъ оружіемъ, которое онъ запасаетъ и подъ бременемъ котораго онъ, наконецъ, падетъ».

То же говоритъ Чарльсъ Бутъ въ рѣчи своей, читанной въ Лондонѣ въ ассоціаціи для реформы и кодификаціи закона народовъ, 26 Іюля 1887 года. Указавъ тѣ-же цифры 9 милліоновъ съ чѣмъ-то дѣйствительной арміи и 17 милліоновъ запасной и огромные расходы правительствъ на содержаніе этихъ армій и вооруженій, онъ говоритъ: «Цифры эти представляютъ только малую часть дѣйствительной стоимости, потому что кромѣ этихъ извѣстныхъ расходовъ военнаго бюджета народовъ, мы должны принять въ соображеніе еще громадныя потери общества вслѣдствіе извлеченія изъ него такого огромнаго количества самыхъ сильныхъ людей, потерянныхъ для промышленности и всякаго труда, и еще тѣ огромные проценты суммъ, затраченныхъ на военныя приготовленія и ничего не приносящихъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ расходовъ на войну и приготовленій къ войнѣ есть постоянно увеличивающіеся государственные долги. Большая часть государственныхъ долговъ Европы была сдѣлана для войны. Общая сумма ихъ 4 милліарда фунтовъ или 40 милліардовъ рублей и долги эти съ каждымъ годомъ растутъ».

Тотъ-же Комаровскій говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Мы живемъ въ тяжеломъ времени. Вездѣ слышатся жалобы на застой торговли и промышленности и вообще на плохое экономическое положеніе; указываютъ на тяжелыя условія жизни рабочихъ классовъ и на всеобщее обѣдненіе массъ. Но, не смотря на это, правительства доходятъ въ своемъ стремленіи къ поддержанію своей независимости до крайнихъ предѣловъ неразумнаго. Вездѣ выдумываются новыя подати и налоги, и финансовое угнетеніе народовъ не знаетъ предѣловъ. Если мы взглянемъ на бюджеты Европейскихъ государствъ за послѣдніе сто лѣтъ, то насъ прежде всего поразитъ постоянно прогрессивный и быстрый ростъ ихъ. Чѣмъ можемъ мы объяснить это необыкновенное явленіе, рано или поздно угрожающее всѣмъ намъ неизбѣжнымъ банкротствомъ».

«Происходитъ это несомнѣнно отъ расходовъ, вызываемыхъ содержаніемъ войска и поглощающихъ треть и даже половину бюджетовъ всѣхъ Европейскихъ государствъ. Самое печальное при этомъ то, что этому возрастанію бюджетовъ и обѣдненію массъ не предвидится конца. Что такое соціализмъ, какъ не протестъ противъ этого крайне ненормальнаго положенія, въ которомъ находится большая часть населенія нашей части свѣта».

«Мы разоряемся», говоритъ *Frederic Passy* въ запискѣ, читанной на послѣднемъ конгрессѣ (1890 г.) всеобщаго мира въ Лондонѣ, «мы разоряемся для того, чтобы имѣть возможность принимать участіе въ безумныхъ бойняхъ будущаго, или для того, чтобы платить проценты долговъ, оставленныхъ намъ безумными и преступными бойнями прошедшаго. Мы умираемъ съ голода для того, чтобы имѣть возможность убивать».

Далѣе, говоря о томъ, какъ смотритъ на этотъ предметъ Франція, онъ говоритъ: «Мы вѣримъ въ то, что 100 лѣтъ послѣ обнародованія правъ человѣка и гражданина пришло время признать права народовъ и отрѣчься разъ навсегда отъ всѣхъ этихъ предпріятій обмана и насилія, которыя подъ названіемъ завоеваній суть истинныя преступленія противъ человѣчества и, которыя, что-бы ни думали о нихъ честолюбіе монарховъ и гордость народовъ, ослабляетъ и тѣхъ, которые торжествуютъ».

«Удивляюсь на религіозное воспитаніе въ нашей странѣ», говоритъ *Sir Wilfrid*

Lawson на томъ-же конгрессѣ. «Мальчикъ ходитъ въ воскресную школу, и его учатъ: милый мальчикъ, ты долженъ любить враговъ. Если товарищъ ударитъ тебя, ты не долженъ отплачивать ему, а стараться любовью исправить его. Хорошо. Мальчикъ ходитъ въ воскресную школу до 14—15 лѣтъ, а потомъ друзья его опредѣляютъ его въ военную службу. Что онъ будетъ дѣлать въ военной службѣ? Вѣдь не любить врага, а напротивъ, если онъ только доберется до него,— проткнуть его штыкомъ. Таково все религіозное обученіе въ этой странѣ. Я не думаю, чтобы это былъ лучшій способъ исполненія предписаній религіи. Я думаю, что если мальчику хорошо любить врага, то также это хорошо и взрослому человѣку». . . .

Далѣе: «Въ Европѣ 28,000,000 вооруженныхъ людей для разрѣшенія споровъ, вмѣсто обсужденія, убиваніемъ другъ друга. Таковъ принятый христіанскими народами способъ разрѣшенія споровъ. Способъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень дорогой; потому что по расчету, который я читалъ, народы Европы съ 1872 года издержали неимовѣрную сумму, 15 милліардовъ рублей, на приготовленіе и разрѣшеніе споровъ посредствомъ убиванія другъ друга. Мнѣ поэтому кажется, что, при такомъ порядкѣ вещей, одно изъ двухъ положеній должно быть принято: либо то, что христіанство не удалось (*is a failure*), либо то, что тѣ, которые взялись толковать его, неудачно толковали его».

«До тѣхъ поръ, пока наши броненосцы не будутъ разоружены, и армія наша распущена, мы не имѣемъ права называться христіанской націей», говоритъ *Mr. F. Jowet Wilson*.

Въ бесѣдѣ, возникшей по случаю вопроса объ обязательности проповѣди противъ войны христіанскихъ пастырей, *Mr. G. D. Bartlett* сказалъ между прочимъ: «Если я хоть сколько нибудь понимаю писаніе», сказалъ онъ, «я утверждаю, что люди только притворяются съ христіанствомъ, если они игнорируютъ, т. е. умалчиваютъ о вопросѣ войны. А между тѣмъ я прожилъ длинную жизнь и едва-ли полдюжину разъ слышалъ отъ нашихъ пастырей проповѣдь всеобщаго мира. 20 лѣтъ тому назадъ я въ гостинной передъ 40 человѣками сказалъ, что война несовмѣстима съ христіанствомъ; на меня посмотрѣли, какъ на шальнаго фанатика. Мысль о томъ, что можно жить безъ войны, была принята, какъ непростительная слабость и безуміе».

Въ томъ-же духѣ высказался католическій священникъ *L'abbé Defourny*: «Одно изъ первыхъ предписаній вѣчнаго закона, написаннаго въ совѣсти всѣхъ людей», говоритъ аббатъ Дефурни, «есть запрещеніе отнятія жизни своего ближняго, пролитія крови (безъ достаточной причины, не будучи принужденнымъ къ тому необходимостью); это одно изъ тѣхъ предписаній, которое глубже всѣхъ другихъ врѣзано въ сердцѣ человѣческомъ . . . Но какъ скоро дѣло касается войны, т. е. пролитія крови человѣческой потоками, такъ люди нынѣшняго времени уже не заботятся о достаточной причинѣ. Тѣ, которые принимаютъ участіе въ войнахъ, и не думаютъ уже спрашивать себя, имѣютъ ли какое либо оправданіе эти безчисленныя смертоубійства: справедливы-ли они или нѣтъ, законны или незаконны, невинны или преступны, нарушаютъ-ли они или нѣтъ главный законъ, запрещающій убивать (безъ законной причины). Но совѣсть ихъ молчитъ..... Война перестала быть дѣломъ, зависящимъ отъ нравственности. Для военныхъ нѣтъ другой радости въ трудахъ и опасностяхъ, когорыя они несутъ, какъ та, чтобы быть побѣдителями,— другого горя, какъ то, чтобы быть побѣжденными. Не говорите мнѣ о томъ, что они служатъ отечеству. Уже давно великій геній отвѣтилъ вамъ словами, вошедшими въ пословицу: «откиньте справедливость и что такое государство, какъ не большое сборище разбойниковъ? И сборище разбойниковъ развѣ не маленькое государство? И шайки разбойниковъ имѣютъ свои законы. И тамъ сражаются для пріобрѣтенія добычи и даже для чести».

«Цѣль этого учрежденія (рѣчь идетъ объ учрежденіи международнаго трибунала) та, чтобы Европейскіе народы перестали быть народами воровъ, и арміи — шайками разбойниковъ, и долженъ прибавить — разбойниковъ и воровъ. Да, арміи наши — толпы рабовъ, принадлежащихъ одному или двумъ правителямъ или министрамъ, которые тиранически, безъ всякой отвѣтственности, какъ мы это знаемъ, распоряжаются ими».

«Особенность раба въ томъ, что онъ въ рукахъ своего хозяина есть вещь, орудіе, а не человѣкъ. Таковы солдаты, офицеры, генералы, идущіе на убіеніе и на убійство по произволу правителя или правителей. Рабство военное существуетъ и это худшее изъ рабствъ, особенно теперь, когда оно посредствомъ обязательной службы надѣваетъ цѣпи на шеи всѣхъ свободныхъ и сильныхъ людей націи, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудія убійства, палачей, мясниковъ человѣческаго мяса, потому что только для этого ихъ набираютъ и вышколиваютъ»....

«Правители, въ числѣ двухъ, трехъ, сойдясь въ кабинетахъ, тайно сговариваются безъ протоколовъ, безъ гласности и потому безъ отвѣтственности, и посылаютъ людей на бойню».

«Протесты противъ тяжелыхъ для народа вооруженій начались не съ нашего времени», говоритъ сеньоръ Е. Г. Монэта. «Послушайте то, что писалъ Монтескье въ

свое время : «Франція (теперь можно подставить : Европа) погибнетъ отъ военныхъ. Въ Европѣ распространилась новая болѣзнь. Она постигла царей и принуждаетъ ихъ содержать невозможное количество войскъ. Болѣзнь эта сыпная и потому заразительная, потому что, какъ скоро одно государство увеличиваетъ свои войска, тотчасъ-же всѣ другія дѣлаютъ то-же. Такъ что отъ этого ничего не получается, кромѣ общей погибели».

«Каждое правительство содержитъ столько войска, сколько оно могло-бы содержать, если-бы его народу угрожало истребленіе, и люди называютъ миромъ состояніе напряженія всѣхъ противу всѣхъ. И потому Европа такъ раззорена, что если-бы частные люди были въ томъ положеніи, въ которомъ находятся правительства этой части свѣта, то самымъ богатымъ изъ нихъ было-бы нечѣмъ жить. Мы бѣдны, имѣя богатства и торговлю всего міра».

«Это писано было почти 150 лѣтъ тому назадъ. Картина, кажется, написана съ настоящаго. Измѣнилось одно — образъ правленія. Во время Монтескье говорили, что причины содержанія большихъ войскъ была въ неограниченной власти королей, которые воевали въ надеждѣ увеличить побѣдами свою частную собственность и прославиться».

«Тогда говорили: «Ахъ, если-бы народы могли избирать тѣхъ, которые имѣли-бы право отказывать правительствамъ въ солдатахъ и деньгахъ, пришелъ-бы конецъ и военной политикѣ». Теперь почти во всей Европѣ представительныя правленія и, не смотря на то, военные расходы и приготовленія къ войнѣ увеличились въ страшной пропорціи».

«Видно безуміе властителей перешло въ руководящіе классы. Теперь уже не воюютъ изъ-за того, что одинъ король не исполнилъ учтивости относительно любовницы другого, какъ это было при Людовикѣ XIV; но, преувеличивая почтенныя и естественныя чувства національнаго достоинства и патріотизма и возбуждая общественное мнѣніе одного народа противъ другаго, доходятъ, наконецъ, до того, что становится достаточнымъ того, чтобы было сказано, — хотя-бы извѣстіе и было невѣрно, — что посланникъ вашего государства не былъ принятъ главой другаго государства, для того, чтобы разразилась самая ужасная и гибельная война изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда либо были. Европа содержитъ теперь подъ ружьемъ больше солдатъ, чѣмъ во время великихъ Наполеоновскихъ войнъ. Всѣ граждане, за малыми исключеніями, принуждены на нашемъ континентѣ провести нѣсколько лѣтъ въ казармахъ. Строятся крѣпости, арсеналы и корабли, производятъ безпрестанно оружія, которыя въ самое короткое время замѣняются другими, потому что наука, которая должна-бы была быть направлена всегда на благо человѣчества, содѣйствуетъ, къ сожалѣнію, дѣлу разрушенія, придумываетъ новыя и новыя средства убивать большія количества людей въ наиболѣе короткое время».

«И для того, чтобы содержать столько солдатъ и дѣлать такія огромныя приготовленія къ убійству, расходуются ежегодно сотни милліоновъ, т. е. такія суммы, которыя были бы достаточны для воспитанія народа и совершенія самыхъ огромныхъ работъ для общественной пользы, и которыя дали бы возможность миролюбиво разрѣшить соціальный вопросъ».

«Европа находится поэтому въ этомъ отношеніи, не смотря на всѣ наши научныя побѣды, въ такомъ-же положеніи, въ которомъ она находилась въ самыя худшія времена звѣрскихъ среднихъ вѣковъ. Всѣ жалуются на это положеніе, которое не есть война, но и не есть миръ, и всѣ желали-бы выйти изъ него. Главы правительствъ утверждаютъ, что онѣ всѣ хотятъ мира, и между ними происходитъ соревнованіе о томъ, кто изъ нихъ сдѣлаетъ самыя торжественныя миролюбивыя заявленія. Но въ тотъ-же день, или на другой, онѣ представляютъ въ законодательномъ собраніи предложеніе объ увеличеніи вооруженій и говорятъ, что принимаютъ такія предосторожности именно для того, чтобы обезпечить миръ».

«Но это не тотъ миръ, который мы любимъ. И народы не обмануты этимъ. Истинный миръ имѣетъ въ основѣ взаимное довѣріе, тогда какъ эти огромныя вооруженія показываютъ явное и крайнее недовѣріе, если не скрытую враждебность между государствами. Что-бы мы сказали о человѣкѣ, который, желая заявить свои дружественныя чувства сосѣду, пригласилъ-бы его разбирать предлежащіе вопросы съ заряженнымъ револьверомъ въ рукѣ?»

«Вотъ это-то вопіющее противорѣчіе между миролюбивыми заявленіями и военной политикой правительствъ есть то, что, во что-бы то ни стало, желаютъ прекратить всѣ добрые граждане».

Удивляются на то, что въ Европѣ совершается ежегодно 60,000 самоубійствъ, только извѣстныхъ, записанныхъ, и то—за исключеніемъ Россіи и Турціи; но надо удивляться не тому, что самоубійствъ совершается такъ много, а—тому, что ихъ такъ мало. Всякій человѣкъ нашего времени, если вникнуть въ противорѣчіе его сознанія и его жизни, находится въ самомъ отчаянномъ положеніи. Не говоря о всѣхъ другихъ противорѣчіяхъ жизни и сознанія, которыя наполняютъ жизнь человѣка нашего времени, достаточно одного этого послѣдняго военнаго положенія, въ которомъ находится Европа, и его христіанскаго исповѣданія для того, чтобы чело-

вѣку придти въ отчаяніе, усумниться въ разумности человѣческой природы и прекратить жизнь въ этомъ безумномъ и звѣрскомъ мірѣ. Противорѣчіе это — военное, заключающее въ себѣ квинтъ-эссенцію всѣхъ другихъ противорѣчій — такъ ужасно, что жить, участвуя въ немъ, можно только, если не думаешь о немъ, можешь забыть его.

Какъ! Мы всѣ христіане, не только исповѣдуемъ любовь другъ къ другу, но дѣйствительно живемъ одной общей жизнью, одними ударами бьется пульсъ нашей жизни, мы помогаемъ другъ другу, учимся другъ у друга, все больше и больше, ко взаимной радости, любовно сближаемся другъ съ другомъ! Въ этомъ сближеніи — смыслъ всей жизни, — и завтра какой нибудь ошалѣлый глава правительства скажетъ какую-нибудь глупость, другой — отвѣтитъ такой-же, и я пойду, самъ подвергаясь убійству, убивать людей не только мнѣ ничего не сдѣлавшихъ, но— которыхъ я люблю. И это не отдаленная случайность, а это то самое, къ чему мы всѣ готовимся, и есть не только вѣроятное, но неизбѣжное событіе.

Достаточно ясно сознать это для того, чтобы сойти съ ума или застрѣлиться. И это самое и случается и даже особенно часто между военными. Стоитъ только на минуту опомниться, чтобы прійти къ необходимости такого конца. Только этимъ и объясняется то страшное напряженіе, съ которымъ люди нашего времени стремятся къ одурманенію себя виномъ, табакомъ, опіумомъ, картами, чтеніемъ газетъ, путешествіями, всякими зрѣлищами и увеселеніями. Всѣ эти дѣла производятся, какъ серьезныя, важныя дѣла. Онѣ дѣйствительно важныя дѣла. Если-бы не было внѣшнихъ средствъ отумануванія, половина людей немедленно перестрѣлялась-бы, потому что жить противорѣчиво своему разуму есть самое непереносимое состояніе. А въ этомъ состояніи находятся всѣ люди нашего времени. Всѣ люди нашего времени живутъ въ постоянномъ вопіющемъ противорѣчіи сознанія и жизни. Противорѣчія эти выражаются и въ экономическихъ и государственныхъ отношеніяхъ, но рѣзче всего это противорѣчіе — въ сознаніи людьми христіанскаго закона братства людей и—необходимости, въ которую ставитъ всѣхъ людей общая воинская повинность, каждому быть готовымъ къ враждѣ, къ убійству, — каждому быть въ одно и то-же время христіаниномъ и глаціаторомъ.

VI.

Разрѣшеніе противорѣчій жизни и сознанія возможно двумя путями: измѣненіемъ жизни или сознанія. И въ выборѣ изъ двухъ, казалось бы, не можетъ быть сомнѣнія.

Человѣкъ можетъ перестать дѣлать то, что онъ считаетъ дурнымъ, но не можетъ перестать считать дурнымъ дурное.

Точно также и все человѣчество можетъ перестать дѣлать то, что оно считаетъ дурнымъ, но не можетъ не только измѣнить, но и задержать хоть на время все уясняющаго и распространяющагося сознанія того, что дурно и чего поэтому не должно быть. Казалось-бы, что выборъ между измѣненіемъ жизни и сознанія долженъ-бы быть ясенъ и не подлежать сомнѣнію.

И потому, казалось-бы, неизбѣжно христіанскому человѣчеству нашего времени отречься отъ осуждаемыхъ имъ языческихъ формъ жизни и на признаваемыхъ имъ христіанскихъ основахъ построить свою жизнь.

Но такъ-бы это было, если-бы не было закона инерціи, столь-же неизмѣннаго въ жизни людей и народовъ, сколько въ неодушевленныхъ тѣлахъ, выражающагося для людей психологическимъ закономъ, такъ вѣрно выраженнымъ въ Евангеліи словами: «и не шли къ свѣту, потому что дѣла ихъ были злы». Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что большинство людей мыслятъ не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы увѣрить себя, что они находятся въ истинѣ, чтобы увѣрить себя въ томъ, что та жизнь, которую они ведутъ, и которая имъ пріятна и привычна, и есть та самая, которая сходится съ истиной.

Рабство было противно всѣмъ тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя проповѣдовалъ Платонъ и Аристотель, — а между тѣмъ ни тотъ, ни другой не видѣли этого, потому что отрицаніе рабства разрушало всю ту жизнь, которой они жили. То-же происходитъ и въ нашемъ мірѣ.

Раздѣленіе людей на двѣ касты, также какъ и государственное и военное насиліе, противны всѣмъ тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыми живетъ нашъ міръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передовые образованные люди нашего времени, какъ будто не видятъ этого.

Большинство, если не всѣ образованные люди нашего времени безсознательно стараются удержать прежнее общественное жизнепониманіе, оправдывающее ихъ положеніе, и скрыть отъ себя и людей несостоятельность его и, главное, — необходимость усвоенія того христіанскаго жизнепониманія, которое разрушаетъ весь строй существующей жизни. Они стремятся поддержать порядки, основанные на общественномъ жизнепониманіи, но сами не вѣрятъ въ него, потому что оно отжито и въ него нельзя уже вѣрить.

Вся литература, — и философская, и политическая, и изящная нашего времени поразительна въ этомъ отношеніи. Какое

богатство мыслей, формъ, красокъ, какая эрудиція, изящество, обиліе мыслей и какое не только отсутствіе серьезнаго содержанія, но какой-то страхъ передъ всякой опредѣленностью мысли и выраженія ея! Обходы, иносказанія, шутки, общія, самыя широкія соображенія, и ничего простого, яснаго, идущаго къ дѣлу, т. е. къ вопросу жизни.

Но мало того, что пишутся и говорятся граціозныя ненужности, пишутся и говорятся прямо гадости, дикости, пишутся и говорятся самымъ утонченнымъ образомъ разсужденія, возвращающія людей къ первобытной дикости, къ основамъ жизни не только языческой, но даже животной, уже 5,000 лѣтъ тому назадъ пережитой нами.

Оно и не можетъ быть иначе. Чураясь жизнепониманія христіанскаго, нарушающаго для однихъ только привычный, для другихъ привычный и выгодный порядокъ, люди не могутъ не возвращаться назадъ къ языческому жизнепониманію и къ ученіямъ, основаннымъ на немъ. Въ наше время проповѣдуется не только патріотизмъ и аристократизмъ такъ, какъ онъ проповѣдовался 2,000 лѣтъ тому назадъ, но самый грубый эпикуреизмъ, животность, съ тою только разницею, что тогда проповѣдующіе его люди вѣрили въ то, что проповѣдовали, теперь-же сами проповѣдующіе не вѣрятъ въ то, что говорятъ, и не могутъ вѣрить, потому что то, что они проповѣдуютъ, уже не имѣетъ смысла. Нельзя оставаться на мѣстѣ, когда почва движется. Если не идешь впередъ, то идешь назадъ. И странно и страшно сказать — образованные люди нашего времени, передовые люди своими утонченными разсужденіями въ сущности влекутъ общество назадъ къ состоянію даже не языческому, а къ состоянію первобытной дикости.

Ни на чемъ такъ не видно это направленіе дѣятельности передовыхъ людей нашего времени, какъ на отношеніи ихъ къ гому явленію, въ которомъ въ наше время въ концентрированной формѣ выразилась вся несостоятельность общественнаго жизнепониманія, — къ войнѣ, къ всеобщему вооруженію и общей воинской повинности.

Неопредѣленность, если не недобросовѣстность отношенія къ этому явленію образованныхъ людей нашего времени — поразительна. Отношеніе къ этому въ нашемъ образованномъ обществѣ—трояко: одни разсматриваютъ это явленіе, какъ нѣчто случайное, возникшее отъ особеннаго политическаго положенія Европы, и считаютъ его поправимымъ, безъ измѣненія всего внутренняго строя жизни народовъ, внѣшними дипломатическими международными мѣрами. Другіе смотрятъ на это явленіе, какъ на нѣчто ужасное, жестокое, но какъ на неизбѣжное и роковое, какъ болѣзнь или смерть. Третьи спокойно и хладнокровно считаютъ войну явленіемъ необходимымъ, благодѣтельнымъ и потому желательнымъ.

Смотрятъ люди на предметъ различно, но какъ тѣ, такъ и другіе, и третьи разсуждаютъ о войнѣ, какъ о событіи совершенно независящемъ отъ воли людей, участвующихъ въ ней, и потому даже и не допускаетъ того естественнаго вопроса, представляющагося каждому простому человѣку: «что, мнѣ-то нужно-ли принимать въ ней участіе?» По мнѣнію всѣхъ этихъ людей, вопросовъ этого рода даже не существуетъ и всякій, какъ-бы онъ ни смотрѣлъ на войну самъ лично, долженъ рабски подчиняться въ этомъ отношеніи требованіямъ власти.

Отношеніе первыхъ, тѣхъ, которые спасеніе отъ войнъ видятъ въ дипломатическихъ международныхъ мѣрахъ, прекрасно выражается результатомъ послѣдняго конгресса мира въ Лондонѣ, и статьей и письмами о войнѣ выдающихся писателей въ 8 № 1891 года «*Revue des Revues*».

Вотъ результаты конгресса: собравъ съ разныхъ концовъ свѣта отъ ученыхъ лично или письменно ихъ мнѣнія, конгрессъ, начавъ молебствіемъ въ соборѣ и кончивъ обѣдомъ со спичами, въ продолженіи 5 дней выслушалъ много рѣчей и пришелъ къ слѣдующимъ рѣшеніямъ.

Во 1-ыхъ, конгрессъ выразилъ свое мнѣніе о томъ, что прямымъ слѣдствіемъ братства между людьми должно неминуемо быть братство между народами, признающее тождественность интересовъ каждаго народа въ отдѣльности.

Во 2-ыхъ, конгрессъ призналъ, что христіанство имѣетъ вліяніе на нравственный и политическій прогрессъ человѣчества и потому напомнилъ проповѣдникамъ Евангелія и другимъ лицамъ, занимающимся духовнымъ воспитаніемъ, о необходимости распространенія правилъ мира и сердечнаго расположенія между людьми. Для этой цѣли конгрессъ опредѣлилъ 3-е Воскресенье каждаго декабря. Въ этотъ день должно быть особое провозглашеніе принциповъ мира.

Въ 3-ихъ, конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ учителя исторіи обращали вниманіе юношества на страшное зло, которое война всегда причиняла человѣчеству, и на то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ войны возникали вслѣдствіе весьма незначительныхъ причинъ.

Въ 4-хъ, конгрессъ осудилъ обученіе въ училищахъ въ видѣ физическихъ упражненій – военнымъ пріемамъ и предложилъ замѣнить военныя роты, нынѣ существующія, спасательными ротами. Конгрессъ далѣе выразилъ желаніе внушить экзаменаціоннымъ коммиссіямъ, имѣющимъ обязан-

ность формулировать вопросы ученикамъ—необходимость направлять умы учениковъ къ принципамъ мира.

Въ 5-хъ, конгрессъ выразилъ убѣжденіе, что ученіе о правахъ человѣка требуетъ, чтобы народы дикіе и слабые, ихъ собственность и ихъ свобода находили защиту отъ несправедливости и злоупотребленій и чтобы эти народы были ограждаемы отъ пороковъ столь распространенныхъ между народами, такъ называемыми, цивилизованными. По мнѣнію конгресса народы должны были-бы для этой цѣли дѣйствовать заодно. Конгрессъ выразилъ свое сердечное сочувствіе заключеніямъ анти-рабской конференціи, засѣдавшей недавно въ Брюсселѣ и имѣющей задачей улучшеніе быта африканскихъ дикарей.

Въ 6-хъ, конгрессъ выразилъ убѣжденіе, что такъ какъ воинственные предразсудки и преданія, которые еще такъ глубоко коренятся въ нѣкоторыхъ народахъ, такъ же какъ и всѣ тѣ воинственныя рѣчи, которыя произносятся въ законодательныхъ собраніяхъ нѣкоторыми вожаками общественнаго мнѣнія и которыми наполнены органы печати, нерѣдко являются косвенными причинами войны, то желательно бы было печатать точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ народовъ. Для этой цѣли конгрессъ предложилъ основать международную газету, могущую отвѣтить вышеизложеннымъ требованіямъ.

Въ 7-хъ, конгрессъ предложилъ комитету совѣтовать своимъ членамъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ отстаивать проэкты объединенія вѣсовъ, мѣръ, монетъ, почтовыхъ, телеграфныхъ тарифовъ и т. д., могущіе способствовать дѣйствительному торговому, промышленному и научному единенію народовъ.

Въ 8-хъ, въ виду безграничнаго нравственнаго и общественнаго вліянія женщинъ, конгрессъ убѣждаетъ ихъ оказать свою поддержку всему тому, что можетъ способствовать миру, ибо иначе на ихъ отвѣтственности должно лежать въ большой мѣрѣ всякое продолженіе настоящаго военнаго положенія.

Въ 9-хъ, конгрессъ выразилъ надежду о томъ, что ассоціація финансовой реформы и другія подобныя общества въ Европѣ и Америкѣ соединятся для обсужденія мѣръ установленія справедливыхъ торговыхъ отношеній между государствами путемъ уничтоженія пошлинъ. Конгрессъ выразилъ мысль о томъ, что всѣ цивилизованные народы желаютъ мира и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прекращенія всеобщаго вооруженія. Эти вооруженія, будучи производимы яко-бы для защиты, въ свою очередь представляютъ изъ себя зло, такъ какъ поддерживаютъ недовѣріе и въ то-же время являются причиной той всеобщей экономической неурядицы, которая не позволяетъ приступить, при благопріятныхъ условіяхъ, къ тѣмъ вопросамъ о трудѣ и нуждѣ, которые должны были-бы быть первые на очереди.

Въ 10-хъ, конгрессъ призналъ всеобщее разоруженіе лучшимъ ручательствомъ мира и первымъ шагомъ къ разрѣшенію, ко всеобщему удовольствію, тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящее время разъединяютъ государства, и выразилъ желаніе, чтобы въ скоромъ будущемъ составился съѣздъ представителей всѣхъ государствъ Европы для обсужденія мѣръ, могущихъ вести ко всеобщему, постепенному разоруженію.

Въ 11-хъ, имѣя въ виду то, что нерѣшительность какого нибудь одного государства могла бы затормозить созваніе вышеупомянутаго съѣзда, конгрессъ выразилъ мнѣніе, что то государство, которое первое рѣшится распустить значительную долю своей арміи,—окажетъ наиважнѣйшую услугу Европѣ и человѣчеству, такъ какъ этимъ самымъ заставитъ другія государства—подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія—послѣдовать его примѣру. Своимъ же поступкомъ оно безъ сомнѣнія не только не ослабитъ, а лишь усилитъ естественныя условія защиты своей страны.

Въ 12-хъ, имѣя въ виду то, что вопросъ о разоруженіи,—также какъ и о мирѣ вообще,—зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ общественнаго мнѣнія, конгрессъ предложилъ обществамъ мира, такъ же какъ и всѣмъ приверженцамъ мира, заняться дѣятельной пропагандой его, особенно во время парламентскихъ выборовъ, чтобы убѣдить избирателей подавать голоса за кандидатовъ, въ программу дѣйствія которыхъ войдутъ установленіе мира, разоруженіе и третейскій судъ.

Въ 13-хъ, конгрессъ поздравилъ друзей мира съ рѣшеніемъ, принятымъ международной Американской конференціей (Вашингтонъ, Апрѣль), которымъ признается желательнымъ обязательный третейскій судъ во всѣхъ спорахъ и другихъ несогласіяхъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, исключая тѣхъ спорныхъ пунктовъ, которые могли бы грозить независимости одной изъ заинтересованныхъ странъ.

Въ 14-хъ, конгрессъ обращаетъ на это рѣшеніе вниманіе всѣхъ европейскихъ и американскихъ государственныхъ людей, въ надеждѣ, что въ скоромъ будущемъ подобные договоры будутъ подписаны остальными націями, въ виду избѣжанія впредь всѣхъ столкновеній и въ то-же время для примѣра другимъ государствамъ.

Въ 15-хъ, конгрессъ выразилъ свое удовольствіе по поводу принятія Испанскимъ сенатомъ (16 Іюля) законопроэкта, разрѣшающаго правительству ходатайствовать объ утвержденіи договоровъ, составленныхъ съ помощью третейскаго суда для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, исключая тѣхъ, которые касаются независимости

или внутренняго управленія государствъ.

Конгрессъ выразилъ также свое удовольствіе по поводу принятія рѣшеній подобнаго-же содержанія Норвежскимъ стортингомъ и Итальянскимъ парламентомъ въ текущемъ мѣсяцѣ.

Въ 16-хъ, конгрессъ постановилъ оффиціально обратиться къ главнымъ политическимъ, религіознымъ, торговымъ обществамъ, рабочимъ союзамъ съ просьбою, чтобы эти общества ходатайствовали передъ своими правительствами о принятіи необходимыхъ мѣръ для учрежденія особой коммиссіи, въ обязанности которой входилобы рѣшеніе международныхъ несогласій въ виду предупрежденія войнъ.

Въ 17-хъ, въ виду того, что : 1) цѣль, преслѣдуемая всѣми обществами мира, состоитъ въ установленіи юридическаго порядка между народами ; что 2) нейтрализація, путемъ международныхъ договоровъ, составляетъ шагъ къ такому юридическому положенію и къ уменьшенію числа странъ, въ которыхъ будетъ возможна война,—конгрессъ предложилъ расширить правила о нейтрализаціи и выразилъ желаніе, чтобы всѣ договоры о нейтрализаціи, уже существующіе въ настоящее время, оставались и впередъ въ силѣ или, въ случаѣ нужды, были дополнены въ томъ смыслѣ, чтобы нейтралитетъ былъ распространенъ на все государство, или чтобы были уничтожены крѣпости, представляющія для всякаго нейтралитета скорѣе опасность, чѣмъ ручательство.

Чтобы были составлены новые договоры (согласные желанію народовъ) для установленія нейтралитета остальныхъ государствъ.

Въ 18-хъ, секція комитета предложила : 1) чтобы слѣдующіе съѣзды конгресса мира были назначены либо передъ самымъ засѣданіемъ ежегодной международной конференціи, либо готчасъ-же послѣ него и въ томъ-же городѣ ; 2) чтобы вопросъ о международной эмблемѣ мира былъ отложенъ на неопредѣленное время.

Чтобы были приняты слѣдующія рѣшенія : 1) выразить удовлетвореніе по поводу оффиціальнаго предложенія со стороны Пресвитеріанской церкви въ Соединенныхъ Штатахъ верховнымъ представителямъ каждаго религіознаго общества христіанскаго исповѣданія соединиться для общаго обсужденія мѣръ, могущихъ вести къ замѣнѣ войны международнымъ третейскимъ судомъ.

2) Выразить отъ лица конгресса глубокое почтеніе памяти Аврелія Саффи, великаго итальянскаго юриста, члена комитета международнаго Мира и Свободы.

3) Чтобы отчеты этого конгресса, подписанные Президентомъ, были по возможности переданы главамъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ авторитетными депутаціями.

4) Чтобы организаціонный комитетъ былъ уполномоченъ сдѣлать нужныя поправки въ бумагахъ и рѣшеніяхъ, здѣсь принятыхъ.

5) Чтобы были приняты слѣдующія рѣшенія : а) выразить признательность Президентамъ всѣхъ отдѣльныхъ засѣданій конгресса ; *b*) выразить признательность предсѣдателю, секретарямъ и членамъ Бюро конгресса ; *c*) выразить признательность членамъ различныхъ секцій комитета ; *d*) выразить канонику Скотть-Голландъ, доктору Ревенъ Томасу и І. Моргану Гиббону благодарность за ихъ рѣчи передъ открытіемъ конгресса и просьбу доставить копіи этихъ рѣчей для печати, а также главамъ собора Св. Павла, Сити Темпля и конгрегаціонной церкви Стамфордъ Гиля за пользованіе этими зданіями для общественныхъ цѣлей ; *e*) составить благодарственный адресъ Ея Величеству за разрѣшеніе посѣтить Виндзорскій замокъ ; *f*) и также выразить признательность Лорду Мэру, его супругѣ, Мистеру Пасморъ Эдвардсу и другимъ друзьямъ, оказавшимъ гостепріимство членамъ конгресса.

Въ 19-хъ, конгрессъ выразилъ свою глубокую благодарность Всевышнему за замѣчательное согласіе, господствовавшее на собраніяхъ конгреса, на которыхъ столько мущинъ и женщинъ самыхъ разнообразныхъ народностей и вѣроисповѣданій собиралось для тѣсной совмѣстной работы, и успѣшное окончаніе трудовъ конгресса.

Конгрессъ выразилъ твердую и непоколебимую вѣру въ окончательное торжество м и р а и тѣхъ принциповъ, которые отстаивались на этихъ собраніяхъ».

Основная мысль конгресса та, что необходимо во 1-хъ — распространять всѣми средствами между всѣми людьми убѣжденія о томъ, что война очень невыгодна для людей, и что миръ есть большое благо, и во 2-хъ, дѣйствовать на правительства, внушая имъ преимущества передъ войнами международнаго судилища и поэтому выгоды и необходимости разоруженія. Для достиженія первой цѣли конгрессъ обращается къ учителямъ исторіи, къ женщинамъ и къ духовенству съ совѣтомъ проповѣдовать людямъ каждое 3-е воскресенье Декабря зло войны и благо мира ; для достиженія второй — конгрессъ обращается къ правительствамъ, предлагая имъ разоруженіе и замѣну войны арбитраціей.

Проповѣдовать людямъ зло войны и благо мира ! Но вѣдь зло войны и благо мира до такой степени извѣстны людямъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ людей, самымъ лучшимъ пожеланіемъ было привѣтствіе «миръ вамъ», такъ что-же его проповѣдовать ?

Не только христіане, но всѣ язычники тысячи лѣтъ тому назадъ знали зло войны

и благо мира. Такъ что совѣтъ проповѣдникамъ Евангелія проповѣдывать о злѣ войны и благѣ мира въ 3-е воскресенье Декабря совершенно излишенъ.

Христіанинъ не можетъ не проповѣдывать этого всегда, во всѣ дни своей жизни. Если-же христіане и проповѣдники христіанства этого не дѣлаютъ, то на это должны быть причины. И покуда не будутъ устранены эти причины, никакіе совѣты не будутъ дѣйствительны. Еще менѣе могутъ быть дѣйствительны совѣты правительствамъ, чтобы они распустили войска и замѣнили ихъ международными судилищами. Правительства тоже очень хорошо знаютъ всю трудность и тяжесть собиранія и содержанія войскъ и, если, не смотря на то, съ страшными усиліями и напряженіемъ собираютъ и держатъ войска, то, очевидно, не могутъ поступать иначе, и совѣтъ конгресса никакъ не можетъ измѣнить этого. Но ученые никакъ не хотятъ видѣть этого и все надѣятся найти такую комбинацію, при которой (сами) правительства, производящія войны, ограничили-бы сами себя.

«Возможно-ли избавиться отъ войны?» пишетъ ученый человѣкъ въ *«Revue des Revues»*. «Всѣ согласны, что если она разразится въ Европѣ, то послѣдствія ея будутъ подобны великимъ нашествіямъ варваровъ. Дѣло при предстоящей войнѣ будетъ идти уже о существованіи цѣлыхъ народностей и потому она будетъ кровавая, отчаянная, жестокая».

«Это-то соображеніе, вмѣстѣ съ тѣми страшными орудіями истребленія, которыми располагаетъ новѣйшая наука, задерживаетъ моментъ объявленія войны и удерживаетъ настоящій временный порядокъ вещей, который могъ-бы продолжаться на неопредѣленное время, если-бы не тѣ страшные расходы, которые давятъ европейскіе народы и угрожаютъ довести народы до бѣдствій, не меньшихъ тѣхъ, которыя произведетъ война».

«Пораженные этой мыслью люди разныхъ странъ искали средствъ остановить или, по крайней мѣрѣ, смягчить послѣдствія страшной бойни, которая угрожаетъ имъ».

«Таковы вопросы, поставленные на очередь предполагающимся въ скоромъ времени конгрессомъ въ Римѣ и изданіемъ брошюръ о разоруженіи».

«Къ несчастью, несомнѣнно то, что при теперешнемъ устройствѣ большинства Европейскихъ государствъ, удаленныхъ другъ отъ друга и руководимыхъ различными интересами, совершенное прекращеніе войны есть мечта, которой было-бы опасно утѣшаться. Однако, нѣкоторые, принятые всѣми, болѣе разумные законы и постановленія при этихъ дуэляхъ между народами могли-бы значительно уменьшить ужасы войны».

«Одинаково утопично разсчитывать на разоруженіе, которое почти невозможно, вслѣдствіе соображеній народнаго характера, понятнаго нашимъ читателямъ. (Вѣроятно это значитъ, что Франція нельзя разоружаться до реванша). Общественное мнѣніе не готово для принятія проэктовъ разоруженія и кромѣ того отношенія международныя не таковы, чтобы можно было принять ихъ».

«Разоруженіе, потребованное однимъ народомъ отъ другого, равнялось-бы объявленію войны».

«Однако все-таки можно допустить, что обмѣнъ взглядовъ между заинтересованными народами поможетъ въ извѣстной степени международному соглашенію и сдѣлаетъ возможнымъ значительное уменьшеніе военныхъ расходовъ, давящихъ теперь Европейскіе народы въ ущербъ разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ, необходимость котораго чувствуется каждымъ государствомъ отдѣльно подъ угрозой вызвать внутреннюю войну усиліями предотвратить внѣшнюю».

«Можно, по крайней мѣрѣ, предположить уменьшеніе огромныхъ расходовъ, которые нужны при теперешнемъ военномъ устройствѣ, имѣющемъ цѣлью возможность въ 24 часа захватить владѣнія противника и дать рѣшительное сраженіе черезъ недѣлю послѣ объявленія войны!»

Надобно сдѣлать такъ, чтобы государства не могли нападать вдругъ на другія и въ 24 часа захватить чужія владѣнія.

Практическую мысль эту выразилъ *Maxime du Camp*, и къ этому сводится и заключеніе статьи.

Предложенія *M. du Camp*, слѣдующія:

1) «Дипломатическій конгрессъ долженъ собираться ежегодно.

2) «Всякая война не можетъ быть объявлена ранѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ событія (*incident*), которое ее вызоветъ. (Затрудненіе тутъ будетъ въ томъ, чтобы опредѣлять, какой именно *incident* вызоветъ войну, такъ какъ при всякомъ объявленіи войны такихъ *incident* очень много и надо рѣшить, отъ какого считать два мѣсяца?)»

3) «Война не можетъ быть объявлена прежде, чѣмъ она не будетъ подвергнута голосованію народовъ, готовящихся къ ней».

4) «Военныя дѣйствія не могутъ начаться ранѣе мѣсяца послѣ объявленія войны».

«Не можетъ быть начата война.... должны.... и т. д.» Да кто же сдѣлаетъ то, чтобы не могла быть начата война? Кто сдѣлаетъ то, чтобы должны были люди дѣлать то-то и то-то? Кто заставитъ державу дожидаться назначенія срока? Всѣ другія. — Но всѣ другія суть точно такія-же державы, которыхъ надо умѣрять и поставлять въ границы и заставить. Кто-же будетъ заставлять? и какъ? — Общественное мнѣніе. — Да если есть общественное

мнѣніе, которое можетъ заставить державу дожидаться назначеннаго срока, то то-же общественное мнѣніе можетъ заставить державу и вовсе не начинать войны.

Но, отвѣчаютъ на это возможно такое уравновѣшеніе силъ, *pondération des forces*, при которомъ державы будутъ сами себя воздерживать. Да вѣдь это требованіе и теперь требуется. Это самое былъ священный союзъ, это самое — Лига Мира и т. п.

Но если всѣ согласятся, отвѣчаютъ на это. Но если всѣ согласятся, то и войны не будетъ, и не зачѣмъ и верховныя судилища и третейскій судъ и арбитрація.

«Третейскій судъ, арбитрація замѣнитъ войны. Вопросы будутъ рѣшаться третейскимъ судомъ, Алабамскій вопросъ рѣшенъ третейскимъ судомъ, о Каролинскихъ островахъ предложено рѣшить третейскимъ судомъ папѣ. Швейцарія, и Бельгія, и Данія, и Голландія — всѣ подали заявленіе, что они предпочитаютъ рѣшенія третейскаго суда войнѣ». Кажется и Монако заявило то-же желаніе. Досадно только одно, что Германія, Россія, Австрія, Франція до сихъ поръ не заявляютъ того-же.

Удивительно, чѣмъ могутъ себя обманывать люди, когда имъ нужно обмануть себя.

Правительства согласятся рѣшать свои несогласія третейскимъ судомъ и потому распустятъ войска. Недоразумѣнія Россіи и Польши, Англіи и Ирландіи, Австріи и Чехіи, Турціи и Славянъ, недоразумѣнія между Франціей и Германіей разрѣшатся добровольнымъ согласіемъ.

Вѣдь это все равно, какъ если-бы предложить купцамъ и банкирамъ ничего не продавать дороже цѣны покупки, а заниматься распредѣленіемъ богатствъ безъ барышей и уничтожить, вслѣдствіе этого, сами-ныя ненужными деньги.

Но вѣдь торговля и банковое дѣло и состоятъ только въ томъ, чтобы продавать дороже, чѣмъ покупать, и потому предложеніе о томъ, чтобы не продавать дороже покупной цѣны и уничтожить деньги, равняется предложенію уничтожиться. Тоже самое и съ правительствами. Предложеніе правительствамъ не употреблять насилія, а по справедливости рѣшать недоразумѣнія, есть предложеніе уничтожиться, какъ правительство; а на это-то никакое правительство не можетъ согласиться.

Ученые люди собираются въ общества (такихъ обществъ много, болѣе 100), собираются на конгрессы (такіе были недавно въ Парижѣ и Лондонѣ, теперь будетъ въ Римѣ), читаютъ рѣчи, обѣдаютъ, говорятъ спичи, издаютъ журналы, посвященные этой цѣли, и во всѣхъ доказывается, что напряженіе народовъ, принужденныхъ содержать милліоны войскъ, дошло до крайнихъ предѣловъ, и что это вооруженіе противорѣчитъ всѣмъ цѣлямъ, свойствамъ, желаніямъ всѣхъ народовъ, но что, если много исписать бумаги и наговорить словъ, то можно согласовать всѣхъ людей и сдѣлать, чтобы у нихъ не было противоположныхъ интересовъ, и тогда войны не будетъ.

Когда я былъ маленькій, меня увѣрили, что для того, чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвостъ. Я вышелъ съ солью къ птицамъ, но тотчасъ-же убѣдился, что если-бы я могъ посыпать соли на хвостъ, то моіъ-бы и поймать, и понялъ, что надо мной смѣялись.

То же надо понять и людямъ, читающимъ статьи и книги о третейскомъ судѣ и разоруженіи.

Если можно посыпать соли на хвостъ птицѣ, то значитъ, что она не летаетъ, се и ловить нечего. Если-же у птицы есть крылья и она не хочетъ быть пойманной, она не дастъ себѣ сыпать соли на хвостъ, потому что свойство птицы летать. Точно такъ же свойство правительства состоитъ не въ томъ, чтобы подчиняться, а подчинять себѣ. И правительство только на столько правительство, на сколько оно можетъ не подчиняться, а подчинять, и потому оно всегда стремится къ этому, и никогда добровольно не можетъ отказаться отъ власти, а власть даетъ ему войско, и потому никогда не откажется отъ войска и употребленія его для войны.

Ошибка зиждется на томъ, что ученые юристы, обманывая себя и другихъ, утверждаютъ въ своихъ книгахъ, что правительство не есть то, что оно есть — собраніе однихъ людей, насилующихъ другихъ, а, что правительства, какъ это выходитъ въ наукѣ, суть представители совокупности гражданъ. Ученые такъ долго увѣряли другихъ въ этомъ, что и сами повѣрили въ это, и имъ часто серьезно кажется, что справедливость можетъ быть обязательна для правительствъ. Но исторія показываетъ, что отъ Кесаря и до Наполеона, того и другого, и Бисмарка правительство есть по существу своему всегда сила, нарушающая справедливость, какъ оно и не можетъ быть иначе. Справедливость не можетъ быть обязательной для человѣка или людей, которые держатъ подъ рукой обманутыхъ и дрессированныхъ для насилія людей — солдатъ, и посредствомъ ихъ управляютъ другими. И потому не могутъ правительства согласиться уменьшить количество этихъ повинующихся имъ дрессированныхъ людей, которые и составляютъ всю ихъ силу и значеніе.

Таково отношеніе однихъ ученыхъ къ тому противорѣчію, которое тяготитъ нашъ міръ, и таковы ихъ средства разрѣшенія его. Скажите этимъ людямъ, что вопросъ только въ личномъ отношеніи каждаго человѣка къ поставленному передъ каждымъ теперь нравственному религіозному вопросу законности или незаконности участія

въ общей воинской повинности, и эти ученые только пожмутъ плечами и даже не удостоятъ васъ отвѣта, или вниманія. Разрѣшеніе вопроса для нихъ въ томъ, чтобы читать рѣчи, писать книги, избирать президентовъ, вице-президентовъ, секретарей, и засѣдать и говорить то въ томъ городѣ, то въ другомъ. Отъ этихъ разговоровъ и писаній, по ихъ мнѣнію, случится то, что правительства перестануть набирать солдатъ, на которыхъ зиждется вся ихъ сила, а послушаются ихъ рѣчей и отпустятъ своихъ солдатъ, останутся беззащитными не только передъ своими сосѣдями, но и передъ своими подданными; какъ разбойники, связавшіе безоружныхъ людей, чтобы ограбить ихъ, услыхавъ рѣчи о той боли, которую веревка причиняетъ связаннымъ, тотчасъ-же развяжутъ ихъ.

Но есть люди, которые вѣрятъ въ это, занимаются конгрессами мира, читаютъ рѣчи, пишутъ книжки, и правительства, разумѣется, выражаютъ этому сочувствіе, дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ это, такъ-же, какъ они дѣлаютъ видъ, что они поддерживаютъ общества трезвости, тогда какъ большею частью живутъ пьянствомъ народа; такъ же, какъ дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ образованіе, тогда какъ сила ихъ держится только на невѣжествѣ; такъ же, какъ дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ свободу конституціи, тогда какъ ихъ сила держится только на отсутствіи свободы; дѣлаютъ видъ, что заботятся объ улучшеніи быта рабочихъ, тогда какъ на подавленности рабочаго основано ихъ существованіе; дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ христіанство, тогда какъ христіанство разрушаетъ всякое правительство.

Для того, чтобы можно было это дѣлать, уже давно выработались такія заботы о трезвости, которыя не могутъ нарушить пьянства; такія заботы объ образованіи, которыя не только не мѣшаютъ невѣжеству, но только усиливаютъ его; такія заботы о свободѣ и конституціи, которыя не мѣшаютъ деспотизму; такія заботы о рабочихъ, которыя не освобождаютъ ихъ отъ рабства; такое христіанство, которое не разрушаетъ, а поддерживаетъ правительства.

Теперь прибавилась еще забота о мирѣ. Правительства, прямо цари, которые разъѣзжаютъ теперь съ министрами, рѣшая по одной своей волѣ вопросы о томъ: въ нынѣшнемъ или будущемъ году начать убійство милліоновъ, цари эти очень хорошо знаютъ, что разговоры о мирѣ не помѣшаютъ имъ, когда имъ вздумается, послать милліоны на бойню. Цари даже съ удовольствіемъ слушаютъ эти разговоры, поощряютъ ихъ и участвуютъ въ нихъ.

Все это не только не вредно, но полезно правительствамъ, отводя глаза людей отъ самаго главнаго, самаго существеннаго вопроса: идти или не идти отбывать воинскую повинность каждому отдѣльному человѣку, призываемому въ солдаты.

«Миръ скоро вотъ устроится, благодаря союзамъ, конгрессамъ, по книжкамъ и брошюрамъ, а пока идите, надѣвайте мундиръ и будьте готовы угнетать и мучать самихъ себя для нашей выгоды», говорятъ правительства. И ученые составители конгрессовъ и статей вполнѣ согласны на это.

Это одно отношеніе — самое выгодное для правительствъ и потому поощряемое всѣми умными правительствами.

Другое отношеніе — это отношеніе трагическое, людей, утверждающихъ, что противорѣчіе стремленія и любви къ миру людей и необходимости войны — ужасно, но что такова судьба человѣка. Люди эти большею частью чуткіе, даровитые люди, видятъ и понимаютъ весь ужасъ и всю неразумность и жестокость войны, но по какому-то странному повороту мысли не видятъ и не ищутъ никакого выхода изъ этого положенія, а, какъ-бы расчесывая свою рану, любуются отчаянностью положенія человѣчества.

Вотъ замѣчательный образецъ такого отношенія къ войнѣ замѣчательнаго французскаго писателя (Мопасана). Глядя съ своей яхты на ученье и стрѣльбу французскихъ солдатъ, ему приходятъ слѣдующія мысли:

«Война! Стоитъ подумать объ этомъ словѣ и на меня находитъ какое-то чувство ужаса и одуренія, какъ если-бы мнѣ говорили про колдовство, инквизицію, какъ будто мнѣ говорятъ про дѣло далекое, поконченное, отвратительное, уродливое, противуестественное».

«Когда говорятъ намъ про людоѣдовъ, мы съ гордостью улыбаемся, чувствуя свое превосходство надъ этими дикарями. Но кто дикари? Кто настоящіе дикари? Тѣ ли, которые убиваютъ для того, чтобы съѣсть побѣжденныхъ, или тѣ, которые убиваютъ, чтобы убивать, только чтобы убивать?»

«Вотъ на полянѣ егеря по командѣ бѣгаютъ и стрѣляютъ: всѣ они предназначены на смерть, какъ стадо барановъ, которыхъ мясникъ гонитъ по дорогѣ. Упадутъ они гдѣ нибудь на полянѣ съ разсѣченной головой или съ пробитой пулей грудью. И все это молодые люди, которые могли-бы работать, производить, быть полезными».

«Ихъ отцы старые, бѣдныя ихъ матери, которыя въ продолженіи 20 лѣтъ любили, обожали ихъ, какъ умѣютъ обожать только матери, узнаютъ черезъ шесть мѣсяцевъ или черезъ годъ, можетъ быть, что сына, большаго сына, воспитаннаго съ такимъ трудомъ, съ такими расходами, съ такою любовью, что сына этого, разорваннаго

ядромъ, растоптаннаго конницей, проѣхавшей черезъ него, бросили въ яму, какъ дохлую собаку. И она спросить: зачѣмъ убили дорогаго мальчика — ея надежду, гордость, жизнь? Никто не знаетъ. Да, зачѣмъ?»

«Война! Драться! Рѣзаться! Убивать людей! Да, въ наше время, съ нашимъ просвѣщеніемъ, съ нашей наукой, съ нашей философіей, существуетъ учрежденіе особыхъ училищъ, въ которыхъ учатъ убивать, убивать издалека, съ совершенствомъ, убивать много людей сразу, убивать несчастныхъ, жалкихъ людей, ни въ чемъ не виноватыхъ людей, поддерживающихъ семьи, и убивать ихъ безъ всякаго суда».

«И самое удивительное — это то, что народъ не поднимается противъ правительствъ, — все равно, въ монархіи или республикѣ. Самое удивительное то, что все общество не взбунтуется при одномъ словѣ: война».

«Да, видно мы всегда будемъ жить старыми, ужасными обычаями, преступными суевѣріями, кровожадными понятіями нашихъ предковъ. Видно, какъ мы были звѣрями, такъ и останемся звѣрями, руководимыми только инстинктомъ».

«Едва-ли кто нибудь, кромѣ Виктора Гюго, могъ-бы безнаказанно кликнуть кличъ освобожденія и истины!»

«Силу уже начинаютъ называть насиліемъ и судить ее, сказалъ онъ. Война призывается на судъ. Просвѣщеніе по жалобѣ рода человѣческаго ведетъ судебное дѣло и представляетъ обвинительный актъ противъ всѣхъ завоевателей и полководцевъ».

«Люди начинаютъ понимать то, что увеличеніе преступленія не можетъ быть его уменьшеніемъ; что если убійство есть преступленіе, то убійство многихъ не можетъ быть смягчающимъ обстоятельствомъ; что если стыдно красть, то захватъ никакъ не можетъ быть предметомъ прославленія».

«Провозгласимъ-же эту несомнѣнную истину, обезчестимъ войну».

«Напрасный гнѣвъ», продолжаетъ Мопасанъ, «негодованіе поэта. Война уважаема, почитаема теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Искусный артистъ по этой части, геніальный убійца, графъ фонъ Мольтке отвѣчалъ однажды депутатамъ общества мира слѣдующими страшными словами: «Война свята и божественнаго установленія, война есть одинъ изъ священныхъ законовъ міра, она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великія и благородныя чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, храбрость. Только вслѣдствіе войны люди не впадаютъ въ самый грубый матеріализмъ».

«Собираться стадами въ 400 тысячъ человѣкъ, ходить безъ отдыха день и ночь, ни о чемъ не думая, ничего не изучая, ничему не учась, ничего не читая, никому не принося пользы, валяясь въ нечистотахъ ночуя въ грязи, живя какъ скотъ, въ постоянномъ одуреніи, грабя города, сжигая деревни, разворяя народы, потомъ, встрѣчаясь съ такими-же скопленіями человѣческаго мяса, наброситься на него, пролить рѣки крови, устлать поля размозженными, смѣшанными съ грязью и кровяной землей тѣлами, лишиться рукъ, ногъ, съ размозженной головой безъ всякой пользы для кого-бы то ни было издохнуть гдѣ нибудь на межѣ въ то время, какъ ваши старики родители, ваша жена и ваши дѣти умираютъ съ голоду — это называется не впадать въ самый грубый матеріализмъ».

«Военные люди — главное бѣдствіе міра. Мы боремся съ природой, съ невѣжествомъ, чтобы хоть сколько нибудь улучшить наше жалкое существованіе. Ученые посвящаютъ труду всю жизнь для того, чтобы найти средства помочь, облегчить судьбу своихъ братьевъ. И упорно трудясь и дѣлая открытіе за открытіемъ, они обогащаютъ умъ человѣческій, расширяютъ науку, каждый день даютъ новыя знанія, каждый день увеличивая благосостояніе, достатокъ, силу народа».

«И вотъ наступаетъ война. Въ шесть мѣсяцевъ генералы разрушаютъ все то, что творилось въ продолженіи 20 лѣтъ усилія, терпѣнія, геніальности. И это все называется не впадать въ самый грубый матеріализмъ».

«Мы ее видѣли, войну. Мы видѣли, какъ люди сдѣлались опять звѣрями, какъ они, какъ шальные, убивали изъ удовольствія, изъ страха, для молодчества, для похвальбы. Мы видѣли, какъ, освободившись отъ понятій закона и права, они разстрѣливали невинныхъ, застигнутыхъ на дорогѣ и показавшихся подозрительными только потому, что они испугались. Мы видѣли, какъ убивали привязанныхъ у дверей хозяевъ собакъ, только чтобы попробовать новый револьверъ. Мы видѣли, какъ разстрѣливали лежавшихъ въ полѣ коровъ безъ всякой надобности, только чтобы пострѣлять для потѣхи. И это называется не впадать въ самый безобразный матеріализмъ».

«Вступить въ страну, зарѣзать человѣка, который защищаетъ свой домъ, потому что онъ одѣтъ въ блузу и у него нѣтъ на головѣ военной фуражки; сжигать дома бѣдняковъ, которымъ ѣсть нечего, разбивать, красть мебель, выпивать вино изъ чужихъ погребовъ, насиловать женщинъ на улицахъ, сжигать пороху на милліоны франковъ и оставить послѣ себя разоренье, болѣзни, — это называется не впадать въ самый грубый матеріализмъ».

«Что-же наконецъ они сдѣлали, военные

люди, какіе ихъ подвиги? Ничего. Что они выдумали? Пушки и ружья. Вотъ и все».

«Что оставила намъ Грецiя? Книги, мраморы. Оттого-ли она велика, что побѣждала, или отъ того, что произвела? Не нападенія, Персовъ помѣшали. Грекамъ впасть въ самый грубый матеріализмъ. Не нападенія-же варваровъ на Римъ спасли и возродили его! Что, Наполеонъ I продолжалъ развѣ великое умственное движеніе, начатое философами конца прошлаго вѣка»?

«Нѣтъ, ужъ если правительства берутъ на себя право посылать на смерть народы, то и нѣтъ ничего удивительнаго, что и народы берутъ на себя иногда право посылать на смерть и свои правительства».

«Они защищаются и они правы. Никто не имѣетъ права управлять другими. Управлять другими можно только для блага того, кѣмъ управляешь. И тотъ, кто управляетъ, обязанъ избѣгать войны; такъ же какъ и капитанъ корабля — избѣгать крушенія».

«Когда капитанъ виноватъ въ крушеніи своего корабля, его судятъ и приговариваютъ, если онъ окажется виноватымъ въ небрежности и даже въ неспособности».

«Отчего-же бы не судить и правительство послѣ каждой объявленной войны? Если-бы только народъ понялъ это, если-бы они судили власти, ведущія ихъ къ убійству, если-бы они отказывались идти на смерть безъ надобности, если-бы они употребляли данное имъ оружіе противъ тѣхъ, которые имъ дали его,—если-бы это случилось когда либо, война-бы умерла».

«Но этого никогда не случится» (*Sur l'eau*. Стр. 71—80).

Авторъ видитъ весь ужасъ войны; видитъ, что причина ея въ томъ, что правительства, обманывая людей, заставляютъ ихъ идти убивать и умирать безъ всякой для нихъ нужды; видитъ и то, что люди, которые составляютъ войска, могли бы обратить оружіе противъ правительствъ и потребовать у нихъ отчета. Но авторъ думаетъ, что этого никогда не случится и что поэтому выхода изъ этого положенія нѣтъ. Онъ думаетъ, что дѣло войны ужасно, но что оно неизбѣжно, что требованія правительствъ того, чтобы люди шли въ солдаты такъ же неизбѣжно, какъ смерть, и что такъ какъ правительства всегда будутъ требовать этого, то всегда и будутъ войны.

Такъ пишетъ даровитый, искренній, одаренный тѣмъ проникновеніемъ въ сущность предмета, которое составляетъ сущность поэтическаго дара, писатель. Онъ выставляетъ передъ нами всю жестокость противорѣчія сознанія людей и дѣятельности, и не разрѣшая его, признаетъ какъ бы то, что это противорѣчіе должно быть и что въ немъ поэтическій трагизмъ жизни.

Другой, не менѣе даровитый писатель (*E. Rod*) еще ярче описываетъ жестокость и безуміе настоящаго положенія и точно также для того, чтобы признать трагизмъ его, не предлагая и не провидя изъ этого положенія выхода.

«И для чего что-либо дѣлать и затѣвать?» говоритъ онъ. «И развѣ можно любить людей въ теперешнія смутныя времена, когда завтрашній день одна угроза? Все, что мы начали, всѣ наши зрѣющія мысли, всѣ наши предполагаемыя дѣла, все то хотя малое добро, которое мы можемъ сдѣлать — развѣ все это не будетъ снесено готовящейся бурей?»

«Земля дрожитъ повсюду подъ ногами, и собирающаяся туча не минуетъ насъ».

«Да если-бы страшна была одна революція, которая насъ пугаетъ. Такъ какъ я не могу придумать общества болѣе отвратительно устроеннаго, чѣмъ наше, то я не боюсь того новаго устройства, которое замѣнитъ наше. — Если-бы мнѣ стало хуже отъ перемѣны, я-бы утѣшался тѣмъ, что сегодняшніе палачи были жертвами вчера. Я-бы переносилъ худшее, ожидая лучшаго. Но не эта отдаленная опасность пугаетъ меня, — я вижу другую, болѣе близкую, болѣе жестокую, потому что ей нѣтъ никакого оправданія, потому что изъ нея не можетъ выйти никакого добра. Каждый день люди взвѣшиваютъ случайности войны на завтра. И каждый день эти случайности становятся неизбѣжнѣе».

«Мысль отказывается вѣрить возможности катастрофы, которая представляется на концѣ вѣка, какъ послѣдствіе всего прогресса нашей эры, а надо привыкать вѣрить».

«Въ продолженіи 20 лѣтъ всѣ силы знанія истощаются на изобрѣтеніе орудій истребленія и скоро нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ будетъ достаточно для того, чтобы уничтожить цѣлое войско*). Вооружаются не какъ прежде нѣсколько тысячъ бѣдняковъ, кровь которыхъ покупали за деньги, но теперь вооружены поголовно цѣлые народы, собирающіеся рѣзать горло другъ другу».

«У людей этихъ сначала крадутъ ихъ время (забирая ихъ въ солдаты) для того, чтобы потомъ вѣрнѣе украсть ихъ жизнь. Чтобы приготовить ихъ къ рѣзнѣ, разжигаютъ ихъ ненависть, увѣряя ихъ, что они ненавидимы. И кроткіе, добрые люди попадаются на эту удочку, и вотъ-вотъ бросятся съ жестокостью дикихъ звѣрей другъ на друга толпы мирныхъ гражданъ, пови-

*) Книга эта издана годъ тому назадъ; за этотъ годъ выдумали еще десятки новыхъ орудій истребленія,—новый бездымный порохъ.

нуясь нелѣпому приказанію. И все, Богъ знаетъ, изъ-за какого нибудь смѣшнаго столкновенія на границѣ или изъ-за торговыхъ колоніальныхъ расчетовъ».

«И пойдутъ они какъ бараны на бойню, не зная, куда они идутъ, зная, что они бросаютъ своихъ женъ, что дѣти ихъ будутъ голодать, и пойдутъ они съ робостью, но опьяненные звучными словами, которыя имъ будутъ трубить въ уши. И пойдутъ они безпрекословно, покорные и смиренные, не зная и не понимая того, что они сила, что власть была-бы въ ихъ рукахъ, если-бы они только захотѣли, если-бы только могли и умѣли сговориться и установить здравый смыслъ и братство, вмѣсто дикихъ плутень дипломатовъ».

«И пойдутъ они до такой степени обманутые, что будутъ вѣрить, что рѣзня, убійство людей есть обязанность, и будутъ просить Бога, чтобы онъ благословилъ ихъ кровожадныя желанія. И пойдутъ, топча поля, которыя сами они засѣвали, сжигая города, которые они сами строили, пойдутъ съ криками восторга, съ радостью, съ праздничной музыкой. А сыновья будутъ воздвигать памятники тѣмъ, которые лучше всѣхъ другихъ убивали ихъ отцовъ».

«Судьба цѣлаго поколѣнія зависитъ отъ того часа, въ который какой нибудь мрачный политикъ дастъ тотъ знакъ, по которому они бросятся другъ на друга».

«Всѣ мы знаемъ, что лучшіе изъ насъ будутъ подкошены и что дѣла наши будутъ разрушены въ зародышѣ».

«Мы знаемъ это, содрогаемся отъ злости и ничего не можемъ. Мы пойманы въ сѣть разныхъ присутственныхъ мѣстъ и бумагъ съ заголовками, разорвать которую слишкомъ трудно».

«Мы во власти тѣхъ законовъ, которые мы сами понадѣлали, чтобы защитить себя, и которые угнетаютъ насъ».

«Мы перестали быть людьми и сдѣлались вещами—собственностью вымышленнаго чего-то, что мы называемъ государствомъ, которое порабощаетъ каждаго во имя воли всѣхъ, тогда какъ всѣ, взятые отдѣльно, хотятъ какъ разъ противное тому, что ихъ заставляютъ дѣлать....»

«И хорошо, если-бы дѣло шло только объ одномъ поколѣніи. Но дѣло гораздо важнѣе. Всѣ эти крикуны на жалованьи, всѣ честолюбцы, пользующіеся дурными страстями толпы, всѣ нищіе духомъ, обманутые звучностью словъ, такъ разожгли народныя ненависти, что дѣло завтрашней войны рѣшитъ судьбу цѣлаго народа. Побѣжденный долженъ будетъ исчезнуть, и образуется новая Европа на основахъ столь грубыхъ, кровожадныхъ и опозоренныхъ такими преступленіями, что она не можетъ не быть еще хуже, еще злѣе, еще диче и насильственнѣе».

«Такъ и чувствуешь, что надъ каждымъ виситъ ужасная безнадежность. Мы мечемся въ тупомъ переулкѣ съ направленными на насъ ружьями со всѣхъ сторонъ. Мы работаемъ какъ матросы на кораблѣ, который тонетъ. Наше удовольствіе — это удовольствіе приговореннаго къ смерти, которому даютъ выбрать для себя любое кушанье за четверть часа до казни. Ужасъ притупляетъ намъ мысль и высшее ея проявленіе въ томъ, чтобы разсчитать, соображая неясныя рѣчи министровъ, слова, сказанныя царемъ, выворачивая изреченія дипломатовъ, которыми наполняютъ газеты, разсчитать, когда это именно — нынѣшній или на будущій годъ насъ будутъ рѣзать».

«Едва-ли можно найти въ исторіи время, въ которое жизнь была-бы менѣе обезпечена и болѣе полна тягостнаго ужаса». (*E. Rod. Le sens de la vie.* Стр. 208—213).

Указано на то, что сила въ рукахъ тѣхъ, которые сами губятъ себя, въ рукахъ отдѣльныхъ людей, составляющихъ массы; указано на то, что источникъ зла въ государствѣ. Казалось-бы ясно то, что противорѣчіе сознанія и жизни дошло до того предѣла, дальше котораго идти нельзя и послѣ котораго должно наступить разрѣшеніе его.

Но авторъ думаетъ не такъ. Онъ видитъ въ этомъ трагизмъ жизни человѣческой, и, показавъ весь ужасъ положенія, заключаетъ тѣмъ, что въ этомъ ужасѣ и должна происходить жизнь человѣческая.

Таково второе отношеніе къ войнѣ людей, признающихъ въ ней нѣчто роковое и трагичное.

Третье отношеніе есть отношеніе людей, потерявшихъ совѣсть, и потому и здравый смыслъ, и человѣческое чувство.

Къ такимъ людямъ принадлежитъ Мольтке, сужденіе котораго выписано Мопасаномъ, и большинство военныхъ, воспитанныхъ въ этомъ жестокомъ суевѣріи, живущихъ имъ и потому часто наивно убѣжденныхъ, что война есть не только неизбѣжное, но и необходимое, даже полезное дѣло. Такъ судятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не военные, такъ называемые, ученые, образованные, утонченные люди.

Вотъ что пишетъ въ томъ номерѣ *Revue des Revues*, въ которомъ собраны письма о войнѣ, знаменитый академикъ Дусэ, на вопросъ редактора о его взглядѣ на войну:

Милостивый Государь!

«Когда вы спрашиваете у самаго миролюбиваго изъ академиковъ, сторонникъ-ли онъ войны, его отвѣтъ уже заранѣе готовъ: къ несчастью, М. Г., вы и сами считаете

мечтой миролюбивыя мысли, вдохновляющія въ настоящее время нашихъ великодушныхъ соотечественниковъ».

«Съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ, мнѣ часто приходится слышать отъ многихъ частныхъ людей возмущеніе противъ этой ужасающей привычки международнаго убіенія. Всѣ признаютъ и оплакиваютъ это зло; но какъ ему помочь? Очень часто пытались уничтожить дуэли: это казалось такъ легко! Такъ нѣтъ-же! Всѣ усилія, сдѣланныя для достиженія этой цѣли, ни къ чему не послужили и никогда ни къ чему не послужатъ».

«Сколько-бы ни говорилось противъ войны и противъ дуэли на всѣхъ конгрессахъ мира, надо всѣми арбитраціями, всѣми договорами, всѣми законодательствами — вѣчно будетъ стоять честь человѣка, которая вѣчно требовала дуэли, и выгоды народовъ, которыя вѣчно будутъ требовать войны».

«Я тѣмъ не менѣе отъ всего сердца надѣюсь, что конгрессъ всенароднаго мира успѣетъ въ своей весьма тяжелой и весьма почтенной задачѣ».

Примите увѣреніе и т. д.

К. Дусэ.

Смыслъ тотъ, что честь людей требуетъ того, чтобы они дрались, а выгоды народовъ — того, чтобы они раззоряли и истребляли другъ друга, попытки-же прекращенія войнъ достойны только улыбки.

Въ томъ-же родѣ мнѣніе и другаго знаменитаго человѣка Жюль Кларети (*Jules Claretie*):

«Милостивый Государь», пишетъ онъ, «для человѣка разумнаго можетъ существовать лишь одно мнѣніе по вопросу о мирѣ и войнѣ».

«Человѣчество создано для того, чтобы жить и жить со свободой усовершенствованія и улучшенія (своей судьбы) своего состоянія путемъ мирнаго труда. Всеобщее согласіе, котораго добивается и которое проповѣдуетъ Всемірный Конгрессъ мира, представляетъ изъ себя, быть можетъ, только прекрасную мечту, но во всякомъ случаѣ, мечту, самую прекрасную изъ всѣхъ. Человѣкъ всегда имѣетъ передъ глазами обѣтованную землю будущаго, жатва будетъ поспѣвать, не опасаясь вреда отъ гранатъ и пушечныхъ колесъ.»

«Только... Да — только!... Такъ какъ міромъ не управляютъ философы и благодѣтели, то счастье, что наши солдаты оберегаютъ наши границы и наши очаги, и что ихъ оружія, вѣрно нацѣленныя, являются намъ, быть можетъ, самымъ лучшимъ ручательствомъ этого мира, столь горячо нами всѣми любимаго».

«Миръ даруется лишь сильнымъ и рѣшительнымъ».

Примите увѣреніе и т. д.

Ж. Кларети.

Смыслъ тотъ, что разговаривать не мѣшаетъ о томъ самомъ, чего никто не намѣренъ и чего никакъ не должно дѣлать. Но когда дѣло доходитъ до дѣла, то нужно драться.

А вотъ еще самое недавнее выраженіе мнѣнія о значеніи войны, высказанное самымъ популярнымъ романистомъ Европы — Э. Золя:

«Я считаю войну роковою необходимостью, которая является для насъ неизбѣжною въ виду ея тѣсной связи съ человѣческой природой и всѣмъ міроздані́емъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы войну можно было отдалить на возможное долгое время. Тѣмъ не менѣе наступитъ моментъ, когда мы будемъ вынуждены воевать. Я становлюсь въ данную минуту на общечеловѣческую точку зрѣнія и не дѣлаю никоимъ образомъ намека на нашъ разладъ съ Германіей, являющійся лишь ничтожнымъ инцидентомъ въ исторіи человѣчества. Я говорю, что война необходима и полезна, такъ какъ она является для человѣчества однимъ изъ условій существованія. Мы всюду встрѣчаемъ войну не только между различными племенами и народами, но также въ семейной и частной жизни. Она является однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ прогресса и каждый шагъ впередъ, который дѣлало до сихъ поръ человѣчество, сопровождался кровопролитіемъ».

«Говорили и до сихъ поръ еще говорятъ о разоруженіи, между тѣмъ разоруженіе нѣчто невозможное, и если-бы даже оно было возможно, то и въ томъ случаѣ мы должны были-бы его отвергнуть. Только вооруженный народъ является могучимъ и великимъ. Я убѣжденъ, что общее всемірное разоруженіе повлекло-бы за собой нѣчто вродѣ нравственнаго упадка, который высказался-бы общимъ безсиліемъ и воспрепятствовалъ-бы прогрессивному преуспѣянію человѣчества. Воинственная нація всегда пользовалась цвѣтущими силами. Военное искусство влекло за собою развитіе всѣхъ другихъ искусствъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія. Такъ, въ Аѳинахъ и въ Римѣ торговля, промышленность и литература никогда не достигали такого развитія, какъ въ то время, когда эти города господствовали надъ извѣстнымъ тогда міромъ силою оружія. Чтобы взять примѣръ изъ болѣе близкихъ намъ временъ, вспомнимъ вѣкъ Людовика XIV. Войны великаго короля не только не задержали прогресса искусствъ и наукъ, но даже, напротивъ того, какъ будто помогали и благопріятствовали ихъ преуспѣянію».

Война дѣло полезное!

Но лучше всего въ этомъ смыслѣ мнѣніе самаго даровитаго изъ писателей этого настроенія, мнѣніе академика Вогюэ. Вотъ что онъ пишетъ въ статьѣ о выставкѣ при посѣщеніи военнаго отдѣла:

«На эспланадѣ Инвалидовъ среди экзотическихъ и колоніальныхъ помѣщеній одно строеніе болѣе строгаго стиля выдается изъ живописнаго базара; всѣ эти представители жителей земнаго шара примыкаютъ къ дворцу войны. Великолѣпный поводъ антитезъ для гуманитарной риторики; она и не упускаетъ случая плакаться на такія сближенія и утверждать, что это убьетъ то (*ceci tuera cela*), *) что единеніе народовъ черезъ науку и трудъ побѣдитъ военные инстинкты. Не будемъ ей мѣшать ласкать надеждой химеру золотаго вѣка, который, если-бы осуществился, очень скоро сдѣлался-бы вѣкомъ грязи. Вся исторія учитъ насъ, что то сдѣлано огнемъ, что нужна кровь, чтобы ускорить и закрѣпить единеніе народовъ. Естественныя науки въ наше время скрѣпили таинственный законъ, открывшійся Жозефу де Мэстру вдохновеніемъ его генія и обдумываніемъ первобытныхъ догматовъ; онъ видѣлъ, какъ міръ искупляетъ свои наслѣдственныя паденія жертвою; науки показываютъ намъ, какъ міръ совершенствуется борьбой и насильственнымъ подборомъ; это утвержденіе съ двухъ сторонъ одного и того-же декрета, редактированнаго въ различныхъ выраженіяхъ. Утвержденіе, конечно, непріятное; но законы міра установлены не для нашего удовольствія, они установлены для нашего совершенствованія. — Взойдемте-же въ этотъ неизбѣжный, необходимый дворецъ войны, и мы будемъ имѣть случай наблюдать, какимъ образомъ самый упорный изъ нашихъ инстинктовъ, не теряя ничего изъ своей силы, преобразовывается, подчиняясь различнымъ требованіямъ историческихъ моментовъ».

Мысль эта именно о томъ, что доказательство необходимости войны находится въ двухъ выраженіяхъ, по его мнѣнію, двухъ великихъ мыслителей — Мэстра и Дарвина, такъ нравится Вогюэ, что онъ еще разъ повторяетъ ее.

«Милостивый Государь», пишетъ онъ редактору *Revue des Revues*, «Вы спрашиваете моего мнѣнія на счетъ успѣха всемірнаго конгресса мира. Я вѣрю такъ же, какъ и Дарвинъ, что насильственная борьба есть законъ природы, управляющій всѣми существами».

«Такъ же какъ и Іосифъ Мэстръ, я вѣрю, что это законъ божественный: два различныхъ названія для одной и той же вещи. Если бы, паче чаянія, какой нибудь частицѣ человѣчества, положимъ хоть всему цивилизованному западу, удалось остановить дѣйствіе этого закона, то другіе народы, болѣе первобытные, примѣнили-бы его противъ насъ. Въ этихъ народахъ голосъ природы взялъ-бы верхъ надъ голосомъ человѣческаго разума. И они бы дѣйствовали успѣшно, такъ какъ увѣренность въ мирѣ, я не говорю самъ «мирѣ», а «полная увѣренность въ мирѣ», вызвалабы въ людяхъ развращенность и упадокъ, болѣе разрушительно дѣйствующіе, чѣмъ самая страшная война. Я нахожу, что для войны, этого уголовнаго закона, нужно дѣлать то-же, что и для остальныхъ уголовныхъ законовъ: смягчить ихъ, стараться, чтобы они оказались ненужными, и примѣнять ихъ какъ можно рѣже. Но вся исторія учитъ насъ тому, что нельзя упразднить этихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока останется на землѣ двое людей, хлѣбъ, деньги и между ними женщина».

«Я былъ-бы очень счастливъ, если-бы конгрессъ мнѣ доказалъ противное. Но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ опровергнуть исторію, законъ природы и законъ Бога».

Примите увѣреніе и т. д.

Э. М. Вогюэ.

Смыслъ тотъ, что исторія, природа человѣка и Богъ показываютъ намъ, что пока будутъ два человѣка и между ними хлѣбъ, деньги и женщина — будетъ война. Т. е. что никакой прогрессъ не приведетъ людей къ тому, чтобы они сдвинулись съ дикаго пониманія жизни, при которомъ безъ драки невозможно раздѣлить хлѣбъ, деньги (очень хороши тутъ деньги) и женщину.

Странны люди, собирающіеся въ конгрессы, говорящіе рѣчи о томъ, какъ ловить птицъ, посыпая имъ соли на хвостъ, хотя они не могутъ не знать, что этого нельзя дѣлать; удивительны тѣ, которые, какъ Мопасанъ, Родъ и мн. др., ясно видятъ весь ужасъ войны, все противорѣчіе, вытекающее изъ того, что люди дѣлаютъ не то, что имъ нужно, выгодно и должно дѣлать, оплакиваютъ при этомъ трагизмъ жизни, и не видятъ того, что весь трагизмъ этотъ прекратится тотчасъ-же, какъ только люди перестанутъ разсуждать о томъ, о чемъ имъ не нужно разсуждать, а начнутъ не дѣлать того, что имъ больно, непріятно и противно дѣлать. Эти люди удивительны, но люди, которые какъ Вогюэ и др., исповѣдуя законъ эволюціи, признаютъ войну не только неизбѣжной, но полезной и потому желательной, — эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращенностью. Тѣ хоть говорятъ, что ненавидятъ зло и любятъ добро, но эти прямо признаютъ то, что добра и зла нѣтъ.

Всѣ толки о возможности установить миръ, вмѣсто вѣчной войны, — вредное сантиментальничанье болтуновъ. Есть законъ эволюціи, по которому выходитъ, что я долженъ жить и дѣйствовать дурно. Что-же дѣлать? Я образованный человѣкъ и знаю законъ эволюціи и потому буду поступать дурно. «*Entrons au palais*

*) Слова изъ романа Виктора Гюго «*Notre Dame*» о книгопечатаніи, которое убьетъ архитектуру.

de la guerre». (Войдемъ-же во дворецъ войны). Есть законъ эволюціи и потому нѣтъ ничего ни дурнаго, ни хорошаго, а надо жить для одной своей личной жизни, предоставляя остальное дѣлать закону эволюціи... Это есть послѣднее выраженіе утонченнаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ того затемнѣнія сознанія, которымъ заняты образованные классы нашего времени.

Желаніе образованныхъ классовъ—какъ нибудь удержать свои излюбленныя идеи и основанную на нихъ жизнь,—дошло до послѣднихъ предѣловъ. Они лгутъ, обманываютъ себя и другихъ въ самыхъ утонченныхъ формахъ, только чтобы какъ нибудь затемнить, заглушить сознаніе.

Вмѣсто того, чтобы измѣнить жизнь соотвѣтственно сознанію,—они стараются всѣми средствами затемнить, заглушить сознаніе. Но свѣтъ и въ темнотѣ свѣтитъ и такъ онъ начинаетъ свѣтить въ наше время.

VII.

Образованные люди высшихъ классовъ стараются заглушить все болѣе и болѣе выясняющееся сознаніе необходимости измѣненія настоящаго строя жизни, но жизнь, продолжая развиваться и усложняться въ прежнемъ направленіи, усиливая противорѣчія и страданія людей, приводитъ ихъ къ тому послѣднему предѣлу, дальше котораго идти нельзя. Такой послѣдній предѣлъ противорѣчія, дальше котораго идти нельзя, есть общая воинская повинность.

Обыкновенно думаютъ, что всеобщая воинская повинность, и связанныя съ нею все увеличивающіяся вооруженія и, вслѣдствіе того, все увеличивающіяся подати и государственные долги во всѣхъ народахъ есть явленіе случайное, возникшее отъ нѣкотораго политическаго положенія Европы, и можетъ быть устранено тоже нѣкоторыми политическими соображеніями, безъ измѣненія внутренняго строя жизни.

Это совершенно несправедливо. Общая воинская повинность есть только доведенное до своихъ послѣднихъ предѣловъ и ставшее очевиднымъ, при извѣстной степени матеріальнаго развитія, внутреннее противорѣчіе, вкравшееся въ общественное жизнепониманіе.

Общественное жизнепониманіе, вѣдь, состоитъ въ томъ, что смыслъ жизни переносится изъ личности въ совокупность и послѣдовательность ихъ — въ племя, въ семью, родъ или государство.

По общественному жизнепониманію предполагается, что такъ какъ смыслъ жизни заключается въ совокупности личностей, то личности сами добровольно жертвуютъ своими интересами для интересовъ совокупности. Такъ это и было и есть въ дѣйствительности при извѣстныхъ формахъ совокупностей, въ семьѣ или племени, безразлично отъ того, что̀ чему предшествовало, или въ родѣ и даже въ патріархальномъ государствѣ. Вслѣдствіе обычая, передаваемаго воспитаніемъ и подтверждаемаго религіознымъ внушеніемъ, личности безъ принужденія сливали свои интересы съ интересами совокупности и жертвовали своими для общаго.

Но чѣмъ сложнѣе становились общества, чѣмъ больше они становились, въ особенности, чѣмъ чаще завоеваніе было причиной соединенія людей въ общества, тѣмъ чаще личности стремились къ достиженію своихъ цѣлей въ ущербъ общему и тѣмъ чаще для ограниченія этихъ непокоряющихся личностей понадобилось употребленіе власти, т. е. насилія.

Защитники общественнаго жизнепониманія обыкновенно стараются смѣшать понятіе власти, т. е. насилія съ понятіемъ духовнаго вліянія, но смѣшеніе это совершенно невозможно.

Вліяніе духовное есть такое воздѣйствіе на человѣка, вслѣдствіе котораго измѣняются самыя желанія человѣка и совпадаютъ съ тѣмъ, что отъ него требуютъ. Человѣкъ, подчиняющійся вліянію духовному, дѣйствуетъ соотвѣтственно своимъ желаніямъ. Власть-же, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, есть средство принужденія человѣка поступать противно своимъ желаніямъ. Человѣкъ, подчиняющійся власти, дѣйствуетъ не такъ, какъ онъ хочетъ, а такъ какъ его заставляетъ дѣйствовать власть. Заставить-же человѣка дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, чего онъ не хочетъ, можетъ только физическое насиліе или угроза имъ, т. е. лишеніе свободы, побои, увѣчья, или легко исполнимыя угрозы совершенія этихъ дѣйствій. Въ этомъ состоитъ и всегда состояла власть.

Не смотря на неперестающія усилія находящихся во власти людей скрыть это и придать власти другое значеніе, власть есть приложеніе къ человѣку веревки, цѣпи, которой его свяжутъ и потащатъ, или кнута, которымъ его будутъ сѣчь, или ножа, топора, которымъ ему отрубятъ руки, ноги, носъ, уши, голову, приложеніе этихъ средствъ, или угроза ими. И такъ это было при Неронѣ и Чингисъ-Ханѣ и такъ это и теперь, при самомъ либеральномъ правленіи, въ Американской и Французской республикѣ. Если люди подчиняются власти, то только потому, что они боятся того, что въ случаѣ неподчиненія ихъ, къ нимъ будутъ приложены эти дѣйствія. Всѣ правительственныя требованія, уплаты податей, исполненія общественныхъ дѣлъ, подчиненія себя накладываемымъ наказаніямъ, изгнанія, штрафы и т. п., которымъ люди какъ будто подчиняются добровольно, въ основѣ всегда имѣютъ тѣлесное насиліе или угрозу его.

Основа власти есть тѣлесное насиліе.

Возможность-же совершать надъ людьми

тѣлесное насиліе, прежде всего, даетъ организація вооруженныхъ людей такая, при которой всѣ вооруженные люди дѣйствуютъ согласно, подчиняясь одной волѣ. Такія собранія вооруженныхъ людей, подчиняющихся одной волѣ, составляютъ войско. Войско всегда и стояло и теперь стоитъ въ основѣ власти. Всегда власть находится въ рукахъ тѣхъ, кто повелѣваетъ войскомъ, и всегда всѣ властители — отъ римскихъ кесарей до русскихъ и нѣмецкихъ императоровъ — озабочены болѣе всего войскомъ, заискиваютъ только въ войскѣ, зная, что если войско съ ними, то власть въ ихъ рукахъ.

Вотъ это-то образованіе и увеличеніе войска, необходимаго для поддержанія власти, и внесло въ общественное жизнепониманіе разлагающее его начало.

Цѣль власти и оправданіе ея состоитъ въ ограниченіи тѣхъ людей, которые захотѣли-бы достигать своихъ интересовъ въ ущербъ интересамъ совокупности. Но пріобрѣталась-ли власть образованіемъ новаго войска, наслѣдствомъ или выборомъ, люди, посредствомъ войска имѣющіе власть, ничѣмъ не отличались отъ другихъ людей и потому точно такъ же, какъ и другіе люди, были склонны не подчинять свои интересы интересамъ совокупности, а напротивъ, — имѣя въ своихъ рукахъ возможность это дѣлать, были болѣе склонны, чѣмъ всѣ другіе, подчинять общіе интересы своимъ. Сколько ни придумывали люди средствъ для того, чтобы лишить людей, стоящихъ у власти, возможности подчинять общіе интересы своимъ, или для того, чтобы передавать власть только людямъ непогрѣшимымъ, до сихъ поръ не найдено средствъ для достиженія ни того, ни другаго.

Всѣ употребляемые пріемы и божескаго благословенія, и выбора, и наслѣдственности, и голосованій, и выборовъ, и собраній, и парламентовъ, и сенатовъ, — всѣ эти мѣры оказывались и оказываются не дѣйствительными. Всѣ знаютъ, что ни одинъ изъ этихъ пріемовъ не достигаетъ ни цѣли врученія власти только непогрѣшимымъ людямъ, ни препятствованія злоупотребленіямъ ея. Всѣ знаютъ, что, напротивъ,— люди, находящіеся у власти — будь они императоры, министры, полиціймейстеры, городовые — всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности, т. е. къ подчиненію общихъ интересовъ личнымъ, чѣмъ люди, не имѣющіе власти, какъ это и не можетъ быть иначе.

Общественное жизнепониманіе оправдывалось только до тѣхъ поръ, пока всѣ люди добровольно жертвовали своими интересами интересамъ общаго; но какъ скоро явились люди, добровольно не жертвующіе своими интересами, и понадобилась власть, т. е. насиліе для ограниченія этихъ личностей, такъ въ общественное жизнепониманіе и основанное на немъ устройство вошло разлагающее его начало власти, т. е. насиліе однихъ людей надъ другими.

Для того, чтобы власть однихъ людей надъ другими достигала своей цѣли ограниченія людей, стремившихся къ личнымъ цѣлямъ въ ущербъ общаго, нужно было, чтобы власть находилась въ рукахъ людей непогрѣшимыхъ, какъ это предполагается у китайцевъ, или какъ это предполагалось въ средніе вѣка и теперь для людей вѣрующихъ въ святость помазанія. Только при этомъ условіи получало свое оправданіе общественное устройство.

Но такъ какъ этого нѣтъ, а, напротивъ, люди, имѣющіе власть, именно вслѣдствіе обладанія властью всегда не святы, то общественное устройство, основанное на власти, не могло уже имѣть оправданія.

Если и было время, что при извѣстномъ низкомъ уровнѣ нравственности и при всеобщемъ расположеніи людей къ насиліе другъ надъ другомъ, существованіе власти, ограничивающей эти насилія, было выгодно, т. е. что насиліе государственное было меньше насилія личностей другъ надъ другомъ, то нельзя не видѣть того, что такое преимущество государственности надъ отсутствіемъ ея не могло быть постоянно. Чѣмъ болѣе уменьшалось стремленіе къ насилію личностей, чѣмъ болѣе смягчались нравы и чѣмъ болѣе развращалась власть вслѣдствіе своей нестѣсненности, тѣмъ преимущество это становилось все меньше и меньше.

Въ этомъ измѣненіи отношенія между нравственнымъ развитіемъ массъ и развращенностью правительствъ и состоитъ вся исторія послѣднихъ двухъ тысячелѣтій.

Въ самомъ простомъ видѣ дѣло происходило такъ: — люди жили племенами, семьями, родами и враждовали, насиловали, разоряли, убивали другъ друга. Насилія эти происходили въ малыхъ и большихъ размѣрахъ: личность боролась съ личностью, племя съ племенемъ, семья съ семьей, родъ съ родомъ, народъ съ народомъ. Большія, сильнѣйшія совокупности завладѣвали слабѣйшими, и чѣмъ больше и сильнѣе становилась совокупность людей, тѣмъ меньше происходило въ ней внутреннихъ насилій и тѣмъ обезпеченнѣе казалась продолжительность жизни совокупности.

Члены племени или семьи, соединяясь въ одну совокупность, менѣе враждуютъ между собой, и племя и семья не умираютъ, какъ одинъ человѣкъ, а продолжаютъ свое существованіе; между членами одного государства, подчиненными одной власти, борьба кажется еще слабѣе, и жизнь государства кажется еще обезпеченнѣе.

Соединенія эти все въ большія и большія совокупности происходили не потому,

чтобы люди сознательно признавали такія соединенія болѣе для себя выгодными, какъ это описывается въ баснѣ о призваніи варяговъ, а вслѣдствіе, съ одной стороны, естественнаго роста, съ другой,— борьбы и завоеваній.

Когда завоеваніе уже совершилось, власть завоевателя дѣйствительно прекращаетъ междоусобія, и общественное жизнепониманіе получаетъ подтвержденіе. Но подтвержденіе это только временное. Внутреннія междоусобія прекращаются только въ той мѣрѣ, въ которой увеличивается давленіе власти надъ прежде враждовавшими между собой личностями. Насиліе внутренней борьбы, уничтожаемое властью, зарождается въ самой власти. Власть находится въ рукахъ людей такихъ-же, какъ всѣ, т. е. такихъ, которые всегда или часто готовы пожертвовать общимъ благомъ для своего личнаго, съ тою только разницею, что люди эти не имѣютъ умѣряющей ихъ силы противодѣйствія насилуемыхъ и подвержены всему развращающему вліянію власти. И потому зло насилія, переходя въ руки власти, всегда увеличивается и увеличивается и становится со временемъ больше, чѣмъ то, которое предполагается, что оно уничтожаетъ, между тѣмъ какъ въ членахъ общества склонность къ насилію все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и насиліе власти становится все менѣе и менѣе нужнымъ.

Государственная власть, если она и уничтожаетъ внутреннія насилія, вноситъ всегда въ жизнь людей новыя насилія и всегда все бо́льшія и бо́льшія, по мѣрѣ своей продолжительности и усиленія.

Такъ что, хотя въ государствѣ насиліе власти и менѣе замѣтно, чѣмъ насиліе членовъ общества другъ надъ другомъ, такъ какъ оно выражается не борьбой, а покорностью, но насиліе тѣмъ не менѣе существуетъ и большей частью въ сильнѣйшей степени, чѣмъ прежде.

И это не можетъ быть иначе, потому что, кромѣ того, что обладаніе властью развращаетъ людей, разсчетъ, или даже безсознательное стремленіе насилующихъ, всегда будетъ состоять въ томъ, чтобы довести насилуемыхъ до наибольшаго ослабленія, такъ какъ, чѣмъ слабѣе будетъ насилуемый, тѣмъ меньше потребуется усилій для подавленія его.

И потому насиліе надъ насилуемымъ всегда растетъ до того послѣдняго предѣла, до котораго оно можетъ дойти, не убивая курицу, несущую золотыя яйца. Если-же курица эта не несется, какъ Американскіе индѣйцы, Фиджіане, негры, то убиваются, не смотря на искренніе протесты филантроповъ противъ такого образа дѣйствій.

Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ положеніе рабочихъ классовъ нашего времени, которые собственно суть ничто иное, какъ покоренные люди.

Не смотря на всѣ притворныя старанія высшихъ классовъ облегчить положеніе рабочихъ, всѣ рабочіе нашего міра подчинены неизмѣнному желѣзному закону, по которому они имѣютъ только столько, сколько имъ нужно, чтобы быть постоянно побуждаемыми нуждой къ работѣ и быть въ силѣ работать на своихъ хозяевъ, т. е. завоевателей.

Такъ это всегда было. Всегда, по мѣрѣ продолжительности и усиленія власти, теряясь ея выгоды для тѣхъ, которые подчинялись ей, и увеличивались ея невыгоды.

Такъ это было и есть независимо отъ тѣхъ формъ правленія, въ которыхъ жили народы. Разница только въ томъ, что при деспотической формѣ правленія власть сосредоточивается въ маломъ числѣ насилующихъ, и форма насилія болѣе рѣзкая; при конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ, какъ во Франціи и Америкѣ, власть распредѣляется между бо́льшимъ количествомъ насилующихъ, и формы ея выраженія менѣе рѣзки; но дѣло насилія, при которомъ невыгоды власти больше выгодъ ея, и процессъ его, доводящій насилуемыхъ до послѣдняго предѣла ослабленія, до котораго они могутъ быть доведены для выгоды насилующихъ — всегда одни и тѣ-же.

Таково было и есть положеніе всѣхъ насилуемыхъ, но до сихъ поръ они не знали этого, и въ большинствѣ случаевъ наивно вѣрили, что правительства существуютъ для ихъ блага; что безъ правительствъ они погибли-бы; что мысль о томъ, что люди могутъ жить безъ правительствъ, есть кощунство, которое нельзя даже и произносить; что это есть — почему-то страшное — ученіе анархизма, съ которымъ соединяется представленіе всякихъ ужасовъ.

Люди вѣрили, какъ чему-то вполнѣ доказанному и потому не требующему доказательствъ, тому, что такъ какъ до сихъ поръ всѣ народы развивались въ государственной формѣ, то эта форма и навсегда есть необходимое условіе развитія человѣчества.

Такъ это продолжалось сотни, тысячи лѣтъ и правительства, т. е. люди, находящіеся во власти, старались и теперь все болѣе стараются поддерживать народы въ этомъ заблужденіи.

Такъ это было при римскихъ императорахъ, такъ это и теперь. Не смотря на то, что мысль о безполезности и даже вредѣ государственнаго насилія все больше и больше входитъ въ сознаніе людей, такъ это продолжалось-бы вѣчно, если-бы правительствамъ не было необходимости для поддержанія своей власти усиливать войска.

Обыкновенно думаютъ, что войска усиливаются правительствами только для обороны государства отъ другихъ государствъ, забывая то, что войска нужны прежде всего правительствамъ для обороны себя отъ своихъ подавленныхъ и приведенныхъ въ рабство подданныхъ.

Это нужно было всегда и все становилось нужнѣе и нужнѣе по мѣрѣ развивавшагося образованія въ народахъ, по мѣрѣ усиленія общенія между людьми одной и разныхъ національностей и стало особенно необходимо теперь при коммунистическомъ, соціалистическомъ, анархистическомъ и общемъ рабочемъ движеніи. И правительства чувствуютъ это и увеличиваютъ свою главную силу дисциплинированнаго войска. *)

Недавно въ германскомъ рейхстагѣ, отвѣчая на запросъ о томъ, почему нужны деньги для прибавленія жалованья унтеръ-офицерамъ, германскій канцлеръ прямо объявилъ, что нужны надежные унтеръ-офицеры для того, чтобы бороться противъ соціализма. Каприви сказалъ во всеуслышаніе только то, что всякій знаетъ, хотя это и старательно скрывается отъ народовъ; онъ сказалъ то, почему нанимались гвардіи швейцарцевъ и потландцевъ къ французскимъ королямъ и папамъ, почему въ Россіи старательно перетасовываютъ рекруть такъ, чтобы полки, стоящіе въ центрахъ, комплектовались рекрутами съ окраинъ, а полки на окраинахъ — людьми изъ центра Россіи. Смыслъ рѣчи Каприви, переведенный на простой языкъ, тотъ, что деньги нужны не для противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ, а для подкупа унтеръ-офицеровъ съ тѣмъ, чтобы они были готовы дѣйствовать противъ подавленнаго рабочаго народа.

Каприви нечаянно сказалъ то, что каждый очень хорошо знаетъ, а если не знаетъ, то чувствуетъ, а именно то, что существующій строй жизни таковъ, какой онъ есть, не потому, что онъ естественно долженъ быть такимъ, что народъ хочетъ, чтобы онъ былъ таковъ, но потому, что его такимъ поддерживаетъ насиліе правительствъ, войско со своими подкупленными унтеръ-офицерами, офицерами и генералами.

Если у рабочаго человѣка нѣтъ земли, нѣтъ возможности пользоваться самымъ естественнымъ правомъ каждаго человѣка извлекать изъ земли для себя и своей семьи средства пропитанія, то это не потому, что этого хочетъ народъ, а потому, что нѣкоторымъ людямъ, землевладѣльцамъ, предоставлено право допускать и не допускать къ этому рабочихъ людей. И такой противуестественный порядокъ поддерживается войскомъ. Если огромныя богатства, накопленныя рабочими, считаются принадлежащими не всѣмъ, а исключительнымъ лицамъ; если власть собирать подати съ труда и употреблять эти деньги на что они это найдутъ нужнымъ, предоставлена нѣкоторымъ людямъ; если стачкамъ рабочихъ противодѣйствуется, а стачки капиталистовъ поощряются; если нѣкоторымъ людямъ предоставляется избирать способъ религіознаго и гражданскаго обученія и воспитанія дѣтей; если нѣкоторымъ лицамъ предоставлено право составлять законы, которымъ всѣ должны подчиняться, и распоряжаться имуществомъ и жизнью людей; то все это происходитъ не потому, что народъ этого хочетъ и что такъ естественно должно быть, а потому что этого для своихъ выгодъ хотятъ правительства и правящіе классы и посредствомъ физическаго насилія надъ тѣлами людей устанавливаютъ это.

Каждый, если еще не знаетъ того, то узнаетъ при всякой попыткѣ неподчиненія или измѣненія такого порядка вещей. И потому войска прежде всего нужны всякому правительству и правящимъ классамъ для того, чтобы поддержать тотъ порядокъ вещей, который не только не вытекаетъ изъ потребности народа, но часто прямо противоположенъ ему, и выгоденъ только правительству и правящимъ классамъ.

Войска нужны всякому правительству прежде всего для содержанія въ покорности своихъ подданныхъ и для пользованія ихъ трудами. Но правительство не одно: рядомъ съ нимъ другое правительство, точно также насиліемъ пользующееся своими подданными и всегда готовое отнять у другаго правительства труды его уже приведенныхъ въ рабство подданныхъ. И потому каждое правительство нуждается въ войскѣ не только для внутренняго употребленія, но и для огражденія своей добычи отъ сосѣднихъ хищниковъ. Каждое государство вслѣдствіе этого невольно приведено къ необходимости другъ передъ другомъ увеличивать войска. Увеличеніе-

*) То, что въ Америкѣ злоупотребленія власти существуютъ, не смотря на малое количество войска, не только не опровергаетъ, но только поддерживаетъ это положеніе. Въ Америкѣ меньше войска, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и потому нигдѣ нѣтъ меньшаго угнетенія подавленныхъ классовъ и нигдѣ не предвидится такъ близко уничтоженіе злоупотребленій правительства и самаго правительства. Въ Америкѣ-же въ послѣднее время, по мѣрѣ усиленія единенія между рабочими, слышатся все чаще и чаще голоса, требующіе увеличенія войска, хотя никакое внѣшнее нападеніе не угрожаетъ Америкѣ. Высшіе правящіе классы знаютъ, что 50 тысячъ войска скоро будетъ недостаточно, и не надѣясь уже на армію Пинкертона, чуютъ, что обезпеченіе ихъ положенія только въ усиленіи войска.

же войскъ заразительно, какъ это еще 150 лѣтъ тому назадъ замѣтилъ Монтескье.

Всякое увеличеніе войска въ одномъ государствѣ, направленное противъ своихъ подданныхъ, становится опаснымъ и для сосѣда и вызываетъ увеличеніе и въ сосѣднихъ государствахъ.

Войска доросли до тѣхъ милліоновъ, до которыхъ они доросли теперь, не только этого, что государствамъ угрожали сосѣди; это произошло прежде всего оттого, что надо подавлять всѣ попытки возмущенія подданныхъ. Увеличеніе войскъ происходитъ одновременно отъ двухъ причинъ, вызывающихъ одна другую: войска нужны и противъ своихъ внутреннихъ враговъ и для того, чтобы отстаивать свое положеніе противъ сосѣдей. Одно обусловливаетъ другое. Деспотизмъ правительства всегда увеличивается по мѣрѣ увеличенія и усиленія войскъ и успѣховъ внѣшнихъ, — и агрессивность правительствъ увеличивается по мѣрѣ усиленія внутренняго деспотизма.

Вслѣдствіе этого-то европейскія правительства одно передъ другимъ, все усиливая и усиливая войска, пришли къ неизбѣжной необходимости — общей воинской повинности, такъ какъ общая воинская повинность была средствомъ получить наибольшее количество войска во время войны при наименьшихъ расходахъ. Германія первая догадалась сдѣлать это. И какъ скоро это сдѣлало одно государство, другія должны были сдѣлать то же. А какъ скоро это сдѣлалось, сдѣлалось то, что всѣ граждане стали подъ ружье для того, чтобы поддерживать всѣ тѣ несправедливости, которыя противъ нихъ производились; сдѣлалось то, что всѣ граждане стали угнетателями самихъ себя.

Общая воинская повинность была неизбѣжная логическая необходимость, къ которой нельзя было не придти, но вмѣстѣ съ тѣмъ она же есть послѣднее выраженіе внутренняго противорѣчія общественнаго жизнепониманія, возникшаго тогда, когда для поддержанія его понадобилось насиліе. Въ общей воинской повинности противорѣчіе это стало очевиднымъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, смыслъ общественнаго жизнепониманія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, сознавая жестокость борьбы личностей между собою и погибельность самой личности, переноситъ смыслъ своей жизни въ совокупности личностей. При общей же воинской повинности выходитъ то, что люди, принесши всѣ требуемыя отъ нихъ жертвы для того, чтобы избавиться отъ жестокости борьбы и отъ непрочности жизни, послѣ всѣхъ принесенныхъ жертвъ приживаются опять ко всѣмъ тѣмъ опасностямъ, отъ которыхъ они думали избавиться, и кромѣ того та совокупность — государство, во имя которой личности отреклись отъ своихъ выгодъ, подвергается опять такой же опасности уничтоженія, какой прежде подвергалась сама личность.

Правительства должны были избавить людей отъ жестокости борьбы личностей и дать имъ увѣренность въ ненарушимости порядка жизни государственной, а вмѣсто этого они накладываютъ на личности необходимость той же борьбы, только отодвинувъ ее отъ борьбы съ ближайшими личностями къ борьбѣ съ личностями другихъ государствъ, и оставляютъ ту же опасность уничтоженія и личности, и государства.

Учрежденіе общей воинской повинности подобно тому, что случилось бы съ человѣкомъ, подпирающимъ заваливающійся домъ: стѣны нагнулись внутрь, — поставили подпорки; потолокъ погнулся, — поставили другія; между подпорками провисли доски, — еще поставили подпорки. Дошло дѣло до того, что подпорки хотя и держатъ домъ, но жить въ домѣ отъ подпорокъ уже нельзя.

Тоже съ общей воинской повинностью. Общая воинская повинность разрушаетъ всѣ тѣ выгоды общественной жизни, которыя она призвана хранить.

Выгоды общественной жизни состоятъ въ обезпеченіи собственности, труда, и содѣйствіи совокупному усовершенствованію жизни, — общая воинская повинность уничтожаетъ все это.

Подати, собираемыя съ народа для приготовленія къ войнѣ, поглощаютъ большую долю произведеній труда, которыя должно охранять войско.

Отрываніе всѣхъ мущинъ отъ обычнаго теченія жизни нарушаетъ возможность самаго труда.

Угрозы войны, готовой всякую минуту разразиться, дѣлаютъ безполезными и тщетными всѣ усовершенствованія общественной жизни.

Если прежде человѣку говорили, что онъ безъ подчиненія власти государства будетъ подвержены нападеніямъ злыхъ людей, внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, будетъ вынужденъ самъ бороться съ ними, подвергаться убійству, что поэтому ему выгодно нести нѣкоторыя лишенія для избавленія себя отъ этихъ бѣдъ, то человѣкъ могъ вѣрить этому, такъ какъ жертвы, которыя онъ приноситъ государству, были только жертвы частныя и давали ему надежду на спокойную жизнь въ неуничтожающемся государствѣ, во имя котораго онъ принесъ свои жертвы. Но теперь, когда жертвы эти не только возросли въ десять разъ, а обѣщанныя ему выгоды отсутствуютъ, естественно каждому подумать, что подчиненіе его власти совершенно безполезно.

Но не въ этомъ одномъ роковое значеніе общей воинской повинности, какъ проявъ-

ленія того противорѣчія, которое заключается въ общественномъ жизнепониманіи. Главное проявленіе этого противорѣчія заключается въ томъ, что при общей воинской повинности всякій гражданинъ, дѣлаясь солдатомъ, становится поддерживателемъ государственнаго устройства и участникомъ всего того, что дѣлаетъ государство и законность чего онъ не признаетъ.

Правительства утверждаютъ, что войска нужны преимущественно для внѣшней обороны, но это несправедливо. Они нужны прежде всего противъ своихъ подданныхъ, и всякій человѣкъ, отбывающій воинскую повинность, невольно становится участникомъ всего насилія государства надъ своими подданными.

Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что каждый человѣкъ, исполняющій воинскую повинность, становится участникомъ такихъ дѣлъ государства, которыя онъ не признаетъ и не можетъ признавать, пусть всякій вспомнитъ только то, что творится въ каждомъ государствѣ во имя порядка и блага народовъ и исполнителемъ чего всегда является войско. Всѣ междоусобія династическія и различныхъ партій, всѣ казни, сопряженныя съ этими смутами, всѣ подавленія возстаній, всѣ употребленія военной силы для разгоненія скопищъ народа, подавленія стачекъ, всѣ вымогательства податей, всѣ несправедливости распредѣленія земельной собственности, всѣ стѣсненія труда — все это производится, если не прямо войсками, то полиціей, поддерживаемой войсками. Отбывающій воинскую повинность становится участникомъ всѣхъ этихъ дѣлъ, дѣлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнительныхъ для него, но во многихъ случаяхъ прямо противныхъ его совѣсти. Люди не хотятъ уйти съ той земли, которую они обрабатывали поколѣніями; люди не хотятъ разойтись, какъ того требуетъ правительство; люди не хотятъ платить подати, которыя съ нихъ требуютъ; люди не хотятъ признать для себя обязательности законовъ, которые не они дѣлали; люди не хотятъ лишиться своей національности, — и я, исполняя воинскую повинность, долженъ придти и бить этихъ людей. Не могу я, будучи участникомъ этихъ дѣлъ, не спросить себя, хороши ли эти дѣла? И слѣдуетъ ли мнѣ содѣйствовать исполненію ихъ?

Общая воинская повинность есть для правительствъ послѣдняя степень насилія, необходимая для поддержанія всего зданія; для подданныхъ же она есть послѣдній предѣлъ возможности повиновенія. Это есть тотъ камень замка въ сводѣ, который держитъ стѣны и извлеченіе котораго рушитъ все зданіе.

Пришло время, когда все усиливающіяся и усиливающіяся злоупотребленія правительствъ и борьба ихъ между собой сдѣлали то, что отъ каждаго подданнаго потребовались такія не только матеріальныя, но и нравственныя жертвы, при которыхъ каждому пришлось задуматься и спросить себя: могу ли я принести эти жертвы? И во имя чего долженъ я приносить эти жертвы? Жертвы эти требуются во имя государства. Во имя государства требуется отъ меня отреченіе отъ всего, что только можетъ быть дорого человѣку: отъ спокойствія, семьи, безопасности, человѣческаго достоинства. Что же такое это государство, для котораго требуются такія страшныя жертвы? И для чего оно такъ необходимо нужно?

«Государство», говорятъ намъ, «необходимо нужно, во-первыхъ, потому, что безъ государства я и всѣ мы не были бы ограждены отъ насилія и нападенія злыхъ людей; во вторыхъ, безъ государства мы бы были дикими и не имѣли бы ни религіозныхъ, ни образовательныхъ, ни воспитательныхъ, ни торговыхъ, ни путесообщительныхъ, ни другихъ общественныхъ учрежденій; и, въ третьихъ, потому, что безъ государства мы бы были подвержены порабощенію насъ сосѣдними народами».

«Безъ государства», говорятъ намъ, «мы бы были подвержены насиліямъ и нападеніямъ злыхъ людей въ нашемъ же отечествѣ».

Но кто же эти среди насъ злые люди, отъ насилій и нападенія которыхъ спасаетъ насъ государство и его войско? Если три, четыре вѣка тому назадъ, когда люди гордились своимъ военнымъ искусствомъ, вооруженіемъ, когда убивать людей считалось доблестью, — были такіе люди, то вѣдь теперь такихъ людей нѣтъ, а всѣ люди нашего времени не употребляютъ и не носятъ оружія, и всѣ, исповѣдуя правила человѣколюбія, состраданія къ ближнимъ, желаютъ того же, что и мы, — только возможности спокойной и мирной жизни. Такъ что теперь уже нѣтъ тѣхъ особенныхъ насильниковъ, отъ которыхъ государство могло защищать насъ. Если же подъ людьми, отъ нападенія которыхъ спасаетъ насъ государство, разумѣть тѣхъ людей, которые совершаютъ преступленія, то мы знаемъ, что это не суть особенныя существа, вродѣ хищныхъ звѣрей между овецъ, а суть такіе же люди, какъ и всѣ мы и точно такъ же не любящіе совершать преступленія, какъ и тѣ, противъ которыхъ они ихъ совершаютъ. Мы знаемъ теперь, что угрозы и наказанія не могутъ уменьшить количества такихъ людей, а уменьшаетъ его только измѣненіе среды и нравственное воздѣйствіе на людей. Такъ что объясненіе необходимости государственнаго насилія огражденіемъ людей отъ насильниковъ, если и имѣло основаніе три, четыре вѣка тому назадъ, теперь не имѣетъ никакого. Теперь скорѣе можно сказать обратное — именно то, что дѣятельность правительствъ съ своими, отставшими отъ

общаго уровня нравственности, жестокими пріемами наказаній, тюрьмъ, каторгъ, висѣлицъ, гильотинъ, — скорѣе содѣйствуетъ огрубѣнію народовъ, чѣмъ смягченію ихъ, и потому скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію числа насильниковъ.

«Безъ государства», говорятъ еще, «не было бы всѣхъ тѣхъ учрежденій воспитательныхъ, образовательныхъ, религіозныхъ, путе-сообщительныхъ и другихъ. Безъ государства люди не умѣли бы учредить общественныхъ нужныхъ для всѣхъ дѣлъ». Но этотъ доводъ могъ имѣть основаніе тоже только нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Если было время, когда люди были такъ разобщены между собою, такъ мало были выработаны средства сближенія и передачи мыслей, что они не могли сговориться и согласиться ни въ какомъ общемъ ни торговомъ, ни экономическомъ, ни образовательномъ дѣлѣ безъ государственнаго центра, то теперь уже нѣтъ этой разобщенности. Широко развившіяся средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраній, корпорацій, конгрессовъ, ученыхъ, экономическихъ, политическихъ учрежденій, люди нашего времени не только вполнѣ могутъ обходиться безъ правительствъ, но что правительства въ большей части случаевъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ достиженію этихъ цѣлей.

Съ конца прошлаго столѣтія едва ли не всякій шагъ впередъ человѣчества не только не поощрялся, но всегда задерживался правительствомъ. Такъ это было съ уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ, рабства, съ установленіемъ свободы печати и собраній. Въ наше же время государственная власть и правительства не только не содѣйствуютъ, но прямо препятствуютъ всей той дѣятельности, посредствомъ которой люди вырабатываютъ себѣ новыя формы жизни. Рѣшенія вопросовъ рабочаго, земельнаго, политическаго, религіознаго не только не поощряются, но прямо задерживаются государственною властью.

«Безъ государства и правительства народы были бы порабощаемы сосѣдями».

Едва ли нужно еще возражать на этотъ послѣдній доводъ. Возраженіе находится въ немъ самомъ.

Правительства, какъ это говорятъ намъ, необходимы со своими войсками для защиты отъ могущихъ поработить насъ сосѣднихъ государствъ. Но вѣдь это говорятъ всѣ правительства другъ про друга, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что всѣ Европейскіе народы исповѣдуютъ одинаковые принципы свободы и братства и потому не нуждаются въ защитѣ другъ отъ друга. Если же говорить о защитѣ отъ варваровъ, то для этого достаточно 0,001 тѣхъ войскъ, которыя стоятъ теперь подъ ружьемъ. Такъ что выходитъ обратное тому, что говорится: государственная власть не только не спасаетъ отъ опасности нападенія сосѣдей, а напротивъ, она-то и производитъ опасность нападенія.

Такъ что для всякаго человѣка, посредствомъ воинской повинности поставленнаго въ необходимость вдуматься въ значеніе государства, во имя котораго отъ него требуется жертва его спокойствія, безопасности и жизни, не можетъ не быть яснымъ, что для жертвъ этихъ нѣтъ уже въ наше время никакого основанія.

Но мало того, что, разсуждая теоретически, всякій человѣкъ не можетъ не видѣть, что жертвы, требуемыя государствомъ, не имѣютъ никакого основанія; даже разсуждая практически, т. е. взвѣшивая всѣ тѣ тяжелыя условія, въ которыя поставленъ человѣкъ государствомъ, всякій не можетъ не видѣть, что для себя лично исполненіе требованій государства и подчиненіе себя воинской повинности для него въ большинствѣ случаевъ невыгоднѣе, чѣмъ отказъ отъ нея.

Если большинство людей предпочитаетъ подчиненіе неподчиненію, то это происходитъ не вслѣдствіе трезваго взвѣшиванія выгодъ и невыгодъ, а потому, что къ подчиненію привлекаетъ людей гипнотизація, которой они при этомъ подвергаются. Подчиняясь, люди только покоряются тѣмъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляются, не разсуждая и не дѣлая усилія воли; для неподчиненія нужно самостоятельное разсужденіе и усиліе, на которое не каждый бываетъ способенъ. Если-же, исключивъ нравственное значеніе подчиненія и неподчиненія, сообразоваться только съ однѣми выгодами, то неподчиненіе въ общемъ всегда будетъ выгоднѣе подчиненія.

Кто бы я ни былъ, человѣкъ ли принадлежащій къ достаточнымъ, угнетающимъ классамъ, или къ рабочимъ — угнетеннымъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ невыгоды неподчиненія меньше, чѣмъ невыгоды подчиненія, и выгоды неподчиненія больше выгодъ подчиненія.

Если я принадлежу къ меньшинству угнетателей, невыгоды неподчиненія требованіямъ правительства будутъ состоять въ томъ, что меня, какъ отказавшагося исполнить требованія правительства, будутъ судить и въ лучшемъ случаѣ или оправдаютъ или, какъ поступаютъ у насъ съ меннонитами, — заставятъ отбывать срокъ службы на невоенной работѣ; въ худшемъ же случаѣ приговорятъ къ ссылкѣ или заключенію въ тюрьму на два, три года (я говорю по примѣрамъ, бывшимъ въ Россіи) или, можетъ быть, и на болѣе долгое заключеніе, можетъ быть, и на казнь, хотя вѣроятіе такого наказанія очень мало.

Таковы невыгоды неподчиненія. Невыгоды же подчиненія будутъ состоять въ слѣду-

лодемъ съ въ лучшемъ случаѣ меня не пошлютъ на убійства людей и самого не подвергнутъ большимъ вѣроятіямъ искалѣченія и смерти, а только зачислятъ въ военное рабство: я буду наряженъ въ шутовскій нарядъ, мною будетъ помыкать всякій человѣкъ, выше меня чиномъ отъ ефрейтора до фельдмаршала, меня заставятъ кривляться тѣломъ, какъ имъ этого хочется, и, продержавъ меня отъ одного до пяти лѣтъ, оставятъ на десять лѣтъ въ положеніи готовности всякую минуту явиться опять на исполненіе всѣхъ этихъ дѣлъ. Въ худшемъ же случаѣ будетъ то, что при всѣхъ тѣхъ же прежнихъ условіяхъ рабства меня еще пошлютъ на войну, гдѣ я вынужденъ буду убивать ничего не сдѣлавшихъ мнѣ людей чужихъ народовъ, гдѣ могу быть искалѣченъ и убитъ и гдѣ могу попасть въ такое мѣсто, какъ это бывало въ Севастополѣ, и какъ бываетъ во всякой войнѣ, гдѣ люди посылаются на вѣрную смерть, и, что мучительнѣе всего, могу быть посланъ противъ своихъ же соотечественниковъ и долженъ буду убивать своихъ братьевъ для династическихъ или совершенно чуждыхъ мнѣ правительственныхъ интересовъ.—Таковы сравнительныя невыгоды.

Сравнительныя же выгоды подчиненія и неподчиненія слѣдующія:

Для неотказавшагося выгоды будутъ состоять въ томъ, что онъ, подвергнувшись всѣмъ униженіямъ и исполнивъ всѣ жестокости, которыя отъ него требуются, можетъ, не будучи убитымъ, получить украшенія красныя, золотыя, мишурныя на свой шутовской нарядъ, можетъ въ лучшемъ случаѣ распоряжаться надъ сотнями тысячъ такихъ же, какъ и онъ оскотиненныхъ людей и называться фельдмаршаломъ и получить много денегъ.

Выгоды же отказавшагося будутъ состоять въ томъ, что онъ сохранитъ свое человѣческое достоинство, получитъ уваженіе добрыхъ людей и, главное, будетъ несомнѣнно знать, что онъ дѣлаетъ дѣло Божье, и потому несомнѣнное добро людямъ.

Таковы выгоды и невыгоды съ обѣихъ сторонъ для человѣка изъ богатыхъ классовъ, для угнетателя; для человѣка же бѣднаго рабочаго класса выгоды и невыгоды будутъ тѣ же, но съ важнымъ прибавленіемъ невыгодъ. Невыгоды для человѣка изъ рабочаго класса, не отказавшагося отъ военной службы, будутъ еще состоять въ томъ, что, поступая въ военную службу, онъ, своимъ участіемъ и какъ бы согласіемъ закрѣпляетъ то угнетеніе, въ которомъ находится онъ самъ.

Но не соображенія о томъ, насколько нужно и полезно для людей то государство, которое они призываются поддерживать своимъ участіемъ въ военной службѣ, еще менѣе соображенія о выгодахъ и невыгодахъ для каждаго его подчиненія или неподчиненія требованіямъ правительства рѣшаютъ вопросъ о необходимости существованія или уничтоженія государства. Рѣшаетъ этотъ вопросъ безповоротно и безапелляціонно религіозное сознаніе или совѣсть каждаго отдѣльнаго человѣка, передъ которымъ невольно съ общей воинской повинностью становится вопросъ о существованіи или несуществованіи государства.

VIII.

Часто говорятъ, что если христіанство есть истина, то оно должно бы было быть принято всѣми людьми тогда же, когда появилось, и тогда должно бы было измѣнить жизнь людей и сдѣлать ее лучшею. Но говорить такъ все равно, что говорить, что если бы зерно было похоже, то оно должно тотчасъ же дать ростокъ, цвѣтъ и плодъ.

Христіанское ученіе не есть законодательство, которое будучи введено насиліемъ, можетъ тотчасъ же измѣнить жизнь людей. Христіанство есть иное, чѣмъ прежнее, новое, высшее пониманіе жизни. Новое же пониманіе жизни не можетъ быть предписано, а можетъ быть только свободно усвоено.

Свободно же усвоено новое жизнепониманіе можетъ быть только двумя способами: духовнымъ — внутреннимъ и опытнымъ — внѣшнимъ.

Одни люди — меньшинство — тотчасъ же, сразу, пророческимъ чувствомъ указываютъ истинность ученія, отдаются ему и исполняютъ его. Другіе — большинство — только длиннымъ путемъ ошибокъ, опытовъ и страданій приводятся къ познанію истинности ученія и необходимости усвоенія его.

И вотъ къ этой то необходимости усвоенія ученія опытнымъ внѣшнимъ способомъ и приведено теперь все большинство людей христіанскаго человѣчества.

Иногда думается: для чего было нужно то извращеніе христіанства, которое и теперь болѣе всего другого мѣшаетъ принятію его въ его истинномъ значеніи. А между тѣмъ это-то извращеніе христіанства, приведши людей въ то положеніе, въ которомъ они находятся теперь, и было необходимымъ условіемъ того, чтобы большинство людей могло воспринять его въ его истинномъ значеніи.

Если бы христіанство предлагалось людямъ въ его истинномъ, а не извращенномъ видѣ, то оно бы не было принято большинствомъ людей, и большинство это осталось бы чуждымъ ему, какъ чужды ему теперь народы Азіи. Принявъ же его въ извращенномъ видѣ, народы, принявшіе его, подверглись хотя и медленному, но вѣрному воздѣйствію его и длиннымъ опытнымъ путемъ ошибокъ и вытекающихъ

изъ нихъ страданій приведены теперь къ необходимости усвоенія его въ его истинномъ значеніи.

Извращеніе христіанства и принятіе его въ извращенномъ видѣ большинствомъ людей было такъ же необходимо, какъ и то, чтобы для того, чтобы оно взошло, посѣянное зерно было на время скрыто землей.

Христіанское ученіе есть ученіе истины и вмѣстѣ съ тѣмъ пророчество.

Тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ христіанское ученіе открыло людямъ истину о томъ, какъ имъ должно жить, и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказало то, чѣмъ будетъ жизнь человѣческая, если люди не будутъ такъ жить, а будутъ продолжать жить тѣми основами, которыми они жили до него, и чѣмъ она будетъ, если они примутъ христіанское ученіе и будутъ въ жизни исполнять его.

Преподавъ въ Нагорной проповѣди то ученіе, которое должно руководить жизнью людей, Христосъ сказалъ: «И такъ всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ, и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ и было паденіе его великое (Мѳ. VII, 24—27).

И вотъ послѣ 18 вѣковъ пророчество совершилось. Не слѣдуя ученію Христа вообще и проявленію его въ общественной жизни непротивленіемъ злу, люди невольно пришли къ тому положенію неизбѣжности погибели, которое обѣщано Христомъ тѣмъ, которые не послѣдуютъ его ученію.

Люди часто думаютъ, что вопросъ о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ есть вопросъ придуманный, вопросъ, который можно обойти. А между тѣмъ это — вопросъ самою жизнью поставленный передъ всѣми людьми и передъ всякимъ мыслящимъ человѣкомъ и неизбѣжно требующій своего разрѣшенія. Вопросъ этотъ для людей въ ихъ общественной жизни съ тѣхъ поръ, какъ проповѣдано христіанское ученіе, есть то же, что для путешественника вопросъ о томъ, по какой изъ двухъ дорогъ идти, когда онъ приходитъ къ развѣтвленію того пути, по которому шелъ. Идти надо и нельзя сказать: не буду думать и буду идти, какъ шелъ прежде. Прежде была одна дорога, а теперь стало двѣ и нельзя идти, какъ шелъ прежде, а неизбѣжно выбрать одну изъ двухъ.

Такъ точно и нельзя сказать съ тѣхъ поръ, какъ ученіе Христа стало извѣстно людямъ: буду жить, какъ я жилъ прежде, не рѣшая вопроса о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ. Надо неизбѣжно при возникновеніи каждой борьбы рѣшить: противиться или не противиться насиліемъ тому, что я считаю зломъ, насиліемъ.

Вопросъ о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ возникъ тогда, когда появилась первая борьба между людьми, такъ какъ всякая борьба есть ничто иное, какъ противленіе насиліемъ тому, что каждый изъ борющихся считаетъ зломъ. Но люди до Христа не видали того, что противленіе насиліемъ тому, что каждый считаетъ зломъ, только потому, что онъ считаетъ зломъ то, что другой считаетъ добромъ, есть только одинъ изъ способовъ разрѣшенія борьбы, а что другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы вовсе не противиться злу насиліемъ.

До ученія Христа людямъ представлялось, что есть только одинъ способъ разрѣшенія борьбы посредствомъ противленія злу насиліемъ, и такъ и поступали, стараясь при этомъ каждый изъ борющихся убѣдить себя и другихъ въ томъ, что то, что каждый считаетъ зломъ, и есть дѣйствительное, абсолютное зло.

И для этого съ древнѣйшихъ временъ люди стали придумывать такія опредѣленія зла, которыя бы были обязательны для всѣхъ. И за такія опредѣленія зла, обязательныя для всѣхъ, выдавлись то постановленія законовъ, которые, предполагалось, были получены сверхъестественнымъ путемъ, то велѣнія людей или собраній людей, которымъ приписывалось свойство непогрѣшимости. Люди употребляли насиліе противъ другихъ людей и увѣряли себя и другихъ, что насиліе это они употребляли противъ зла признаннаго всѣми.

Средство это употреблялось съ древнѣйшихъ временъ въ особенности тѣми людьми, которые захватили власть, и люди долгое время не видали неразумности этого средства.

Но чѣмъ дальше жили люди, чѣмъ сложнѣе становились ихъ отношенія, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что противиться насиліемъ тому, что каждымъ считается зломъ, — неразумно, — что борьба отъ этого не уменьшается и что никакія людскія опредѣленія не могутъ сдѣлать того, чтобы то, что считается зломъ однимъ людьми, считалось бы таковымъ и другими.

Уже во времена появленія христіанства, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно появилось, въ Римской имперіи для большаго числа людей было ясно, что то, что Нерономъ и Калигулой считается зломъ, которому надо противиться насиліемъ, не можетъ считаться зломъ другими людьми. Уже тогда люди

начинали понимать, что законы человѣческіе, выдаваемые за законы божескіе, писаны людьми, что люди не могутъ быть непогрѣшимы, какимъ бы они ни были облечены внѣшнимъ величіемъ, и что оныбающіеся люди не сдѣлаются непогрѣшимыми оттого, что они соберутся вмѣстѣ и назовутся сенатомъ или какимъ-нибудь другимъ такимъ именемъ. Тогда уже это чувствовалось и понималось многими. И тогда то и было проповѣдуемо Христомъ его ученіе, состоящее не въ томъ только, что не надо противиться злу насиліемъ, а ученіе о новомъ пониманіи жизни, частью, или скорѣе, приложеніемъ котораго къ общественной жизни и было ученіе о средствѣ уничтоженія борьбы между всѣми людьми не тѣмъ, чтобы обязать только одну часть людей безъ борьбы покориться тому, что извѣстными авторитетами будетъ предписано имъ, а тѣмъ, чтобы никому, слѣдовательно и тѣмъ (и преимущественно тѣмъ), которые властвуютъ, не употреблять насилія ни противъ кого, ни въ какомъ случаѣ.

Ученіе это было принято тогда только самымъ малымъ числомъ учениковъ, большинство же людей, въ особенности всѣ тѣ, которые властвовали надъ людьми, и послѣ номинальнаго принятія христіанства продолжало для себя держаться правила противленія насиліемъ тому, что ими считалось зломъ. Такъ шло это при Римскихъ и Византійскихъ императорахъ, такъ продолжалось это и послѣ.

Несостоятельность принципа авторитетнаго опредѣленія того, что есть зло, и противленія ему насиліемъ, уже очевидная въ первые вѣка христіанства, стала еще очевиднѣе при разложеніи Римской имперіи на многія равноправныя государства, при ихъ враждѣ между собою и при внутренней борьбѣ, происходившей въ государствахъ.

Но люди не были готовы для принятія рѣшенія, даннаго Христомъ, и прежнее средство опредѣленія зла, которому надо противиться посредствомъ установленія обязательныхъ для всѣхъ законовъ, приводившихся въ исполненіе силою, продолжало прилагаться. Рѣшителемъ того, что должно было считать зломъ и чему противиться насиліемъ, былъ то папа, то императоръ, то король, то собраніе выбранныхъ, то весь народъ. Но какъ внутри, такъ и внѣ государства, всегда находились люди, не признававшіе для себя обязательными ни постановленій, выдаваемыхъ за велѣніе божества, ни постановленій людей, облеченныхъ святостью, ни учрежденій, долженствовавшихъ представлять волю народа; и люди, которые считали добромъ то, что существующія власти считали зломъ, и такимъ же насиліемъ, которое употреблялось противъ нихъ, боролись противъ властей.

Люди, облеченные святостью, считали зломъ то, что люди и учрежденія, облеченные свѣтской властью, считали добромъ, и наоборотъ; и борьба становилась все жесточе и жесточе. И чѣмъ дальше держались люди такого способа разрѣшенія борьбы, тѣмъ очевиднѣе становилось, что этотъ способъ не годится, потому что нѣтъ и не можетъ быть такого внѣшняго авторитета опредѣленія зла, который признавался бы всѣми.

Такъ продолжалось 18 вѣковъ и дошло до того, до чего дошло теперь, — до совершенной очевидности того, что внѣшняго обязательнаго для всѣхъ опредѣленія зла нѣтъ и не можетъ быть. Дошло до того, что люди перестали не только вѣрить въ возможность отысканія этого общаго, обязательнаго для всѣхъ опредѣленія, но перестали вѣрить даже и въ необходимость выставленія такого опредѣленія. Дошло до того, что люди, имѣющіе власть, перестали уже доказывать то, что они считаютъ зломъ, есть зло, но прямо стали говорить, что они считаютъ зломъ то, что имъ не нравится, а люди, повинующіеся власти, стали повиноваться ей не потому уже, что вѣрятъ, что опредѣленія зла, даваемыя этой властью, справедливы, а только потому, что они не могутъ не повиноваться. Не потому присоединена Ницца къ Франціи, Лотарингія къ Германіи, Чехія къ Австріи; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландія и Индія подчиняются Англійскому правленію; не потому воюютъ съ Китаемъ и убиваютъ африканцевъ; не потому американцы изгоняютъ китайцевъ, а русскіе тѣснятъ евреевъ; не потому землевладѣльцы пользуются землей, которую они не обрабатываютъ, и капиталисты произведеніями труда, совершаемаго другими, что это — добро, нужно и полезно людямъ и что противное этому есть зло, а только потому, что тѣ, кто имѣетъ власть, хотятъ, чтобы это такъ было. Сдѣлалось то, что есть теперь: одни люди совершаютъ насилія уже не во имя противодѣйствія злу, а во имя своей выгоды или прихоти, а другіе люди подчиняются насилію не потому, что они считаютъ, какъ это предполагалось прежде, что насиліе дѣлается надъ ними во имя избавленія ихъ отъ зла и для ихъ добра, а только потому, что они не могутъ избавиться отъ насилія.

Если римлянинъ, средневѣковый, нашъ русскій человѣкъ, какимъ я помню его за 50 лѣтъ тому назадъ, былъ несомнѣнно убѣжденъ въ томъ, что существующее насиліе власти необходимо нужно для избавленія его отъ зла, что подати, поборы, крѣпостное право, тюрьмы, плети, кнуты, каторги, казни, солдатство, войны такъ и должны быть — то вѣдь теперь рѣдко уже найдешь человѣка, который бы не только вѣрилъ, что всѣ совершающіяся

насилія избавляютъ кого нибудь отъ какого нибудь зла, но который не видѣлъ бы ясно, что большинство тѣхъ насилій, которымъ онъ подлежитъ и въ которыхъ отчасти принимаетъ участіе, суть сами по себѣ большое и безполезное зло.

Нѣтъ теперь человѣка, который бы не видѣлъ не только безполезности, но и нелѣпости собиранія податей съ трудоваго народа для обогащенія праздныхъ чиновниковъ, или безсмысленности наложенія наказаній на развращенныхъ и слабыхъ людей въ видѣ ссылокъ изъ одного мѣста въ другое или въ видѣ заключенія въ тюрьмы, гдѣ они, живя въ обезпеченіи и праздности, только еще больше развращаются и ослабѣваютъ, или не только уже безполезности и нелѣпости, но прямо безумія и жестокости военныхъ приготовленій и войнъ, раззорающихъ и губящихъ народъ и не имѣющихъ никакого объясненія и оправданія, а между тѣмъ эти насилія продолжаются и даже поддерживаются тѣми самыми людьми, которые видятъ ихъ безполезность, нелѣпость, жестокость и страдаютъ отъ нихъ.

Вѣдь, если 50 лѣтъ тому назадъ богатый, праздный и рабочій, безграмотный человѣкъ оба одинаково были увѣрены, что ихъ положеніе вѣчнаго праздника для однихъ и вѣчнаго труда для другихъ опредѣлено самимъ Богомъ, то теперь уже не только въ Европѣ, но и въ Россіи, благодаря передвиженіямъ населенія, распространенію грамотности и книгопечатанію, трудно найти изъ богачей и изъ бѣдняковъ такого человѣка, въ котораго бы не запало съ той или другой стороны сомнѣніе въ справедливости такого порядка. Не только богачи знаютъ, что они виноваты уже однимъ тѣмъ, что богаты, и стараются искупить свою вину, какъ прежде искупали грѣхи жертвами на церкви, жертвами на науку или искусство, но и бо́льшая половина рабочаго народа прямо признаетъ теперь существующій порядокъ ложнымъ и подлежащимъ уничтоженію или измѣненію. Одни люди, религіозные, какихъ у насъ въ Россіи милліоны, такъ называемые сектанты, признаютъ этотъ порядокъ ложнымъ и подлежащимъ уничтоженію на основаніи понятаго въ настоящемъ его смыслѣ евангельскаго ученія; другіе считаютъ его ложнымъ на основаніи соціалистическихъ, коммунистическихъ, анархическихъ теорій, проникшихъ теперь уже въ низшіе слои рабочаго народа.

Насиліе держится теперь уже не тѣмъ, что оно считается нужнымъ, а только тѣмъ, что оно давно существуетъ и такъ организовано людьми, которымъ оно выгодно, т. е. правительствами и правящими классами, что людямъ, которые находятся подъ ихъ властью, нельзя вырваться изъ подъ нея.

Правительства въ наше время — всѣ правительства, самыя деспотическія такъ же, какъ и либеральныя — сдѣлались тѣмъ, что такъ мѣтко называлъ Герценъ, Чингисъ-Ханомъ съ телеграфами, т. е. организаціями насилія, не имѣющими въ своей основѣ ничего, кромѣ самаго грубаго произвола, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующимися всѣми тѣми средствами, которыя выработала наука для совокупной общественной мирной дѣятельности свободныхъ и равноправныхъ людей, и которыя они употребляютъ для порабощенія и угнетенія людей.

Правительства и правящіе классы опираются теперь не на право, даже не на подобіе справедливости, а на такую, съ помощью усовершенствованій науки, искусную организацію, при которой всѣ люди захвачены въ кругъ насилія, изъ котораго нѣтъ никакой возможности вырваться. Кругъ этотъ составляется теперь изъ четырехъ средствъ воздѣйствія на людей. Средства эти всѣ связаны между собою и поддерживаются одно другимъ, какъ звенья кольцомъ соединенной цѣпи.

Первое, самое старое средство, есть средство устрашенія. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы выставлять существующее государственное устройство (какое бы оно ни было — свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чѣмъ то священнымъ и неизмѣннымъ, и потому казнить самыми жестокими казнями всѣ попытки измѣненія его. Средство это какъ употреблялось прежде, такъ употребляется и теперь неизмѣнно вездѣ, гдѣ есть правительства: въ Россіи противъ такъ называемыхъ нигилистовъ, въ Америкѣ противъ анархистовъ, во Франціи противъ имперіалистовъ, монархистовъ, коммунаровъ и анархистовъ. Желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, фотографіи и усовершенствованный способъ безъ убійства удаленія людей на вѣки въ одиночныя заключенія, гдѣ они, скрытые отъ людей, гибнутъ и забываются, и многія другія новѣйшія изобрѣтенія, которыми преимущественно передъ другими пользуются правительства, даютъ имъ такую силу, что если только разъ власть попала въ извѣстныя руки, и полиція явная и тайная, и администрація и всякаго рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работаютъ, нѣтъ никакой возможности свергнуть правительство, какъ бы оно ни было безумно и жестоко.

Второе средство есть средство подкупа. Оно состоитъ въ томъ, чтобы, отобравъ отъ трудоваго рабочаго народа посредствомъ денежныхъ податей его богатства, распредѣлять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа.

Подкупленные чиновники эти отъ высшихъ министровъ до низшихъ писцовъ, составляя одну неразрывную сѣть людей,

связанныхъ однимъ и тѣмъ же интересомъ кормленія себя трудами народа, тѣмъ болѣе обогащаемые, чѣмъ покорнѣе они исполняютъ волю правительствъ, всегда и вездѣ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, во всѣхъ отрасляхъ дѣятельностей отстаиваютъ словомъ и дѣломъ правительственное насиліе, на которомъ и основано ихъ благосостояніе.

Третье средство есть то, что я не умѣю назвать иначе, какъ гипнотизація народа. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы задерживать духовное развитіе людей и различными внушеніями поддерживать ихъ въ ожитомъ уже человѣчествомъ пониманіи жизни, на которомъ и зиждется власть правительствъ. Гипнотизація эта въ настоящее время организована самымъ сложнымъ образомъ и, начиная свое воздѣйствіе съ дѣтскаго возраста, продолжается надъ людьми до ихъ смерти. Начинается эта гипнотизація съ перваго возраста въ нарочно для того устроенныхъ и обязательныхъ школахъ, въ которыхъ внушаютъ дѣтямъ воззрѣнія на міръ, свойственныя ихъ предкамъ и прямо противорѣчащія современному сознанію человѣчества. Въ странахъ, гдѣ есть государственная религія, дѣтей, обучаютъ безсмысленнымъ кощунствамъ церковныхъ катехизисовъ, съ указаніемъ необходимости повиновенія власямъ; въ республиканскихъ государствахъ ихъ обучаютъ дикому суевѣрію патріотизма и той же мнимой обязательности повиновенія правительствамъ. Въ болѣе взрослыхъ годахъ гипнотизація эта продолжается надъ людьми поощреніемъ и религіознаго суевѣрія, и патріотическаго. Религіозное суевѣріе поощряется устройствомъ на собранныя съ народа средства храмовъ, процессій, памятниковъ, празднествъ съ помощью живописей, архитектуры, музыки, благовоній, одурящихъ народъ, и, главное, содержаніемъ, такъ называемаго, духовенства, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы своими представленіями, таинствомъ службъ, проповѣдей, своимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей — при родахъ, при бракахъ, при смертяхъ — отуманивать людей и держать ихъ въ постоянномъ состояніи одурѣнія. Патріотическое суевѣріе поощряется устройствомъ правительствами и правящими классами на собранныя съ народа средства общественныхъ торжествъ, зрѣлищъ, памятниковъ, празднествъ, располагающихъ людей къ признанію исключительной значительности одного своего народа и величія одного своего государства и правителей его и къ недоброжелательству и даже ненависти къ другимъ народамъ. При этомъ деспотическими правительствами прямо воспрещается печатаніе и распространеніе книгъ и произнесеніе рѣчей, просвѣщающихъ народъ, и ссылаются или запираются всѣ люди, могущіе пробудить народъ отъ его усыпленія; кромѣ того всѣми правительствами безъ исключенія скрывается отъ народа все, могущее освободить его, и поощряется все, развращающее его, какъ то: писательство, поддерживающее народъ въ его дикости религіозныхъ и патріотическихъ суевѣрій, всякаго рода чувственныя увеселенія, зрѣлища, цирки, театры, и всякія даже физическія средства одуренія, какъ то: табакъ, водка, составляющіе главный доходъ государствъ; поощряется даже проституція, которая не только признается, но организуется большинствомъ правительствъ. Таково третье средство.

Четвертое средство состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ трехъ предшествующихъ средствъ выдѣлять изъ всѣхъ, такимъ образомъ закованныхъ и одуренныхъ людей, еще нѣкоторую часть людей для того, чтобы, подвергнувъ этихъ людей особеннымъ усиленнымъ способамъ одуренія и озвѣренія, сдѣлать изъ нихъ безвольныя орудія всѣхъ тѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству. Достигается это одуреніе и озвѣреніе тѣмъ, что людей этихъ берутъ въ томъ юношескомъ возрастѣ, когда въ людяхъ не успѣли еще твердо сложиться какія-либо ясныя понятія о нравственности, и, удаливъ ихъ отъ всѣхъ естественныхъ человѣческихъ условій жизни: дома, семьи, родины, разумнаго труда, запираютъ вмѣстѣ въ казармы, наряжаютъ въ особенное платье и заставляютъ ихъ при воздѣйствіи криковъ, барабановъ, музыки, блестящихъ предметовъ, ежедневно дѣлать безсмысленныя, придуманныя для этого движенія и этими способами приводятъ ихъ въ такое состояніе гипноза, при которомъ они уже перестаютъ быть людьми, а становятся безсмысленными, покорными гипнотизатору машинами. Эти то загипнотизированные, физически сильные, молодые люди (теперь при общей воинской повинности всѣ молодые люди), снабженные орудіями убійства, всегда покорные власти правительствъ и готовые по его приказанію на всякое насиліе, и составляютъ четвертое и главное средство порабощенія людей.

Этимъ средствомъ замыкается кругъ насилія.

Устраненіе, подкупъ, гипнотизація приводятъ людей къ тому, что они идутъ въ солдаты; солдаты же даютъ власть и возможность и казнить людей, и обирать ихъ (подкупая на эти деньги чиновниковъ), и гипнотизировать и вербовать ихъ въ тѣ самые солдаты, которые даютъ власть дѣлать все это.

Кругъ замкнутъ и вырваться изъ него силой нѣтъ никакой возможности.

Если нѣкоторые люди утверждаютъ, что освобожденіе отъ насилія или, хотя бы ослабленіе его можетъ произойти вслѣдствіе того, что угнетенные люди, свергнувъ силою угнетающее правительство, замѣнятъ

его новымъ, такимъ, при которомъ уже не будетъ нужно такого насилія и порабощенія людей, и нѣкоторые люди пытаются дѣлать это, то эти люди только обманываютъ себя и другихъ и этимъ не улучшаютъ, а только ухудшаютъ положеніе людей. Дѣятельность этихъ людей только усиливаетъ деспотизмъ правительствъ. Попытки освобожденія этихъ людей даютъ только удобный предлогъ правительствамъ для усиленія своей власти и вызываютъ усиленіе ея.

Если даже и допустить то, что вслѣдствіе особенно невыгодно сложившихся для правительства обстоятельствъ, какъ напримѣръ во Франціи въ 1870 году, какое либо изъ правительствъ было бы свергнуто силою и власть перешла бы въ другія руки, то эта новая власть ни въ какомъ случаѣ не была бы менѣе угнетательной, чѣмъ прежняя, а всегда, напротивъ, защищая себя отъ всѣхъ озлобленныхъ свергнутыхъ враговъ, была-бы болѣе деспотична и жестока, чѣмъ прежняя, какъ это и было при всѣхъ революціяхъ.

Если соціалисты и коммунисты считаютъ зломъ индивидуалистическое капиталистическое устройство общества, анархисты считаютъ зломъ и самое правительство, то есть и монархисты, консерваторы, капиталисты, считающіе зломъ соціалистическое, коммунистическое устройство и анархію; и всѣ эти партіи не имѣютъ иного, кромѣ насилія, средства соединить людей. Какая бы изъ этихъ партій ни восторжествовала, для введенія въ жизнь своихъ порядковъ, такъ же какъ и для удержанія власти, она должна употребить не только всѣ существующія средства насилія, но и придумать новыя. Порабощены будутъ другіе люди и людей будутъ принуждать къ другому, но будетъ не только то же, но болѣе жестокое насиліе и порабощеніе, потому что вслѣдствіе борьбы усилится ненависть людей другъ противъ друга и вмѣстѣ съ этимъ усилятся и выработаются новыя средства порабощенія.

Такъ всегда и было послѣ всѣхъ революцій, и всѣхъ попытокъ революцій, всѣхъ заговоровъ, всякихъ насильственныхъ перемѣнъ правительствъ. Всякая борьба только усиливаетъ средства порабощенія тѣхъ, которые въ данное время находятся во власти.

Положеніе людей нашего христіанскаго міра и въ особенности самые ходячіе идеалы ихъ съ поразительной убѣдительностью доказываютъ это.

Остается теперь только одна область дѣятельности людской не захваченная правительственной властью, — область семейная, экономическая, область частной жизни и труда. И эта область теперь, благодаря борьбѣ коммунистовъ и соціалистовъ, уже понемногу захватывается правительствами, такъ что трудъ и отдыхъ, помѣщеніе, одежда, пища людей, все понемногу, если только исполнятся желанія реформаторовъ, будетъ опредѣляться и назначаться правительствами.

Весь длинный 1800 лѣтній ходъ жизни христіанскихъ народовъ неизбѣжно привелъ ихъ опять къ обойденной ими необходимости рѣшенія вопроса принятія или непринятія ученія Христа, и вытекающаго изъ него для общественной жизни рѣшенія вопроса о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ, но только съ тою разницею, что прежде люди могли принять и не принять рѣшеніе, данное христіанствомъ, теперь же это рѣшеніе стало неизбѣжно, потому что оно одно избавляетъ ихъ отъ того положенія рабства, въ которомъ они, какъ въ тенетахъ, запутали сами себя.

Но не одна бѣдственность положенія людей приводитъ ихъ къ этой необходимости.

Рядомъ съ отрицательнымъ доказательствомъ ложности языческаго устройства шло и положительное доказательство истинности христіанскаго ученія.

Не даромъ въ продолженіи 18 вѣковъ лучшіе люди всего христіанскаго человѣчества, внутреннимъ духовнымъ путемъ познавъ истины ученія, свидѣтельствовали о нихъ передъ людьми, не смотря ни на какія угрозы, лишенія, бѣдствія и мученія. Лучшіе люди эти своимъ мученичествомъ запечатлѣвали истинность ученія и передавали его массамъ.

Христіанство проникало въ сознаніе человѣчества не однимъ отрицательнымъ путемъ доказательства невозможности продолженія языческой жизни, но и своимъ упрощеніемъ, уясненіемъ, освобожденіемъ отъ примѣшавшихся къ нему суевѣрій и распространеніемъ между всѣми сословіями народа.

Восемнадцать вѣковъ исповѣданія христіанства не прошли даромъ для людей, принявшихъ его, хотя и внѣшнимъ образомъ. Восемнадцать вѣковъ эти сдѣлали то, что теперь люди, продолжая жить языческой жизнью, не соотвѣтствующей возрасту человѣчества, не только видятъ уже ясно всю бѣдственность того состоянія, въ которомъ они находятся, но въ глубинѣ души вѣрятъ (только потому и живутъ, что вѣрятъ) въ то, что спасеніе отъ этого состоянія только въ исполненіи христіанскаго ученія въ его истинномъ значеніи. Какъ и когда совершится это спасеніе, всѣ люди думаютъ различно, соотвѣтственно своему умственному развитію и ходячимъ предразсудкамъ своей среды, но всякій человѣкъ нашего міра признаетъ то, что спасеніе наше въ исполненіи христіанскаго ученія. Одни вѣрующіе люди, признающіе христіанское ученіе божественнымъ, считютъ, что спасеніе наступитъ тогда, когда всѣ люди повѣрятъ въ Христа и приблизятся

зится второе пришествіе; другіе, также признающіе божественность ученія Христа, считаютъ, что спасеніе это произойдетъ черезъ церковь, которая, подчинивъ себѣ всѣхъ людей, воспитаетъ въ нихъ христіанскія добродѣтели и преобразуетъ ихъ жизнь. Третьи, не признающіе Христа Богомъ, считаютъ, что спасеніе людей произойдетъ черезъ медленный, постепенный прогрессъ, при которомъ основы жизни языческой замѣнятся понемногу основами свободы, равенства, братства, т. е. христіанскими основами; четвертые, проповѣдующіе общественное переустройство, считаютъ, что спасеніе произойдетъ тогда, когда посредствомъ насильственнаго переворота люди будутъ принуждены къ общности имущества, отсутствію правительствъ, коллективному, а не индивидуальному труду, т. е. къ осуществленію одной изъ сторонъ христіанскаго ученія.

Такъ или иначе, но всѣ люди нашего времени въ сознаніи своемъ не только отрицаютъ существующій отжившій языческій строй жизни, но и признаютъ, часто сами не зная этого и считая себя врагами христіанства, то, что спасеніе наше только въ приложеніи къ жизни христіанскаго ученія или части его въ его истинномъ значеніи.

Христіанство для большинства людей, какъ и сказалъ его учитель, не могло осуществиться сразу, а должно было разрастаться, какъ огромнѣйшее дерево, изъ мельчайшаго зерна. И такъ оно и разросталось и разрослось теперь, если еще не въ дѣйствительности, то въ сознаніи людей нашего времени.

Теперь не одно меньшинство людей, всегда понимавшихъ христіанство внутреннимъ путемъ, признаетъ его въ его истинномъ значеніи, но и все то огромное большинство людей, кажущееся по своей общественной жизни столь далеко отстоящимъ отъ христіанства.

Посмотрите на частную жизнь отдѣльныхъ людей, прислушайтесь къ тѣмъ оцѣнкамъ поступковъ, которые люди дѣлаютъ, судя другъ о другѣ, послушайте не только публичныя проповѣди и рѣчи, но тѣ наставленія, которые даютъ родители и воспитатели своимъ воспитанникамъ, и вы увидите, что какъ ни далека государственная, общественная связанная насиліемъ жизнь людей отъ осуществленія христіанскихъ истинъ въ частной жизни, хорошими всѣми и для всѣхъ безъ исключенія и безспорно считаются только христіанскія добродѣтели; дурными всѣми и для всѣхъ безъ исключенія и безспорно считаются антихристіанскіе пороки. Лучшими людьми считаются тѣ, которые самоотверженно посвящаютъ свою жизнь на служеніе человѣчеству и жертвуютъ собой для другихъ; худшими считаются себялюбивые, пользующіеся для своихъ личныхъ выгодъ бѣдствіями ближнихъ.

Если признаются еще нѣкоторыми нетронутыми христіанствомъ людьми идеалы нехристіанскіе: сила, храбрость, богатства, то это идеалы, переживаемые и раздѣляемые не всѣми и не людьми, признаваемыми лучшими. Всѣми же, раздѣляемыхъ, всегда признаваемыхъ обязательными для всѣхъ другихъ идеаловъ, кромѣ христіанскихъ, нѣтъ.

Положеніе нашего христіанскаго человѣчества, если посмотрѣть на него извнѣ, съ своей жестокостью и своимъ рабствомъ людей, дѣйствительно ужасно. Но если посмотрѣть на него со стороны его сознанія, то зрѣлище представляется совершенно другое.

Все зло нашей жизни какъ будто существуетъ только потому, что оно давно дѣлалось, и люди, которые дѣлаютъ его, не успѣли, не научились еще перестать это дѣлать, но всѣ они не желаютъ дѣлать его.

Все это зло существуетъ по какой то другой, какъ будто независимой отъ сознанія людей, причинѣ.

Какъ ни странно и ни противорѣчиво это кажется, всѣ люди нашего времени ненавидятъ тотъ самый порядокъ вещей, который они сами-же поддерживаютъ.

Кажется, Максъ Мюллеръ разсказываетъ про удивленіе одного индѣйца, обращеннаго въ христіанство, который, усвоивъ сущность христіанскаго ученія, пріѣхалъ въ Европу и увидалъ жизнь христіанъ. Человѣкъ этотъ не могъ придти въ себя отъ удивленія передъ дѣйствительностью, совершенно противоположной той, которую онъ ожидалъ найти среди христіанскихъ народовъ.

Если мы не удивляемся на то противорѣчіе между нашими вѣрованіями, убѣжденіями и поступками, то это происходитъ только отъ того, что вліянія, скрывающія отъ людей это противорѣчіе, дѣйствуютъ и на насъ. Стоитъ только взглянуть на нашу жизнь съ точки зрѣнія того индѣйца, который понялъ христіанство въ его истинномъ значеніи безъ всякихъ уступокъ и приспособленій, и на тѣ дикія звѣрства, которыми наполнена наша жизнь, чтобы ужаснуться передъ тѣми противорѣчіями, среди которыхъ мы живемъ, часто не замѣчая ихъ.

Стоитъ только вспомнить приготовленія къ войнамъ, картечницы, посеребренныя пули, торпеды — и Красный Крестъ; устройство одиночныхъ тюремъ, опыты электрическихъ казней — и заботы о благоденствіи заключенныхъ; филантропическую дѣятельность богачей—и ихъ жизнь, производящую тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ они благодѣтельствуютъ. И противорѣчія эти не происходятъ отъ того, какъ это, мо-

жетъ показаться, что люди притворяются христіанами, когда они язычники. а напротивъ, отъ того, что людямъ чего то не достаетъ или есть какая то сила, которая мѣшаетъ имъ быть тѣмъ, чѣмъ они уже чувствуютъ себя въ своемъ сознаніи и чѣмъ они дѣйствительно хотятъ быть. Люди нашего времени не притворяются въ томъ, что они ненавидятъ угнетеніе, неравенство, раздѣленіе людей и всякаго рода жестокость не только къ людямъ, но даже къ животнымъ,—они дѣйствительно ненавидятъ все это, но не знаютъ, какъ уничтожить это, или не рѣшаются разстаться съ тѣмъ, что поддерживаетъ все это и кажется имъ необходимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, спросите порознь каждаго человѣка нашего времени о томъ, считаетъ ли онъ не только похвальнымъ, но достойнымъ человѣка нашего времени заниматься тѣмъ, чтобы, получая за это несоразмѣрное съ трудами жалованье, собирать съ народа — часто нищаго — подати, для того, чтобы на эти деньги строить пушки, торпеды и орудія убійства противъ людей, съ которыми мы желаемъ быть въ мирѣ и которые этого же самаго желаютъ по отношенію насъ; или тѣмъ, чтобы опять за жалованье посвящать всю свою жизнь на устройство этихъ орудій убійства, или на то, чтобы самому готовиться къ убійству и готовить къ этому людей? И спросите, похвально ли, и достойно ли человѣка, и свойственно ли христіанину заниматься тѣмъ, чтобы опять за деньги ловить несчастныхъ, заблудшихъ, часто безграмотныхъ, пьяныхъ людей за то, что они присвоиваютъ чужую собственность въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ мы ее присваиваемъ, и убиваютъ людей не такъ, какъ это нами принято дѣлать, и за это сажать ихъ въ тюрьмы, мучать и убивать? И похвально ли, достойно ли человѣка и христіанина опять за деньги проповѣдовать въ народѣ вмѣсто христіанства завѣдомо нелѣпыя и вредныя суевѣрія? И похвально ли, достойно ли человѣка отнимать у ближняго для своей прихоти то, что необходимо ему для удовлетворенія его первыхъ потребностей, какъ это дѣлаютъ большіе землевладѣльцы; или заставлять его нести сверхсильный, губящій жизнь трудъ для увеличенія своихъ богатствъ, какъ это дѣлаютъ заводчики, фабриканты; или пользоваться нуждою людей для увеличенія своихъ богатствъ, какъ это дѣлаютъ купцы? И всякій порознь, въ особенности если одинъ будетъ говорить про другого, скажетъ, что нѣтъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же самый человѣкъ, который видитъ всю гнусность этихъ поступковъ, самъ никѣмъ не принуждаемый, даже иногда и безъ денежной выгоды жалованья, самъ, произвольно, изъ-за дѣтскаго тщеславія, изъ за фарфоровой побрякушки, ленточки, галунчика, которые ему позволятъ надѣть, самъ произвольно идетъ въ военную службу, въ слѣдователи, мировые судьи, министры, урядники, архіереи, дьячки, въ должности, въ которыхъ ему необходимо дѣлать всѣ эти дѣла, постыдность и гнусность которыхъ онъ не можетъ не знать.

Знаю, что многіе изъ этихъ людей будутъ съ самоувѣренностью доказывать, что они считаютъ свое положеніе не только законнымъ, но необходимымъ, будутъ въ защиту свою говорить, что власти отъ Бога, что государственныя должности необходимы для блага человѣчества, что богатство не противно христіанству, что богатому юношѣ сказано отдать имѣніе, только если онъ хочетъ быть совершенъ, что существующее теперь распредѣленіе богатствъ и торговля такими и должны быть и выгодны для всѣхъ и т. п. Но какъ они ни стараются обмануть себя и другихъ, всѣ эти люди знаютъ, что то, что они дѣлаютъ, противно всему тому, чему они вѣрятъ, во имя чего они живутъ, и въ глубинѣ души, когда они остаются одни съ своей совѣстью, имъ стыдно и больно вспомнить то, что они дѣлаютъ, особенно если гнусность ихъ дѣятельности была указана имъ. Не можетъ человѣкъ нашего времени, исповѣдуй онъ или не исповѣдуй божественности Христа, не знать, что участвовать въ качествѣ ли царя, министра, губернатора, или урядника въ томъ, чтобы продать у бѣдной семьи послѣднюю корову на подати для того, чтобы отдать эти деньги на пушки или на жалованье и пансіоны роскошествующимъ, праздным и вреднымъ чиновникамъ, или участвовать въ томъ, чтобы посадить въ тюрьму кормильца семьи за то, что мы сами развратили его, и пустить семью его по-міру; или участвовать въ грабежахъ и убійствахъ войнъ; или во внушеніи вмѣсто Христова закона дикихъ идолопоклонническихъ суевѣрій; или загнать забѣжавшую на свою землю корову человѣка, у котораго нѣтъ земли; или съ человѣка, работающаго на фабрикѣ, вычесть за нечаянно испорченный предметъ; или содрать вдвое за предметъ съ бѣднаго только потому, что онъ въ крайней нуждѣ; не можетъ не знать ни одинъ человѣкъ нашего времени, что всѣ эти дѣла—скверныя, постыдныя и что дѣлать ихъ не надо. И всѣ они знаютъ это: всѣ они знаютъ, что то, что они дѣлаютъ, дурно, и ни за что бы не стали дѣлать этого, если бы были въ состояніи противостоять тѣмъ силамъ, которыя, закрывая ихъ глаза на преступность ихъ поступковъ, влекутъ ихъ къ совершенію ихъ.

Ни на чемъ такъ поразительно не видна та степень противорѣчія, до которой дошла жизнь людей нашего времени, какъ на томъ самомъ явленіи, которое составляетъ послѣднее и средство, и выраженіе

насилія, — на общей воинской повинности.

Вѣдь только отъ того, что это состояніе всеобщаго вооруженія и воинской повинности наступило шагъ за шагомъ, незамѣтно и что для поддержанія его правительствами употребляются всѣ находящіяся въ ихъ власти средства устрашенія, подкупа, одуренія и насилія, мы не видимъ вопіющаго противорѣчія этого состоянія съ тѣми христіанскими чувствами и мыслями, которыми дѣйствительно проникнуты всѣ люди нашего времени.

Противорѣчіе это стало намъ такъ привычно, что мы и не видимъ всей ужасающей безсмыслицы и безнравственности поступковъ не только тѣхъ людей, которые по своей охотѣ избираютъ профессію убійства, какъ нѣчто почтенное, но и тѣхъ несчастныхъ людей, которые соглашаются исполнять воинскую повинность, или хотя тѣхъ, которые въ странахъ, гдѣ не введена воинская повинность, добровольно отдаютъ свои труды на наемъ солдать и приготовленія къ убійству. Вѣдь всѣ эти люди или христіане, или люди, исповѣдующіе гуманность и либеральность, знаютъ, что совершая эти поступки, они становятся участниками, а при личной воинской повинности совершителями самыхъ безсмысленныхъ, безцѣльныхъ, жестокихъ убійствъ, и все таки совершаютъ ихъ.

Но мало этого, въ Германіи, тамъ, откуда и взялась общая воинская повинность, Каприви высказалъ то, что старательно скрывалось прежде, то, что люди, которыхъ надо будетъ убивать, не одни иноземцы, но свои, тѣ самые рабочіе, изъ которыхъ взято большинство солдатъ. И это признаніе не открыло глаза людямъ, не ужаснуло ихъ. И послѣ этого, какъ и прежде, они продолжаютъ идти, какъ бараны, въ ставку и подчиняться всему тому, что отъ нихъ требуютъ.

Но мало и этого : недавно нѣмецкій императоръ еще точнѣе разъяснилъ значеніе и призваніе воина, отличивъ, благодаривъ и наградивъ солдата за то, что онъ убилъ беззащитнаго узника, пытавшагося бѣжать. Благодаря и награждая человѣка за поступокъ, всегда людьми, стоящими на самой низкой степени нравственности, считающійся самымъ подлымъ и низкимъ, Вильгельмъ показалъ, что главная и болѣе всего цѣнимая властями обязанность солдата состоитъ въ томъ, чтобы быть палачемъ и не такимъ, какъ профессіональные палачи, убивающіе только приговоренныхъ преступниковъ, но быть палачемъ всѣхъ тѣхъ невинныхъ, которыхъ велятъ убивать начальники.

Но мало и этого : въ 1891 году тотъ-же Вильгельмъ, *enfant terrible* государственной власти, высказывающій то, что другіе думаютъ, разговаривая съ какими то солдатами, публично сказалъ слѣдующее, и на другой день тысячи газетъ перепечатываютъ эти слова :

«Рекруты !» говоритъ онъ. «Въ виду алтаря и служителя Бога вы присягнули мнѣ на вѣрность. Вы еще слишкомъ молоды, чтобы понять, истинное значеніе всего сказаннаго здѣсь, но заботьтесь прежде всего о томъ, чтобы слѣдовать всегда даннымъ приказаніямъ и ученіямъ. Вы присягнули мнѣ на вѣрность, это дѣти моей гвардіи, значитъ, что вы теперь мои солдаты, что вы предали себя мнѣ душой и тѣломъ. Для васъ существуетъ теперь одинъ врагъ, а именно тотъ, кто мой врагъ. При теперешнихъ соціалистическихъ происках, можетъ случиться, что я прикажу вамъ стрѣлять въ вашихъ собственныхъ родственниковъ, братьевъ, даже родителей — отъ чего Боже сохрани — и тогда вы обязаны безпрекословно исполнять мои приказы».

Человѣкъ этотъ высказываетъ то, что знаютъ, но старательно скрываютъ всѣ умные правители. Онъ говоритъ прямо, что люди, служащіе въ войскѣ, служатъ ему и его выгодѣ и должны быть готовы для его выгоды убивать своихъ братьевъ и отцовъ.

Онъ прямо, самымъ грубымъ словомъ выражаетъ весь тотъ ужасъ преступленія, къ которому готовятся люди, поступающіе въ солдаты, всю ту пучину униженія, до которой они доходятъ, обѣщаясь въ повиновеніи. Онъ, какъ смѣлый гипнотизаторъ, пробуетъ степень усыпленія загипнотизированнаго : приставляетъ ему къ тѣлу раскаленное желѣзо, тѣло шипитъ и дымитъ, но усыпленный не просыпается.

Жалкій, ошалѣвшій отъ власти, больной человѣкъ этотъ своими словами оскорбляетъ все, что можетъ быть святого для человѣка нашего времени, и люди — христіане, либералы, образованные люди нашего времени, всѣ, не только не возмущаются на это оскорбленіе, но даже не замѣчаютъ его. Людямъ предлагается самое послѣднее, крайнее испытаніе въ самой грубой, рѣзкой формѣ. И люди какъ будто не замѣчаютъ даже того, что это есть испытаніе, что имъ предстоитъ выборъ. Имъ какъ будто кажется, что и нѣтъ никакого выбора, и что есть только одинъ путь рабской покорности. Казалось бы, безумныя слова эти, оскорбляющія все то, что человѣкъ нашего времени считаетъ святымъ, должны бы возмутить людей, но ничего подобнаго не случается. Всѣ молодые люди всей Европы годъ за годъ подвергаются этому испытанію и за самыми малыми исключеніями всѣ отрекаются отъ всего, что есть и можетъ быть святаго для человѣка, всѣ выражаютъ готовность убить своихъ братьевъ, даже отцовъ по приказанію перваго, заблудшаго человѣка, наря-

женнаго въ общитую краснымъ и золотомъ ливрею, и только спрашивають, кого и когда имъ велятъ убивать. А они готовы.

Вѣдь—у каждаго дикаго есть что либо святое, за что онъ готовъ пострадать, но не уступить. Но гдѣ же это святое у человѣка нашего времени? Ему говорятъ: иди ко мнѣ въ рабство, въ такое рабство, при которомъ придется убивать даже отца роднаго, и онъ, очень часто ученый, прощедшій всѣ науки въ университетѣ, покорно подставляетъ шею подъ хомутъ. Его наряжаютъ въ шутовской нарядъ, велятъ прыгать, кривляться, кланяться, убивать,— онъ все покорно дѣлаетъ. И когда его выпускаютъ, онъ, какъ встрепанный возвращается въ прежнюю жизнь и продолжаетъ толковать о достоинствѣ человѣка, свободѣ, равенствѣ и братствѣ.

«Да, но что-же дѣлать», часто съ искреннимъ недоумѣніемъ спрашиваютъ люди. «Если бы всѣ отказались, тогда бы такъ. А то, что-жъ, я одинъ пострадаю и никому и ничему не сдѣлаю пользы».

И правда, человѣку общественнаго жизнепониманія нельзя отказаться. Смыслъ его жизни — благо его личности. Для его личности ему лучше покориться и онъ покоряется.

Что бы съ нимъ ни дѣлали, какъ бы ни мучали, какъ бы ни унижали его, онъ будетъ покоряться, потому что одинъ онъ ничего не можетъ сдѣлать, у него нѣтъ той основы, во имя которой онъ могъ бы противустоять насилію одинъ. А соединиться имъ никогда не дадутъ тѣ, которые управляютъ ими. Говорятъ часто, что изобрѣтеніе страшныхъ военныхъ орудій убійства уничтожитъ войну; война уничтожитъ сама себя. Это неправда. Какъ можно увеличивать средства избѣженія людей, такъ можно увеличивать средства приведенія къ покорности людей общественнаго жизнепониманія. Пускай ихъ бьютъ тысячами, милліонами, разрываютъ на части,—они все таки одни, какъ безсмысленная скотина, будутъ идти на бойню, потому что ихъ подгоняютъ хлыстомъ; другіе будутъ идти потому, что имъ за это позволятъ надѣть ленточки и галунчики, и будутъ даже гордиться этимъ.

И тутъ-то съ составомъ людей, одуренныхъ до того, что они обѣщаются убивать своихъ родителей, общественные дѣятели—консерваторы, либералы, соціалисты, анархисты — толкуютъ о томъ, какъ устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить изъ такихъ людей? Какъ изъ гнилыхъ и кривыхъ бревенъ, какъ ни перекладывай ихъ, нельзя построить дома, такъ изъ такихъ людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Изъ такихъ людей можетъ образоваться только стадо животныхъ, управляемое криками и кнутами пастуховъ. Такъ оно и есть.

И вотъ съ одной стороны люди, христіане по имени, исповѣдующіе свободу, равенство, братство, рядомъ съ этимъ готовы во имя свободы къ самой рабской униженной покорности, во имя равенства къ самымъ рѣзкимъ и безсмысленнымъ, только по внѣшнимъ признакамъ, раздѣленіямъ людей на высшихъ, низшихъ, своихъ союзниковъ и враговъ, и во имя братства—готовы убивать этихъ враговъ. *)

Противорѣчія сознанія и вслѣдствіе этого бѣдственность жизни дошли до послѣдней степени, дальше которой идти некуда. Жизнь, построенная на началахъ насилія, дошла до отрицанія тѣхъ самыхъ основъ, во имя которыхъ она была учреждена. Устройство общества на началахъ насилія, имѣвшее цѣлью обезпеченіе блага личнаго, семейнаго и общественнаго, приведо людей къ полному отрицанію и уничтоженію этихъ благъ.

Первая часть пророчества совершилась надъ людьми и поколѣніями ихъ, не принявшими ученія, и потомки ихъ приведены теперь къ необходимости испытать справедливость второй части его.

IX.

Положеніе народовъ христіанскихъ въ наше время осталось столь же жестокимъ, какимъ оно было во времена язычества. Во многихъ отношеніяхъ, въ особенности въ порабощеніи людей, оно стало даже болѣе жестокимъ, чѣмъ было во времена язычества.

Но между положеніемъ людей въ то время и въ наше время та же разница, какая бываетъ для растеній между послѣдними днями осени и первыми днями весны. Тамъ, въ осенней природѣ, внѣшняя безжизненность соотвѣтствуетъ внутреннему состоянію замиранія; здѣсь же, весною, внѣшняя безжизненность находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ состояніемъ внутренняго оживленія и перехода къ новой формѣ жизни.

То же и въ томъ внѣшнемъ сходствѣ прежней языческой жизни съ теперешней. Сходство это только внѣшнее: внутреннее состояніе людей во времена язычества и въ наше время совершенно различно.

*) То, что у нѣкоторыхъ народовъ, у англичанъ и американцевъ, нѣтъ еще общей воинской повинности (хотя у нихъ уже раздаются голоса въ пользу ея), а вербовка и наемъ солдатъ, то это нисколько не измѣняетъ положенія рабства гражданъ по отношенію правительствъ. Тамъ каждый самъ долженъ идти и убивать и быть убитымъ, здѣсь каждый долженъ отдавать свои труды на наемъ и приготовленіе убійцъ.

Тамъ внѣшнее состояніе жестокости и рабства людей было въ полномъ согласіи съ внутреннимъ сознаніемъ людей и каждый шагъ впередъ увеличивалъ это согласіе; здѣсь же внѣшнее состояніе жестокости и рабства находится въ полномъ противорѣчіи съ христіанскимъ сознаніемъ людей и каждый шагъ впередъ только увеличиваетъ это противорѣчіе.

Происходятъ какъ бы ненужныя, безполезныя страданія. Происходитъ нѣчто подобное родамъ. Все готово для новой жизни, но жизнь эта все еще не появляется.

Положеніе кажется безвыходнымъ. И оно было бы таковымъ, если-бы человѣку, а потому и всѣмъ людямъ, не была дана возможность иного, высшаго пониманія жизни, сразу освобождающаго его отъ всѣхъ тѣхъ узъ, которыя, казалось, неразрывно связывали его.

И таково то, указанное еще 1800 лѣтъ тому назадъ человѣчеству, христіанское пониманіе жизни.

Стоитъ человѣку усвоить это жизнепониманіе для того, чтобы сами собой распались тѣ цѣпи, которыя, казалось, такъ неразрывно сковывали его, и чтобы онъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ, въ родѣ того, какъ почувствовала бы себя свободной птица въ загороженномъ кругомъ мѣстѣ, когда бы она раскрыла свои крылья.

Говорятъ объ освобожденіи христіанской церкви отъ государства, о дарованіи или недарованіи свободы христіанамъ. Въ этихъ мысляхъ и выраженіяхъ есть какое то странное недоразумѣніе. Свобода не можетъ быть дарована или отнята у христіанина или христіанъ. Свобода есть неотъемлемое свойство христіанина.

Если же говорится о дарованіи или отнятіи свободы отъ христіанъ, то, очевидно, говорится не о дѣйствительныхъ христіанахъ, а о людяхъ, только называющихъ себя христіанами. Христіанинъ не можетъ не быть свободенъ потому, что достиженіе поставленной имъ для себя цѣли никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть воспрепятствовано или хотя бы задержано.

Стоитъ человѣку понять свою жизнь такъ, какъ учитъ понимать ее христіанство, т. е. понять то, что жизнь его принадлежитъ не ему, его личности, ни семьѣ или государству, а Тому, кто послалъ его въ жизнь, понять то, что исполнять онъ долженъ поэтому не законъ своей личности, семьи или государства, а ничѣмъ неограниченный законъ Того, отъ Кого онъ пришелъ, чтобы не только почувствовать себя совершенно свободнымъ отъ всякой человѣческой власти, но даже перестать видѣть эту власть, какъ нѣчто могущее стѣснять кого либо.

Стоитъ человѣку понять, что цѣль его жизни есть исполненіе закона Бога, для того, чтобъ этотъ законъ, замѣнивъ для него всѣ другіе законы и подчинивъ его себѣ, этимъ самымъ подчиненіемъ лишилъ бы въ его глазахъ всѣ человѣческіе законы ихъ обязательности и стѣснительности.

Христіанинъ освобождается отъ всякой человѣческой власти тѣмъ, что считаетъ для своей жизни и жизни другихъ божескій законъ любви, вложенный въ душу каждаго человѣка и приведенный къ сознанію Христомъ, единственнымъ руководителемъ жизни своей и другихъ людей.

Христіанинъ можетъ подвергаться внѣшнему насилію, можетъ быть лишенъ тѣлесной свободы, можетъ быть не свободенъ отъ своихъ страстей (дѣлающій грѣхъ есть рабъ грѣха), но не можетъ быть не свободенъ въ томъ смыслѣ, чтобы быть принужденнымъ какою либо опасностью или какою либо внѣшнею угрозою къ совершенію поступка, противнаго своему сознанію.

Онъ не можетъ быть принужденъ къ этому потому, что составляющее могущественное орудіе противъ людей общественнаго жизнепониманія, лишенія и страданія, производимыя насиліемъ, не имѣютъ для него никакой принудительной силы. Лишенія и страданія, отнимающія у людей общественнаго жизнепониманія то благо, для котораго они живутъ, не только не могутъ нарушить блага христіанина, состоящаго въ сознаніи исполненія воли Бога, но только могутъ усилить его, когда они постигаютъ его за исполненіе этой воли.

И потому христіанинъ, подчиняясь одному внутреннему, божественному закону, не только не можетъ исполнять предписанія внѣшняго закона, когда они не согласны съ сознаваемымъ имъ божескимъ закономъ любви, какъ это бываетъ при правительственныхъ требованіяхъ, но не можетъ признавать и обязательства повиновенія кому и чему бы то ни было, не можетъ признавать того, что называется подданствомъ. Для христіанина обѣщаніе подданства какому бы то ни было правительству, — тотъ самый актъ, который считается основаніемъ государственной жизни, есть прямое отреченіе отъ христіанства, потому что человѣкъ безусловно впередъ обѣщающійся подчиняться тѣмъ законамъ, которые составляютъ и будутъ составлять люди, этимъ обѣщаніемъ самымъ положительнымъ образомъ отрекается отъ христіанства, состоящаго въ томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ жизни подчиняться только сознаваемому имъ въ себѣ божескому закону любви.

Можно было при языческомъ міросозерцаніи обѣщаться исполнять волю свѣтскихъ властей, не нарушая волю Бога, полагаемую въ обрѣзаніи, субботѣ, опредѣленной временемъ молитвѣ, воздержаніи отъ извѣстнаго рода пищи и т. п. Одно не противорѣчило другому. Но тѣмъ-то и отли-

чается христіанское исповѣданіе отъ языческаго, что оно требуетъ отъ человѣка не извѣстныхъ внѣшнихъ отрицательныхъ дѣйствій, а ставитъ его въ иное, чѣмъ прежде, отношеніе къ людямъ, изъ котораго могутъ вытекать самые разнообразные, не могущіе быть впередъ опредѣленными поступки, и потому христіанинъ не можетъ обѣщаться не только исполнять чью либо другую волю, не зная, въ чемъ будутъ состоять требованія этой воли, не можетъ повиноваться измѣняющимся законамъ человѣческимъ, но не можетъ и обѣщаться что либо опредѣленное дѣлать въ извѣстное время или отъ чего либо въ извѣстное время воздержаться, потому что онъ не можетъ знать, чего и въ какое время потребуетъ отъ него тотъ христіанскій законъ любви, подчиненіе которому составляетъ смыслъ его жизни. Христіанинъ, обѣщаясь впередъ безусловно исполнять законы людей, этимъ обѣщаніемъ заявилъ бы то, что внутренній законъ Божій не составляетъ уже для него единственный законъ его жизни.

Христіанину обѣщаться въ повиновеніи людямъ или законамъ людскимъ все равно, что нанявшемуся къ хозяину работнику обѣщаться вмѣстѣ съ тѣмъ исполнять все то, что ему прикажутъ еще и чужіе люди. Нельзя служить двумъ господамъ.

Христіанинъ освобождается отъ человѣческой власти тѣмъ, что признаетъ надъ собой одну власть Бога, законъ которой, открытый ему Христомъ, онъ сознаетъ въ самомъ себѣ, и подчиняется только ей.

И освобожденіе это совершается не посредствомъ борьбы, не разрушеніемъ существующихъ формъ жизни, а только измѣненіемъ пониманія жизни. Освобожденіе происходитъ вслѣдствіе того, что во первыхъ, христіанинъ признаетъ законъ любви, открытый ему его учителемъ, совершенно достаточнымъ для отношеній людскихъ и потому считаетъ всякое насиліе излишнимъ и безаконнымъ, и, во вторыхъ, вслѣдствіе того, что тѣ лишенія, страданія, угрозы страданій и лишеній, которыми общественный человѣкъ приводится къ необходимости повиновенія, для христіанина, при его иномъ пониманіи жизни, представляются только неизбѣжными условіями существованія, которыя онъ, не борясь противъ нихъ насиліемъ, терпѣливо переноситъ, какъ болѣзни, голодъ и всякія другія бѣдствія, но которыя никакъ не могутъ служить руководствомъ его поступковъ. Руководствомъ поступковъ христіанина служитъ только живущее въ немъ божественное начало, ничѣмъ не могущее быть стѣсненнымъ или направленнымъ.

Христіанинъ поступаетъ по слову пророчества, приложеннаго къ его учителю: «не воспрекословитъ, не возопіетъ и никто не услышитъ на улицахъ голоса его. Трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ доколѣ не доставитъ суду побѣды». (Мѳ. XII, 19-20).

Христіанинъ ни съ кѣмъ не споритъ, ни на кого не нападаетъ, ни противъ кого не употребляетъ насилія; напротивъ того, самъ безпрекословно переноситъ насиліе; но этимъ самымъ отношеніемъ къ насилію не только самъ освобождается, но и освобождаетъ міръ отъ всякой внѣшней власти.

«Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными». (Іоан. VIII, 32). Если бы было сомнѣніе въ томъ, что христіанство есть истина, то та полная свобода, ничѣмъ не могущая быть стѣсненной, которую испытываетъ человѣкъ, какъ скоро онъ усвоиваетъ христіанское жизнепониманіе, была бы несомнѣннымъ доказательствомъ его истинности.

Люди въ теперешнемъ своемъ состояніи подобны отроившимся пчеламъ, висящимъ кучею на вѣткѣ. Положеніе пчедъ на вѣткѣ временное и неизбѣжно должно быть измѣнено. Онѣ должны подняться и найти себѣ новое жилище. Каждая изъ пчелъ знаетъ это и желаетъ перемѣнить свое положеніе и положеніе другихъ, но ни одна не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаютъ этого остальныя. Всѣ же не могутъ вдругъ подняться потому, что одна виситъ на другой и мѣшаетъ ей отдѣлиться отъ роя, и потому всѣ продолжаютъ висѣть. Казалось бы, пчеламъ нѣтъ изъ этого положенія никакого выхода, какъ это кажется людямъ мірокимъ, запутавшимся въ тенета общественнаго міросозерцанія. Но выхода не было бы пчеламъ, если бы каждая изъ пчелъ не была отдѣльно живущимъ существомъ, одареннымъ крыльями. Не было-бы выхода и людямъ, если бы каждый изъ нихъ не былъ живымъ отдѣльнымъ существомъ, одареннымъ способностью усвоенія христіанскаго жизнепониманія.

Если бы каждая пчела, та, которая можетъ летѣть, не полетѣла бы, никогда не тронулась бы и остальныя и никогда рой не измѣнилъ бы своего положенія. И если бы тотъ человѣкъ, который усвоилъ христіанское жизнепониманіе, не сталъ бы, не дожидаясь другихъ, жить сообразно съ этимъ пониманіемъ, никогда бы человѣчество не измѣнило своего положенія. И какъ стоитъ одной пчелѣ раскрыть крылья, подняться и полетѣть и за ней другой, третьей, десятой, сотой, для того, чтобы висѣвшая неподвижно кучка стала-бы свободно летящимъ роемъ пчелъ, такъ точно стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ учитъ его понимать ее христіанство, и начать жить такъ, и за нимъ сдѣлать то же другому, третьему, сотому для того, чтобы разрушился тотъ заколдованный кругъ общественной жизни, изъ котораго, казалось, не было выхода.

Но люди думаютъ, что освобожденіе всѣхъ людей этимъ способомъ слишкомъ медленно, что нужно найти и употребить другое такое средство, которымъ можно-бы было освободить всѣхъ сразу. Въ родѣ того, какъ если бы пчелы, желающія подняться и улетѣть, находили бы, что слишкомъ долго дожидаться, пока поднимется весь рой по одной пчелѣ, а надо найти такое средство, при которомъ не нужно бы было каждой отдѣльной пчелѣ раскрыть крылья и полетѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рой полетѣлъ бы, куда ему надо. Но это невозможно: до тѣхъ поръ, пока первая, вторая, третья, сотая пчела свободно не раскроетъ свои крылья и не полетитъ, не полетитъ и рой и не найдетъ новой жизни. Пока не усвоитъ каждый отдѣльный человѣкъ христіанскаго жизнепониманія, и не станетъ жить сообразно съ нимъ, не разрѣшится противорѣчіе жизни людской и не установится новой формы жизни.

Одно изъ поразительныхъ явленій нашего времени это — та проповѣдь рабства, которая распространяется въ массахъ не только правительствами, которымъ это нужно, но тѣми людьми, которые, проповѣдуя соціалистическія теоріи, считаютъ себя поборниками свободы.

Люди эти проповѣдуютъ, что улучшеніе жизни, приведенія дѣйствительности въ согласіе съ сознаніемъ произойдетъ не вслѣдствіе личныхъ усилій отдѣльныхъ людей, а само собой, вслѣдствіе извѣстнаго, чѣмъ-то произведеннаго насильственнаго переустройства общества. Проповѣдуется то, что людямъ не надо идти самимъ своими ногами туда, куда они хотятъ и куда имъ нужно, но что подъ нихъ подвезется такой полъ, по которому они, не идя своими ногами, придутъ туда, куда имъ нужно. И потому всѣ усилія ихъ должны быть направлены не на то, чтобы идти по мѣрѣ силъ туда, куда имъ нужно, а на то, чтобы, стоя на мѣстѣ, устраивать этотъ воображаемый полъ.

Въ экономическомъ отношеніи проповѣдуется теорія, сущность которой въ томъ, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, что чѣмъ больше будетъ скопленія капитала и потому угнетенія рабочаго, тѣмъ ближе освобожденіе, и потому всякое личное усиліе человѣка освободиться отъ давленія капитала — безполезно; въ государственномъ отношеніи проповѣдуется, что чѣмъ больше будетъ власть государства, которая должна по этой теоріи захватить незахваченную еще теперь область частной жизни, тѣмъ это будетъ лучше, и что потому надо призывать вмѣшательство правительствъ въ частную жизнь; въ политическихъ и международныхъ отношеніяхъ проповѣдуется то, что увеличеніе средствъ истребленія, увеличеніе войскъ приведутъ къ необходимости разоруженія посредствомъ конгрессовъ, арбитрацій и т. п. И удивительное дѣло, косность людей такъ велика, что люди вѣрятъ этимъ теоріямъ не смотря на то, что весь ходъ жизни, каждый шагъ впередъ обличаетъ невѣрность ихъ.

Люди страдаютъ отъ угнетенія, и для избавленія ихъ отъ этого угнетенія совѣтуется людямъ придумывать общія средства улучшенія своего положенія, которыя будутъ придожены властью, самимъ же продолжать подчиняться власти. И, очевидно, вслѣдствіе этого происходитъ только все большее увеличеніе власти и вслѣдствіе того увеличеніе угнетенія.

Ни одно изъ заблужденій людей не удаляетъ ихъ столько отъ той цѣли, къ которой они стремятся, какъ именно это. Люди, для достиженія поставленной себѣ цѣли, дѣлаютъ всякія, самыя разнообразныя дѣла, но только не то одно, простое и прямое дѣло, которое предстоитъ каждому. Люди придумываютъ самые хитрые способы измѣненія того положенія, которое тяготитъ ихъ, но только не тотъ самый простой, чтобы каждому не дѣлать того самаго, что и производитъ это положеніе.

Мнѣ разсказывали случай, происшедшій съ храбрымъ становымъ, который, пріѣхавъ въ деревню, гдѣ бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, взялся усмирить бунтъ, въ духѣ Николая I, одинъ, своимъ личнымъ вліяніемъ. Онъ велѣлъ привезти нѣсколько возовъ розогъ, и собравъ всѣхъ мужиковъ въ ригу, съ ними вмѣстѣ вошелъ туда, заперся, и такъ напугалъ сначала мужиковъ своимъ крикомъ, что они, повинуясь ему, стали по его приказанію сѣчь другъ друга. И такъ они сѣкли другъ друга до тѣхъ поръ, пока не нашелся одинъ дурачекъ, который не далъ самъ и закричалъ товарищамъ, чтобы они не сѣкли другъ друга. Только тогда прекратилось сѣченіе и становой убѣжалъ изъ риги. Вотъ этому-то совѣту дурачка никакъ не могутъ послѣдовать общественные люди, которые, не переставая, сѣкутъ сами себя, и этому самосѣченію учатъ людей, какъ послѣднему слову мудрости человѣческой.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ болѣе поразительный примѣръ того, какъ люди сами сѣкутъ себя, чѣмъ та покорность, съ которой люди нашего времени исполняютъ возлагаемыя на нихъ тѣ самыя обязанности, которыя приводятъ ихъ въ рабство, въ особенности воинскую повинность. Люди, очевидно, порабощаютъ сами себя, страдаютъ отъ этого рабства и вѣрятъ тому, что это такъ и надо, что это — ничего, и не мѣшаетъ освобожденію людей, которое готовится гдѣ-то и какъ то, не смотря на все увеличивающееся и увеличивающееся рабство.

Въ самомъ дѣлѣ, живетъ человѣкъ нашего времени — кто бы онъ ни былъ (я не говорю про истиннаго христіанина, а про рядового человѣка нашего времени)

образованный или необразованный, вѣрующій или невѣрующій, богатый или бѣдный, семейный или несемейный. Живетъ такой человѣкъ нашего времени, работая свою работу или веселясь своими весельями, потребляя плоды своихъ или чужихъ трудовъ для себя и для близкихъ, какъ и всѣ люди, ненавидя всякаго рода стѣсненія и лишенія, вражду и страданія. Живетъ спокойно такой человѣкъ; вдругъ къ нему приходятъ люди и говорятъ ему: во 1-хъ, обѣщайся и поклянись намъ, что ты будешь рабски повиноваться намъ во всемъ томъ, что мы предпишемъ тебѣ, и будешь считать несомнѣнной истиной и подчиняться всему тому, что мы придумаемъ, рѣшимъ и назовемъ закономъ; во-вторыхъ, отдай часть твоихъ трудовъ въ наше распоряженіе; мы будемъ употреблять эти деньги на то, чтобы держать тебя въ рабствѣ и помѣшать тебѣ противиться насиліямъ нашимъ распоряженіямъ; въ 3-хъ, избирай и самъ избирайся въ мнимые участники правительства, зная при этомъ, что управленіе будетъ происходить совершенно независимо отъ тѣхъ глупыхъ рѣчей, которыя ты будешь произносить съ подобными тебѣ, и будетъ происходить по нашей волѣ, по волѣ тѣхъ, въ рукахъ кого войско; въ четвертыхъ, въ извѣстное время являйся въ судъ и участвуй во всѣхъ тѣхъ безсмысленныхъ жестокостяхъ, которыя мы совершаемъ надъ заблудшими и развращенными нами-же людьми, подъ видомъ тюремныхъ заключеній, изгнаній, одиночныхъ заключеній и казней. И, наконецъ, въ пятыхъ, сверхъ всего этого, не смотря на то, что ты будешь находиться въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ людьми другихъ народовъ, будь готовъ тотчасъ же, когда мы тебѣ велимъ это, считать тѣхъ изъ этихъ людей, которыхъ мы тебѣ укажемъ, своими врагами и содѣйствовать лично или наймомъ раззоренію, ограбленію, убійству ихъ мущинъ, женъ, дѣтей, старикоѣъ, а можетъ быть, и твоихъ одноплеменниковъ, можетъ быть, и родителей, если это намъ понадобится.

Казалось бы, что можетъ отвѣтить на такія требованія всякій неодуренный человѣкъ нашего времени?

«Да зачѣмъ же я буду дѣлать все это», казалось бы съ удивленіемъ долженъ сказать всякій душевно здоровый человѣкъ. «Зачѣмъ я буду обѣщаться повиноваться всему тому, что мнѣ велятъ нынѣче Салисбюри, завтра Гладстонъ, нынѣче Буланже, завтра палата изъ такихъ же Буланже, нынѣче Петръ III, завтра Екатерина, послѣ завтра Пугачевъ, нынѣче Баварскій сумасшедшій король, завтра Вильгельмъ. Зачѣмъ я буду обѣщаться повиноваться имъ, зная ихъ за дурныхъ или же пустыхъ людей или вовсе не зная ихъ? Зачѣмъ я буду подъ видомъ подати отдавать имъ плоды своихъ трудовъ, зная, что деньги употребляются на подкупъ чиновниковъ, тюрьмы, церкви, войска, на дурныя дѣла и на мое же порабощеніе; зачѣмъ я буду сѣчь самъ себя? Зачѣмъ я пойду, теряя свое время и отводя себѣ глаза и придавая насильникамъ подобіе законности, участвовать въ выборахъ и притворяться, что я участвую въ управленіи, когда я знаю очень хорошо, что управленіе государствомъ въ рукахъ тѣхъ, въ рукахъ кого войско? Зачѣмъ я пойду въ судахъ участвовать въ истязаніяхъ и казняхъ людей за то, что они заблуждаются, зная, если я христіанинъ, что законъ мести замѣненъ закономъ любви, и, если я образованный человѣкъ, то, что наказанія не улучшаютъ, а только ухудшаютъ людей, которыхъ имъ подвергаютъ? И, зачѣмъ, главное, я изъ за того только, что ключи отъ Іерусалимскаго храма будутъ у того, а не у этого архіерея, что въ Болгаріи будетъ княземъ тотъ, а не этотъ нѣмецъ, и что тюленей будутъ ловить англійскіе, а не американскіе купцы, признаю врагами людей сосѣдняго народа, съ которыми я жилъ до сихъ поръ и желаю жить въ любви и согласіи, и найму солдатъ или самъ пойду убивать и раззорять ихъ и самъ подвергнусь ихъ нападенію? И зачѣмъ, главное, буду содѣйствовать лично ли, или наймомъ военной силы порабощенію и убійству своихъ братьевъ и отцевъ? Зачѣмъ я буду сѣчь самъ себя? Все это мнѣ не нужно и все это мнѣ вредно и все это со всѣхъ сторонъ безнравственно, подло, скверно. Такъ зачѣмъ же я буду дѣлать это? Если вы говорите, что безъ этого мнѣ отъ кого то будетъ худо, то, во первыхъ, ничего столь худого, какъ то худое, которое вы мнѣ причиняете, если я послушаюсь васъ, мнѣ ни отъ кого не предвидится; во вторыхъ, мнѣ совершенно ясно, что если мы сами не будемъ сѣчь себя, то и никто не будетъ сѣчь насъ. Вѣдь правительство — это цари, министры, чиновники съ перьями, которые меня ни къ чему, какъ тотъ становой мужиковъ, принудить не могутъ: поведутъ меня насильно въ судъ, въ тюрьму, на казнь не цари и чиновники съ перьями, а тѣ самые люди, которые находятся въ такомъ же положеніи, какъ и я. А имъ такъ же безполезно и вредно, и непріятно быть сѣченными, какъ и мнѣ, и потому по всѣмъ вѣроятіямъ, если я имъ открою глаза, они не только не должны насиловать меня, но должны сдѣлать то же, что и я.

Въ третьихъ, если бы даже и случилось то, что мнѣ пришлось бы пострадать за это, то и тогда мнѣ выгоднѣе быть сосланнымъ или запертымъ въ тюрьму, отстаивая здравый смыслъ и добро — то, что, не нынѣче — завтра, то черезъ очень короткое время, должно восторжествовать, чѣмъ пострадать за глупость и зло, кото-

рыя нынѣче — завтра должны кончиться. И потому даже и въ этомъ случаѣ выгоднѣе рисковать тѣмъ, что меня сошлютъ, запрутъ въ тюрьму и даже казнятъ, чѣмъ тѣмъ, что по моей же винѣ я проживу всю жизнь въ рабствѣ у дурныхъ людей, могу быть раззоренъ вторгнувшимся непріятелемъ, имъ по дурацки искалѣченъ и убитъ, отстаивая пушку, или никому не нужный клочекъ земли, или глупую тряпку, называемую знаменемъ.

Я не хочу сѣчь самъ себя и не буду. Мнѣ незачѣмъ это дѣлать. Дѣлайте сами, коли вы этого хотите, а я не буду.

Казалось бы, не только религіозное или нравственное чувство, но самое простое разсужденіе и разсчетъ должны бы заставить каждаго человѣка нашего времени отвѣтить и поступить такъ. Но нѣтъ: люди общественнаго жизнепониманія находятъ, что поступать такъ не нужно и даже вредно для достиженія цѣли освобожденія людей отъ рабства, а надо продолжать, какъ тѣ мужики становаго, сѣчь другъ друга, утѣшая себя тѣмъ, что то, что мы болтаемъ въ палатахъ и на собраніяхъ, составляемъ союзы рабочихъ, гуляемъ 1-го мая по улицамъ, дѣлаемъ заговоры и изподтишка дразнимъ правительство, которое сѣчетъ насъ, что это здѣлаетъ все то, что мы, все больше и больше закабаляя себя, очень скоро освободимся.

Ничто не мѣшаетъ столько освобожденію людей, сколько это удивительное заблужденіе. Вмѣсто того, чтобы каждому человѣку направить свои силы на освобожденіе самого себя, на измѣненіе своего жизнепониманія, люди ищутъ внѣшняго совокупнаго средства освобожденія и тѣмъ все больше и больше заковываютъ себя.

Въ родѣ какъ, если бы люди утверждали, что для того, чтобы развести жаръ, нужно не то, чтобы разжечь каждый уголь, а то, чтобы расположить уголья извѣстнымъ образомъ.

А между тѣмъ то, что освобожденіе всѣхъ людей произойдетъ именно черезъ освобожденіе отдѣльныхъ лицъ, становится въ послѣднее время все болѣе и болѣе очевиднымъ. Освобожденіе отдѣльныхъ лицъ во имя христіанскаго жизнепониманія отъ государственнаго порабощенія, бывшее прежде исключительнымъ и незамѣтнымъ явленіемъ, получило въ послѣднее время угрожающее для государственной власти значеніе.

Если въ прежнее время, во времена Рима, въ средніе вѣка случалось, что христіанинъ, исповѣдуя свое ученіе, отказывался отъ участія въ жертвахъ, отъ поклоненія императорамъ, богамъ, или въ средніе вѣка отъ поклоненія иконамъ, отъ признанія папской власти, то отрицанія эти, во первыхъ, были случайны: человѣкъ могъ быть поставленъ въ необходимость исповѣданія своей вѣры, и могъ прожить жизнь, не будучи поставленъ въ эту необходимость. Теперь же этимъ испытаніямъ вѣры подвергаются всѣ люди безъ исключенія. Всякій человѣкъ нашего времени поставленъ въ необходимость признать свое участіе въ жестокостяхъ языческой жизни или отвергнуть ее. И во вторыхъ, въ тѣ времена отказы отъ поклоненія богамъ, иконамъ, папѣ составляли не существенныя для государства явленія: сколько бы людей поклонялось или не поклонялось богамъ или иконамъ, или папѣ, государство оставалось столь же сильно. Теперь же отказы отъ нехристіанскихъ требованій правительствъ подрываютъ подъ корень самую государственную власть, потому что на исполненіи этихъ нехристіанскихъ требованій зиждется вся власть государства.

Мірскія власти были ходомъ жизни приведены къ тому положенію, что для своего поддержанія, онѣ должны требовать отъ всѣхъ людей такихъ поступковъ, которые не могутъ быть исполнены людьми, исповѣдующими истинное христіанство.

И потому въ наше время всякое исповѣданіе отдѣльнымъ человѣкомъ истиннаго христіанства подрываетъ въ самомъ существенномъ власть правительства и неизбѣжно влечетъ за собой освобожденіе всѣхъ.

Что, казалось бы, важнаго въ такихъ явленіяхъ, какъ отказы нѣсколькихъ десятковъ щальныхъ, какъ ихъ называютъ, людей, которые не хотятъ присягать правительству, не хотятъ платить подати, участвовать въ судѣ и въ военной службѣ? Людей этихъ наказываютъ и удаляютъ, и жизнь идетъ по старому. Казалось бы, нѣтъ ничего важнаго въ этихъ явленіяхъ, а между тѣмъ эти то явленія болѣе всего другого подрываютъ власть государства и подготовляютъ освобожденіе людей. Это тѣ отдѣльныя пчелы, которыя начинаютъ отдѣляться отъ роя и летаютъ около, ожидая того, что не можетъ задержаться,—чтобы весь рой поднялся за ними. И правительства знаютъ это и боятся этихъ явленій больше всѣхъ соціалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ и ихъ заговоровъ съ динамитными бомбами.

Наступаетъ новое царствованіе; по общему правилу и заведенному порядку требуется, чтобы всѣ подданные присягнули новому правительству. Дѣлается общее распоряженіе. Призываютъ всѣхъ въ соборъ для присяги. Вдругъ одинъ человѣкъ въ Перми, другой въ Тулѣ, третій въ Москвѣ, четвертый въ Калугѣ объявляютъ, что они присягать не будутъ и объясняютъ свой отказъ, всѣ, не сговариваясь между собой, однимъ и тѣмъ же, тѣмъ, что по христіанскому закону клятва запрещена, но что если бы клятва и не была запрещена, то они по духу христіанскаго закона не могутъ обѣщаться совер-

шать тѣ дурные поступки, которые требуются отъ нихъ въ присягѣ, какъ то: доносить на всѣхъ тѣхъ, которые будутъ нарушать интересы правительства, защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое правительство, или нападать на враговъ его. Ихъ призываютъ къ становымъ, исправникамъ, священникамъ, губернаторамъ, увѣщеваютъ, упрашиваютъ, угрожаютъ и наказываютъ, но они остаются при своемъ рѣшеніи и не присягаютъ. И среди милліоновъ присягавшихъ живутъ десятки не присягавшихъ. И ихъ спрашиваютъ:

— Какъ же вы не присягали?

— Такъ и не присягали.

— И что же, ничего?

— Ничего.

Подданные государства обязаны всѣ платить подати. И всѣ платятъ, но одинъ человѣкъ въ Харьковѣ, другой въ Твери, третій въ Самарѣ отказываются платить подать, говоря всѣ, какъ бы сговорившись, одно и то же. Одинъ говоритъ, что онъ заплатитъ только тогда, когда ему скажутъ, на что пойдутъ отбираемыя отъ него деньги. Если на добрыя дѣла, говоритъ онъ, то онъ самъ дастъ и больше того, что отъ него требуютъ. Если же на злыя, то не дастъ добровольно ничего, потому что по закону Христа, которому онъ слѣдуетъ, онъ не можетъ содѣйствовать злымъ дѣламъ. То же, хотя и другими словами, говорятъ и другіе, и не даютъ добровольно подати. У тѣхъ, у которыхъ есть что взять, отбираютъ насильно имущество; тѣхъ же, у которыхъ нечего взять, оставляютъ въ покоѣ.

— Что же, такъ и не заплатилъ подать?

— Не заплатилъ.

— И что же, ничего?

— Ничего.

Учреждены паспорты. Всѣ, отлучающіеся отъ мѣста жительства, обязаны брать ихъ и платить за это пошлины. Вдругъ въ разныхъ мѣстахъ являются люди, которые говорятъ, что брать паспорты не нужно, что не слѣдуетъ признавать свою зависимость отъ государства, живущаго насиліемъ, и люди эти не берутъ паспортовъ и не платятъ за нихъ пошлину. И опять ничѣмъ нельзя заставить этихъ людей исполнять требуемое. Ихъ запираютъ въ остроги и опять выпускаютъ, и люди живутъ безъ паспортовъ.

Всѣ крестьяне обязаны исполнять полицейскія должности сотскихъ, десятскихъ и т. п. Вдругъ въ Харьковѣ крестьянинъ отказывается исполнять эту обязанность, объясняя свой отказъ тѣмъ, что по тому христіанскому закону, который онъ исповѣдуетъ, онъ не можетъ никого связывать, запирать, водить изъ мѣста въ мѣсто. То же заявляетъ крестьянинъ въ Твери, въ Тамбовѣ. Крестьянъ ругаютъ, бьютъ, сажаютъ въ заключеніе, но они остаются при своемъ рѣшеніи и не исполняютъ противнаго своей вѣрѣ. И ихъ перестаютъ выбирать въ сотскіе и опять ничего.

Всѣ граждане должны участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. Вдругъ самые разнообразные люди: каретники, профессора, купцы, мужики, дворяне, какъ бы сговорившись, отказываются отъ этихъ обязанностей и не по причинамъ, признаваемымъ закономъ, а потому, что самый судъ, по ихъ убѣжденію, есть дѣло незаконное, нехристіанское, которое не должно существовать. Людей этихъ штрафуютъ, стараясь не дать имъ публично высказать мотивы отказа, и замѣняютъ другими. Точно также поступаютъ и съ тѣми, которые на тѣхъ же основаніяхъ отказываются быть на судѣ свидѣтелями. И тоже ничего.

Всѣ люди 21-го года обязаны брать жребій. Вдругъ одинъ молодой человѣкъ въ Москвѣ, другой въ Твери, третій въ Харьковѣ, четвертый въ Кіевѣ, какъ бы по предварительному уговору являются въ присутствіе и заявляютъ, что они ни присягать, ни служить не будутъ, потому что они христіане. Вотъ подробности одного изъ первыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ отказы эти стали учащаться, случаевъ, который мнѣ хорошо извѣстенъ. *) Во всѣхъ другихъ случаяхъ повторялось прибливительно то же. Молодой человѣкъ средняго образованія отказывается въ Московской думѣ. На слова его не обращаютъ вниманія и требуютъ, чтобы онъ такъ же, какъ и другіе, произнесъ слова присяги. Онъ отказывается, указывая на опредѣленное мѣсто Евангелія, запрещающее клятву. На его доводы не обращаютъ вниманія и требуютъ исполненія приказанія, но онъ не исполняетъ его. Тогда предполагается, что онъ сектантъ и потому неправильно понимаетъ христіанство, т. е. не такъ, какъ понимаютъ его оплачиваемые государствомъ священники. И молодого человѣка подъ конвоемъ отправляютъ къ священникамъ, чтобы вразумить его. Священники начинаютъ вразумлять молодого человѣка, но убѣжденія ихъ во имя Христа отказаться отъ Христа, очевидно, не дѣйствуютъ на молодого человѣка, и его возвращаютъ опять въ войско, объявляя его неисправимымъ. Молодой человѣкъ продолжаетъ не присягать и открыто отказывается отъ исполненія военныхъ обязанностей. Случай этотъ не предвиденъ закономъ. Допустить отказъ отъ исполненія требованій начальства — нельзя, но и приравнять этотъ случай простому неповиновенію — тоже нельзя. По совѣщанію между собой военныя власти рѣшаются, чтобы избавиться отъ затруднительнаго молодого человѣка, признать его революціонеромъ и отсылаютъ

*) Всѣ подробности какъ этого случая, такъ и предшествующихъ — подлинны.

его подъ конвоемъ въ управленіе тайной полиціи. Полицейскіе и жандармы допрашиваютъ молодого человѣка, но все, что онъ говоритъ, не подходитъ ни подъ одно изъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію преступленій, и нѣтъ никакой возможности обвинить его ни въ революціонныхъ поступкахъ, ни въ заговорахъ, такъ какъ онъ объявляетъ, что онъ ничего не желаетъ разрушать, а, напротивъ, отрицаетъ всякое насиліе, и ничего не скрываетъ, а ищетъ случая говорить и дѣлать то, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, самымъ открытымъ образомъ. И жандармы, не смотря на отсутствіе для нихъ законовъ, такъ же какъ и духовенство, не находя никакого повода къ обвиненію молодого человѣка, возвращаютъ его опять въ войско. Опять совѣщаются начальники и рѣшаютъ хотя и не присягавшаго молодого человѣка принять и зачислить въ солдаты. Его одѣваютъ, зачисляютъ и отправляютъ подъ стражею на мѣсто размѣщенія войскъ. На мѣстѣ размѣщенія войскъ начальникъ части, въ которую онъ поступаетъ, опять требуетъ отъ молодого человѣка исполненія военныхъ обязанностей, и онъ опять отказывается повиноваться, и при другихъ солдатахъ высказываетъ причину своего отказа, говоритъ, что онъ, какъ христіанинъ, не можетъ добровольно готовиться къ убійству, запрещенному еще закономъ Моисея.

Дѣло происходитъ въ провинціальномъ городѣ. Случай вызываетъ интересъ и даже сочувствіе не только въ посторонникъ, но и въ офицерахъ, и потому начальники не рѣшаются употребить обычную дисциплинарную мѣру за отказъ въ повиновеніи. Для приличія, однако, молодого человѣка запираютъ въ тюрьму, и пишутъ въ высшее военное управленіе, спрашивая, что дѣлать? Съ оффиціальной точки зрѣнія отказъ отъ участія въ военной службѣ, въ которой служитъ самъ царь, и которая благословляется церковью, представляется сумасшествіемъ, и потому изъ Петербурга пишутъ, что такъ какъ молодой человѣкъ долженъ быть не въ своемъ разсудкѣ, то, не употребляя еще противъ него крутыхъ мѣръ, отправить его для изслѣдованія его душевнаго здоровья и для излѣченія его въ домъ умалишенныхъ. Его отправляютъ въ надеждѣ, что онъ тамъ и останется, какъ десять лѣтъ тому назадъ было съ отказавшимся въ Твери отъ военной службы другимъ молодымъ человѣкомъ, котораго мучали въ сумасшедшемъ домѣ до тѣхъ поръ, пока онъ покорился. Но и эта мѣра не спасаетъ военное начальство отъ неудобнаго молодого человѣка. Доктора свидѣтельствуютъ его, очень заинтересовываются имъ и, разумѣется, не найдя въ немъ никакихъ признаковъ душевной болѣзни, возвращаютъ опять въ войско. Его принимаютъ и, дѣлая видъ, что забыли про его отказъ и мотивы его, ему опять предлагаютъ идти на ученіе, и опять онъ при другихъ солдатахъ отказывается и заявляетъ о причинѣ своего отказа. Дѣло это все больше и больше обращаетъ на себя вниманіе и солдатъ, и жителей города. Опять пишутъ въ Петербургъ и оттуда выходитъ рѣшеніе перевести молодого человѣка въ войска, стоящія на окраинахъ, въ мѣста, гдѣ войска находятся на военномъ положеніи, и гдѣ за отказъ повиноваться можно разстрѣлять его, и гдѣ дѣло это можетъ пройти незамѣтно, такъ какъ въ далекомъ краѣ этомъ очень мало русскихъ и христіанъ, а большинство инородцы и магометане. Такъ и дѣлаютъ. Молодого человѣка перечисляютъ въ войска, стоящія въ Закаспійскомъ краѣ, и съ преступниками отправляютъ къ начальнику, извѣстному своею рѣшительностью и строгостью.

Во все это время, при всѣхъ этихъ пересылкахъ изъ мѣста въ мѣсто, съ молодымъ человѣкомъ обращаются грубо, держатъ его въ холодѣ, голодѣ и нечистотѣ и вообще всячески дѣлаютъ его жизнь мучительною. Но всѣ эти истязанія не заставляютъ его измѣнить своему рѣшенію. Въ Закаспійскомъ краѣ, когда ему опять предлагаютъ идти въ караулъ съ оружіемъ, онъ опять отказывается повиноваться. Онъ не отказывается идти стоять подлѣ стоговъ сѣна, куда его посылаютъ, но отказывается взять оружіе, объявляя, что онъ ни въ какомъ случаѣ ни противъ кого не будетъ употреблять насиліе. Все это происходитъ передъ другими солдатами. Оставить такой отказъ безнаказанно нельзя, и молодого человѣка отдаютъ подъ судъ за нарушеніе дисциплины. Происходитъ судъ, и молодого человѣка приговариваютъ къ заключенію въ военной тюрьмѣ на два года. Опять по этапу съ преступниками его пересылаютъ на Кавказъ и тамъ заключаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ подпадаетъ подъ безконтрольную власть тюремщика. Тамъ его мучаютъ полтора года, но онъ все-таки не измѣняетъ своего рѣшенія не брать въ руки оружія и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится быть въ сношеніяхъ, объясняетъ, почему онъ этого не дѣлаетъ, и въ концѣ второго года его отпускаютъ на свободу раньше срока, зачисливъ противно закону, содержаніе въ тюрьмѣ за службу, желая только поскорѣе отдѣлаться отъ него.

Точно такъ же, какъ этотъ молодой человѣкъ, какъ бы сговорившись, поступаютъ и другіе люди въ разныхъ концахъ Россіи, и во всѣхъ этихъ случаяхъ, обращая дѣйствія правительства тотъ же робкій, неопредѣленный и скрытный. Нѣкоторыхъ изъ такихъ людей отправляютъ въ сумасшедшіе дома, нѣкоторыхъ зачисляютъ въ писаря и переводятъ на службу въ Си-

бирь, нѣкоторыхъ въ лѣсничіе, нѣкоторыхъ запираютъ въ тюрьмы, нѣкоторыхъ штрафуютъ. И теперь нѣсколько такихъ отказавшихся сидятъ по тюрьмамъ не за сущность дѣла — за отрицаніе законности дѣйствій правительства, а за неисполненіе частныхъ требованій начальства. Такъ, недавно офицера запаса, не давшаго свѣдѣнія о своемъ мѣстопребываніи и заявившаго о томъ, что онъ не будетъ болѣе служить военнымъ, оштрафовали за неисполненіе распоряженій власти 30 рублями, которые онъ тоже отказался заплатить добровольно. Такъ, недавно нѣсколько крестьянъ и солдатъ, отказавшихся участвовать въ ученіи и брать въ руки ружье, за неповиновеніе и возраженіе посадили подъ арестъ.

И случаи отказовъ этихъ отъ исполненія государственныхъ требованій, противныхъ христіанству, въ особенности отказы отъ военной службы, совершаются въ послѣднее время и не въ одной Россіи, а вездѣ. Такъ, мнѣ извѣстно, что въ Сербіи люди, изъ такъ называемой секты Назареновъ, постоянно отказываются отъ военной службы и австрійское правительство уже нѣсколько лѣтъ тщетно борется съ ними, подвергая ихъ тюремному заключенію. Въ 1885 году отказовъ такихъ было 130. Въ Швейцаріи, я знаю, что въ 1890-хъ годахъ въ Шильонскомъ замкѣ сидѣли люди за отказъ отъ исполненія воинской повинности, не измѣнившіе вслѣдствіе наказанія своего рѣшенія. Такіе же отказы были въ Швеціи, и точно такъ же отказывающіеся были заключены въ тюрьмы и правительство старательно скрывало эти случаи отъ народа. Были такіе отказы и въ Пруссіи. Я знаю про унтеръ-офицера гвардіи, который въ 1891 году въ Берлинѣ объявилъ начальству, что онъ, какъ христіанинъ, не будетъ продолжать службу, и не смотря на всѣ увѣщанія, угрозы и наказанія, остался при своемъ рѣшеніи. Во Франціи, на югѣ ея возникла въ послѣднее время община людей, носящихъ названіе Гинчистовъ, *Hinschist* (свѣдѣнія эти взяты изъ *Peace Herold*, 1891 г., Іюль), члены которой отказываются на основаніи христіанскаго исповѣданія отъ исполненія воинской повинности и сначала зачислялись въ госпитали, но теперь, по мѣрѣ увеличенія ихъ, подвергаются наказаніямъ за неповиновеніе, но все таки не берутъ въ руки оружія.

Соціалисты, коммунисты, анархисты съ своими бомбами, бунтами и революціями далеко не такъ страшны правительствамъ, какъ эти разрозненные люди, съ разныхъ странъ заявляющіе свои отказы,—всѣ на основаніи одного и того же всѣмъ знакомаго ученія. Всякое правительство знаетъ, какъ и чѣмъ защищать себя отъ революціонеровъ, и имѣютъ на это средства и потому не боится этихъ внѣшнихъ враговъ. Но что дѣлать правительствамъ противъ тѣхъ людей, которые обличаютъ безполезность, излишество и вредность всякихъ правительствъ и не борятся съ ними, а только не нуждаются въ нихъ, обходятся безъ нихъ и потому не хотятъ участвовать въ нихъ?

Революціонеры говорятъ: «государственное устройство дурно тѣмъ то и тѣмъ то, нужно разрушить его и замѣнить такимъ то и такимъ то». Христіанинъ же говоритъ: «Я ничего не знаю про государственное устройство, про то, насколько оно хорошо или дурно и не желаю разрушать его именно потому, что не знаю, хорошо ли оно или дурно, но по этой то самой причинѣ и не желаю поддерживать его. И не только не желаю, но не могу, потому что то, что требуется отъ меня, противно моей совѣсти».

Противны же совѣсти христіанина всѣ обязанности государственныя: и присята, и подати, и суды, и войско. А на этихъ самыхъ обязанностяхъ зиждется вся власть государства.

Враги революціонеры извнѣ борятся съ правительствомъ. Христіанство же вовсе не борется, но изнутри разрушаетъ всѣ основы правительства.

Среди русскаго народа, въ которомъ особенно со времени Петра I никогда не прекращался протестъ христіанства противъ государства, среди русскаго народа, въ которомъ устройство жизни таково, что люди общинами уходятъ въ Турцію, въ Китай, въ необитаемыя земли и не только не нуждаются въ правительствѣ, но смотрятъ на него всегда, какъ на ненужную тяжесть, и только переносятъ его какъ бѣдствіе, будь оно турецкое, русское или китайское,—среди русскаго народа въ послѣднее время стали все чаще и чаще появляться случаи христіанскаго сознательнаго освобожденія отдѣльныхъ лицъ отъ подчиненія себя правительству. И проявленія эти особенно страшны правительству теперь тѣмъ, что отказывающіеся часто принадлежатъ не къ такъ называемымъ низшимъ необразованнымъ сословіямъ, а къ людямъ средняго и высшаго образованія, и тѣмъ, что люди эти объясняютъ свои отказы уже не какими либо мистическими исключительными вѣрованіями, какъ это было прежде, не соединяютъ ихъ съ какими либо суевѣріями и изувѣрствами, какъ это дѣлаютъ самосожигатели или бѣгуны, а причинами своего отказа выставляютъ самыя простыя и ясныя, всѣмъ доступныя и всѣми признаваемыя истины.

Такъ, отказываются отъ добровольной уплаты податей, потому что подати употребляются на дѣла насилія: жалованье насильникамъ, военнымъ, на устройство тюремъ, крѣпостей, пушекъ, а они, какъ христіане, считаютъ грѣшнымъ и безнрав-

ственнымъ участвовать въ этихъ дѣлахъ. Отказывающіеся отъ общей присяги отказываются потому, что обѣщаться въ повиновеніи властямъ, т. е. людямъ, предающимся насиліямъ, противно смыслу христіанскаго ученія; отказываются отъ присяги въ судахъ потому, что клятва прямо запрещена Евангеліемъ. Отказываются отъ должностей полицейскихъ, потому что при этихъ должностяхъ приходится употреблять насиліе противъ своихъ братьевъ и мучить ихъ, а христіанинъ не можетъ дѣлать этого. Отказываются отъ участія въ судѣ, потому что считаютъ всякій судъ исполненіемъ закона мести, несовмѣстимаго съ христіанскимъ закономъ прощенія и любви. Отказываются отъ всякаго участія въ военныхъ приготовленіяхъ и въ войскѣ, потому, что не хотятъ и не могутъ быть палачами и не хотятъ готовиться къ палачеству.

Всѣ мотивы этихъ отказовъ таковы, что какъ бы самовластны ни были правительства, они не могутъ открыто наказывать за нихъ. Для того, чтобы наказывать за такіе отказы, надо безповоротно самимъ правительствамъ отречься отъ разума и добра. А они увѣряютъ людей, что властвуютъ только во имя разума и добра.

Что дѣлать правительствамъ противъ этихъ людей?

Въ самомъ дѣлѣ, правительства могутъ перебить, переказнить, перезапереть по тюрьмамъ и каторгамъ на вѣчно всѣхъ своихъ враговъ, желающихъ насиліемъ свергнуть ихъ; могутъ засыпать золотомъ половину людей, которые имъ нужны, и подкупить ихъ; могутъ подчинить себѣ милліоны вооруженныхъ людей, готовыхъ погубить всѣхъ враговъ правительствъ. Но что могутъ они сдѣлать противъ людей, которые, не желая ничего ни разрушать, ни учреждать, желаютъ только для себя, для своей жизни, не дѣлать ничего противнаго христіанскому закону, и потому отказываются отъ исполненія самыхъ общихъ и потому самыхъ необходимыхъ для правительствъ обязанностей?

Если бы это были революціонеры, проповѣдующіе насиліе, убійство, и совершающіе эти дѣла, то противодѣйствіе имъ было бы легко: часть ихъ подкупили бы, часть обманули, часть запугали бы; тѣхъ же, которыхъ нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни запугать, выставили бы злодѣямъ, врагами общества, казнили-бы или заперли бы, и толпа одобрила бы дѣйствіе правительства. Если бы это были какіе нибудь изувѣры, проповѣдующіе какую нибудь особую вѣру, можно бы было, благодаря гѣмъ суевѣріямъ лжи, которыя примѣшиваются ими къ ихъ ученію, опровергнуть и то истинное, что они исповѣдуютъ. Но что дѣлать съ людьми, которые не проповѣдуютъ ни революціи, ни какихъ либо особенныхъ религіозныхъ догматовъ, а только потому, что они не желаютъ дѣлать никому зла, отказываются отъ присяги, уплаты податей, участія въ судѣ, отъ военной службы, отъ такихъ обязанностей, на которыхъ зиждется все устройство государства? Что дѣлать съ такими людьми? Подкупить ихъ нельзя: уже самый тотъ рискъ, на который они добровольно идутъ, показываетъ ихъ безкорыстіе. Обмануть тѣмъ, что этого требуетъ Богъ, тоже нельзя, потому что ихъ отказъ основанъ на ясномъ, несомнѣнномъ законѣ Бога исповѣдуемомъ и тѣми, которые хотятъ заставить людей дѣйствовать противно ему. Запугать угрозами еще менѣе можно, потому что лишенія и страданія, которымъ они будутъ подвергнуты за ихъ исповѣданіе, только усиливаютъ ихъ желаніе исповѣданія, и въ ихъ законѣ прямо сказано, что надо повиноваться Богу болѣе, чѣмъ людямъ, и не надо бояться тѣхъ, которые могутъ погубить тѣло, а того, что можетъ погубить и тѣло, и душу. Казнить или навѣчно запереть ихъ тоже нельзя. У людей этихъ есть прошедшее, друзья, образъ мыслей и дѣйствій ихъ извѣстенъ, всѣ ихъ знаютъ за кроткихъ, добрыхъ, смирныхъ людей и невозможно выставить ихъ злодѣями, которые должны быть устранены для спасенія общества. А казнь людей, признаваемыхъ всѣми добрыми, вызоветъ защитниковъ, разъяснителей отказа. А стоитъ только разъясниться причинамъ отказа для того, чтобы всѣмъ стало ясно, что тѣ причины, по которымъ эти христіане отказываются отъ исполненія государственныхъ требованій, таковы же для всѣхъ другихъ людей, и что всѣмъ давно уже надо бы дѣлать то-же.

Правительства передъ отказами христіанъ находятся въ отчаянномъ положеніи. Они видятъ, что пророчество христіанства сбывается,-оно разрываетъ узы скованныхъ и освобождаетъ людей, находящихся въ неволѣ, и видятъ, что это освобожденіе неизбѣжно должно уничтожить тѣхъ, которые держатъ другихъ въ неволѣ. Правительства видятъ это, знаютъ, что часы ихъ сочтены и ничего не могутъ сдѣлать. Все, что они могутъ сдѣлать для своего спасенія, это только то, чтобы отсрочить часъ своей погибели. Они и дѣлаютъ это, но положеніе ихъ все таки отчаянное.

Положеніе правительствъ подобно положенію завоевателя, который желаетъ сохранить городъ, поджигаемый самими жителями. Только что онъ затушитъ пожаръ въ одномъ мѣстѣ, загорается въ двухъ другихъ; только что онъ уступаетъ огню, отломаетъ то, что загорѣлось, отъ большаго зданія—загорается съ двухъ концовъ и это зданіе. Загоранія эти еще рѣдки, но загораются они огнемъ, который, начавшись съ искры, не остановится до тѣхъ поръ, пока не сожжетъ всего.

И вотъ тутъ то, когда правительства не-

редъ людьми, исповѣдующими христіанство, находятся въ такомъ беззащитномъ положеніи, и не достаетъ только очень малаго для того, чтобы рушилась вся эта кажущаяся столь могущественной и столькими вѣками воздвигавшаяся сила, туть то общественные дѣятели, проповѣдуютъ то, что не только не надо, но вредно, безнравственно даже каждому отдѣльно освобождаться отъ рабства. Вродѣ того, какъ если бы одни люди, чтобы освободить задержанную въ рѣкѣ воду, долго работая, прокопали бы уже всю канаву и имъ нужно бы было только открыть отверстіе, чтобы вода сама устремилась и сдѣлала остальное, и тутъ то пришли бы другіе люди и стали бы совѣтовать, что гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы спускать воду, устроить надъ рѣкой такую машину съ черпаками, которые, вычерпывая воду съ одной стороны, переливали бы ее съ другой въ тотъ же прудъ.

Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко: правительства чувствуютъ уже свою беззащитность и слабость и пробуждающіеся отъ усыпленія люди христіанскаго сознанія уже начинаютъ чувствовать свою силу.

«Огонь принесъ я на землю», сказалъ Христосъ, «и какъ томлюсь когда онъ возгорится».

И огонь этотъ начинаетъ возгораться.

X.

Христіанство въ его истинномъ значеніи разрушаетъ государство. Такъ оно было понято и съ самаго начала, за то былъ и распятъ Христосъ, и всегда такъ понималось людьми, не связанными необходимостью оправданія христіанскаго государства. Только со времени принятія главами государствъ номинальнаго внѣшняго христіанства, начали придумываться всѣ тѣ невозможныя хитросплетенныя теоріи, по которымъ христіанство можно совмѣстить съ государствомъ. Но для каждаго искренняго и серьезнаго человѣка нашего времени не можетъ не быть очевидной несовмѣстимость истиннаго христіанства — ученія смиренія, прощенія обидъ, любви — съ государствомъ, съ его величаніемъ, насиліями, казнями и войнами. Исповѣданіе истиннаго христіанства не только исключаетъ возможность признанія государства, но и разрушаетъ основы его.

Но если такъ, и справедливо то, что христіанство несовмѣстимо съ государствомъ, то естественно является вопросъ: что нужнѣе для блага человѣчества, что больше обезпечиваетъ благо людей: государственная форма жизни или разрушеніе и замѣна ея христіанствомъ?

Одни люди говорятъ, что нужнѣе для человѣчества государство, что уничтоженіе государственной формы повлекло бы за собой уничтоженіе всего того, что выработало человѣчество, что государство какъ было, такъ и продолжаетъ быть единственной формой развитія человѣчества, и что все то зло, которое мы видимъ среди народовъ, живущихъ въ государственной формѣ, происходитъ не отъ этой формы, а отъ злоупотребленій, которыя могутъ быть исправлены безъ уничтоженія, и что человѣчество, не нарушая государственной формы, можетъ развиться и дойти до высокой степени благосостоянія. И люди, думающіе такъ, приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія кажущіеся имъ неопровержимыми и философскіе, и историческіе и даже религіозные доводы. Но есть люди, полагающіе обратное, именно то, что, такъ какъ было время, когда человѣчество жило безъ государственной формы, то форма эта временная, и должно наступить время, когда людямъ понадобится новая форма, и что время это наступило теперь. И люди, думающіе такъ, приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія кажущіеся имъ тоже неопровержимыми и философскіе, и историческіе, и религіозные доводы.

Можно написать томы въ защиту перваго мнѣнія (они уже и давно написаны и все еще пишутся), но можно написать (и тоже, хотя и недавно, но много и блестяще написано) и многое противъ него.

И нельзя доказать ни того, какъ это утверждаютъ защитники государства, что уничтоженіе государства повлечетъ за собой общественный хаосъ, взаимные грабежи, убійства, и уничтоженіе всѣхъ общественныхъ учрежденій и возвращеніе человѣчества къ варварству; ни того, какъ это утверждаютъ противники государства, что люди уже стали настолько разумны и добры, что не грабятъ и не убиваютъ другъ друга, предпочитаютъ мирное общеніе враждѣ, что сами безъ помощи государства учредятъ все то, что имъ будетъ нужно, а что поэтому государство не только не содѣйствуетъ всему этому, а, напротивъ, подъ видомъ огражденія людей производитъ на нихъ вредное и ожесточающее вліяніе. Нельзя доказать отвлеченными разсужденіями ни того, ни другого. Еще меньше можно доказать это опытомъ, такъ какъ вопросъ состоитъ въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ дѣлать опытъ. Вопросъ о томъ, наступило или не наступило время упраздненія государства, былъ бы неразрѣшимымъ, если бы не существовалъ другой жизненный способъ неоспоримаго рѣшенія его.

Совершенно независимо отъ чьего-бы то ни было сужденія о томъ, созрѣли ли птенцы гнѣзда на столько, чтобы согнать насѣдку и выпустить изъ яицъ птенцовъ, или еще не созрѣли для этого, неоспоримымъ рѣшителемъ вопроса будутъ птенцы,

когда они, уже не умѣщаясь болѣе въ яйцахъ, начнутъ пробивать ихъ клювомъ и сами выходить изъ нихъ.

То же съ вопросомъ о томъ, наступило ли или не наступило для людей время уничтоженія государственной формы и замѣны ея новой. Если человѣкъ, вслѣдствіе выросшаго въ немъ высшаго сознанія, не можетъ уже болѣе исполнять требованій государства, не умѣщается уже болѣе въ немъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не нуждается болѣе въ огражденіи государственной формой, то вопросъ о томъ, созрѣли ли люди до отмѣны государственной формы, или не созрѣли, рѣшается совсѣмъ съ другой стороны и такъ же неоспоримо, какъ и для птенца, вылупившагося изъ яйца, въ которое уже никакія силы міра не могутъ вернуть его, — самими людьми, выросшими уже изъ государства и никакими силами не могущими быть возвращенными въ него.

«Очень можетъ быть, что государство было нужно и теперь нужно для всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя вы приписываете ему», говоритъ человѣкъ, усвоившій христіанское жизнепониманіе, «знаю только то, что съ одной стороны мнѣ не нужно болѣе государство, съ другой *я* не могу болѣе совершать тѣ дѣла, которыя нужны для существованія государства. Устраивайте для себя то, что нужно вамъ для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общаго вреда государства, я знаю только то, что мнѣ нужно и не нужно, что мнѣ можно и нельзя. Я знаю про себя, что мнѣ не нужно отдѣленіе себя отъ другихъ народовъ и потому я не могу признавать своей исключительной принадлежности къ какому либо народу и государству и подданства какому либо правительству; знаю про себя, что мнѣ не нужны всѣ тѣ правительственныя учрежденія, которыя устраиваются внутри государствъ, и потому я не могу, лишая людей нуждающихся въ моемъ трудѣ, отдавать его въ видѣ подати на ненужныя мнѣ и, сколько я знаю, вредныя учрежденія; я знаю про себя, что мнѣ не нужны ни управленія, ни суды, производимые насиліемъ, и потому я не могу участвовать ни въ томъ, ни въ другомъ; я знаю про себя, что мнѣ не нужно ни нападать на другіе народы, убивая ихъ, ни защищаться отъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и потому я не могу участвовать въ войнахъ и приготовленіяхъ къ нимъ. Очень можетъ быть, что есть люди, которые не могутъ не считать всего этого нужнымъ и необходимымъ, я не могу спорить съ ними, я знаю только про себя, за то несомнѣнно знаю, что мнѣ этого не нужно и что я этого не могу дѣлать. И не нужно это мнѣ, и не могу я этого дѣлать не потому, что мнѣ, моей личности такъ хочется, а потому, что этого не хочетъ Тотъ, кто послалъ меня въ жизнь и далъ мнѣ несомнѣнный законъ для руководства въ этой жизни».

Какіе бы доводы не приводили люди въ пользу того, что вредно упразднить государственную власть и что упраздненіе это можетъ породить бѣдствія, люди, выросшіе уже изъ государственной формы, уже не могутъ вмѣститься въ ней. И сколько бы и какіе бы доводы не приводили человѣку, выросшему изъ государственной формы, о необходимости ея, онъ не можетъ вернуться къ ней, не можетъ принимать участія въ дѣлахъ, отрицаемыхъ его сознаніемъ, какъ не могутъ выросшіе птенцы вернуться въ скорлупу, изъ которой они выросли.

«Но если это и такъ», говорятъ защитники существующаго строя, «то все таки упраздненіе государственнаго насилія возможно и желательно бы было тогда, когда бы всѣ люди стали христіанами. До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, пока среди людей, только называющихся христіанами, есть люди не христіане, люди злые, для своей личной похоти готовые нанести вредъ другимъ, упраздненіе государственной власти не только не было бы благомъ для остальныхъ людей, но только увеличило-бы ихъ бѣдствіе. Упраздненіе государственной формы жизни нежелательно не только тогда, когда будетъ малая часть истинныхъ христіанъ, но оно нежелательно даже тогда, когда всѣ будутъ христіанами, но въ средѣ ихъ или вокругъ ихъ, въ другихъ народахъ, останутся не христіане, потому что не христіане будутъ безнаказанно грабить, насиловать, убивать христіанъ и сдѣлаютъ ихъ жизнь мучительною. Будетъ только то, что злые будутъ безнаказанно властвовать надъ добрыми и насиловать ихъ. И потому государственная власть не должна быть упразднена до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ злые, хищные люди на свѣтѣ. А такъ какъ этого, если не никогда, то еще долго не можетъ быть, то не смотря на попытки освобожденія отдѣльныхъ христіанъ отъ государственной власти, власть эта для большинства людей должна быть поддерживаема». Такъ говорятъ защитники государства. «Безъ государства злые насилуютъ добрыхъ и властвуютъ надъ ними. Государственная же власть даетъ возможность добрымъ удерживать злыхъ», говорятъ они.

Но утверждая это, защитники существующаго строя уже впередъ рѣшаютъ справедливость того положенія, которое имъ нужно доказать. Говоря то, что безъ государственной власти злые властвовали-бы надъ добрыми, они считаютъ доказаннымъ то, что добрые это тѣ самые, которые въ настоящее время обладаютъ властью, и

злые тѣ самые, которые покоряются. Но вѣдь это то самое и надо доказать. Вѣдь, это было бы справедливо только тогда, когда бы въ нашемъ мірѣ происходило то, что хоть и не происходитъ, но предполагается въ Китаѣ, именно то, что властвуютъ всегда добрые и что, какъ скоро во главѣ правительства стоятъ не болѣе добрые, чѣмъ тѣ, надъ которыми они властвуютъ, то граждане обязаны свергать ихъ. Такъ это предполагается въ Китаѣ, въ дѣйствительности же этого нѣтъ и не можетъ быть, потому что для того, чтобы свергнуть власть насилующаго правительства, мало имѣть на это право, надо имѣть силу. Такъ что и въ Китаѣ это только предполагается. Но въ нашемъ христіанскомъ мірѣ это даже никогда и не предполагалось. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ даже никакого основанія предполагать, чтобы властвовали болѣе добрые или лучшіе, а не тѣ, которые захватывали власть и удерживали ее для себя и для своихъ наслѣдниковъ. Захватывать же и удерживать власть никакъ не могутъ болѣе добрые.

Для того, чтобы пріобрѣсти власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбіе же соединяется не съ добротой, а съ противуположными добротѣ качествами: съ гордостью, хитростью, жестокостью.

Безъ возвеличиванія себя и униженія другихъ, безъ лицемѣрія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ не можетъ ни возникнуть, ни держаться никакая власть.

«Если упразднить государственную власть, то болѣе злые будутъ властвовать надъ менѣе злыми», говорятъ защитники государственности. Но если египтяне покорили евреевъ, персы покорили египтянъ, македоняне покорили персовъ, римляне покорили грековъ, варвары покорили римлянъ, то неужели всѣ тѣ, которые покоряли, были болѣе добры, чѣмъ тѣ, кого они покоряли?

И точно также въ переходахъ власти въ одномъ государствѣ отъ однихъ лицъ къ другимъ, развѣ всегда власть переходила къ болѣе добрымъ? Когда свергнутъ былъ Людовикъ XVI атый и во власть вступилъ Робеспьеръ и потомъ Наполеонъ, кто властвовалъ? Болѣе добрые или болѣе злые? И когда властвовали болѣе добрые: когда версальцы или коммунары были во власти? Или когда во главѣ правительства былъ Карлъ I или Кромвель? И когда царемъ былъ Петръ III или когда его убили и царицей стала въ одной части Россіи Екатерина, а въ другой — Пугачевъ. Кто тогда былъ злой, кто добрый?

Всѣ люди, находящіеся во власти, утверждаютъ, что ихъ власть нужна для того, чтобы злые не насиловали добрыхъ, подразумѣвая подъ этимъ то, что они то и суть тѣ самые добрые, которые ограждаютъ другихъ добрыхъ отъ злыхъ.

Но вѣдь властвовать значитъ насиловать, насиловать значитъ дѣлать то, чего не хочетъ тотъ, надъ которымъ совершается насиліе и чего, навѣрное, для себя не желалъ бы тотъ, который совершаетъ насиліе; слѣдовательно, властвовать значитъ дѣлать другому то, чего мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, т. е. дѣлать злое.

Покориться значитъ предпочитать терпѣніе насилію. Предпочитать же терпѣніе насилію значитъ быть добрымъ, или хоть менѣе злымъ, чѣмъ тѣ, которые дѣлаютъ другимъ то, чего не желаютъ себѣ.

И потому всѣ вѣроятія за то, что властвовали всегда и теперь властвуютъ не болѣе добрые, а напротивъ, болѣе злые, чѣмъ тѣ, надъ которыми они властвуютъ. Могутъ быть злые и среди тѣхъ, которые подчиняются власти, но не можетъ быть того, чтобы болѣе добрые властвовали надъ болѣе злыми.

Этого нельзя было предполагать при языческомъ неточномъ опредѣленіи добра: при христіанскомъ же ясномъ и точномъ опредѣленіи добра и зла этого уже никакъ нельзя думать. Если болѣе или менѣе добрые, болѣе или менѣе злые могутъ не различаться въ языческомъ мірѣ, то христіанское понятіе о добромъ и зломъ такъ ясно опредѣлило признаки добрыхъ и злыхъ, что ихъ нельзя уже смѣшивать. По ученію Христа, добрые — это тѣ, которые смиряются, терпятъ, не противятся злу насиліемъ, прощаютъ обиды, любятъ враговъ; злые — это тѣ, которые величаются, властвуютъ, борятся и насилуютъ людей, и потому, по ученію Христа, нѣтъ сомнѣнія о томъ, гдѣ добрые среди властвующихъ или покоряющихся, и гдѣ злые среди покоряющихся или властвующихъ. Даже какъ то смѣшно говорить о властвующихъ христіанахъ.

Нехристіане, т. е. тѣ, которые полагаютъ свою жизнь въ мірскомъ благѣ, всегда и должны властвовать надъ христіанами, тѣми, которые полагаютъ свою жизнь въ отреченіи отъ этихъ благъ.

И такъ это всегда было и становилось все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе по мѣрѣ распространенія и уясненія христіанскаго ученія.

Чѣмъ болѣе распространялось и входило въ сознаніе людей истинное христіанство, тѣмъ менѣе возможно было христіанамъ быть среди властвующихъ и тѣмъ легче становилось нехристіанамъ властвовать надъ христіанами.

«Устраненіе государственнаго насилія въ томъ случаѣ, если въ обществѣ не всѣ люди стали истинными христіанами, сдѣлаетъ только то, что злые будутъ властво-

вать надъ добрыми и безнаказанно насиловать ихъ!» говорятъ защитники существующаго строя жизни.

«Злые будутъ властвовать надъ добрыми и насиловать ихъ».

Да, вѣдь, другого никогда ничего не было и не можетъ быть. Такъ всегда было съ начала міра и такъ это до сихъ поръ. Злые всегда властвуютъ надъ добрыми и всегда насилуютъ ихъ. Каинъ насиловалъ Авеля, хитрый Іаковъ властвовалъ надъ довѣрчивымъ Исавомъ, обманувшій его Лаванъ надъ Іаковомъ, Каіафа и Пилатъ властвовали надъ Христомъ, римскіе императоры властвовали надъ Сенеками, Эпиктетами и добрыми римлянами, жившими въ ихъ время. Іоаннъ IV съ своими опричниками, пьяный сифилитикъ Петръ со своими шутами, блудница Екатерина со своими любовниками властвовали надъ трудолюбивыми религіозными русскими людьми своего времени и насиловали ихъ. Вильгельмъ властвуетъ надъ нѣмцами, Стамбуловъ надъ болгарами, русскіе чиновники надъ русскимъ народомъ. Нѣмцы властвовали надъ итальянцами, теперь властвуютъ надъ венгерцами и славянами; турки властвовали и властвуютъ надъ славянами и греками; англичане властвуютъ надъ индѣйцами, монголы надъ китайцами.

Такъ что будетъ или не будетъ упраздненно государственное насиліе, положеніе людей добрыхъ, насилуемыхъ людьми злыми, отъ этого не измѣнится.

Пугать людей тѣмъ, что злые будутъ властвовать надъ добрыми, никакъ нельзя, потому что то, чѣмъ пугаютъ, есть то самое, что всегда было, и есть, и не можетъ быть иначе.

Вся языческая исторія человѣчества состоитъ только изъ тѣхъ событій, посредствомъ которыхъ болѣе злые захватывали власть надъ менѣе злыми и, захвативъ ее, жестокостями и хитростями поддерживали ее, и, выставляя себя блюстителями справедливости, защитниками добрыхъ отъ злыхъ, властвовали надъ добрыми. Всѣ перевороты въ исторіи суть только захватыванія власти болѣе злыми и властвованіе надъ добрыми. То, что властвующіе говорятъ, что если не было бы ихъ власти, то болѣе злые стали бы насиловать добрыхъ, означаетъ только то, что насильники, находящіеся во власти, не хотятъ уступить этой власти другимъ насильникамъ, которые хотѣли бы отнять ее у нихъ. Говоря же это, властвующіе только обличаютъ самихъ себя. Они говорятъ, что ихъ власть, т. е. насиліе нужно для того, чтобы защищать людей отъ какихъ то другихъ или имѣющихъ еще проявиться насильниковъ.*)

Тѣмъ-то и опасно употребленіе насилія, что какъ скоро оно употреблено, такъ всѣ доводы, которые за себя приводятъ насильники, не только съ тѣмъ же, но съ большимъ основаніемъ могутъ быть приведены противъ нихъ-же. Они говорятъ о бывшемъ и чаще всего о воображаемомъ будущемъ насиліи, а сами, не переставая, совершаютъ дѣйствительное насиліе. «Вы говорите, что люди прежде грабили и били, и вы боитесь, что ограбятъ и перебьютъ другъ друга, если не будетъ вашей власти. Это можетъ быть — можетъ и не быть, но то, что вы губите тысячи людей въ тюрьмахъ, каторгахъ, крѣпостяхъ, ссылкахъ, раззоряете милліоны семей и губите въ солдатствѣ физически и нравственно милліоны людей, — это не предполагаемое, а дѣйствительное насиліе, противъ котораго, по вашему же разсужденію, должно бороться насиліемъ. И потому тѣ злые, противъ которыхъ, по вашему же разсужденію, несомнѣнно нужно употреблять насиліе — это вы сами, — должны сказать насильникамъ насилуемые люди. И люди нехристіане всегда и говорятъ, и думаютъ, и поступаютъ такъ. Если насилуемые болѣе злы, чѣмъ тѣ, которые насилуютъ ихъ, то они нападаютъ на нихъ и стараются свергнуть, и при удобныхъ обстоятельствахъ свергаютъ ихъ, или, что самое обыкновенное, вступаютъ въ ряды насилующихъ и участвуютъ въ ихъ насиліяхъ.

Такъ что то самое, чѣмъ защитники государственности пугаютъ людей, тѣмъ, что если бы не было насилующей власти, то злые властвовали бы надъ добрыми, это то самое, не переставая, совершалось и совершается въ жизни человѣчества, а потому упраздненіе государственнаго насилія не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть причиною увеличенія насилія злыхъ надъ добрыми.

Если насиліе правительственное уничтожится, то насилія будутъ совершаться, можетъ быть, другими людьми, а не тѣми, которыми они совершались прежде; но сумма насилія ни въ какомъ случаѣ не можетъ увеличиться отъ того, что власть перейдетъ отъ однихъ людей къ другимъ.

«Государственное насиліе можетъ быть прекращено только тогда, когда уничтожатся злые люди среди общества», гово-

*) Поразительно въ этомъ отношеніи до комизма наивное утвержденіе русскихъ властей, насилующихъ чужія народности: поляковъ, остзейскихъ нѣмцевъ, евреевъ. Русское правительство душитъ своихъ подданныхъ, вѣками не заботилось ни о малороссахъ въ Польшѣ, ни о латышахъ въ остзейскомъ краѣ, ни о русскихъ мужикахъ, эксплуатируемыхъ всѣми возможными людьми, и вдругъ оно становится защитникомъ угнетенныхъ отъ угнетателей, тѣхъ самыхъ угнетателей, которыхъ оно само угнетаетъ.

рять защитники существующаго строя, подразумѣвая подъ этимъ то, что такъ какъ злые люди всегда будутъ, то насиліе никогда не прекратится. И это было бы справедливо, но только тогда, когда было-бы то, что ими предполагается, именно, что насилующіе суть болѣе добрые, и что единственное средство избавленія людей отъ зла есть насиліе. Тогда, точно, насиліе никогда не могло бы прекратиться. Но такъ какъ этого нѣтъ, а есть обратное, именно, что не болѣе добрые насилуютъ злыхъ, а болѣе злые насилуютъ добрыхъ и что кромѣ насилія, никогда не прекращающаго зла, есть другое средство уничтоженія насилія, то утвержденіе о томъ, что насиліе никогда не прекратится, — несправедливо. Насиліе уменьшается и уменьшается и, очевидно, должно прекратиться, но не такъ, какъ представляютъ это себѣ нѣкоторые защитники существующаго строя, тѣмъ, что люди, подлежащіе насилію, вслѣдствіе воздѣйствія на нихъ правительствъ, будутъ дѣлаться все лучше и лучше (вслѣдствіе этого они, напротивъ, становятся всегда хуже), а вслѣдствіе того, что такъ какъ всѣ люди постоянно становятся лучше и лучше, то и наиболѣе злые люди, находящіеся во власти, становясь все менѣе и менѣе злыми, сдѣлаются уже настолько добры, что станутъ неспособны употреблять насиліе.

Движеніе впередъ человѣчества совершается не такъ, что лучшіе элементы общества, захвативъ власть, употребляя насиліе противъ тѣхъ людей, которые находятся въ ихъ власти, дѣлаютъ ихъ лучшими, какъ это думаютъ и консерваторы, и революціонеры, а совершается, во-первыхъ, и, главное, тѣмъ, что люди всѣ вообще неуклонно и безостановочно, болѣе и болѣе сознательно усваиваютъ христіанское жизнепониманіе, и во-вторыхъ, тѣмъ, что даже независимо отъ сознательной духовной дѣятельности людей, люди безсознательно, вслѣдствіе самого процесса захватыванія власти одними людьми и смѣны ихъ другими, невольно приводятся къ болѣе христіанскому отношенію къ жизни. Процессъ этотъ совершается такъ, что худшіе элементы общества, захватившіе власть и находясь въ обладаніи ею, подъ вліяніемъ отрезвляющаго свойства, всегда сопутствующаго ей, становясь сами все менѣе и менѣе жестокими, дѣлаются неспособными употреблять жестокія формы насилія и, вслѣдствіе того уступаютъ свое мѣсто другимъ, надъ которыми совершается опять тотъ же процессъ смягченія и, какъ бы сказать, безсознательнаго охристіаненія.

Съ людьми совершается нѣчто подобное процессу кипѣнія. Всѣ люди большинства нехристіанскаго жизнепониманія стремятся къ власти и борятся, достигая ея. Въ борьбѣ этой наиболѣе жестокіе, грубые, наименѣе христіанскіе элементы общества, насилуя наиболѣе кроткихъ, чуткихъ къ добру, наиболѣе христіанскихъ людей, выступаютъ посредствомъ своего насилія въ верхніе слои общества. И тутъ надъ людьми, находящимися въ этомъ положеніи, совершается то, что предсказывалъ Христосъ, говоря: «горе вамъ богатымъ, пресыщеннымъ, прославленнымъ»; совершается то, что люди, находясь во власти и въ обладаніи послѣдствій власти — славы и богатства, доходя до извѣстныхъ различныхъ, поставленныхъ ими самими себѣ въ своихъ желаніяхъ цѣлей, познаютъ тщету ихъ и возвращаются къ тому положенію, изъ котораго вышли. Карлъ V, Іоаннъ IV, Александръ I, познавъ всю тщету и зло власти, отказывались отъ нея, потому что видѣли уже все зло ея и были не въ силахъ спокойно пользоваться насиліемъ, какъ добрымъ дѣломъ, какъ они дѣлали это прежде.

Но не одни Карлы и Александры проходятъ этотъ путь и признаютъ тщету и зло власти: черезъ этотъ безсознательный процессъ смягченія проходитъ всякій человѣкъ, пріобрѣтшій ту власть, къ которой онъ стремился, всякій, не только министръ, генералъ, милліонеръ, купецъ, но столоначальникъ, добившійся мѣста, котораго онъ желалъ десять лѣтъ, всякій богатый мужикъ, отложившій одну—другую сотню рублей.

Черезъ этотъ процессъ проходятъ не только отдѣльные люди, но и совокупности людей, цѣлые народы.

Соблазны власти и всего того, что она даетъ, и богатства, почестей, роскошной жизни, представляются достойной цѣлью дѣятельности людей только до тѣхъ поръ, пока она не достигнута, но тотчасъ, какъ скоро человѣкъ достигаетъ ихъ, обличаютъ свою пустоту и теряютъ понемногу свою притягательную силу, какъ облака, которыя имѣютъ форму и красоту только издали: стоитъ только вступить въ нихъ, чтобы исчезло все то, что казалось въ нихъ прекраснымъ.

Люди, овладѣвшіе властью и богатствомъ, иногда тѣ самые, которые пріобрѣтали власть и богатство, большею-же частью, наслѣдники ихъ, перестаютъ уже быть столь жадными къ власти и жестокими къ пріобрѣтенію ея.

Извѣдавъ опытомъ, подъ вліяніемъ христіанскаго воздѣйствія, тщету плодовъ насилія, люди иногда въ одномъ, иногда черезъ нѣсколько поколѣній утрачиваютъ тѣ пороки, которые возбуждаются стремленіемъ къ пріобрѣтенію власти и богатства, и, становясь менѣе жестокими, не удерживаютъ своего положенія и вытѣсняются изъ власти другими, менѣе христіанскими, болѣе злыми людьми и возвращаются въ низшіе по положенію, но высшіе по нравственности слои общества, увеличивая собой средній уровень христіанскаго сознанія

всѣхъ людей. Но тотчасъ же послѣ нихъ опять худшіе, грубѣйшіе, менѣе христіанскіе элементы общества поднимаются вверхъ, подвергаются вновь тому же процессу, какъ и ихъ предшественники, и опять черезъ одно или нѣсколько поколѣній, извѣдавъ тщету плодовъ насилія и пропитавшись христіанствомъ, спускаются въ среду насилуемыхъ и опять замѣняются новыми, менѣе грубыми, чѣмъ прежніе, насильниками, но болѣе грубыми, чѣмъ тѣ, которыхъ они насилуютъ. Такъ что, не смотря на то, что власть остается такою же, какою она была, по внѣшней формѣ, съ каждой перемѣной людей, находящихся во власти, все больше и больше увеличивается число людей, опытомъ жизни приводимыхъ къ необходимости усвоенія христіанскаго жизнепониманія, и съ каждой перемѣной, хотя самые грубые и жестокіе, менѣе христіанскіе изъ всѣхъ, и все менѣе и менѣе грубые и жестокіе и болѣе христіанскіе люди, чѣмъ прежде бывшіе во власти, вступаютъ въ обладаніе властью.

Насиліе выбираетъ и привлекаетъ къ себѣ худшіе элементы общества, перерабатываетъ ихъ и, улучшая и смягчая, возвращаетъ ихъ назадъ обществу.

Таковъ процессъ, посредствомъ котораго христіанство, не смотря на употребляемое государственной властью насиліе, препятствующее движенію впередъ человѣчества, все болѣе и болѣе охватываетъ людей. Христіанство проникаетъ въ сознаніе людей не только не смотря на употребляемое властью насиліе, но посредствомъ его.

И потому утвержденіе защитниковъ государственнаго строя о томъ, что если упразднить государственное насиліе, то злые будутъ властвовать надъ добрыми, не только не доказываетъ того, чтобы это (властвованіе злыхъ надъ добрыми) было опасно, такъ какъ это самое и происходитъ, но, напротивъ, доказываетъ то, что государственное насиліе, дающее возможность злымъ властвовать надъ добрыми, и есть то зло, которое желательно уничтожить и которое постоянно уничтожается самою жизнью.

«Но если бы и было справедливо то, что государственное насиліе прекратится тогда, когда обладающіе властью настолько станутъ христіанами, что сами откажутся отъ нея, и не найдется болѣе людей, готовыхъ занять ихъ мѣста, и справедливо, что процессъ этотъ совершается», говорятъ защитники существующаго порядка, «то когда же это будетъ? Если прошло 1800 лѣтъ и все еще такъ много охотниковъ властвовать и такъ мало охотниковъ подчиняться, то нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы это не только случилось очень скоро, а случилось бы и когда нибудь».

«Если и есть, какъ и бывали прежде среди всѣхъ людей, такіе, которые предпочитаютъ отказъ отъ власти пользованію ею, то занятъ людей, предпочитающихъ властвованіе подчиненію, такъ великъ, что трудно представить себѣ время, когда бы онъ могъ истощиться».

«Для того, чтобы произошелъ этотъ процессъ охристіаненія всѣхъ людей, чтобы всѣ люди одни за другими перешли отъ языческаго жизнепониманія къ христіанскому и добровольно отказывались-бы отъ власти и богатства, и никто-бы не желалъ пользоваться ими, нужно, чтобы не только передѣлались въ христіанство всѣ тѣ грубые, полудикіе, совершенно неспособные воспринять христіанство и слѣдовать ему, люди, которыхъ всегда много среди каждаго христіанскаго общества, но и всѣ дикіе и вообще нехристіанскіе народы, которыхъ еще такъ много внѣ его. А потому, если и допустить даже, что процессъ охристіаненія когда нибудь совершится надъ всѣми людьми, то, судя по тому, на сколько подвинулось это дѣло въ 1800 лѣтъ, это будетъ только черезъ нѣсколько разъ 1800 лѣтъ, — а потому и нельзя и незачѣмъ думать теперь о невозможномъ уничтоженіи власти, а нужно только стараться о томъ, чтобы власть эта была въ наилучшихъ рукахъ».

Такъ возражаютъ защитники существующаго строя. И разсужденіе это было-бы совершенно справедливо, если-бы переходъ людей отъ одного пониманія жизни къ другому совершался посредствомъ только одного того процесса, при которомъ каждый человѣкъ отдѣльно и одинъ за другимъ познаетъ опытомъ тщету власти и внутреннимъ путемъ постигаетъ истины христіанскія.

Процессъ этотъ совершается непрестанно и люди одинъ за другимъ переходятъ этимъ путемъ на сторону христіанства.

Но переходятъ люди на сторону христіанства не однимъ только этимъ внутреннимъ способомъ, а еще и другимъ внѣшнимъ способомъ, при которомъ уничтожается постепенность этого перехода.

Переходъ людей отъ одного устройства жизни къ другому совершается не постоянно такъ, какъ пересыпается песокъ въ песочныхъ часахъ: песчина за песчинкой отъ первой до послѣдней, а скорѣе такъ, какъ вливается вода въ опущенный въ воду сосудъ, который сначала только одной стороной медленно и равномѣрно впускаетъ въ себя воду, а потомъ отъ тяжести уже влившейся въ него воды вдругъ быстро погружается и почти сразу принимаетъ въ себя всю ту воду, которую онъ можетъ вмѣстить.

То же происходитъ и съ обществами людей при переходѣ отъ одного пониманія, а потому и устройства жизни, къ другому. Люди только сначала постепенно и равномѣрно одинъ за другимъ воспринимаютъ

новую истину внутреннимъ путемъ и слѣдуютъ ей въ жизни; при извѣстномъ же распространеніи истины она усвоивается ими уже не внутреннимъ способомъ, не равномѣрно, а сразу, почти невольно.

И потому несправедливо разсужденіе защитниковъ существующаго строя о томъ, что если въ продолженіи 1800 лѣтъ только малая часть людей перешла на сторону христіанства, то нужно еще нѣсколько разъ 1800 лѣтъ до тѣхъ поръ, пока всѣ остальные люди перейдутъ на его сторону,— несправедливо оно потому, что при этомъ разсужденіи не принимается во вниманіе другой, кромѣ внутренняго постиженія истины, способъ усвоенія людьми новой истины и перехода отъ одного склада жизни къ другому.

Другой этотъ способъ усвоенія людьми новой открывшейся истины и переходъ къ новому устройству жизни состоитъ въ томъ, что люди усвоиваютъ истину не только потому, что они познаютъ ее пророческимъ чувствомъ или опытомъ жизни, а потому еще, что при извѣстной степени распространенія истины, люди, стоящіе на низшей степени развитія, принимаютъ ее всѣ сразу, по одному довѣрію къ тѣмъ, которые приняли ее внутреннимъ способомъ и прилагаютъ ее къ жизни.

Всякая новая истина, измѣняющая складъ человѣческой жизни и двигающая впередъ человѣчество, воспринимается сначала только самымъ малымъ количествомъ людей, понимающихъ ее внутреннимъ путемъ. Остальные же люди, принявшіе по довѣрію предшествующую истину, ту, на которой основанъ существующій строй, всегда противятся распространенію новой истины.

Но такъ какъ, во-первыхъ, люди не стоятъ на мѣстѣ, а непрерывно движутся, все болѣе и болѣе познавая истину и приближаясь къ ней своею жизнью, и во-вторыхъ, всѣ они по своему возрасту, воспитанію, породѣ расположены въ постепенной градаціи отъ людей наиболѣе способныхъ понимать новыя открывающіяся истины внутреннимъ путемъ до людей наименѣе способныхъ къ этому, то люди, ближе другихъ стоящіе къ тѣмъ, которые усвоили истину внутреннимъ способомъ, одни за другими сначала черезъ длинные промежутки времени, а потомъ все чаще и чаще переходятъ на сторону новой истины, и количество людей, признающихъ новую истину, становится все больше и больше, и истина становится все понятнѣе и понятнѣе.

А чѣмъ больше людей усвоиваютъ новую истину и чѣмъ истина понятнѣе, тѣмъ болѣе возбуждается довѣріе въ остальныхъ, на низшей степени по способности пониманія стоящихъ людяхъ, и тѣмъ легче для нихъ становится постиженіе ея, и тѣмъ большее число усвоиваетъ ее. И такъ идетъ движеніе все убыстряясь и убыстряясь, расширяясь и расширяясь, какъ комъ снѣга, до тѣхъ поръ, пока не зарождается при этомъ согласное съ новой истиной общественное мнѣніе и вся остальная масса людей уже не по одиночкѣ, а вся сразу подъ давленіемъ этой силы не переходитъ на сторону новой истины, и не устанавливается сообразный съ этой истиной новый складъ жизни.

Люди, переходящіе на сторону новой, дошедшей до извѣстной степени распространенія, истины, переходятъ на ея сторону всегда сразу, массами и подобны тому баласту, которымъ нагружаютъ всегда сразу для устойчиваго равновѣсія и правильнаго хода всякое судно. Не будь баласта, судно не сидѣло бы въ водѣ и измѣняло бы свое направленіе при малѣйшемъ измѣненіи условій. Баластъ этотъ, не смотря на то, что онъ кажется сначала излишнимъ и даже задерживающимъ ходъ судна, есть необходимое условіе правильнаго движенія его.

То же и съ той массой людей, которая всегда не одинъ по одному, а всегда сразу подъ вліяніемъ новаго общественнаго мнѣнія переходитъ отъ одного устройства жизни къ другому. Масса эта всегда своей инертностью препятствуетъ быстрымъ, непровѣреннымъ мудростью людской, частымъ переходамъ отъ одного устройства жизни къ другому и надолго удерживаетъ всякую долгимъ опытомъ борьбы провѣренную, вошедшую въ сознаніе человѣчества истину.

И потому несправедливо разсужденіе о томъ, что если только малая, самая малая часть человѣчества усвоила христіанскую истину въ продолженіи 18 вѣковъ, то все человѣчество усвоитъ ее только черезъ много, много разъ 1800 лѣтъ, т. е. такъ еще не скоро, что намъ, живущимъ теперь, нельзя и думать объ этомъ. Несправедливо потому, что люди, стоящіе на низшей степени развитія, тѣ самые народы и люди, которыхъ защитники существующаго строя представляютъ помѣхой для осуществленія христіанскаго строя жизни, это самые тѣ люди, которые всегда сразу массами переходятъ на сторону истины, принятой общественнымъ мнѣніемъ.

И потому перемѣна въ жизни человѣчества, та, вслѣдствіе которой люди, пользующіеся властью, откажутся отъ нея и изъ людей, покоряющихся власти, не найдется болѣе людей, желающихъ захватить ее, наступитъ не тогда только, когда всѣ люди одинъ по одному до послѣдняго сознательно усвоятъ христіанское жизнепониманіе, а тогда, когда возникнетъ такое опредѣленное и всѣмъ понятное христіанское общественное мнѣніе, которое покоритъ себѣ всю ту инертную массу, неспособную вну-

греннимъ путемъ усвоять истины и поэтому самому всегда подлежащую воздѣйствію общественнаго мнѣнія.

Общественное же мнѣніе не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ и тысячахъ лѣтъ, и имѣетъ свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей.

«Но если даже и справедливо», скажутъ защитники существующаго строя, «то, что общественное мнѣніе, при извѣстной степени своей опредѣленности и ясности, можетъ заставить инертную массу людей внѣ христіанскихъ обществъ — нехристіанскіе народы—и людей испорченныхъ и грубыхъ, живущихъ среди обществъ, подчиниться ему, то какіе признаки того, что это христіанское общественное мнѣніе возникло и можетъ замѣнить дѣйствіе насилія?

«Нельзя рисковать, отбросивъ насиліе, которымъ поддерживается существующій порядокъ, положиться на неосязаемую и неопредѣленную силу общественнаго мнѣнія, предоставивъ дикимъ людямъ внѣ и внутри обществъ безнаказанно грабить, убивать и всячески насиловать христіанъ».

«Если съ помощью власти мы насилу отливаемся отъ нехристіанскихъ элементовъ, готовыхъ всегда залить насъ и уничтожить всѣ успѣхи христіанской цивилизаціи, то есть-ли, во-первыхъ, вѣроятіе того, чтобы общественное мнѣніе могло замѣнить эту силу и обезпечить насъ, а во-вторыхъ, какъ найти тотъ моментъ, въ который общественное мнѣніе стало на столько сильно, что можетъ замѣнить власть? Отмѣнить власть и положиться для защиты себя на одно общественное мнѣніе значило бы поступить такъ же безумно, какъ поступилъ бы человѣкъ въ звѣринцѣ, который, отбросивъ оружіе, выпустилъ бы изъ клѣтокъ всѣхъ львовъ и тигровъ, положившись на то, что звѣри въ клѣткахъ и подъ раскаленными прутами казались смирными».

«И потому люди, имѣющіе власть, поставленные судьбою или Богомъ въ положеніе властвующихъ, не имѣютъ права рисковать погибелью всѣхъ успѣховъ цивилизаціи только потому, что они пожелаютъ сдѣлать опытъ о томъ, можетъ или не можетъ общественное мнѣніе замѣнить огражденіе власти, а потому и не должны прекращать насилія».

Французскій забытый теперь писатель *Alphonse Karr* сказалъ гдѣ то, доказывая невозможность уничтоженія смертной казни: «*Que Messieurs les assassins commencent par nous donner l'exemple*», *) и много разъ я потомъ слыхалъ повтореніе этой шутки людьми, которымъ казалось, что этими словами выраженъ убѣдительный и остроумный доводъ противъ уничтоженія смертной казни. А между тѣмъ нельзя яснѣе выразить всю ложь довода тѣхъ, которые считаютъ, что нельзя правительствамъ отмѣнить насиліе до тѣхъ поръ, пока люди способны къ нему, какъ именно этой шуткой.

«Пусть», говорятъ защитники правительственнаго насилія, «убійцы покажутъ намъ примѣръ, отмѣнивъ смертоубійство, тогда и мы отмѣнимъ его». Но убійцы говорятъ то же самое, но только съ гораздо большимъ правомъ. Убійцы говорятъ: «пускай тѣ, которые взялись учить насъ и руководить нами, покажутъ намъ примѣръ отмѣненія смертоубійства, тогда и мы послѣдуемъ ему». И они говорятъ это не для шутки, а серьезно, потому что дѣйствительно таково положеніе дѣла.

«Мы не можемъ прекратить насиліе, потому что мы окружены насильниками».

Ничто болѣе этого ложнаго разсужденія не препятствуетъ въ наше время движенію впередъ человѣчества и установленію среди него того строя жизни, который свойственъ уже его теперешнему сознанію.

Люди, обладающіе властью, увѣрены въ томъ, что движетъ и руководитъ людьми только насиліе, и потому для поддержанія существующаго порядка смѣло употребляютъ насиліе. Существующій же порядокъ держится не насиліемъ, а общественнымъ мнѣніемъ, дѣйствіе котораго нарушается насиліемъ.

И потому дѣятельность насилія ослабляетъ, нарушаетъ то самое, что она хочетъ поддерживать.

Насиліе всегда, въ лучшемъ случаѣ, если оно не преслѣдуетъ однихъ личныхъ цѣлей людей, находящихся во власти, отрицаетъ и осуждаетъ въ одной неподвижной формѣ закона то, что большею частью уже гораздо прежде отрицалось и осуждалось общественнымъ мнѣніемъ, но съ тою разницею, что тогда какъ общественное мнѣніе отрицаетъ и осуждаетъ всѣ поступки, противные нравственному закону, захватывая поэтому въ свое осужденіе самыя разнообразныя положенія, законъ, поддерживаемый насиліемъ, осуждаетъ и преслѣдуетъ только извѣстный, очень узкій рядъ поступковъ, этимъ самымъ какъ бы оправдывая всѣ поступки такого же порядка, не вошедшіе въ его опредѣленіе. Общественное мнѣніе уже со времени Моисея считаетъ корыстолюбіе, распутство и жестокость зломъ и осуждаетъ ихъ. И оно отрицаетъ и осуждаетъ всякаго рода проявленія корыстолюбія,—не только пріобрѣтеніе чужой собственности насиліемъ, обманомъ, хитростью, но и жестокое пользованіе ею; осуждаетъ всякаго рода распутство, будь то блудъ съ наложницей, невольницей, разведенной женой и даже своей; осуждаетъ всякую жестокость, выражающуюся въ побояхъ, въ дурномъ

*) Пусть господа убійцы сначала подадутъ намъ примѣръ.

содержаніи, въ убійствѣ не только людей, но и животныхъ. Законъ же, основанный на насиліи, преслѣдуетъ только извѣстные виды корыстолюбія, какъ-то: воровство, мошенничество, и извѣстные виды распутства и жестокости, какъ-то: нарушеніе супружеской вѣрности, убійства, увѣчья,— вслѣдствіе этого, какъ бы разрѣшая всѣ тѣ проявленія корыстолюбія, распутства и жестокости, которыя не подходятъ подъ его узкое, подверженное лжетолкованіямъ опредѣленіе.

Но мало того, что насиліе извращаетъ общественное мнѣніе, оно производитъ въ людяхъ еще то пагубное убѣжденіе, что движутся люди не духовной силой, влекущей ихъ къ постиженію истины и осуществленію ея той духовной силой, которая составляетъ источникъ всякаго движенія впередъ человѣчества, а насиліемъ,— тѣмъ самымъ дѣйствіемъ, которое не только не приближаетъ людей къ истинѣ, но всегда удаляетъ ихъ отъ нея. Заблужденіе это пагубно тѣмъ, что оно заставляетъ людей, пренебрегая основной силой своей жизни, — своей духовной дѣятельностью, — переносить все свое вниманіе и энергію на дѣятельность насилія поверхностную, праздную и, большею частью, вредную.

Заблужденіе это подобно тому, въ которомъ бы находились люди, желавшіе заставить двигаться паровозъ тѣмъ, что они руками вертѣли бы колеса его, не догадываясь о томъ, что основная причина движенія его есть расширеніе пара, а не движеніе колесъ. Люди, которые стали бы руками и рычагами вертѣть колеса, только вызвали бы подобіе движенія, а между тѣмъ изогнули бы колеса, помѣшавъ этимъ возможности настоящаго движенія.

Тоже дѣлаютъ люди, думающіе посредствомъ внѣшняго насилія двигать людьми.

Люди говорятъ, что христіанская жизнь безъ насилія не можетъ установиться потому, что есть дикіе народы внѣ христіанскаго общества — въ Африкѣ, въ Азіи (нѣкоторые такою угрозою нашей цивилизаціи представляютъ китайцевъ), и есть такіе дикіе, испорченные, и по новой теоріи наслѣдственности, прирожденные преступники среди христіанскихъ обществъ; и что для удержанія тѣхъ и другихъ людей отъ разрушенія нашей цивилизаціи необходимо насиліе.

Но тѣ дикіе люди и внѣ, и внутри обществъ, которыми мы пугаемъ себя и другихъ, никогда не покорялись насилію, не покорены имъ и теперь.

Народы никогда не покоряли себѣ другихъ народовъ однимъ насиліемъ. Если народъ, покорявшій другой, стоялъ на низшей степени развитія, то всегда повторялось то, что онъ не вводилъ насиліемъ своего устройства жизни, а напротивъ, всегда самъ подчинялся тому устройству жизни, которое существовало въ покоренномъ народѣ. Если чѣмъ покоренъ или близокъ къ покоренію какой либо изъ подавляемыхъ силою народовъ, то только общественнымъ мнѣніемъ, а никакъ не насиліемъ, которое, напротивъ, все больше и больше возмущаетъ народъ.

Если покорялись когда люди цѣлыми народами новому религіозному исповѣданію и цѣлыми народами крестились или переходили въ магометанство, то совершались эти перевороты не потому, что ихъ принуждали къ этому люди, обладающіе властью (насиліе, напротивъ, чаще въ обратную сторону поощряло эти движенія), а потому, что принуждало ихъ къ этому общественное мнѣніе. Народы же, которые силою принуждались къ принятію вѣръ побѣдителей, никогда не принимали ихъ.

Тоже и по отношенію тѣхъ дикихъ элементовъ, живущихъ среди обществъ: не увеличеніе, ни уменьшеніе строгости наказаній, не измѣненіе тюремъ, ни увеличеніе полиціи не уменьшаютъ и не увеличиваютъ количества преступленій,—уменьшается оно только вслѣдствіе измѣненія общественнаго мнѣнія. Никакія строгости не искоренили дуэлей и кровомщенія въ нѣкоторыхъ странахъ. Сколько бы ни казнили черкесовъ за воровство, они продолжаютъ красть изъ молодчества, потому что ни одна дѣвушка не пойдетъ за молодаго человѣка, не показавшаго свою удаль, укравши лошадь или по крайней мѣрѣ барана. Если люди перестанутъ драться на дуэляхъ и черкесы воровать, то не изъ страха передъ казнями (страхъ казни прибавляетъ прелести молодчества), а потому, что общественное мнѣніе измѣнится. Тоже и во всѣхъ другихъ преступленіяхъ. Насиліе никогда не можетъ уничтожить того, что признается общественнымъ мнѣніемъ. Напротивъ, стоитъ только общественному мнѣнію стать прямо въ разрѣзъ съ насиліемъ и оно уничтожаетъ все дѣйствіе насилія, какъ это было, и всегда бываетъ, при всякомъ мученичествѣ.

Что-бы было, если бы не употреблялось насилія противъ враждебныхъ народовъ и преступныхъ элементовъ общества — мы не знаемъ. Но то, что теперь употребленіе насилія не покоряетъ ни тѣхъ, ни другихъ, это мы знаемъ по продолжительному опыту.

Да и какъ же покорить силою народы, которыхъ все воспитаніе, всѣ преданія, даже религіозное ученіе ведетъ къ тому, чтобы высшую добродѣтель видѣть въ борьбѣ съ поработителями и въ стремленіи къ свободѣ? И какъ искоренить насиліемъ преступленія въ средѣ нашихъ обществъ, когда то, что считается правительствами преступленіемъ, общественнымъ мнѣніемъ считается подвигомъ. Истребить

насиліемъ можно такіе народы и такихъ людей, какъ это и дѣлается, но покорить ихъ нельзя.

Рѣшителемъ всего, основною силою, двигавшею и двигающею людьми и народами, всегда была и есть только одна невидимая, неосязаемая сила — равнодѣйствующая всѣхъ духовныхъ силъ извѣстной совокупности людей и всего человѣчества, выражающаяся въ общественномъ мнѣніи.

Насиліе только ослабляетъ эту силу, задерживаетъ, извращаетъ и подмѣниваетъ ее другою, не только не полезною для движенія впередъ человѣчества, но вредною дѣятельностью.

Для покоренія христіанству дикихъ людей внѣ христіанскаго міра — всѣхъ зулусовъ, и манджуровъ, и китайцевъ, которыхъ многіе считаютъ за дикихъ, — и людей дикихъ, живущихъ въ средѣ христіанскаго міра, есть только одно, одно средство: распространеніе среди этихъ народовъ христіанскаго общественнаго мнѣнія, устанавливающагося только христіанскою жизнью, христіанскими поступками, христіанскими примѣрами. И вотъ для того, чтобы завладѣть тѣми людьми, которые остались непокоренными христіанству, имѣя только это одно, только одно средство, люди нашего времени дѣлаютъ какъ разъ обратное тому, что можетъ достигнуть цѣли.

Для покоренія христіанству дикихъ народовъ, которые насъ не трогаютъ и на угнетеніе которыхъ мы ничѣмъ не вызваны, мы, вмѣсто того, чтобы прежде всего оставить ихъ въ покоѣ, а въ случаѣ необходимости или желанія сближенія съ ними, воздѣйствовать на нихъ только христіанскимъ къ нимъ отношеніемъ, христіанскимъ ученіемъ, доказаннымъ истинными христіанскими дѣлами терпѣнія, смиренія, воздержанія, чистоты, братства, любви, мы, вмѣсто этого, начинаемъ съ того, что, устраивая среди нихъ новые рынки для нашей торговли, имѣющіе цѣлью одну нашу выгоду, захватываемъ ихъ землю, т. е. грабимъ ихъ, продаемъ имъ вино, табакъ, опіумъ, т. е. развращаемъ ихъ и устанавливаемъ среди нихъ наши порядки, обучаемъ ихъ насилію и всѣмъ пріемамъ его, т. е. слѣдованію одному животному закону борьбы, ниже котораго не можетъ спуститься человѣкъ, дѣлаемъ все то, что нужно для того, чтобы скрыть отъ нихъ все, что есть въ насъ христіанскаго. И послѣ этого, пославъ къ нимъ десятка два болтающихъ притворный церковный вздоръ миссіонеровъ, мы въ видѣ неопровержимаго доказательства невозможности приложенія къ жизни христіанскихъ истинъ приводимъ эти наши опыты обращенія дикихъ въ христіанство.

То же и для тѣхъ, такъ называемыхъ преступниковъ, живущихъ внутри нашихъ обществъ. Для того, чтобы покорить этихъ людей христіанству, есть только одно, единственное средство: христіанское общественное мнѣніе, которое можетъ быть установлено среди этихъ людей только истиннымъ христіанскимъ ученіемъ, подтвержденнымъ истиннымъ христіанскимъ примѣромъ жизни.

И вотъ, для проповѣданія этого христіанскаго ученія и подтвержденія его христіанскимъ примѣромъ, мы устраиваемъ среди этихъ людей мучительныя тюрьмы, гильотины, висѣлицы, казни, приготовленія къ убійству, на которыя употребляемъ всѣ свои силы, устраиваемъ для чернаго народа идолопоклонническія вѣроученія, долженствующія одурять ихъ, устраиваемъ правительственную продажу одурманивающихъ ядовъ—вина, табаку, опіума; учреждаемъ даже проституцію; отдаемъ землю тѣмъ, кому она не нужна; устраиваемъ зрѣлища безумной роскоши среди нищеты; уничтожаемъ всякую возможность всякаго подобія христіанскаго общественнаго мнѣнія; старательно разрушаемъ устанавливающееся христіанское общественное мнѣніе и потомъ этихъ то самыхъ, нами самими старательно развращенныхъ людей, запирая ихъ, какъ дикихъ звѣрей, въ мѣста, изъ которыхъ они не могутъ выскочить и въ которыхъ они еще болѣе звѣрѣютъ, или убивая ихъ, — этихъ самыхъ нами со всѣхъ сторонъ развращенныхъ людей, приводимъ въ доказательство того, что на людей нельзя дѣйствовать иначе, какъ грубымъ насиліемъ.

Совершается нѣчто подобное тому, что бываетъ тогда, когда заботливые невѣжественные врачи, поставивъ выздоравливающаго силою природы больного въ самыя невыгодныя условія гигіены и пичкая его ядовитыми лѣкарствами, потомъ утверждаютъ, что больной не умеръ, только благодаря ихъ гигіенѣ и лѣченію, тогда какъ больной уже давно бы былъ совсѣмъ здоровъ, если бы они его оставили въ покоѣ.

Насиліе, которое выставляется орудіемъ поддержанія христіанскаго устройства жизни, не только не производитъ этого дѣйствія, а напротивъ, оно-то и препятствуетъ общественному устройству быть тѣмъ, чѣмъ оно могло и должно бы быть. Общественное устройство таково, каково оно есть, не благодаря насилію, а не смотря на него.

И потому несправедливо утвержденіе защитниковъ существующаго строя о томъ, что если насиліе только едва удерживаетъ злые нехристіанскіе элементы человѣчества отъ нападенія на насъ, то упраздненіе насилія и замѣна его общественнымъ мнѣніемъ не оградятъ человѣчества. Несправедливо это потому, что насиліе не ограждаетъ человѣчества, а напротивъ, лишаетъ человѣчество единственной воз-

можности дѣйствительнаго огражденія себя установленіемъ и распространеніемъ христіанскаго общественнаго мнѣнія на существующее устройство жизни. Только при упраздненіи насилія христіанское общественное мнѣніе перестанетъ извращаться, получитъ возможность безпрепятственнаго распространенія и люди не будутъ направлять свои силы на то, что не нужно имъ, а направятъ ихъ на ту одну духовную силу, которая движетъ ими.

«Но какъ отбросить очевидное, осязаемое ограждение городового съ пистолетомъ и положиться на нѣчто невидимое, неосязаемое — общественное мнѣніе? Существуетъ ли еще оно или нѣтъ? Главное же, тотъ порядокъ вещей, въ которомъ мы живемъ, мы знаемъ. Хорошъ-ли, дуренъ-ли онъ, мы знаемъ его недостатки и привыкли къ нему, знаемъ, какъ вести себя, что дѣлать въ теперешнихъ условіяхъ; но что будетъ тогда, когда мы откажемся отъ него и положимся на что-то невидимое, неосязаемое и вполнѣ неизвѣстное?» И людямъ представляется страшной та неизвѣстность, въ которую они вступаютъ, отказавшись отъ знакомыхъ порядковъ жизни.

Но, вѣдь, хорошо бояться неизвѣстности, когда извѣстное намъ наше положеніе прочно и обезпечено. Но положеніе наше не только не обезпечено, но мы несомнѣнно знаемъ, что стоимъ на краю погибели.

Если ужъ бояться, то будемъ бояться того, что, точно, страшно, а не того, что мы только предполагаемъ страшнымъ.

Боясь сдѣлать усиліе, чтобы вырваться изъ губящихъ насъ условій только потому, что будущее не вполнѣ извѣстно намъ, мы похожи на пассажировъ тонущаго корабля, которые-бы, боясь сѣсть въ лодку, перевозящую ихъ на берегъ, забились-бы въ каюту и не хотѣли бы выходить изъ нея; или на тѣхъ овецъ, которыя отъ страха огня, охватившаго дворъ, жмутся подъ сарай и не выходятъ въ открытыя ворота.

Развѣ можно намъ, людямъ, стоящимъ на порогѣ ужасающей по бѣдственности и истребительности войны внутреннихъ революцій, передъ которой, какъ говорятъ приготовители ея, ужасы 93 года будутъ игрушкой, говорить объ опасности, которая угрожаетъ намъ отъ дагомейцевъ, зулусовъ, и т. п., которые живутъ за тридевять земель и не думаютъ нападать на насъ, и отъ тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ одуренныхъ нами же и развращенныхъ мошенниковъ, воровъ и убійцъ, число которыхъ не уменьшается отъ всѣхъ нашихъ судовъ, тюремъ и казней.

Кромѣ того, страхъ этотъ передъ упраздненіемъ видимаго огражденія полицейскаго городового есть страхъ преимущественно городскихъ людей, т. е. людей, живущихъ въ ненормальныхъ и искуственныхъ условіяхъ. Люди, живущіе въ естественныхъ условіяхъ жизни, не по городамъ, но среди природы, борясь съ нею, живутъ безъ этого огражденія и знаютъ, какъ мало можетъ оградить ихъ насиліе отъ окружающихъ ихъ дѣйствительныхъ опасностей. Въ страхѣ этомъ есть что-то болѣзненное, зависящее преимущественно отъ тѣхъ ложныхъ условій, въ которыхъ многіе изъ насъ живутъ и выросли.

Докторъ психіаторъ разсказывалъ, что однажды лѣтомъ, когда онъ выходилъ изъ больницы, душевно-больные сопровождали его до воротъ на улицу. — «Пойдемте со мной въ городъ», предложилъ имъ докторъ. Больные согласились и небольшая кучка пошла за докторомъ. Но чѣмъ дальше они подвигались по улицѣ, гдѣ происходило свободное движеніе здоровыхъ людей, тѣмъ болѣе робѣли и все ближе и ближе жались къ доктору, задерживая его ходъ. И наконецъ, всѣ стали проситься назадъ въ свою больницу, къ своему безумному, но привычному образу жизни, къ своимъ сторожамъ, побоямъ, длиннымъ рукавамъ, одиночкамъ.

Такъ же жмутся и тянутся назадъ къ своему безумному строю жизни, своимъ фабрикамъ, судамъ, тюрьмамъ, казнямъ, войнамъ люди, которыхъ зоветъ христіанство на волю, на свободную, разумную жизнь будущаго, наступающаго вѣка.

Люди говорятъ: «чѣмъ мы будемъ обезпечены, когда уничтожится существующее устройство? Какіе именно и въ чемъ будутъ состоять тѣ новые порядки, которые замѣнятъ теперешніе? До тѣхъ же поръ, пока мы не будемъ знать, какъ именно сложится наша жизнь, мы не пойдемъ впередъ и не тронемся съ мѣста».

Требованіе это подобно тому, которое заявилъ бы изслѣдователь новыхъ странъ, потребовавъ подробное описаніе той страны, въ которую онъ вступаетъ.

Если бы жизнь отдѣльнаго человѣка при переходѣ отъ одного возраста къ другому была бы вполнѣ извѣстна ему, ему незачѣмъ бы было знать. То же и съ жизнью человѣчества: если бы у него была программа той жизни, которая ожидаетъ его при вступленіи въ новый возрастъ его, то это было бы самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что оно не живетъ, не движется, а толчется на мѣстѣ.

Условія новаго строя жизни не могутъ быть извѣстны намъ, потому что они должны быть выработаны нами же. Только въ томъ и жизнь, чтобы познавать неизвѣстное и сообразовать съ этимъ новымъ познаніемъ свою дѣятельность.

Въ томъ жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, и въ томъ жизнь человѣческихъ обществъ и человѣчества.

XI

Положеніе христіанскаго человѣчества со своими тюрьмами, каторгами, висѣлицами, съ своими фабриками, скопленіями капиталовъ, съ своими податями, церквами, кабаками, домами терпимости, все растущими вооруженіями и милліонами одуренныхъ людей, готовыхъ, какъ цѣпныя собаки, броситься на тѣхъ, на кого ихъ натравятъ хозяева, было бы ужаснымъ, если бы оно было произведеніемъ насилія, но оно есть прежде всего произведеніе общественнаго мнѣнія. А то, что установлено общественнымъ мнѣніемъ, не только можетъ имъ же быть разрушено, но имъ же и разрушается.

Сотни милліоновъ денегъ, десятки милліоновъ дисциплинированныхъ людей, удивительной силы орудія истребленія, приведенной до послѣдней степени совершенства организаціи, при цѣлой арміи людей, призванной къ тому, чтобы обманывать и гипнотизировать народъ, и все это подчиненное, посредствомъ электричества, уничтожающаго пространство, людямъ, считающимъ такое устройство общества не только выгоднымъ для себя, но такимъ, безъ котораго они должны неизбѣжно погибнуть, и потому употребляющимъ всѣ силы своего ума для поддержанія его, — какая, казалось-бы, несокрушимая сила.

А между тѣмъ, стоитъ только представить себѣ то, къ чему дѣло идетъ и чему никто не можетъ воспрепятствовать, что между людьми установилось съ такою же силою и всеобщностью, какъ и языческое общественное мнѣніе, общественное мнѣніе христіанское и замѣнило языческое, что большинство людей такъ-же стыдится участія въ насиліи и пользованіи имъ, какъ стыдятся теперь люди мошенничества, воровства, ницейства, трусости, и тотчасъ же само собой безъ борьбы и насилія уничтожается это сложное и кажущееся столь могущественнымъ устройство жизни. А для того, чтобы это случилось, не нужно, чтобы вошло въ сознаніе людей что либо новое, а только чтобы исчезъ тотъ туманъ, который скрываетъ отъ людей истинное значеніе нѣкоторыхъ дѣлъ насилія, чтобы растущее христіанское общественное мнѣніе пересилило отживающее общественное мнѣніе языческое, допускавшее и оправдывавшее дѣла насилія. Нужно только, чтобы людямъ стало такъ же стыдно дѣлать дѣла насилія, участвовать въ нихъ и пользоваться ими, какъ стыдно теперь быть и слыть мошенникомъ, воромъ, трусомъ, нищимъ. А это самое начинаетъ совершаться. Мы только не замѣчаемъ этого, какъ не замѣчаютъ люди движенія, когда они сами движатся вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ.

Правда, устройство жизни въ главныхъ чертахъ остается все такимъ-же насильническимъ, какимъ оно было 1000 лѣтъ тому назадъ, и не только такимъ-же, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особенно въ приготовленіяхъ къ войнѣ и въ самыхъ войнахъ, оно представляется даже болѣе жестокимъ; но зарождающееся христіанское общественное мнѣніе, то самое, которое при извѣстной степени развитія должно измѣнить все языческое устройство жизни, уже начинаетъ дѣйствовать. Засохшее дерево по виду стоитъ такъ же твердо, какъ оно стояло и прежде, — оно даже кажется тверже, потому что стало жестче, — но оно уже подтачивается въ сердцевинѣ и готовится къ паденію. То же и съ теперешнимъ насильническимъ устройствомъ жизни. Внѣшнее положеніе людей то-же: такіе же одни насильники, другіе насилуемые, но уже не тотъ взглядъ и насилующихъ и насилуемыхъ на значеніе и достоинство положеній тѣхъ и другихъ.

Люди насилующіе, т. е. участвующіе въ управленіи, и люди, пользующіеся насиліемъ, т. е. богатые, не представляютъ уже теперь изъ себя, какъ это было прежде, цвѣта общества и тотъ идеалъ человѣческаго благополучія и величія, къ которому стремились прежде всѣ насилуемые. Теперь уже, очень часто, не насилуемые стремятся къ положенію насилующихъ и стараются подражать имъ, а, напротивъ, насилующіе часто добровольно отказываются отъ выгодъ своего положенія, избираютъ положеніе насилуемыхъ и стараются въ простотѣ жизни уподобиться насилуемымъ.

Не говоря уже о явно презираемыхъ теперь должностяхъ и положеніяхъ вродѣ: шпіоновъ, агентовъ тайной полиціи, рѣтовщиковъ, кабатчиковъ,—большое количество положеній насильниковъ, считавшихся прежде почетными, вродѣ политейскихъ, придворныхъ, судейскихъ, административныхъ, духовныхъ, военныхъ, откупщицкихъ, банкирскихъ, не только не считается всѣми желательнымъ, но уже осуждается извѣстнымъ наиболѣе уважаемымъ кругомъ людей. Есть уже люди, которые добровольно отказываются отъ этихъ, прежде считавшихся безукоризненными положеній, и предпочитаютъ имъ менѣе выгодныя, но не связанныя съ насиліемъ положенія.

Но не только правительственные люди, есть уже и такіе богатые люди, которые не по религіозному чувству, какъ это бывало прежде, а только вслѣдствіе особенной чуткости къ зарождающемуся общественному мнѣнію, отказываются отъ унаслѣдованныхъ состояній, считая справедливымъ пользованіе только тѣмъ, что заработано своимъ трудомъ.

Положеніе участника въ правительствѣ и богача уже не представляется, какъ оно было прежде, и каково оно теперь среди нехристіанскихъ народовъ, несомнѣнно почетнымъ и достойнымъ уваженія положеніемъ, и благословеніемъ Божіимъ. Люди,

наиболѣе чуткіе, нравственные (большею частью, они же и наиболѣе образованные) избѣгаютъ этихъ положеній и предпочитаютъ имъ болѣе скромныя, но независимыя отъ насилія положенія.

Лучшіе молодые люди въ томъ возрастѣ, когда они еще не испорчены жизнью и избираютъ карьеру, предпочитаютъ дѣятельность врачей, технологовъ, учителей, художниковъ, писателей, даже просто земледѣльцевъ, живущихъ своимъ трудомъ, положеніямъ судейскимъ, административнымъ, духовнымъ и военнымъ, оплачиваемымъ правительствомъ, или положенію людей, живущихъ своими доходами.

Большинство памятниковъ, воздвигаемыхъ теперь, воздвигается уже не государственнымъ дѣятелямъ, не генераламъ и уже никакъ не богачамъ, а ученымъ, художникамъ, изобрѣтателямъ, людямъ, не имѣвшимъ не только ничего общаго ни съ правительствами, ни съ властью, но очень часто боровшимся съ нею. Воспѣваются въ поэзіи, изображаются пластическимъ искусствомъ, почитаются торжественными юбилеями не столько государственные люди и богачи, сколько ученые, художники. . . .

Лучшіе люди нашего времени стремятся въ эти наиболѣе чтимыя положенія, и потому кругъ, изъ котораго отбираются люди правительственные и богатые, становится все меньше и низменнѣе, такъ что по уму, образованію и въ особенности по нравственнымъ качествамъ уже теперь люди, стоящіе во главѣ управленія, и богачи, не составляютъ, какъ это было въ старину, цвѣта общества, а напротивъ, стоятъ ниже средняго уровня.

Какъ въ Россіи и Турціи, такъ въ Америкѣ и Франціи, сколько правительства не перемѣняютъ своихъ чиновниковъ, большинство ихъ люди корыстные и продажные, стоящіе на такой низкой степени нравственности, что они не удовлетворяютъ даже и тѣмъ низкимъ требованіямъ простой неподкупности, которыя предъявляются къ нимъ правительствами. Часто можно слышать теперь наивныя сѣтованія правительственныхъ людей о томъ, что лучшіе люди по какой то странной, какъ имъ кажется, случайности всегда находятся во враждебномъ имъ лагерѣ. Въ родѣ того, какъ если бы люди сговорились, что по какой то странной случайности въ палачи попадаются все люди неутонченные и не особенно добрые.

Большинство богатыхъ людей точно такъ же въ наше время составляется уже не изъ самыхъ утонченныхъ и образованныхъ людей общества, какъ это было прежде, а или изъ грубыхъ собирателей богатствъ, занятыхъ только обогащеніемъ себя, большею частью, нечестными средствами, или изъ вырождающихся наслѣдниковъ этихъ собирателей, не только не играющихъ выдающейся роли въ обществѣ, но подвергающихся въ большинствѣ случаевъ всеобщему презрѣнію.

Но мало того, что кругъ людей, изъ котораго отбираются слуги правительства и богатые люди, становится все меньше и меньше, и низменнѣе и низменнѣе, сами люди эти уже не приписываютъ тѣмъ положеніямъ, которыя они занимаютъ, прежняго значенія и часто, стыдясь ихъ и въ ущербъ тому дѣлу, которому они служатъ, не исполняютъ того, что они по своему положенію призваны дѣлать. Короли и императоры почти ничѣмъ уже не управляютъ, никогда почти сами не рѣшаются совершать внутреннія измѣненія и вступать въ новыя внѣшнія политическія условія, а большею частью предоставляютъ рѣшеніе этихъ вопросовъ государственнымъ учрежденіямъ или общественному мнѣнію. Всѣ обязанности ихъ сводятся къ тому, чтобы быть представителями государственнаго единства и могущества. Но и эту обязанность они исполняютъ все хуже и хуже. Большинство ихъ не только не держится въ прежнемъ недосягаемомъ величіи, а напротивъ, все болѣе и болѣе демократизируется, даже энканальируется, сбрасывая съ себя послѣдній внѣшній престижъ, т. е. нарушая то самое, что они призваны поддерживать. То же происходитъ и съ военными. Военные люди высшихъ чиновъ вмѣсто того, чтобы поощрять грубость и жестокость воиновъ, необходимыя для ихъ дѣла, сами распространяютъ между военнымъ сословіемъ образованіе, проповѣдуютъ гуманность и часто сами даже раздѣляютъ соціалистическія убѣжденія массъ и отрицаютъ войну. Въ послѣднихъ заговорахъ противъ русскаго правительства многіе изъ замѣшанныхъ были военные. И такихъ военныхъ заговорщиковъ становится все больше и больше. И очень часто случается, какъ это было на дняхъ, что призванные для усмиренія жителей военные отказываются стрѣлять по нимъ. Военное молодечество прямо осуждается самими военными и часто служитъ предметомъ насмѣшекъ. То же съ судьями и прокурорами: судьи, обязанные судить и приговаривать преступниковъ, ведутъ засѣданія такъ, чтобы оправдывать ихъ, такъ что правительство русское, для осужденія тѣхъ лицъ, которыхъ ему нужно осудить, уже никогда не подвергаетъ ихъ обыкновеннымъ судамъ, а передаетъ такъ называемому военному суду, представляющему только подобіе суда. То же и съ прокурорами, которые часто отказываются отъ обвиненій и даже вмѣсто обвиненій, обходя законъ, защищаютъ тѣхъ, кого они должны обвинять. Ученые юристы, обязанные оправдывать насиліе власти, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣняемости и даже не исправленія, а лѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками.

Тюремщики и начальники каторжниковъ большею частью дѣлаются защитниками тѣхъ, кого они должны мучать. Жандармы и сыщики постоянно спасаютъ тѣхъ, кого они должны губить. Духовныя лица проповѣдуютъ терпимость, иногда даже отрицаніе насилія, и болѣе образованныя изъ нихъ стараются въ своихъ проповѣдяхъ обходить ту самую ложь, которая составляетъ весь смыслъ ихъ положенія и которую они призваны проповѣдовать. Палачи отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей, такъ что въ Россіи смертные приговоры часто не могутъ приводиться въ исполненіе за отсутствіемъ палачей, такъ какъ охотниковъ поступать въ палачи, не смотря на всѣ выгоды, предоставляемыя этимъ людямъ, выбираемымъ изъ каторжниковъ, становится все меньше и меньше. Губернаторы, исправники, становые, сборщики податей, мытари, часто, жалѣя народъ, стараются найти предлоги для несобиранія съ народа податей. Богачи не рѣшаются пользоваться своимъ богатствомъ только для себя, а распредѣляютъ его на общественныя дѣла. Землевладѣльцы устраиваютъ на своихъ земляхъ больницы, школы, а нѣкоторые изъ нихъ даже отказываются отъ владѣнія землей и передаютъ ее земледѣльцамъ или устраиваютъ на ней общины. Заводчики и фабриканты устраиваютъ больницы, училища, кассы, пенсіи, жилища для рабочихъ; нѣкоторые учреждаютъ товарищества, въ которыхъ сами становятся равными съ другими участниками. Капиталисты отдаютъ часть своихъ капиталовъ на общественныя, образовательныя, художественныя, филантропическія учрежденія. Не въ силахъ разстаться съ своими богатствами при жизни, многіе изъ нихъ послѣ смерти по завѣщаніямъ все таки отказываются отъ нихъ въ пользу общественныхъ учрежденій.

Всѣ эти явленія могли-бы казаться случайными, если-бы они всѣ не сводились къ одной общей причинѣ, какъ и могло-бы казаться случайнымъ то, что весной на нѣкоторыхъ деревьяхъ начинаетъ наливаться почка, если-бы мы не знали, что причина этого—общая весна, и что, если на нѣкоторыхъ деревьяхъ вѣтви начали мякнуть, то навѣрное то же будетъ и со всѣми.

То же и въ проявленіи христіанскаго общественнаго мнѣнія о значеніи насилія и того, что основано на немъ. Если это общественное мнѣніе вліяетъ уже на нѣкоторыхъ наиболѣе чуткихъ людей и заставляетъ ихъ каждаго въ своемъ дѣлѣ отказываться отъ преимуществъ, даваемыхъ насиліемъ, или не пользоваться имъ, то оно будетъ вліять и дальше, и будетъ вліять до тѣхъ поръ, пока не измѣнитъ всю дѣятельность людей и не приведетъ ее въ согласіе съ тѣмъ христіанскимъ сознаніемъ, которое уже живетъ въ передовыхъ людяхъ человѣчества.

И если теперь уже есть правители, не рѣшающіеся ничего предпринимать сами своей властью и старающіеся быть какъ можно болѣе похожими не на монарховъ, а на самыхъ простыхъ смертныхъ, и высказывающіе готовность отказаться отъ своихъ прерогативъ и стать первыми гражданами своей республики; и если есть уже такіе военные, которые понимаютъ все зло и грѣхъ войны и не желаютъ стрѣлять ни въ людей чужого, ни своего народа; и такіе судьи и прокуроры, которые не хотятъ обвинять и приговаривать преступниковъ; и такіе духовные, которые отказываются отъ своей лжи; и такіе мытари, которые стараются какъ можно меньше исполнять то, что они призваны дѣлать; и такіе богатые люди, которые отказываются отъ своихъ богатствъ, — то неизбѣжно сдѣлается то же самое и съ другими правительствами, другими военными, другими судейскими, духовными, мытарями и богачами. А не будетъ людей, готовыхъ занимать эти положенія, не будетъ и самихъ положеній и насилія.

Но не этимъ однимъ путемъ ведетъ общественное мнѣніе людей къ уничтоженію существующаго порядка и замѣненію его новымъ. По мѣрѣ того, какъ положенія насилія становятся все менѣе и менѣе привлекательными и все менѣе и менѣе находится охотниковъ занимать ихъ, все болѣе и болѣе разъясняется и ненужность ихъ.

Тѣ же въ христіанскомъ мірѣ правители и правительства, тѣ же войска, тѣ же суды, тѣ же мытари, то же духовенство, тѣ же богачи землевладѣльцы, фабриканты и капиталисты, какъ и прежде, но совсѣмъ другое уже отношеніе къ нимъ людей и самихъ людей къ своему положенію.

Все тѣ же правители, такъ же ѣздятъ на свиданія, такія же встрѣчи, и охоты, и пиры, и балы, и мундиры, и такіе же дипломаты, и разговоры о союзахъ и войнахъ; такіе же парламенты, въ которыхъ такъ же разбираются вопросы восточные и африканскіе, и союзовъ, и разрывовъ, и гомруля, и 8-часового дня. И такъ же смѣняются одни министерства другими, такія же рѣчи, инциденты. Но людямъ, видящимъ, какимъ образомъ одна статья въ газетѣ измѣняетъ болѣе положеніе дѣлъ, чѣмъ десятки свиданій монарховъ и сессій парламентовъ, все яснѣе и яснѣе становится, что не эти встрѣчи и свиданія, и разговоры въ парламентахъ руководятъ дѣлами людей, а нѣчто независимое отъ всего этого и нигдѣ не сосредоточенное.

Тѣ же генералы и офицеры, и солдаты, и пушки, и крѣпости, и смотры, и маневры, но войны нѣтъ годъ, десять, двадцать лѣтъ, и кромѣ того все менѣе и менѣе

можно надѣяться на военныхъ для усмиренія бунтовъ, и все яснѣе и яснѣе становится, что поэтому генералы и офицеры, и солдаты суть только члены торжественныхъ процессій — предметы забавы правителей, большіе, слишкомъ дорого стоющіе, коръ-де-балеты.

Тѣ же прокуроры и судьи, и такія-же засѣданія, но становится все яснѣе и яснѣе, что такъ какъ гражданскіе суды рѣшаются по самымъ разнообразнымъ причинамъ, но только не по справедливости, и что уголовные суды не имѣютъ никакого смысла, потому что наказанія не достигаютъ никакой допускаемой даже самими судьями цѣли, то учрежденія эти не представляютъ никакого другого значенія, какъ только средство кормленія людей, ни на что болѣе полезное неспособныхъ.

Тѣ же священники, и архіереи, и церкви, и синоды, но всѣмъ становится все яснѣе и яснѣе, что люди эти давно уже сами не вѣрятъ въ то, что проповѣдуютъ, и потому не могутъ уже никого убѣдить въ необходимости вѣрить въ то, во что они сами не вѣрятъ.

Тѣ же сборщики податей, но они все менѣе и менѣе дѣлаются способными силою отнимать у людей ихъ имущество, и становится все яснѣе и яснѣе, что люди безъ сборщиковъ податей могутъ по добровольной подпискѣ собрать все, что имъ нужно.

Тѣ же богачи, но все становится яснѣе и яснѣе, что они могутъ быть полезны только въ той мѣрѣ, въ которой они перестануть быть личными распорядителями своихъ богатствъ, и отдадутъ обществу все или хоть часть своего состоянія.

Когда же все это совсѣмъ и всѣмъ сдѣлается вполнѣ яснымъ, естественно будетъ людямъ спросить себя: «Да зачѣмъ же намъ кормить и содержать всѣхъ этихъ королей, императоровъ, президентовъ и членовъ разныхъ палатъ и министерствъ, ежели отъ всѣхъ ихъ свиданій и разговоровъ ничего не выходитъ? Не лучше-ли, какъ говорилъ какой то шутникъ, сдѣлать королеву изъ гутаперчи?»

«И на что намъ войска съ ихъ генералами и музыками, и кавалеріями, и барабанами? На что они нужны, когда войны нѣтъ, никто не желаетъ никого завоевывать и даже, если и есть война, то барышами отъ нея не даютъ воспользоваться другіе народы, и по своему народу войска отказываются стрѣлять?»

«И на что такіе судьи и прокуроры, которые въ гражданскихъ дѣлахъ рѣшаютъ не по справедливости, а въ уголовныхъ дѣлахъ сами знаютъ, что всякія наказанія безполезны?»

«И на что такіе сборщики податей, которые неохотно собираютъ подати, а то, что нужно, собирается и безъ нихъ?»

«И на что духовенство, которое давно уже не вѣритъ въ то, что оно должно проповѣдовать?»

«И на что капиталы въ частныхъ рукахъ, когда они могутъ приносить пользу только сдѣлавшись общимъ достояніемъ?»

А разъ спросивъ себя объ этомъ, люди не могутъ не придти къ рѣшенію перестать содержать всѣ эти ставшія безполезными учрежденія.

Но мало того, что люди, содержащіе эти учрежденія, придутъ къ рѣшенію упразднить ихъ, сами люди, занимающіе эти положенія, одновременно или еще прежде этого будутъ приведены къ необходимости отказа отъ этихъ положеній.

Общественное мнѣніе все болѣе и болѣе осуждаетъ и отрицаетъ насиліе, и потому люди, все болѣе и болѣе подчиняясь общественному мнѣнію, все менѣе и менѣе охотно занимаютъ положенія, поддерживаемыя насиліемъ; тѣ же, которые занимаютъ эти положенія, все менѣе и менѣе могутъ употреблять насиліе. Не употребляя же насилія, но оставаясь въ положеніи обусловливаемомъ насиліемъ, люди, занимающіе эти положенія, все болѣе и болѣе становятся ненужными. И ненужность эта, все болѣе и болѣе чувствуясь и тѣми, которые поддерживаютъ эти положенія, и тѣми, которые находятся въ нихъ, сдѣлается наконецъ такова, что не найдется болѣе людей для того, чтобы поддерживать эти положенія, и такихъ, которые-бы рѣшились занимать ихъ.

Разъ я въ Москвѣ присутствовалъ при спорахъ о вѣрѣ, которые происходили, по обыкновенію, на Ѳоминой у церкви въ Охотномъ ряду. Собралась на тротуарѣ кучка, человѣкъ 20 и шелъ серьезный разговоръ о религіи. Въ это же время былъ какой то концертъ въ рядомъ стоящемъ зданіи Дворянскаго Собранія, и полицейскій офицеръ, замѣтивъ кучку народа, собравшуюся у церкви, прислалъ верхового жандарма съ приказаніемъ разойтись. Офицеру собственно не нужно было, чтобы расходились. Собравшіеся 20 человѣкъ никому не мѣшали, но офицеръ стоялъ тутъ цѣлое утро и ему надо было что нибудь дѣлать. Молодой малый —жандармъ, молодецки подпираясь правой рукой и гремя саблей, подъѣхалъ къ намъ и строго приказалъ: «Разойтись! Что собрались?» — Всѣ оглянулись на жандарма и одинъ изъ говорившихъ, скромный человѣкъ въ чуйкѣ, спокойно и ласково сказалъ: «мы говоримъ о дѣлѣ и намъ незачѣмъ расходиться, а ты лучше, молодой человѣкъ, слѣзь да послушай, о чемъ говорятъ. И тебѣ будетъ на пользу», и отвернувшись, продолжалъ бесѣду. Жандармъ молча отвернулъ лошадь и отъѣхалъ.

То же самое должно совершиться во всѣхъ дѣлахъ насилія. Офицеру скучно, ему дѣлать нечего; онъ, бѣдный, постав-

лодъ въ такое положеніе, въ которомъ ему необходимо распоряжаться. Онъ, людей всякой нелѣпѣйшей жизни, ему можно только смотрѣть и распоряжаться, распоряжаться и смотрѣть, хотя распоряженія его и смотрѣнье ни для чего не нужны. Въ такомъ же положеніи отчасти уже находятся и въ скоромъ времени вполнѣ будутъ находиться всѣ эти несчастные правители, министры, члены парламентовъ, губернаторы, генералы, офицеры, архіереи, священники, богачи даже. Имъ больше ничего нельзя дѣлать, какъ только распоряжаться, и они распоряжаются, посылаютъ своихъ посланныхъ, какъ офицеръ жандарма, для того, чтобы мѣшать людямъ, и такъ какъ люди, которымъ они мѣшаютъ, обращаются къ нимъ-же съ просьбами, чтобы они не мѣшали имъ, то имъ кажется, что они необходимо нужны.

Но приходитъ время и придетъ, когда станетъ всѣмъ совершенно ясно, что они ни на что не нужны, а только мѣшаютъ людямъ, и люди, которымъ они мѣшаютъ, скажутъ имъ ласково и кротко, какъ тотъ человѣкъ въ чуйкѣ: «не мѣшайте намъ, пожалуйста». И всѣ эти посланные и посылающіе должны будутъ послѣдовать этому доброму совѣту, т. е. перестать, подбоченясь, ѣздить между людьми, мѣшая имъ, а слѣзши съ своихъ коньковъ и снявши съ себя свои наряды, послушать то, что говорятъ люди, и присоединясь къ нимъ, приняться со всѣми вмѣстѣ за настоящую человѣческую работу.

Приходитъ время и неизбѣжно придетъ, когда всѣ насильническія учрежденія нашего времени уничтожатся вслѣдствіе сдѣлавшейся слишкомъ очевидной для всѣхъ ненужности, нелѣпости, даже неприличія ихъ.

Должно придти время, когда съ людьми нашего міра, занимающими положенія, даваемыя насиліемъ, случится то, что случилось съ королемъ въ сказкѣ Андерсена: «О новомъ царскомъ платьѣ», когда малое дитя, увидавъ голаго царя, наивно вскрикнуло: «смотрите, онъ голый!» и всѣ, видѣвшіе это и прежде, но не высказывавшіе, не могли уже болѣе скрывать этого.

Сказка въ томъ, что къ царю, охотнику до новыхъ платьевъ, приходятъ портные, обѣщающіеся сшить необыкновенное платье. Царь нанимаетъ портныхъ и портные начинаютъ шить, но говорятъ, что особенное свойство ихъ платья то, что кто не нуженъ для своей должности, тотъ не можетъ видѣть платьевъ.

Придворные приходятъ смотрѣть работу портныхъ и ничего не видятъ, такъ какъ портные водятъ иголками по пустому мѣсту. Но, помня условіе, всѣ должностныя лица говорятъ, что видятъ платья и хвалятъ ихъ. То же дѣлаетъ и царь. Приходитъ время процессіи, въ которой царь пойдетъ въ новомъ платьѣ. Царь раздѣвается, и надѣваетъ новыя платья, т. е. остается голый и голый идетъ по городу. Но помня условіе, никто не рѣшается сказать, что платьевъ нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока малое дитя не вскрикнуло: «смотрите, онъ голый!»

То же должно случиться со всѣми занимающими по инерціи положенія, давно уже ставшія ненужными, когда первый незаинтересованный въ томъ, чтобы по пословицѣ: рука руку моетъ, скрывать ненужность этихъ учрежденій, укажетъ на безполезность ихъ и наивно крикнетъ: «а, вѣдь, люди эти уже давно ни на что не нужны».

Положеніе христіанскаго человѣчества съ его крѣпостями, пушками, динамитами, ружьями, торпедами, тюрьмами, висѣлицами, церквами, фабриками, таможнями, дворцами, дѣйствительно ужасно; но, вѣдь, ни крѣпости, ни пушки, ни ружья ни въ кого сами не стрѣляютъ, тюрьмы никого сами не запираютъ, висѣлицы никого не вѣшаютъ, церкви никого сами не обманываютъ, таможни не задерживаютъ, дворцы и фабрики сами не строятся и себя не содержатъ, а все дѣлаютъ это люди. Если же люди поймутъ, что этого не надо дѣлать, то этого ничего и не будетъ.

А люди уже начинаютъ понимать это. Если еще не всѣ понимаютъ это, то понимаютъ это передовые люди, тѣ, за которыми идутъ остальные. И перестать понимать то, что разъ поняли передовые люди, они уже никакъ не могутъ. Понять же то, что поняли передовые, остальные люди не только могутъ, но неизбѣжно должны.

Такъ что предсказаніе о томъ, что придетъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, разучатся воевать, перекуютъ мечи на орала и копья на серпы, т. е. переводя на нашъ языкъ, всѣ тюрьмы, крѣпости, казармы, дворцы, церкви останутся пустыми и всѣ висѣлицы, ружья, пушки останутся безъ употребленія, — уже не мечта, а опредѣленная, новая форма жизни, къ которой съ все увеличивающейся быстротой приближается человѣчество.

Но когда же это будетъ?

1800 лѣтъ назадъ на вопросъ этотъ Христосъ отвѣтилъ, что конецъ нынѣшняго вѣка, т. е. языческаго устройства міра, наступитъ тогда, когда (Мѳ. XXIV, 3—28) увеличатся до послѣдней степени бѣдствія людей и вмѣстѣ съ тѣмъ благая вѣсть Царства Божія, т. е. возможность новаго, ненасильническаго устройства жизни будетъ проповѣдана по всей землѣ.

«О днѣ же и часѣ томъ никто не знаетъ, только Отецъ мой одинъ (Мѳ. XXIV, 36)», тутъ же говоритъ Христосъ. Ибо оно можетъ наступить всегда, всякую минуту, и тогда, когда мы не ожидаемъ его.

На вопросъ о томъ, когда наступитъ этотъ часъ, Христосъ говоритъ, что знать этого мы не можемъ; но именно потому,

что мы не можемъ знать времени наступленія этого часа, мы не только должны быть всегда готовы къ встрѣчѣ его, какъ долженъ быть всегда готовъ хозяинъ, стерегущій домъ, какъ должны быть готовы дѣвы съ свѣтильниками, встрѣчающія жениха, но и должны работать изъ всѣхъ данныхъ намъ силъ для наступленія этого часа, какъ должны были работать работники на данные имъ таланты (Мѳ. XXIV, 43; XXV, 1—30). — На вопросъ, когда наступитъ этотъ часъ, Христосъ увѣщеваетъ людей всѣми своими силами работать для скорѣйшаго наступленія его.

И другого отвѣта не можетъ быть. Знать то, когда наступитъ день и часъ Царства Божія, люди никакъ не могутъ, потому что наступленіе этого часа ни отъ кого другого не зависитъ, какъ отъ самихъ людей.

Отвѣтъ тотъ же, какъ отвѣтъ того мудреца, который, на вопросъ прохожаго: далеко ли до города? отвѣтилъ: «иди».

Какъ мы можемъ знать, далеко ли до той цѣли, къ которой приближается человѣчество, когда мы не знаемъ, какъ будетъ подвигаться къ этой цѣли человѣчество, отъ котораго зависитъ — идти или не идти, остановиться, умѣрить свое движеніе или усилить его.

Все, что мы можемъ знать, это то, что мы, составляющіе человѣчество, должны дѣлать и чего должны не дѣлать для того, чтобы наступило это царство Божіе. А это мы всѣ знаемъ. И стоитъ только каждому начать дѣлать то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, чего мы не должны дѣлать, стоитъ только каждому изъ насъ жить всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ, для того, чтобы тотчасъ же наступило то обѣщанное Царство Божіе, къ которому влечется сердце каждаго человѣка.

XII.

Заключеніе.

1.

Я кончалъ эту двухлѣтнюю работу, когда 9-го сентября мнѣ случилось ѣхать по желѣзной дорогѣ въ мѣстность голодавшихъ въ прошломъ году и еще сильнѣе голодающихъ въ нынѣшнемъ году крестьянъ Тульской и Рязанской губерніи. На одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, съѣхался съ экстреннымъ поѣздомъ, везшимъ подъ предводительствомъ губернатора войска съ ружьями, боевыми патронами и розгами для истязанія и убійства этихъ самыхъ голодающихъ крестьянъ.

Истязаніе людей розгами для приведенія въ исполненіе рѣшенія власти, не смотря на то, что тѣлесное наказаніе отмѣнено закономъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стало примѣняться въ Россіи.

Я слыхалъ про это, читалъ даже въ газетахъ про странныя истязанія, которыми какъ будто хвастался Нижегородскій губернаторъ Барановъ, про истязанія, происходившія въ Черниговѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Астрахани, Орлѣ, но ни разу мнѣ не приходилось, какъ теперь, видѣть людей въ процессѣ исполненія этихъ дѣлъ.

И вотъ я увидалъ вооочію русскихъ, добрыхъ, и проникнутыхъ христіанскимъ духомъ людей съ ружьями и розгами, ѣдущими убивать и истязать своихъ голодныхъ братьевъ.

Поводъ, по которому они ѣхали, былъ слѣдующій:

Въ одномъ изъ имѣній богатаго землевладѣльца крестьяне выростили на общемъ съ помѣщикомъ выгонѣ лѣсъ (выростили, т. е. оберегали во время его роста) и всегда пользовались имъ, и потому считали этотъ лѣсъ своимъ или, по крайней мѣрѣ, общимъ; владѣлецъ-же, присвоивъ себѣ этотъ лѣсъ, началъ рубить его. Крестьяне подали жалобу. Судья первой инстанціи неправильно (я говорю—неправильно со словъ прокурора и губернатора, людей, которые должны знать дѣло) рѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика. Всѣ дальнѣйшія инстанціи, въ томъ числѣ и сенатъ, хотя и могли видѣть, что дѣло рѣшено неправильно, утвердили рѣшеніе и лѣсъ присужденъ помѣщику. Помѣщикъ началъ рубить лѣсъ, но крестьяне, не могущіе вѣрить тому, чтобы такая очевидная несправедливость могла быть совершена надъ ними высшею властью, не покорились рѣшенію и прогнали присланныхъ рубить лѣсъ работниковъ, объявивъ, что лѣсъ принадлежитъ имъ и они дойдутъ до царя, но не дадутъ рубить лѣса.

О дѣлѣ донесено въ Петербургъ, откуда было предписано губернатору привести рѣшеніе суда въ исполненіе. Губернаторъ потребовалъ войско. И вотъ, солдаты, вооруженные ружьями со штыками, боевыми патронами, кромѣ того съ запасомъ розогъ, нарочно приготовленныхъ для этого случая и везомыхъ въ одномъ изъ вагоновъ, ѣдутъ приводить въ исполненіе это рѣшеніе высшей власти.

Приведеніе же въ исполненіе рѣшенія высшей власти совершается убійствомъ, истязаніемъ людей или угрозой того или другого, смотря по тому, окажутъ или не окажутъ они сопротивленіе.

Въ первомъ случаѣ, если крестьяне оказываютъ сопротивленіе, совершается въ Россіи (то же самое совершается вездѣ, гдѣ только есть государственное устройство и право собственности) — совершается слѣдующее: начальникъ говоритъ рѣчь и требуетъ покорности. Возбужденная толпа, большею частью обманутая своими вожаками, ничего не понимаетъ изъ того,

что говоритъ чиновничьимъ, книжнымъ языкомъ представитель власти, и продолжаетъ волноваться. Тогда начальникъ объявляетъ, что если они не покорятся и не разойдутся, то онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ оружію. Если толпа и при этомъ не покоряется и не расходится, начальникъ приказываетъ заряжать ружья и стрѣлять черезъ головы толпы. Если толпа и при этомъ не расходится, начальникъ приказываетъ стрѣлять прямо въ толпу, въ кого попало, и солдаты стрѣляютъ и по улицѣ падаютъ раненные и убитые люди, и тогда толпа обыкновенно разбѣгается, и войска по приказанію начальниковъ захватываютъ тѣхъ, которые представляются имъ главными зачинщиками, и отводятъ ихъ подъ стражу.

Послѣ этого подбираютъ окровавленныхъ, умирающихъ, изуродованныхъ, убитыхъ и раненныхъ мущинъ, иногда женщинъ, дѣтей; мертвыхъ хоронятъ, а изуродованныхъ отсылаютъ въ больницу. Тѣхъ же, которыхъ считаютъ зачинщиками, везутъ въ городъ и судятъ особеннымъ военнымъ судомъ. И если съ ихъ стороны было насиліе, приговариваютъ къ повѣшенію. И тогда ставятъ висѣлицу и душатъ веревками нѣсколько беззащитныхъ людей, какъ это дѣлалось много разъ въ Россіи, какъ это дѣлается и не можетъ не дѣлаться вездѣ, гдѣ общественный строй стоитъ на насиліи. Такъ это дѣлается въ случаѣ сопротивленія.

Во второмъ же случаѣ, въ случаѣ покорности крестьянъ, совершается нѣчто особенное и спеціально русское. Совершается слѣдующее: губернаторъ, пріѣхавъ на мѣсто дѣйствія, произноситъ рѣчь народу, упрекая его за его непослушаніе и или становитъ войско по дворамъ деревни, гдѣ солдаты въ продолженіи мѣсяца иногда разоряютъ своимъ постоемъ крестьянъ, или, удовлетворившись угрозой, милостиво прощаетъ народъ и уѣзжаетъ, или, что бываетъ чаще всего, объявляетъ ему, что зачинщики за это должны быть наказаны и произвольно безъ суда отбираетъ извѣстное количество людей, признанныхъ зачинщиками, и въ своемъ присутствіи производитъ надъ ними истязанія.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ совершаются эти дѣла, опишу такое дѣло, совершенное въ Орлѣ и получившее одобреніе высшей власти.

Совершилось въ Орлѣ слѣдующее: точно такъ же, какъ здѣсь, въ Тульской губерніи, помѣщикъ пожелалъ отнять собственность крестьянъ, и точно такъ же крестьяне воспротивились этому. Дѣло было въ томъ, что владѣлецъ безъ согласія крестьянъ пожелалъ держать на своей мельницѣ воду на томъ высокомъ уровнѣ, при которомъ заливались ихъ луга. Крестьяне воспротивились этому. Помѣщикъ принесъ жалобу земскому начальнику. Земскій начальникъ незаконно (какъ это впослѣдствіи признано и судомъ) рѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика, разрѣшивъ ему поднять воду. Помѣщикъ послалъ рабочихъ прудить канаву, черезъ которую спускалась вода. Крестьяне возмутились этимъ неправильнымъ рѣшеніемъ и выслали своихъ женщинъ для того, чтобы помѣшать рабочимъ помѣщика прудить канаву. Женщины вышли на плотину, перевернули телѣги и прогнали рабочихъ. Помѣщикъ подалъ жалобу на женщинъ за самоуправство. Земскій начальникъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы посадить во всей деревнѣ изъ каждаго двора по одной женщинѣ въ тюрьму («холодную»). Рѣшеніе было неудобоисполнимое; такъ какъ въ каждомъ дворѣ было нѣсколько женщинъ: нельзя было знать, какая подлежитъ аресту, и потому полиція не приводила рѣшенія въ исполненіе. Помѣщикъ пожаловался губернатору на неисполнительность полиціи. И губернаторъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, строго приказалъ исправнику немедленно привести въ исполненіе рѣшеніе земскаго начальника. Повинуясь высшему начальству, исправникъ пріѣхалъ въ деревню и съ свойственнымъ русской власти неуваженіемъ къ людямъ приказалъ полицейскимъ забирать изъ каждаго дома по одной женщинѣ. Но такъ какъ въ каждомъ домѣ было болѣе одной женщины и нельзя было знать, которая подлежитъ заключенію, начались споры и сопротивленіе. Не смотря на эти споры и сопротивленіе, исправникъ приказалъ хватать женщинъ по одной изъ двора, какая попадется, и вести въ мѣсто заключенія. Мужики стали защищать своихъ женъ и матерей, не дали ихъ и при этомъ побили полицейскихъ и исправника. Явилось новое страшное преступленіе: сопротивленіе власти, и объ этомъ новомъ преступленіи донесено въ городъ. И вотъ губернаторъ, точно такъ же, какъ теперь ѣхалъ Тульскій губернаторъ, съ батальономъ солдатъ, съ ружьями и розгами, пользуясь и телеграфами и телефонами и желѣзными дорогами, на экстренномъ поѣздѣ, съ ученымъ докторомъ, который долженъ былъ слѣдить за гигіеничностью сѣченія, олицетворяя вполнѣ предсказаннаго Герценомъ Чингисъ-хана съ телеграфами, пріѣхалъ на мѣсто дѣйствія.

У волостного правленія стояло войско, отрядъ городовыхъ съ красными шнурками, на которыхъ висятъ револьверы, и собранныя должностныя лица изъ крестьянъ, и обвиняемые. Кругомъ стояла толпа народа въ 1000 или болѣе человѣкъ. Подъѣхавъ къ волостному правленію, губернаторъ вышелъ изъ коляски, произнесъ приготовительную рѣчь и потребовалъ виноватыхъ и скамейку. Требованіе это было не понято сначала. Но городовой, котораго губернаторъ всегда возилъ съ со-

бой и который занимался организаціей истязаній, уже неоднократно совершавшихся въ губерніи, объяснилъ, что это значило скамейку для сѣченія. Принесли скамейку, принесли привезенныя съ собой розги и вызвали палачей. Палачи уже впередъ были заготовлены изъ конокрадовъ той же деревни, такъ какъ военные стказались исполнять эту должность.

Когда все было готово, начальникъ велѣлъ выдти первому изъ тѣхъ 12 человѣкъ, на которыхъ указалъ помѣщикъ, какъ на самыхъ виноватыхъ. Первый вышедшій былъ отецъ семейства, уважаемый въ обществѣ сорокалѣтній человѣкъ, мужественно отстаивавшій права общества и потому пользовавшійся уваженіемъ жителей. Его подвели къ скамьѣ, обнажили его и велѣли ему ложиться.

Крестьянинъ попробовалъ молить о пощадѣ, но увидавъ, что это безполезно, перекрестился и легъ. Двое городовыхъ бросились держать его. Ученый докторъ стоялъ тутъ же, въ готовности оказать нужную медицинскую научную помощь. Острожники, поплевавъ въ руки, взмахнули розгами и начали бить. Оказалось, однако, что скамейка была слишкомъ узка и трудно было удержать на ней корчившагося истязуемаго. Тогда губернаторъ велѣлъ принести другую скамью и подмостить доску. Люди, прикладывая руки къ козырьку и приговаривая: «слушаю, ваше превосходительство», поспѣшно и покорно исполнили приказанія; между тѣмъ, полуобнаженный, блѣдный истязуемый человѣкъ, нахмуривъ брови и глядя въ землю, дрожа челюстью и оголенными ногами, дожидался. Когда приставлена была другая скамья, его опять положили и конокрады начали опять бить его. Все больше и больше покрывалась рубцами и кровоподтеками спина, ягодицы, ляжки и даже бока истязуемаго, и за каждымъ ударомъ раздавались глухіе звуки, которыхъ не могъ сдержать истязуемый. Изъ толпы, стоявшей вокругъ, слышались вопли женъ, матерей, дѣтей, родныхъ истязуемаго и всѣхъ тѣхъ, которые были отобраны для наказанія.

Несчастный, опьяненный властью губернаторъ, которому казалось, что онъ не могъ поступать иначе, загибая пальцы, считалъ удары и, не переставая, курилъ папироски, для закуриванія которыхъ нѣсколько услужливыхъ людей всякій разъ торопились поднести ему зажженую спичку. Когда дано было болѣе 50 ударовъ, крестьянинъ пересталъ кричать и шевелиться, и докторъ, воспитанный въ казенномъ заведеніи для служенія своими научными знаніями своему государю и отечеству, подошелъ къ истязуемому, пощупалъ пульсъ, послушалъ сердце и доложилъ представителю власти, что наказываемый потерялъ сознаніе и что по даннымъ науки продолжать наказаніе можетъ быть опаснымъ для его жизни. Но несчастный губернаторъ, уже совершенно опьяненный видомъ крови, велѣлъ продолжать, и истязаніе продолжалось до 70 ударовъ, того количества, до котораго ему почему то казалось нужнымъ довести количество ударовъ. Когда данъ былъ 70-й ударъ, губернаторъ сказалъ: «Довольно! Слѣдующаго!» И изуродованнаго человѣка съ вспухшей спиной и потерявшаго сознаніе подняли и снесли и привели другого. Рыданія и стоны толпы усиливались. Но представитель государственной власти продолжалъ истязаніе.

Также били 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 12-го, — каждаго по 70 ударовъ. Всѣ они молили о пощадѣ, стонали, кричали. Рыданія и стоны толпы женщинъ все становились громче и раздирательнѣе, и все мрачнѣе и мрачнѣе становились лица мущинъ. Но кругомъ стояли войска и истязаніе не остановилось до тѣхъ поръ, пока не совершено было дѣло въ той самой мѣрѣ, въ которой оно представлялось почему то необходимымъ капризу несчастнаго, полупьянаго, заблудшаго человѣка, называемаго губернаторомъ.

Чиновники, офицеры, солдаты не только присутствовали при этомъ, но своимъ присутствіемъ участвовали въ этомъ дѣлѣ и охраняли отъ нарушенія со стороны толпы порядокъ совершенія этого государственнаго акта.

Когда я спрашивалъ у одного изъ губернаторовъ, для чего производятъ эти истязанія надъ людьми, когда они уже покорились и войска стоятъ въ деревнѣ, онъ съ значительнымъ видомъ человѣка, познавшаго всѣ тонкости государственной мудрости, отвѣчалъ мнѣ, что это дѣлается потому, что опытомъ дознано, что если крестьяне не подвергнуты истязанію, то они опять начнутъ противодѣйствовать распоряженію власти. Совершенное же истязаніе надъ нѣкоторыми закрѣпляетъ уже навсегда рѣшеніе власти.

И вотъ теперь тульскій губернаторъ съ чиновниками, офицерами и солдатами ѣхалъ совершать такое же дѣло. Точно такъ же, т. е. убійствомъ или истязаніемъ, должно было привести въ исполненіе рѣшеніе высшей власти, состоящее въ томъ, чтобы молодой малый, помѣщикъ, имѣющій 100 тысячъ годового дохода, могъ получить еще 3000 рублей за лѣсъ, мошеннически отнятый имъ у дѣлаго общества голодныхъ и холодныхъ крестьянъ, и могъ промотать эти деньги въ двѣ-три недѣли въ трактирахъ Москвы, Петербурга или Парижа. На такое именно дѣло ѣхали теперь тѣ люди, которыхъ я встрѣтилъ.

Судьба какъ нарочно, послѣ двухлѣтняго моего напряженія мысли все въ одномъ и томъ же направленіи, наталкнула

меня въ первый разъ въ жизни на это явленіе, показавшее мнѣ съ полной очевидностью на практикѣ то, что для меня давно выяснилось въ теоріи, а именно то, что все устройство нашей жизни зиждется не на какихъ либо, какъ это любятъ себѣ представлять люди, пользующіеся выгоднымъ положеніемъ въ существующемъ порядкѣ вещей, юридическихъ началахъ, а на самомъ простомъ, грубомъ насиліи, на убійствахъ и истязаніяхъ людей.

Люди, владѣющіе большимъ количествомъ земель и капиталовъ, или получающіе большія жалованья, собранныя съ нуждающагося въ самомъ необходимомъ рабочаго народа, равно и тѣ, которые, какъ купцы, доктора, художники, прикащики, ученые, кучера, повара, писатели, лакеи, адвокаты, кормятся около этихъ богатыхъ людей, любятъ вѣрить въ то, что тѣ преимущества, которыми они пользуются, происходятъ не вслѣдствіе насилія, а вслѣдствіе совершенно свободнаго и правильнаго обмѣна услугъ, и что преимущества эти не только не происходятъ отъ совершаемыхъ надъ людьми побоевъ и убійствъ, какъ тѣ, которые происходили въ Орлѣ и во многихъ мѣстахъ въ Россіи нынѣшнимъ лѣтомъ и происходятъ постоянно во всей Европѣ и Америкѣ, но не имѣютъ даже съ этими насиліями никакой связи. Они любятъ вѣрить въ то, что преимущества, которыми они пользуются, существуютъ сами по себѣ и происходятъ по добровольному согласію людей, а насилія, совершаемыя надъ людьми, существуютъ тоже сами по себѣ и происходятъ по какимъ-то общимъ и высшимъ юридическимъ, государственнымъ и экономическимъ законамъ. Люди эти стараются не видѣть того, что они пользуются тѣми преимуществами, которыми они пользуются, всегда только вслѣдствіе того же самаго, вслѣдствіе чего теперь будутъ принуждены крестьяне, выростившіе лѣсъ и крайне нуждающіеся въ немъ, отдать его не оказавшему никакого участія въ его обереганіи во время роста и не нуждающемуся въ немъ богатому помѣщику, т. е. вслѣдствіе того, что если они не отдадутъ этотъ лѣсъ, ихъ будутъ бить или убивать.

А между тѣмъ, если совершенно ясно, что Орловская мельница стала приносить большій доходъ помѣщику, и лѣсъ, выращенный крестьянами, передается помѣщику только вслѣдствіе побоевъ и убійствъ или угрозъ ихъ, то точно такъ же должно бы быть ясно, что и всѣ другія исключительныя права богатыхъ, лишающихъ бѣдныхъ необходимаго, должны быть основаны на томъ же. Если нуждающіеся въ землѣ для пропитанія своихъ семей крестьяне не пашутъ ту землю, которая у нихъ подъ дворами, а землей этой въ количествѣ, могущемъ накормить 1000 семей, пользуется одинъ человѣкъ, — русскій, англійскій, австрійскій, или какой бы то ни было крупный землевладѣлецъ, не работающій на этой землѣ, и если закупившій въ нуждѣ у земледѣльцевъ хлѣбъ купецъ можетъ безопасно держать этотъ хлѣбъ въ своихъ амбарахъ, среди голодающихъ людей и продавать его въ три-дорога тѣмъ же земледѣльцамъ, у которыхъ онъ купилъ его втрое дешевле, то очевидно, что это происходитъ по тѣмъ же причинамъ. И если не можетъ одинъ человѣкъ купить у другого продаваемаго ему изъ-за извѣстной условной черты, названной границей, дешеваго товара, не заплативъ за это таможенной пошлины людямъ, не имѣвшимъ никакого участія въ производствѣ товара; — и если не могутъ люди не отдавать послѣдней коровы на подати, раздаваемыя правительствомъ своимъ чиновникамъ и употребляемыя на содержаніе солдатъ, которые будутъ убивать этихъ самыхъ плательщиковъ, то, казалось-бы, очевидно, что и это сдѣлалось никакъ не вслѣдствіе какихъ либо отвлеченныхъ правъ, а вслѣдствіе того самаго, что совершилось въ Орлѣ и что можетъ совершиться теперь въ Тульской губерніи и періодически въ томъ или другомъ видѣ совершается во всемъ мірѣ, гдѣ есть государственное устройство и есть богатые и бѣдные.

Вслѣдствіе того, что не при всѣхъ насильственныхъ отношеніяхъ людей совершаются истязанія и убійства, люди, пользующіеся исключительными выгодами правящихъ классовъ, увѣряютъ себя и другихъ, что выгоды, которыми они пользуются, происходятъ не отъ истязаній и убійствъ, а отъ какихъ то другихъ таинственныхъ общихъ причинъ, отвлеченныхъ правъ и т. п. А между тѣмъ, казалось бы, ясно, что если люди, считая это несправедливымъ (какъ это считаютъ теперь всѣ рабочіе), отдаютъ главную долю своего труда капиталисту, землевладѣльцу и платятъ подати, зная, что подати эти употребляются дурно, то дѣлаютъ они это прежде всего не по сознанію какихъ то отвлеченныхъ правъ, о которыхъ они никогда и не слыхали, а только потому, что знаютъ, что ихъ будутъ бить и убивать, если они не сдѣлаютъ этого.

Если же не всякій разъ приходится сажать въ тюрьму, бить и убивать людей, когда собирается землевладѣльцемъ аренда за землю и нуждающійся въ хлѣбѣ платить обманувшему его купцу тройную цѣну, и фабричный довольствуется платой пропорціонально вдвое меньшей дохода хозяина, и когда бѣдный человѣкъ отдаетъ послѣдній рубль на пошлину и подати, то происходитъ это отъ того, что людей уже такъ много били и убивали за ихъ попытки не дѣлать того, чего отъ нихъ требуется, что они твердо помнятъ это. Какъ усмиренный тигръ въ клѣткѣ не береть мяса, которое ему положено подъ

морду и не лежить спокойно, а прыгаетъ черезъ палку, когда ему велятъ дѣлать это, не потому, что ему хочется дѣлать это, а потому что онъ помнитъ раскаленный желѣзный прутъ или голодъ, которому онъ подвергался каждый разъ, когда не повиновался; точно такъ же и люди, подчиняющіеся тому, что имъ не выгодно, даже, губительно для нихъ, и что они считаютъ несправедливымъ, дѣлаютъ это потому, что они помнятъ то, что бывало имъ за противодѣйствіе этому.

Люди же, пользующіеся преимуществами, произведенными давнишними насиліями, часто забываютъ и любятъ забывать то, какъ пріобрѣтены эти преимущества. А между тѣмъ стоитъ только вспомнить исторію, не исторію успѣховъ разныхъ династій властителей, а настоящую исторію, исторію угнетенія малымъ числомъ людей большинства, для того, чтобы увидать, что основы всѣхъ преимуществъ богатыхъ надъ бѣдными всѣ произошли ни отъ чего другого, какъ отъ розогъ, тюремъ, каторгъ, убійствъ.

Стоитъ только подумать о томъ неперестающемъ упорномъ стремленіи всѣхъ людей къ увеличенію своего благосостоянія, которымъ руководятся люди нашего времени, для того, чтобы убѣдиться, что преимущества богатыхъ надъ бѣдными ничѣмъ инымъ не могли и не могутъ быть поддерживаемы.

Могутъ быть угнетенія, побои, тюрьмы, казни, не имѣющія цѣлью преимущества богатыхъ классовъ (хотя это очень рѣдко), но смѣло можно сказать, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ на каждаго достаточнаго, по-господски живущаго человѣка приходится 10 измученныхъ работой, завистливыхъ, жадныхъ и часто прямо съ своими семьями страдающихъ рабочихъ, всѣ преимущества богатыхъ, вся роскошь ихъ, все то, чѣмъ лишнимъ пользуются богатые противъ средняго рабочаго, все это пріобрѣтено и поддерживаемо только истязаніями, заключеніями, казнями.

2.

Встрѣченный мною 9-го сентября поѣздъ, ѣдущій съ солдатами, ружьями, боевыми патронами и розгами въ голоднымъ крестьянамъ для того, чтобы утвердить за богачемъ помѣщикомъ отнятый имъ у крестьянъ небольшой лѣсъ, не нужный ему и страшно нужный крестьянамъ, съ поразительной очевидностью доказывалъ, до какой степени выработалась въ людяхъ способность совершать самыя противныя ихъ убѣжденіямъ и совѣсти дѣла, не видя этого.

Экстренный поѣздъ, съ которымъ я съѣхался, состоялъ изъ одного вагона 1-го класса для губернатора, чиновниковъ и офицеровъ и изъ нѣсколькихъ товарныхъ вагоновъ, набитыхъ солдатами.

Молодцоватые молодые ребята солдаты въ своихъ новыхъ чистыхъ мундирахъ толпились стоя или сидя ногами, сидя въ раздвинутыхъ широкихъ дверяхъ товарныхъ вагоновъ. Одни курили, другіе толкались, шутили, смѣялись, оскаливая зубы, третьи щелкали сѣмячки, самоувѣренно выплевывая ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣгали по платформѣ къ кадкѣ съ водой, чтобы напиться, и, встрѣчая офицеровъ, умѣряя шагъ, дѣлали свои глупые жесты прикладыванія руки ко лбу и съ серьезными лицами, какъ будто дѣлали что то не только разумное, но и очень важное, проходили мимо нихъ, провожая ихъ глазами и потомъ еще веселѣе пускались рысью, топая по доскамъ платформы, смѣясь и болтая, какъ это свойственно здоровымъ, добрымъ молодымъ ребятамъ, переѣзжающимъ въ веселой компаніи изъ одного мѣста въ другое.

Они ѣхали на убійство своихъ голодныхъ отцовъ и дѣдовъ, точно какъ будто на какое нибудь веселое или по крайней мѣрѣ на самое обыкновенное дѣло.

Такое же впечатлѣніе производили и нарядные чиновники и офицеры, разсыпанные по платформѣ и залѣ 1-го класса. У стола, уставленнаго бутылками, въ своемъ полувоенномъ мундирѣ сидѣлъ губернаторъ, начальникъ всей экспедиціи, и ѣлъ что то и спокойно разговаривалъ о погодѣ съ встрѣтившимися знакомыми, какъ будто дѣло, на которое онъ ѣхалъ, было такое простое и обыкновенное, что оно не могло нарушить его спокойствія и интереса къ перемѣнѣ погоды.

Поодаль отъ стола, не принимая пищи, сидѣлъ жандармскій генералъ съ непроницаемымъ, но унылымъ видомъ, какъ будто тяготясь надоѣвшей ему формальностью. Со всѣхъ сторонъ двигались и шумѣли офицеры въ своихъ красивыхъ, украшенныхъ золотомъ мундирахъ: кто, сидя за столомъ, допивалъ бутылку пива, кто, стоя у буфета разжевывалъ закусочный пирожокъ, отряхивалъ крошки, упавшія на грудь мундира, и самоувѣреннымъ жестомъ кидалъ монету; кто, подрагивая на каждой ногѣ, прогуливался передъ вагонами нашего поѣзда, заглядывая на женскія лица.

Всѣ эти люди, ѣхавшіе на убійство или истязаніе голодныхъ и беззащитныхъ, тѣхъ самыхъ людей, которые кормятъ ихъ, имѣли видъ людей, которые твердо знаютъ, что они дѣлаютъ то, что нужно дѣлать, и даже нѣсколько гордятся, «куражатся», дѣлая это дѣло.

Что же это такое?

Всѣ эти люди находятся въ получасѣ ѣзды отъ того мѣста, гдѣ они, для того, чтобы доставить богатому малому ненужныя ему 3000, отнятыя имъ у цѣлаго об-

щества голодныхъ крестьянъ, могутъ быть вынуждены начать дѣлать дѣла самыя ужасныя, какія только можно себѣ представить, могутъ начать убивать или истязать такъ же, какъ въ Орлѣ, невинныхъ людей, своихъ братьевъ, и они спокойно приближаются къ тому мѣсту и времени, гдѣ и когда это можетъ начаться.

Сказать, что люди эти, всѣ эти чиновники, офицеры и солдаты, не знаютъ того, что имъ предстоитъ и на что они ѣдутъ, — нельзя, потому что они готовились къ этому. Губернаторъ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о розгахъ, чиновники должны были покупать березовыя прутья, торговаться и вписывать эту статью въ расходъ. Военные отдавали и получали, и исполняли приказанія о боевыхъ патронахъ. Всѣ они знаютъ, что они ѣдутъ истязать, а можетъ быть, и убивать своихъ замученныхъ голодомъ братьевъ и что начнутъ дѣлать это, можетъ быть, черезъ часъ.

Сказать, что они это дѣлаютъ изъ убѣжденія, какъ это обыкновенно говорятъ, и они сами повторяютъ,—изъ убѣжденія въ необходимости поддержанія государственнаго устройства, было бы несправедливо, во-первыхъ, потому, что всѣ эти люди едва-ли когда нибудь даже думали о государственномъ устройствѣ и необходимости его; во-вторыхъ, никакъ не могутъ они быть убѣждены, чтобы то дѣло, въ которомъ они участвуютъ, служило-бы поддержанію, а не разрушенію государства, а въ третьихъ, въ дѣйствительности большинство этихъ людей, если не всѣ, не только не пожертвуютъ никогда своимъ спокойствіемъ и радостью для поддержанія государства, но никогда не пропустятъ случая воспользоваться для своего спокойствія и радости всѣмъ, чѣмъ только можно, въ ущербъ государству. Стало быть, не изъ за отвлеченнаго принципа государства они дѣлаютъ это.

Что же это такое?

Вѣдь, всѣхъ этихъ людей я знаю. Если не знаю лично всѣхъ, то знаю приблизительно ихъ характеры, ихъ прошедшее, образъ мыслей. Вѣдь у всѣхъ ихъ есть матери, у нѣкоторыхъ есть жены, дѣти. Вѣдь все это, большею частью, по сердцу добрые, кроткіе, часто нѣжные люди, ненавидящіе всякую жестокость, не говоря уже объ убійствѣ людей, не могущіе многіе изъ нихъ совершать убійства и истязанія животныхъ; кромѣ того, все это люди, исповѣдующіе христіанство и считающіе насиліе надъ беззащитными людьми гнуснымъ и постыднымъ дѣломъ. Вѣдь, ни одинъ изъ этихъ людей въ обыкновенной жизни не только не въ состояніи сдѣлать ради своей маленькой выгоды одну сотую того, что сдѣлалъ орловскій губернаторъ надъ людьми, но каждый изъ нихъ обидится, если предположатъ о немъ, что онъ можетъ въ частной жизни совершить что нибудь подобное.

А между тѣмъ, вотъ, они въ получасѣ ѣзды отъ того мѣста, гдѣ они могутъ быть неизбѣжно приведены къ необходимости дѣлать это.

Что же это такое?

Но не только эти люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ и готовые на убійства и истязанія, но какъ могли тѣ люди, отъ которыхъ началось все дѣло: помѣщикъ, управляющій, судья и тѣ, которые изъ Петербурга предписали это дѣло и участвуютъ въ немъ своими распоряженіями, какъ могли эти люди: министръ, государь, тоже добрые, исповѣдующіе христіанство люди, какъ могли они затѣять и предписать такое дѣло, зная его послѣдствія? Какъ могутъ даже не участвующіе въ этомъ дѣлѣ зрители, возмущающіеся всякимъ частнымъ случаемъ насилія, даже истязаніемъ лошади — допускать совершеніе такого ужаснаго дѣла? какъ могутъ они не возмутиться противъ него, не стать поперекъ дороги и не закричать: «нѣтъ, этого, убивать и сѣчь голодныхъ людей за то, что они не отдаютъ мошеннически отнимаемое у нихъ послѣднее достояніе — этого мы не позволимъ!» Но не только никто этого не дѣлаетъ, но, напротивъ, большинство людей, даже тѣ люди, которые были заводчиками дѣла, какъ управляющій, помѣщикъ, судья и тѣ, которые были участниками и распорядителями его, какъ губернаторъ, министръ, государь совершенно спокойны и даже не чувствуютъ укоровъ совѣсти. Также, повидимому, спокойны и всѣ эти люди, ѣдущіе совершать это злодѣяніе.

Зрители, казалось бы, ничѣмъ не заинтересованные въ дѣлѣ, и тѣ, большею частью скорѣе съ сочувствіемъ, чѣмъ съ неодобреніемъ смотрѣли на всѣхъ тѣхъ людей, готовящихся къ совершенію этого гадкаго дѣла. Въ одномъ со мной вагонѣ ѣхалъ купецъ, торговецъ лѣсомъ, изъ крестьянъ, онъ прямо и громко выразилъ сочувствіе тѣмъ истязаніямъ, которыя предполагались надъ крестьянами: «нельзя не повиноваться начальству», говорилъ онъ, «на то — начальство. Вотъ, дай срокъ, повыгонятъ блохъ. Небось, бросятъ бунтовать. Такъ имъ и надо».

Что же это такое?

Сказать, что всѣ эти люди: подстрекатели, участники, попустители этого дѣла такіе негодяи, что, зная всю мерзость того, что они дѣлаютъ, они — одни за жалованье, за выгоды, а другіе изъ за страха наказанія дѣлаютъ дѣло, противное своимъ убѣжденіямъ, — тоже никакъ нельзя. Всѣ эти люди умѣютъ въ извѣстныхъ положеніяхъ постоять за свои убѣжденія. Ни одинъ изъ этихъ чиновниковъ не украдетъ кошельна, не прочтетъ чужаго письма, не снесетъ оскорбленія, не потребовавъ отъ оскорбителя удовлетворенія. Ни одинъ

изъ этихъ офицеровъ не согласится передернуть въ картахъ, не заплатить карточный долгъ, выдать товарища, убѣжать съ поля сраженія или бросить знамя. Ни одинъ изъ этихъ солдатъ не рѣшится выплюнуть причастія или даже съѣсть говядины въ Страстную пятницу. Всѣ люди эти готовы перенести всякаго рода лишенія, страданія, опасности скорѣе, чѣмъ согласиться сдѣлать дѣло, которое они считаютъ дурнымъ. Стало быть, есть въ этихъ людяхъ сила противодѣйствія, когда имъ приходится сдѣлать дѣло, противное ихъ убѣжденію.

Сказать, что всѣ эти люди такіе звѣри, что имъ свойственно и не больно дѣлать такія дѣла, еще менѣе возможно. Стоитъ только поговорить съ этими людьми, чтобы увидать, что всѣ они, и помѣщикъ, и судья, и министръ, и царь, и губернаторъ, и офицеры, и солдаты не только въ глубинѣ души не одобряютъ такія дѣла, но страдаютъ отъ сознанія своего участія въ нихъ, когда имъ напомнятъ о значеніи этого дѣла. Они только стараются не думать объ этомъ.

Стоитъ только поговорить съ ними, со всѣми участниками этого дѣла, отъ помѣщика до послѣдняго городового и солдата, чтобы увидать, что всѣ они въ глубинѣ души знаютъ, что это дѣло дурное и что лучше бы было не участвовать въ немъ, и страдаютъ отъ этого.

Ѣхавшая съ нами въ одномъ поѣздѣ либеральная дама, увидавъ въ залѣ 1-го класса губернатора и офицеровъ, и узнавъ про цѣль ихъ поѣздки, начала нарочно, громко, такъ, чтобы они слышали, ругать порядки нашего времени и срамить людей, участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣмъ стало неловко. Всѣ не знали, куда смотрѣть, но никто не возражалъ ей. Ѣдущіе въ поѣздѣ дѣлали видъ, что не стоитъ возражать на такія пустыя рѣчи. Но было видно по лицамъ и бѣгающимъ глазамъ, что всѣмъ было стыдно. Это же я замѣтилъ и на солдатахъ. И они знали, что то дѣло, на которое они ѣхали, — дурное дѣло, но не хотѣли думать о томъ, что предстоитъ имъ.

Когда лѣсоторговецъ, и то, какъ я думаю, неискренно, а только для того, чтобы показать свою цивилизованность, началъ говорить о томъ, какъ необходимы такія мѣры, то солдаты, слышавшіе его, всѣ отворачивались отъ него, дѣлая видъ, что не слышатъ, и хмурились.

Всѣ эти люди, какъ тѣ, которые, какъ помѣщикъ, управляющій, министръ, царь содѣйствовали совершенію этого дѣла, такъ же, какъ и тѣ, которые ѣдутъ теперь въ этомъ поѣздѣ, даже и тѣ, которые, не участвуя въ этомъ дѣлѣ, видятъ со стороны совершеніе его, всѣ знаютъ, что дѣло это дурное и стыдятся своего участія въ немъ и даже присутствія при немъ.

Такъ зачѣмъ же они дѣлали, дѣлаютъ и терпятъ его?

Спросите объ этомъ и тѣхъ, которые, какъ помѣщикъ, затѣяли дѣло, и тѣхъ, которые, какъ судьи, постановили хотя и формально законное, но явно несправедливое рѣшеніе, и тѣхъ, которые предписали исполненіе рѣшенія, и тѣхъ, которые, какъ солдаты, городовые и крестьяне, своими руками будутъ исполнять эти дѣла: бить и убивать своихъ братьевъ,—всѣ они, и подстрекатели, и пособники, и исполнители, и попустители этихъ преступленій, всѣ скажутъ въ сущности одно и то же.

Начальствующіе, возбуждавшіе, содѣйствовавшіе дѣлу и распоряжавшіеся имъ, скажутъ, что дѣлаютъ то, что дѣлаютъ, потому, что такія дѣла необходимы для поддержанія существующаго порядка; поддержаніе же существующаго порядка необходимо для блага отечества, человѣчества, для возможности общественной жизни и движенія прогресса.

Люди низшихъ сословій, крестьяне, солдаты, тѣ, которые своими руками должны будутъ исполнять насиліе, скажутъ, что они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ, потому, что это предписано высшимъ начальствомъ, а высшее начальство знаетъ, что оно дѣлаетъ. То же, что начальство состоитъ изъ тѣхъ самыхъ людей, которые и должны быть начальствомъ, и знаетъ, что дѣлаетъ, представляется имъ несомнѣнной истиной. Если эти низшіе исполнители и допускаютъ возможность ошибки или заблужденія, то только въ низшихъ начальственныхъ лицахъ; высшая же власть, отъ которой исходитъ все, кажется имъ несомнѣнно непогрѣшимой.

Хотя и различно объясняя мотивы своей дѣятельности, и тѣ и другіе, какъ начальствующіе, такъ и подчиняющіеся, сходятся въ томъ, что дѣлаютъ они то, что дѣлаютъ, потому что существующій порядокъ есть тотъ самый порядокъ, который необходимъ и долженъ существовать въ настоящее время и поддерживать который, поэтому, составляетъ священную обязанность каждаго.

На этомъ признаніи необходимости и потому неизмѣнности существующаго порядка зиждется и то, всегда, всѣми участниками государственныхъ насилій приводимое въ свое оправданіе разсужденіе о томъ, что такъ какъ существующій порядокъ неизмѣненъ, то отказъ отдѣльнаго лица отъ исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей не измѣнитъ сущности дѣла, а можетъ сдѣлать только то, что на мѣстѣ отказавшагося будетъ другой человѣкъ, который можетъ исполнить дѣло хуже, т.е. еще жесточе, еще вреднѣе для тѣхъ людей, надъ которыми производится насиліе.

Эта то увѣренность въ томъ, что существующій порядокъ есть необходимый и потому неизмѣнный порядокъ, поддержи-

вать который составляетъ священную обязанность всякаго человѣка, и даетъ добрымъ и, въ частной жизни, нравственнымъ людямъ возможность участвовать съ болѣе или менѣе спокойной совѣстью въ такихъ дѣлахъ, какъ то, которое совершалось въ Орлѣ, и къ совершенію котораго готовились люди, ѣхавшіе въ Тульскомъ поѣздѣ.

Но на чемъ же основана эта увѣренность?

Понятно, что помѣщику пріятно и желательно вѣрить въ то, что существующій порядокъ необходимъ и неизмѣненъ, потому что этотъ то существующій порядокъ и обезпечиваетъ ему доходъ съ его сотенъ и тысячъ десятинъ, благодаря которому онъ ведетъ свою привычную, праздную и роскошную жизнь.

Понятно тоже, что судья охотно вѣритъ въ необходимость того порядка, вслѣдствіе котораго онъ получаетъ въ 50 разъ больше самаго трудолюбиваго чернорабочаго. Также понятно это для высшаго судьи, получающаго 6 и болѣе тысячъ жалованья, и для всѣхъ высшихъ чиновниковъ. Только при этомъ порядкѣ, они, какъ губернаторъ, прокуроръ, сенаторъ, членъ разныхъ совѣтовъ, можетъ получать свои нѣсколько тысячъ жалованья, безъ которыхъ онъ погчасъ-же погибъ-бы съ своей семьей, какъ какъ, кромѣ какъ на томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ, онъ, по своимъ способностямъ, трудолюбію и знаніямъ, не могъ бы получать и 0,001 того, что онъ получаетъ. Въ томъ же положеніи и министръ, и государь, и всякая высшая власть, съ тою только разницей, что чѣмъ они выше и чѣмъ исключительнѣе ихъ положеніе, тѣмъ имъ необходимѣе вѣрить въ то, что существующій порядокъ есть единственно возможный порядокъ, такъ какъ внѣ его они не только не могутъ получить равнаго положенія, но должны будутъ пасть ниже всѣхъ другихъ людей. Человѣкъ, поступившій больнымъ наймомъ въ городовые за 10 рублей жалованья, которые онъ получитъ легко и во всякомъ другомъ мѣстѣ, мало нуждается въ сохраненіи существующаго порядка и потому можетъ и не вѣрить въ его неизмѣнность. Но король или императоръ, получающій на этомъ мѣстѣ милліоны, знающій, что вокругъ него есть тысячи людей, желающихъ скопнуть его и стать на его мѣстѣ, знающій, что онъ нигдѣ на другомъ мѣстѣ не получитъ такого дохода и почета, знающій въ большей части случаевъ, при болѣе или менѣе деспотическомъ правленіи, даже то, что, если его свергнутъ, его будутъ еще судить за все то, что онъ дѣлалъ, пользуясь своей властью; всякій король или императоръ не можетъ не вѣрить въ неизмѣнность и священность существующаго порядка. Чѣмъ выше то положеніе, на которомъ стоитъ человѣкъ, чѣмъ оно выгоднѣе и поэтому шатче, и чѣмъ страшнѣе и опаснѣе паденіе съ него, тѣмъ болѣе вѣрить человѣкъ, занимающій это положеніе, въ неизмѣнность существующаго порядка, и поэтому съ тѣмъ больнымъ спокойствіемъ совѣсти можетъ такой человѣкъ совершать какъ будто не для себя, а для поддержанія этого порядка, дѣла дурныя и жестокія.

Такъ это для всѣхъ начальствующихъ людей, занимающихъ положенія выгоднѣе тѣхъ, которыя они могли бы занять безъ существующаго порядка, начиная отъ низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, до высшей власти. Всѣ эти люди болѣе или менѣе вѣрятъ въ неизмѣнность существующаго порядка, потому, главное, что онъ выгоденъ имъ.

Но что заставляетъ крестьянъ, солдатъ, стоящихъ на низшей ступени лѣстницы, не имѣющихъ никакой выгоды отъ существующаго порядка, находящихся въ положеніи самаго послѣдняго подчиненія и униженія, вѣрить въ то, что существующій порядокъ, вслѣдствіе котораго они находятся въ своемъ невыгодномъ и униженномъ положеніи, и есть тотъ самый порядокъ, который долженъ быть и который поэтому надо поддерживать, совершая для этого даже дурныя, противныя совѣсти дѣла?

Что заставляетъ этихъ людей дѣлать то ложное разсужденіе, что существующій порядокъ неизмѣненъ и потому должно поддерживать его, тогда какъ очевидно, что, напротивъ, онъ только отъ того неизмѣненъ, что они то и поддерживаютъ его?

Что заставляетъ вчера взятыхъ отъ сохи и наряженныхъ въ эти безобразныя, неприличныя съ голубыми воротниками и золотыми пуговицами одежды ѣхать съ ружьями и саблями на убійство своихъ голодныхъ отцовъ и братьевъ? У этихъ уже нѣтъ никакихъ выгодъ и никакой опасности потерять занимаемое положеніе, потому что положеніе ихъ хуже того, изъ котораго они взяты.

Начальствующія лица высшихъ сословій: помѣщики, купцы, судьи, сенаторы, губернаторы, министры, цари, офицеры участвуютъ въ такихъ дѣлахъ, поддерживая существующій порядокъ, потому что этотъ порядокъ выгоденъ имъ. Кромѣ того, они, часто добрые, кроткіе люди, чувствуютъ себя въ состояніи участвовать въ такихъ дѣлахъ еще и потому, что участіе ихъ ограничивается подстрекательствами, рѣшеніями, распоряженіями. Всѣ эти начальствующіе люди не сами дѣлаютъ то, что они вызываютъ, рѣшаютъ и приказываютъ дѣлать. Большею частью, они даже не видятъ того, какъ дѣлаются всѣ тѣ страшныя дѣла, которыя ими вызваны и предписаны.

Но несчастные люди низшихъ сословій, не получающіе отъ существующаго порядка никакой выгоды, находящіеся, напро-

тивъ, вслѣдствіе этого порядка въ величайшемъ презрѣніи, они то для поддержанія этого невыгоднаго для нихъ порядка, сами своими руками вырывающіе людей изъ семей, вяжущіе ихъ, запирающіе ихъ въ тюрьмы, каторги, стерегущіе, стрѣляющіе ихъ,—зачѣмъ они это дѣлаютъ?

Что заставляетъ этихъ людей вѣрить въ то, что существующій порядокъ неизмѣненъ и что должно поддерживать его?

Вѣдь всякое насиліе зиждется только на нихъ, на этихъ людяхъ, которые своими руками бьютъ, вяжутъ, запираютъ, убиваютъ. Вѣдь, если бы не было этихъ людей — солдатъ или полицейскихъ, вообще вооруженныхъ, готовыхъ по приказанію насиловать, убивать всѣхъ тѣхъ, кого имъ велятъ, ни одинъ изъ тѣхъ людей, которые подписываютъ приговоры казней, вѣчныхъ заключеній, каторгъ, никогда не рѣшился бы самъ повѣсить, запереть, замучать одну тысячную часть тѣхъ, которыхъ онъ теперь спокойно, сидя въ кабинетѣ, распоряжается вѣшать и всячески мучать только потому, что онъ этого не видитъ, а дѣлаетъ это не онъ, а гдѣ то, вдалекѣ, покорные исполнители.

Вѣдь всѣ тѣ несправедливости и жестокости, вошедшія въ обычай существующей жизни, вошли въ обычай только потому, что есть эти люди, всегда готовые поддерживать эти несправедливости и жестокости. Вѣдь, если бы не было этихъ людей, то не только некому было бы насиловать всѣ эти огромныя массы насилуемыхъ людей, но распоряжающіеся никогда и не рѣшились бы не только предписывать, но не смѣли бы и мечтать о томъ, что они теперь съ увѣренностью предписываютъ. Вѣдь, если бы не было этихъ людей, готовыхъ по волѣ тѣхъ, кому они подчиняются, истязать, убивать того, кого велятъ, никто никогда не рѣшился-бы утверждать то, что съ увѣренностью утверждаютъ всѣ неработающіе землевладѣльцы, а именно, что земля, окружающая мрущихъ отъ безземелья крестьянъ, есть собственность человѣка, не работающаго на ней, и, что мошеннически собранные хлѣбные запасы должны храниться въ цѣлости среди умирающаго съ голода населенія, потому что купцу нужны барыши и т. п. Не будь этихъ людей, готовыхъ по волѣ начальства истязать и убивать всякаго, кого велятъ, не могло бы никогда придти въ голову помѣщику отнять у мужиковъ лѣсъ, ими выросшенный, и чиновникамъ считать законнымъ полученіе своихъ жалованій, собираемыхъ съ голоднаго народа, за то, что они угнетаютъ его, не говоря уже о томъ, чтобы казнить, или запирать, или изгонять людей за то, что они опровергаютъ ложь и проповѣдуютъ истину. Вѣдь, все это требуется и дѣлается только потому, что всѣ эти начальствующіе люди несомнѣнно увѣрены, что у нихъ всегда подъ руками покорные люди, готовые привести всякія ихъ требованія въ исполненіе посредствомъ истязаній и убійствъ.

Вѣдь, только отъ того совершаются такія дѣла, какъ тѣ, которыя дѣлали всѣ тираны отъ Наполеона до послѣдняго ротнаго командира, стрѣляющаго въ толпу, что ихъ одурѣваетъ стоящая за ними власть изъ покорныхъ людей, готовыхъ исполнять все, что имъ прикажутъ. Вся сила, стало быть, въ людяхъ, исполняющихъ своими руками дѣла насилія, въ людяхъ, служащихъ въ полиціи, въ солдатахъ, преимущественно въ солдатахъ, потому что полиція только тогда совершаетъ свои дѣла, когда за нею стоятъ войска.

Такъ что же привело этихъ то, неимѣющихъ отъ этого никакой выгоды, принужденныхъ своими руками дѣлать всѣ эти страшныя дѣла, — добрыхъ людей, отъ которыхъ зависитъ все дѣло, что привело этихъ добрыхъ людей въ то удивительное заблужденіе, при которомъ они увѣрились, что существующій невыгодный, губительный и мучительный для нихъ порядокъ и есть тотъ самый порядокъ, который и долженъ существовать?

Кто ввелъ ихъ въ это удивительное заблужденіе?

Не сами же они увѣрили себя въ томъ, что имъ нужно дѣлать то, что не только мучительно, невыгодно и губительно для нихъ и для всего ихъ сословія, составляющаго 0,9 всего населенія, но и противно ихъ совѣсти.

Какъ же ты будешь убивать людей, когда въ законѣ Божьемъ сказано: не убій?—много разъ спрашивалъ я у различныхъ солдатъ и всегда приводилъ этимъ вопрошаемаго, напоминая ему то, о чемъ онъ хотѣлъ бы не думать, въ неловкое и смущенное положеніе. Онъ зналъ, что есть обязательный законъ Бога: не убій, и зналъ, что есть обязательная военная служба, но никогда не думалъ, что тутъ есть противорѣчіе. Смыслъ робкихъ отвѣтовъ, которые я получалъ на этотъ вопросъ, состоялъ всегда приблизительно въ томъ, что убійство на войнѣ и казнь преступниковъ по распоряженію правительства не включается въ общее запрещеніе убійствъ. Но когда я говорилъ, что такого ограниченія не сдѣлано въ Божьемъ законѣ и упоминалъ объ обязательномъ для всѣхъ христіанскомъ ученіи братства, прощенія обидъ, любви, которыя никакъ не могли согласоваться съ убійствомъ, люди изъ народа обыкновенно соглашались, но уже съ своей стороны задавали мнѣ вопросъ: какимъ же образомъ дѣлается то, справлялись они, что правительство, которое, по ихъ понятіямъ, не можетъ ошибаться, распоряжается, когда нужно, войсками, посылая ихъ на войну, и казнями преступниковъ? Когда же я отвѣчалъ на это, что правительство, распоряжаясь

такими дѣлами, поступаетъ неправильно, собесѣдникъ приходилъ въ еще большее смущеніе и либо прекращалъ разговоръ, либо раздражался на меня.

«Стало быть, нашли такой законъ. Я, чай, архіереи не хуже нашего знаютъ», сказалъ мнѣ на это одинъ русскій солдатъ. И, сказавъ это, солдатъ, очевидно, почувствовалъ себя успокоеннымъ, вполнѣ увѣренный, что руководители его нашли законъ, тотъ самый, по которому служили его предки, служатъ цари, наслѣдники царей и милліоны людей и служить онъ самъ, и что то, что я ему говорилъ, была какая нибудь хитрость или тонкость вродѣ загадки.

Всѣ люди нашего христіанскаго міра знаютъ, несомнѣнно знаютъ и по преданію, и по откровенію, и по непререкаемому голосу совѣсти, что убійство есть одно изъ самыхъ страшныхъ преступленій, которыя только можетъ сдѣлать человѣкъ, какъ это и сказано въ Евангеліи, и что не можетъ быть этотъ грѣхъ убійства ограниченъ извѣстными людьми, т. е. что однихъ людей грѣхъ убить, а другихъ не грѣхъ. Всѣ знаютъ, что если грѣхъ убійства — грѣхъ, то онъ грѣхъ всегда, независимо отъ тѣхъ людей, надъ которыми онъ совершается, какъ грѣхъ прелюбодѣянія, воровства и всякій другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ люди съ дѣтства, съ молоду видятъ, что убійство не только признается, но благословляется всѣми тѣми, которыхъ они привыкли почитать своими духовными, отъ Бога поставленными руководителями, видятъ, что свѣтскіе руководители ихъ съ спокойной увѣренностью учреждаютъ убійства, носятъ на себѣ, гордясь ими, орудія убійства и отъ всѣхъ требуютъ, во имя закона гражданскаго и даже божескаго, участія въ убійствѣ. Люди видятъ, что тутъ есть какое то противорѣчіе и, не будучи въ силахъ распутать его, невольно предполагаютъ, что противорѣчіе это происходитъ только отъ ихъ незнанія. Самая грубость и очевидность противорѣчія поддерживаетъ ихъ въ этомъ убѣжденіи. Не могутъ они себѣ представить, чтобы просвѣтители ихъ, ученые люди, могли съ такою увѣренностью проповѣдовать два кажущіяся столь противоположными положенія: обязанность для людей христіанскаго закона и убійства. Не можетъ себѣ простой неиспорченный ребенокъ, а потомъ юноша представить, чтобы тѣ люди, такъ высоко стоящіе въ его мнѣніи, которыхъ онъ считаетъ или священными или учеными, для какихъ бы то ни было цѣлей могли бы такъ безсовѣстно обманывать его. А этого самое и сдѣлано и, не переставая, дѣлается надъ нимъ. Дѣлается, во 1-хъ, тѣмъ, что всѣмъ рабочимъ людямъ, не имѣющимъ времени самимъ разбирать нравственные и религіозные вопросы, съ дѣтства и до старости, примѣромъ и прямымъ поученіемъ внушается, что истязанія и убійства совмѣстимы съ христіанствомъ, и что для извѣстныхъ государственныхъ цѣлей не только могутъ быть допущены, но и должны быть употребляемы истязанія и убійства; во 2-хъ, тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ, отобраннымъ по набору, по воинской повинности или найму, внушается, что совершеніе своими руками истязаній и убійствъ составляетъ священную обязанность и даже доблестный, достойный похвалы и вознагражденій поступокъ.

Общій обманъ, распространенный на всѣхъ людей, состоитъ въ томъ, что во всѣхъ катехизисахъ или замѣнившихъ ихъ книгахъ, служащихъ теперь обязательному обученію дѣтей, сказано, что насиліе, т. е. истязаніе, заключенія и казни, равно какъ и убійства на междоусобной или внѣшней войнѣ для поддержанія и защиты существующаго государственнаго устройства (какое бы оно ни было, самодержавное, монархическое, конвентъ, консульство, имперія того или другого Наполеона или Буланже, конституціонная монархія, коммуна или республика), совершенно законны и не противорѣчатъ ни нравственности, ни христіанству.

Во всѣхъ катехизисахъ или книгахъ, употребляемыхъ въ школахъ, сказано это. И люди такъ увѣряются въ этомъ, что выростаютъ, живутъ и умираютъ въ этомъ убѣжденіи, ни разу не усумнившись въ немъ.

Это одинъ обманъ—общій, обманъ, производимый надъ всѣми людьми; другой есть обманъ частный, производимый надъ отобранными тѣмъ или другимъ способомъ солдатами или полицейскими, исполняющими нужныя для поддержанія и защиты существующаго строя истязанія и убійства.

Во всѣхъ военныхъ уставахъ сказано тѣми или другими словами то, что сказано въ русскомъ военномъ уставѣ, слѣдующими словами: (§ 87). Точно и безпрекословно исполнять приказанія начальства значитъ: полученное отъ начальства приказаніе въ точности исполнить, не разсуждая о томъ, хорошо оно или нѣтъ, и возможно ли его исполнить. Самъ начальникъ отвѣчаетъ за послѣдствія отданнаго имъ приказанія. (§ 88). Подчиненный не долженъ исполнять приказанія начальника только въ томъ случаѣ, когда онъ ясно видитъ, что исполняя приказаніе начальника, онъ... невольно думаешь, что будетъ сказано: когда ясно видитъ, что, исполняя приказаніе начальника, онъ нарушаетъ законъ Бога. Ничуть не бывало: — если онъ ясно видитъ, что нарушаетъ присягу, и вѣрность, и службу государю.

Сказано, что человѣкъ, будучи солдатомъ, можетъ и долженъ безъ исключенія совершать всѣ приказанія начальника,

состоящія для солдата преимущественно въ убійствѣ, и, слѣдовательно, нарушать всѣ законы божескіе и человѣческіе, но только не свою вѣрность и службу тому, кто въ данный моментъ случайно находится въ обладаніи властью.

Такъ это сказано въ русскомъ военномъ уставѣ и точно то же, хотя и другими словами, сказано во всѣхъ военныхъ уставахъ, какъ оно и не можетъ быть иначе, потому что въ сущности на этомъ обманѣ освобожденія людей отъ повиновенія Богу или своей совѣсти и замѣнѣ этого повиновенія повиновеніемъ случайному начальнику основано все могущество войска и государства.

Такъ вотъ на чемъ основывается та странная увѣренность низшихъ сословій въ томъ, что существующій губительный для нихъ порядокъ есть тотъ самый, который и долженъ быть, и что потому они должны истязаніями и убійствами поддерживать его.

Увѣренность эта основывается на сознательномъ обманѣ, совершаемомъ надъ ними высшими сословіями.

Оно и не можетъ быть иначе. Для того, чтобы заставить низшіе, самые многочисленные классы людей угнетать и мучать самихъ себя, совершая при этомъ поступки, противные своей совѣсти, необходимо было обмануть эти низшіе, самые многочисленные классы. Такъ оно и сдѣлано.

На дняхъ я опять видѣлъ открытое совершеніе этого безстыднаго обмана, и опять удивлялся на то, какъ безпрепятственно и нагло совершается онъ.

Въ началѣ ноября, проѣзжая по Тулѣ, я увидалъ опять у воротъ дома Земской Управы знакомую мнѣ густую толпу народа, изъ которой слышались вмѣстѣ пьяные голоса и жалостный вой матерей и женъ. Это былъ рекрутскій наборъ.

Какъ и всегда, я не могъ проѣхать мимо этого зрѣлища; оно притягиваетъ меня къ себѣ какими то злыми чарами. Я опять вошелъ въ толпу, стоялъ, смотрѣлъ, разспрашивалъ и удивлялся на ту безпрепятственность, съ которою совершается это ужаснѣйшее преступленіе среди бѣла дня и большого города.

Какъ и всѣ прежніе года, во всѣхъ селахъ и деревняхъ 100-милліонной Россіи къ 1-му ноября старосты отобрали по спискамъ назначенныхъ ребятъ, часто своихъ сыновей и повезли ихъ въ городъ.

Дорогой шло безудержное пьянство, въ которомъ старшіе не мѣшали рекрутамъ, чувствуя, что идти на такое безумное дѣло, на которое они шли, бросая женъ, матерей, отрекаясь отъ всего святого только для того, чтобы сдѣлаться чьими то безсмысленными орудіями убійства, слишкомъ мучительно, если не одурманить себя виномъ.

И вотъ они ѣхали, пьянствовали, ругались, пѣли, дрались, уродовали себя. Ночь они провели на постояльхъ дворахъ. Утромъ опять опохмѣлились и собрались у Земской Управы.

Одна часть ихъ въ новыхъ полушубкахъ, въ вязаныхъ шарфахъ на шеяхъ, съ влажными пьяными глазами или съ дикими подбадривающими себя криками, или тихіе и унылые толкутся около воротъ между заплаканными матерями и женами, дожидаясь очереди (я засталъ тотъ день, въ который шелъ самый пріемъ, т. е. осмотръ назначенныхъ въ ставку); другая часть въ это время толпится въ прихожей присутствія.

Въ присутствіи же идетъ спѣшная работа. Отворяется дверь и сторожъ вызываетъ Петра Сидорова. Петръ Сидоровъ вздрагиваетъ, крестится и входитъ въ маленькую комнатку съ стеклянною дверью. Въ этой комнаткѣ раздѣваются призываемые. Только что принятый и вышедшій голымъ изъ присутствія рекрутъ, товарищъ Петра Сидорова, съ дрожащей челюстью торопливо одѣвается. Петръ Сидоровъ уже слышалъ и по лицу видитъ, что тотъ принятъ. Петръ Сидоровъ хочетъ спросить, но его торопятъ и велятъ скорѣе раздѣваться. Онъ скидываетъ полушубокъ, нога объ ногу сапоги, снимаетъ жилетъ, перетягиваетъ черезъ голову рубаху и съ выступающими ребрами голый, дрожа тѣломъ и издавая запахъ вина, табаку и пота, босыми ногами входитъ въ присутствіе, не зная, куда дѣть обнаженныя жилистыя руки.

Въ присутствіи виситъ прямо на виду въ большой золотой рамѣ портретъ государя въ мундирѣ съ лентой и въ углу маленькій портретъ Христа въ рубахѣ и терновомъ вѣнкѣ. По серединѣ комнаты стоитъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ разложены бумаги, и стоитъ треугольная штучка съ орломъ, называемая зерцало. Вокругъ стола сидятъ съ увѣреннымъ, спокойнымъ видомъ начальники. Одинъ куритъ, другой перелистываетъ бумаги. Какъ только Сидоровъ вошелъ, къ нему подходитъ сторожъ, и его ставятъ подъ мѣрку, толкаютъ подъ подбородокъ, поправляютъ его ноги. Подходитъ одинъ съ папироской — это докторъ и, не глядя въ лицо рекрута, а куда то мимо, гадливо дотрогивается до его тѣла и мѣряетъ, щупаетъ и велитъ сторожу развѣть ему ротъ, велитъ дышать, что то говоритъ. Кто то что то записываетъ. Наконецъ, ни разу не взглянувъ ему въ глаза, докторъ говоритъ: «Годенъ! Слѣдующаго!» и съ усталымъ видомъ садится опять къ столу. Опять солдаты толкаютъ малаго, торопятъ его. Онъ кое какъ, поспѣшая, натягиваетъ рубаху, не попадая въ рукава, кое какъ завертываетъ штаны, портянки, надѣваетъ сапоги, ищетъ шарфъ, шапку,

подхватываетъ въ охапку полушубокъ, и его выводятъ въ залу, отгораживая его скамьей. За этой скамьей ждутъ принятые. Такой же, какъ онъ, мододой малый изъ деревни, но изъ дальней губерніи, уже готовый солдатъ съ ружьемъ, съ примкнутымъ острымъ штыкомъ, караулитъ его, готовый заколоть его, если бы онъ вздумалъ бѣжать.

Между тѣмъ толпа отцовъ, матерей, женъ, толкаемая городовыми, жмется у воротъ, узнавая, чей принять, чей нѣтъ. Выходитъ одинъ забракованный и объявляетъ, что Петруху приняли, и раздается взвизгъ Петрухиной мододайки, для которой это слово: «принятъ», значитъ разлука на 4—5 лѣтъ, жизнь солдатки въ кухаркахъ, въ распутствѣ.

Но вотъ по улицѣ проѣхалъ человѣкъ съ длинными волосами и въ особенномъ отличающемся отъ всѣхъ нарядѣ и, сойдя съ дрожекъ, подходитъ къ дому Земской Управы. Городовые разчищаютъ ему дорогу между толпою. «Пріѣхалъ «батюшка» приводить къ присягѣ». И, вотъ этотъ батюшка, котораго увѣряли, что онъ особенный, исключительный служитель Христа, большей частью не видящій самъ того обмана, подъ которымъ онъ находится, входитъ въ комнату, гдѣ ждутъ принятые, надѣваетъ занавѣску парчевую, выпростывая изъ за нея длинные волосы, открываетъ то самое Евангеліе, въ которомъ запрещена клятва, беретъ крестъ, тотъ самый крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ за то, что онъ не дѣлалъ того, что велитъ дѣлать этотъ мнимый его служитель, кладетъ ихъ на аналой и всѣ эти несчастные, беззащитные и обманутые ребята повторяютъ за нимъ ту ложь, которую онъ смѣло и привычно произноситъ. Онъ читаетъ, а они повторяютъ: обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ.... и т. д., защищать, т. е. убивать всѣхъ тѣхъ, кого мнѣ велятъ, и дѣлать все то, что мнѣ велятъ тѣ люди, которыхъ я не знаю, и которымъ я нуженъ только на то, чтобы совершать тѣ злодѣянія, которыми они держатся въ своемъ положеніи, и которыми угнетаютъ моихъ братьевъ. Всѣ принятые ребята безсмысленно повторяютъ эти дикія слова, и такъ называемый «батюшка» уѣзжаетъ съ сознаніемъ того, что онъ правильно и добросовѣстно исполнилъ свой долгъ, а всѣ эти обманутые ребята считаютъ, что тѣ нелѣпыя, непонятныя имъ слова, которыя они только что произнесли, теперь, на все время ихъ солдатства, освободили ихъ отъ ихъ человѣческихъ обязанностей и связали ихъ новыми, болѣе обязательными солдатскими обязанностями.

И дѣло это совершается публично, и никто не крикнетъ обманывающимъ и обманутымъ: опомнитесь и разойдитесь, вѣдь, это все самая гнусная и коварная ложь, которая губитъ не только ваши тѣла, но и души.

Никто не дѣлаетъ этого; напротивъ, когда всѣхъ приняли и надо выпускать ихъ, какъ бы въ насмѣшку имъ, воинскій начальникъ съ самоувѣренными, величественными пріемами входитъ въ залу, гдѣ заперты обманутые, пьяные ребята, и смѣло по военному кричитъ имъ: Здорово, ребята! Поздравляю съ «царской службой». И они бѣдные (уже кто то научилъ ихъ) лопочатъ что то непривычнымъ полупьянымъ языкомъ, въ родѣ того, что они этому рады.

Между тѣмъ толпа отцовъ, матерей, женъ стоитъ у дверей и ждетъ. Женщины заплаканными остановившимися глазами смотрятъ на дверь. И вотъ она отворяется и выходятъ, шатаясь и куражась, принятые рекрута: и Петруха, и Ванюха, и Макаръ, стараясь не смотрѣть на своихъ и не видѣть ихъ. Раздается вой матерей и женъ. Одни обнимаются и плачутъ, другіе храбрятся, третьи утѣшаютъ. Матери, жены, зная, что онѣ теперь на три, четыре, пять лѣтъ остались сиротами безъ кормильца, воютъ и наголосъ причитаютъ. Отцы мало говорятъ, а только съ сожалѣніемъ чмокаютъ языками и вздыхаютъ, зная, что теперь ужъ не видать имъ выхоженныхъ ими и выученныхъ помощниковъ, а вернутся къ нимъ ужъ не тѣ смирные, работающіе земледѣльцы, какими они были, а большей частью уже развращенные, отвыкшіе отъ простой жизни щеголи-солдаты.

И вотъ вся толпа разсаживается по санямъ и трогается внизъ по улицѣ къ постоялымъ дворамъ и трактирамъ и еще громче раздаются вмѣстѣ, перебивая другъ друга, пѣсни, рыданія, пьяные крики, причитанія матерей и женъ, звуки гармоніи и ругательства. Всѣ отправляются въ кабаки, трактиры, доходъ съ которыхъ поступаетъ правительству, и идетъ пьянство, заглушающее въ нихъ чувствуемое сознаніе беззаконности того, что дѣлается надъ ними.

Двѣ-три недѣли они живутъ дома и большею частью гуляютъ, т. е. пьянствуютъ.

Въ назначенный срокъ ихъ собираютъ, сгоняютъ какъ скотину въ одно мѣсто и начинаютъ обучать солдатскимъ пріемамъ и ученіямъ. Обучаютъ ихъ этому такіе же, какъ они, но только раньше, года двати назадъ, обманутые и одичалые люди. Средства обученія: обманы, одуреніе, пинки, водка. И не проходитъ года, какъ душевно здоровые, умные, добрые ребята становятся такими же дикими существами, какъ и ихъ учителя.

— Ну, а если арестантъ — твой отецъ и бѣжитъ, спросилъ я у одного молодого солдата.

— Могу заколоть штыкомъ, отвѣчалъ

онъ особеннымъ, безсмысленнымъ солдатскимъ голосомъ. А если «удаляется», должонъ стрѣлять, прибавилъ онъ, очевидно гордясь тѣмъ, что онъ знаетъ, что нужно дѣлать, когда отецъ его станетъ удаляться.

И вотъ, когда онъ, добрый молодой человѣкъ, доведенъ до этого состоянія, ниже звѣря, онъ таковъ, какой нуженъ тѣмъ, которые употребляютъ его какъ орудіе насилія. Онъ готовъ: погубленъ человѣкъ и сдѣлано новое орудіе насилія.

И все это совершается каждый годъ, каждую осень, вездѣ, по всей Россіи, среди бѣла дня и большого города на виду у всѣхъ, и обманъ такъ искусенъ, такъ хитеръ, что всѣ видятъ его, знаютъ въ глубинѣ души всю гнусность его, всѣ страшныя послѣдствія его, и не могутъ освободиться отъ него.

3.

Когда откроются глаза на этотъ ужасный, совершаемый надъ людьми обманъ, то удивляешься на то, какъ могутъ проповѣдники религіи христіанства, нравственности, воспитатели юношества, просто добрые, разумные родители, которые всегда есть въ каждомъ обществѣ, проповѣдовать какое бы то ни было ученіе нравственности среди общества, въ которомъ открыто признается всѣми церквами и правительствами, что истязанія и убійства составляютъ необходимое условіе жизни всѣхъ людей, и что среди всѣхъ людей всегда должны находиться особенные люди, готовые убить братьевъ и что каждый изъ насъ можетъ быть такимъ же?

Какъ же учить дѣтей, юношей, вообще просвѣщать людей, не говоря уже о просвѣщеніи въ духѣ христіанскомъ, но какъ учить дѣтей, юношей, вообще людей какой бы то ни было нравственности рядомъ съ ученіемъ о томъ, что убійство необходимо для поддержанія общаго, слѣдовательно, нашего благосостоянія и потому законно, и что есть люди, которыми можетъ быть и каждый изъ насъ, обязанные истязать и убивать своихъ ближнихъ и совершать всякаго рода преступленія по волѣ тѣхъ, въ рукахъ кого находится власть. Если можно и должно истязать и убивать и совершать всякаго рода преступленія по волѣ тѣхъ, въ рукахъ кого находится власть, то нѣтъ и не можетъ быть никакого нравственнаго ученія, а есть только право сильнаго. Оно такъ и есть. Въ сущности, такое ученіе, для нѣкоторыхъ теоретически оправдываемое теоріей борьбы за существованіе, царствуетъ въ нашемъ обществѣ.

И дѣйствительно, какое же можетъ быть нравственное ученіе, при которомъ можно допустить убійство для какихъ бы то ни было цѣлей? Это такъ же невозможно, какъ какое бы то ни было математическое ученіе, при которомъ можно допустить, что 2 равно 3.

Можетъ быть при допущеніи того, что 2 равно 3 подобіе математики, но не можетъ быть никакого дѣйствительнаго математическаго знанія. И при допущеніи убійства въ видѣ казни, войны, самозащиты, можетъ быть только подобіе нравственности, но никакой дѣйствительной нравственности. Признаніе жизни каждаго человѣка священной есть первое и единственное основаніе всякой нравственности.

Ученіе око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь оттого и отмѣнено христіанствомъ, что это ученіе есть только оправданіе безнравственности, есть только подобіе справедливости и не имѣетъ никакого смысла. Жизнь есть величина, не имѣющая ни вѣса, ни мѣры и не могущая быть приравнена никакой другой, и потому уничтоженіе жизни за жизнь не имѣетъ смысла. Кромѣ того, всякій законъ общественный есть законъ, имѣющій цѣлью улучшеніе жизни людей. Какимъ же образомъ можетъ уничтоженіе жизни нѣкоторыхъ людей улучшить жизнь людей? Уничтоженіе жизни не есть актъ улучшенія жизни, но актъ самоубійства.

Уничтоженіе чужой жизни для соблюденія справедливости подобно тому, что бы сдѣлалъ человѣкъ, когда для того, чтобы поправить бѣду, состоящую въ томъ, что онъ лишился одной руки, онъ для справедливости отрубилъ бы себѣ и другую.

Но не говоря уже о грѣхѣ обмана, при которомъ самое ужасное преступленіе представляется людямъ ихъ обязанностью, не говоря объ ужасномъ грѣхѣ употребленія имени и авторитета Христа для узаконенія наиболѣе отвратительнаго этимъ Христомъ дѣла, какъ это дѣлается въ присягѣ, не говоря уже о томъ соблазнѣ, посредствомъ котораго губятъ не только тѣла, но и души «малыхъ сихъ», не говоря обо всемъ этомъ, какъ могутъ люди даже въ виду своей личной безопасности допускать то, чтобы образовывалась среди нихъ, людей дорожащихъ своими формами жизни, своимъ прогрессомъ, эта ужасная, безсмысленная и жестокая и губительная сила, которую составляетъ всякое организованное правительство, опирающееся на войско? Самая жестокая, ужасная шайка разбойниковъ не такъ страшна, какъ страшна такая государственная организація. Всякій атаманъ разбойниковъ все таки ограниченъ тѣмъ, что люди, составляющіе его шайку, удерживаютъ хотя долю человѣческой свободы и могутъ воспротивиться совершенію противныхъ своей совѣсти дѣлъ. Но для людей, составляющихъ часть правильно организованнаго правительства съ войскомъ, при той дисциплинѣ, до которой оно доведено теперь, для такихъ людей

нѣтъ никакихъ преградъ. Нѣтъ тѣхъ ужасающихъ преступленій, которыя не совершили бы люди, составляющіе часть правительства, и войска по волѣ того, кто случайно (Буланже, Пугачевъ, Наполеонъ) можетъ стать во главѣ ихъ.

Часто, когда видишь не только рекрутскіе наборы, ученія военныхъ, маневры, но городовыхъ съ заряженными револьверами, часовыхъ, стоящихъ съ ружьями и налаженными штыками, когда слышишь (какъ я слышу въ Хамовникахъ, гдѣ я живу) цѣлыми днями свистъ и шлепанье пуль, влипающихъ въ мишень, и видишь среди города, гдѣ всякая попытка самоуправства, насилія запрещается, гдѣ не разрѣшается продажа пороха, лѣкарствъ, быстрая ѣзда, бездипломное лѣченіе и т.п., видишь въ этомъ же городѣ тысячи дисциплинированныхъ людей, обучаемыхъ убійству и подчиненныхъ одному человѣку, — спрашиваешь себя: да какъ же тѣ люди, которые дорожатъ своею безопасностью, могутъ спокойно допускать и переносить это? Вѣдь, не говоря о вредѣ и безнравственности, ничего не можетъ быть опаснѣе этого. Что же глядятъ всѣ, не говорю уже христіане, христіанскіе пастыри, всѣ человѣколюбцы, моралисты, что глядятъ всѣ тѣ люди, которые хоть только дорожатъ своею жизнью, безопасностью, благосостояніемъ? Вѣдь организація эта будетъ дѣйствовать все такъ же, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась: нынѣче власть эта, положимъ, въ рукахъ сноснаго правителя, но завтра ее можетъ захватить Биронъ, Елизавета, Екатерина, Пугачевъ, Наполеонъ первый, третій. Да и тотъ человѣкъ, въ рукахъ котораго находится власть, нынѣче еще сносный, завтра можетъ сдѣлаться звѣремъ, или на его мѣсто можетъ стать сумашедшій или полусумашедшій его наслѣдникъ, какъ Баварскій король или Павелъ.

Да не только высшіе правители: всѣ эти маленькіе сатрапы, которые распространены вездѣ, какъ разные Барановы, полицмейстеры, даже становые, ротные командиры, урядники могутъ совершить страшныя злодѣянія прежде, чѣмъ успѣютъ ихъ смѣнить, какъ это и бываетъ безпрестанно.

Невольно спрашиваешь себя: какъ же допускаютъ это люди, уже не ради высшихъ правительственныхъ соображеній, а ради своей безопасности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, что допускаютъ это не всѣ люди (одни—большая часть людей—обманутые и подчиненные, и не могутъ не допускать чего бы то ни было), — а допускаютъ это люди, занимающіе только при такой организаціи выгодное положеніе въ обществѣ; допускаютъ потому, что для этихъ людей рискъ пострадать отъ того, что во главѣ правительства или войска станетъ безумный или жестокій человѣкъ, всегда меньше тѣхъ невыгодъ, которымъ они подвергнутся въ случаѣ уничтоженія самой организаціи.

Судья, полицейскій, губернаторъ, офицеръ будетъ занимать свое положеніе безразлично при Буланже или республикѣ, при Пугачевѣ или Екатеринѣ. Потеряетъ же онъ свое положеніе навѣрное, если распадется существующій порядокъ, который обезпечиваетъ ему его выгодное положеніе. И потому всѣ эти люди не боятся того кто станетъ во главѣ организаціи насилія, они поддѣлаются ко всякому, но боятся только уничтоженія самой организаціи и потому всегда, часто даже безсознательно, поддерживаютъ ее.

Часто удивляешься на то, зачѣмъ свободные люди, ничѣмъ къ этому не принужденные, такъ называемый цвѣтъ общества, поступаютъ въ военную службу въ Россіи, въ Англіи, Германіи, Австріи, даже Франціи и ищутъ случая стать убійцами! Зачѣмъ родители, нравственные люди, отдаютъ дѣтей въ заведенія, приготовляющія къ военному дѣлу? Зачѣмъ матери, какъ любимыя игрушки, покупаютъ дѣтямъ кивера, ружья, шашки? (Дѣти крестьянъ никогда не играютъ въ солдаты). Зачѣмъ добрые мущины и даже женщины, ничѣмъ не причастныя къ военному дѣлу, восторгаются разными подвигами Скобелевыхъ и другихъ, и старательно расхваливаютъ ихъ; зачѣмъ люди, ничѣмъ къ этому не принужденные, не получающіе за это жалованья, какъ въ Россіи предводители, посвящаютъ цѣлые мѣсяцы усидчиваго труда на совершеніе физически тяжелаго и нравственно мучительнѣйшаго дѣла — пріема рекрутъ? Зачѣмъ всѣ императоры, короли ходятъ въ военныхъ нарядахъ, зачѣмъ дѣлаютъ маневры, парады, раздаютъ награды военнымъ, ставятъ памятники генераламъ и завоевателямъ? Зачѣмъ люди свободные, богатые считаютъ честью поступить въ лакейскія должности къ коронованнымъ особамъ, унижаются, льстятъ имъ и притворяются въ томъ, что они вѣрятъ въ особенное величіе этихъ лицъ. Зачѣмъ люди, давно не вѣрующіе въ средневѣковыя церковныя суевѣрія и не могущіе вѣрить въ нихъ, серьезно и неуклонно притворяются вѣрующими, поддерживая соблазнительное и кощунственное религіозное учрежденіе? Зачѣмъ съ такою ревностью ограждается невѣжество народа не только правительствами, но людьми свободными изъ высшаго общества? Зачѣмъ они съ такою яростью нападаютъ на всякую попытку разрушенія религіозныхъ суевѣрій и на истинное просвѣщеніе народа? Зачѣмъ люди, — историки, романисты, поэты, ничего уже не могущіе получить за свою лесть, расписываютъ героями давно умершихъ императоровъ, королей или военоначальниковъ? Зачѣмъ люди, называющіе

себя учеными, посвящаютъ цѣлыя жизни на составленіе теорій, по которымъ выходило бы, что насиліе, совершаемое властью надъ народомъ, не есть насиліе, а какое то особенное право?

Часто удивляешься на то, зачѣмъ, съ какой стати свѣтской женщинѣ или художнику, казалось бы, не интересующимся ни соціальными, ни военными вопросами осуждать стачки рабочихъ и проповѣдовать войну, и всегда такъ опредѣленно нападать на одну сторону и защищать другую?

Но удивляешься всему этому только до тѣхъ поръ, пока не поймешь, что дѣлается это только потому, что всѣ люди правящихъ классовъ всегда инстинктивно чувствуютъ, что поддерживаетъ и что разрушаетъ ту организацію, при которой они могутъ пользоваться тѣми преимуществами, которыми они пользуются.

Свѣтская барыня и не дѣлала разсужденія о томъ, что если не будетъ капиталистовъ и не будетъ войскъ, которыя защищаютъ ихъ, то у мужа не будетъ денегъ, а у нея не будетъ ея салона и нарядовъ; и художникъ не дѣлалъ такого же разсужденія о томъ, что капиталисты, защищаемые войсками, нужны ему для того, чтобы было кому покупать его картину; но инстинктъ, замѣняющій въ этомъ случаѣ разсужденіе, безошибочно руководитъ ими. И точно тотъ же инстинктъ руководитъ за малыми исключеніями всѣми людьми, поддерживающими всѣ тѣ политическія, религіозныя, экономическія учрежденія, которыя выгодны для нихъ.

Но неужели люди высшихъ сословій могутъ поддерживать этотъ порядокъ вещей только потому, что онъ имъ выгоденъ? Не могутъ эти люди не видѣть того, что этотъ порядокъ вещей самъ по себѣ неразуменъ, не соотвѣтствуетъ уже степени сознанія людей и даже общественному мнѣнію и исполненъ опасностей. Не могутъ люди правящихъ классовъ, — честные, добрые, умные люди изъ нихъ, не страдать отъ этихъ внутреннихъ противорѣчій и не видѣть опасностей, которыми имъ угрожаетъ этотъ порядокъ. И неужели люди низшихъ сословій, всѣ милліоны этихъ людей могутъ совершать съ спокойнымъ духомъ всѣ, очевидно, злыя дѣла, истязанія и убійства, къ которымъ ихъ принуждаютъ, только потому, что боятся наказаній? И дѣйствительно, этого не могло бы быть, и ни тѣ, ни другіе не могли бы не видѣть неразумности своей дѣятельности, если бы особенность государственнаго устройства не скрывала отъ тѣхъ и другихъ людей всей неестественности и неразумности совершаемыхъ ими дѣлъ.

Неразумность эта скрывается тѣмъ, что при совершеніи каждаго изъ такихъ дѣлъ въ немъ бываетъ столько подстрекателей, пособниковъ, попустителей, что ни одинъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ не чувствуетъ себя въ немъ нравственно отвѣтственнымъ.

Убійцы заставляютъ всѣхъ присутствующихъ при убійствѣ ударить уже убитую жертву съ тѣмъ, чтобы отвѣтственность распредѣлилась между наибольшимъ количествомъ людей. Это самое, сложившись въ опредѣленныя формы, установилось и въ государственномъ устройствѣ при совершеніи всѣхъ тѣхъ преступленій, безъ постояннаго совершенія которыхъ немыслимо никакое государственное устройство. Государственные правители всегда стремятся привлечь наибольшее количество гражданъ къ наибольшему участію во всѣхъ совершаемыхъ ими и необходимыхъ для нихъ преступленіяхъ.

Въ послѣднее время это особенно ярко выразилось черезъ привлеченіе гражданъ въ суды въ качествѣ присяжныхъ, въ войска въ качествѣ солдатъ и въ мѣстное управленіе, въ законодательное собраніе въ качествѣ избирателей и представителей.

Черезъ государственное устройство, въ которомъ, какъ въ сплетенной изъ прутьевъ корзинѣ, всѣ концы такъ спрятаны, что нельзя найти ихъ, отвѣтственность въ совершаемыхъ преступленіяхъ такъ скрывается отъ людей, что люди, совершая самыя ужасныя дѣла, не видятъ своей отвѣтственности въ нихъ.

Въ старину за совершеніе злодѣйствъ обвиняли тирановъ, но въ наше время совершаются самыя ужасныя, немыслимыя при Неронахъ преступленія, и винить некого.

Одни потребовали, другіе рѣшили, третьи подтвердили, четвертые предложили, пятые доложили, шестые предписали, седьмые исполнили. Убьютъ, повѣсятъ, засѣкутъ женщинъ, стариковъ, невинныхъ какъ у насъ въ Россіи недавно на Юзовскомъ заводѣ и какъ это дѣлается вездѣ въ Европѣ и Америкѣ — въ борьбѣ съ анархистами и всякими нарушителями существующаго порядка: разстрѣляютъ, убьютъ, повѣсятъ сотни, тысячи людей, или какъ это дѣлаютъ на войнахъ — побьютъ, погубятъ милліоны людей, или какъ это дѣлается постоянно — губятъ души людей въ одиночныхъ заключеніяхъ, въ развращеніомъ состояніи солдатства, и никто не виноватъ.

На низшей ступени общественной лѣстницы — солдаты съ ружьями, пистолетами, саблями истязаютъ и убиваютъ людей и этими же истязаніями и убійствами заставляютъ людей поступать въ солдаты, и вполнѣ увѣрены, что отвѣтственность за эти поступки снята съ нихъ тѣмъ начальствомъ, которое предписываетъ имъ ихъ поступки.

На высшей ступени — цари, президен-

ти, министры, палаты предписываютъ эти истязанія, и убійства, и вербовку въ солдаты и вполнѣ увѣрены въ томъ, что такъ какъ они или отъ Бога поставлены на свое мѣсто, или то общество, которымъ они управляютъ, требуетъ отъ нихъ того самаго, что они предписываютъ, то они и не могутъ быть виноваты.

Въ серединѣ между тѣми и другими находятся промежуточныя лица, которыя распоряжаются истязаніями и убійствами и вербовкой въ солдаты, и вполнѣ увѣрены, что отвѣтственность отчасти снята съ нихъ предписаніями свыше, отчасти тѣмъ, что этихъ самыхъ распоряженій требуютъ отъ нихъ всѣ, стоящіе на низшихъ ступеняхъ.

Власть предписывающая и власть исполняющая, лежащая на двухъ предѣлахъ государственнаго устройства, сходятся, какъ два конца, соединенные въ кольцо и одна обусловливаетъ и поддерживаетъ другую и всѣ промежуточныя звѣнья.

Безъ убѣжденія въ томъ, что есть то лицо или тѣ лица, которыя беруть на себя всю отвѣтственность совершаемыхъ дѣлъ, не могъ бы ни одинъ солдатъ поднять руки на истязаніе или убійство. Безъ убѣжденія въ томъ, что этого требуетъ весь народъ, не могъ бы никогда ни одинъ императоръ, король, президентъ, ни одно собраніе предписать эти самыя истязанія и убійства. Безъ убѣжденія въ томъ, что есть лица, выше его стоящія и берущія на себя отвѣтственность въ его поступкѣ, и люди, стоящіе ниже его, которые требуютъ для своего блага исполненія такихъ дѣлъ, не могъ бы ни одинъ изъ людей, находящихся на промежуточныхъ между правителемъ и солдатомъ ступеняхъ, совершать тѣ дѣла, которыя онъ совершаетъ.

Устройство государственное таково, что на какой бы ступени общественной лѣстницы ни находился человѣкъ, степень невмѣняемости его всегда одна и та же: чѣмъ выше онъ стоитъ на общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше онъ подлежитъ воздѣйствію требованія распоряженій снизу и тѣмъ меньше подлежитъ воздѣйствію предписаній сверху, и на оборотъ.

Такъ, въ томъ случаѣ, который былъ передо мною, каждый изъ людей, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, находился тѣмъ болѣе подъ воздѣйствіемъ снизу требованія распоряженій и тѣмъ менѣе подъ воздѣйствіемъ приказаній свыше, чѣмъ выше было его положеніе, и на оборотъ.

Но мало того, что всѣ люди, связанные государственнымъ устройствомъ, переносятъ другъ на друга отвѣтственность за совершаемыя ими дѣла: крестьянинъ, взятый въ солдаты,—на дворянина или купца, поступившаго въ офицеры, а офицеръ—на дворянина, занимающаго мѣсто губернатора, а губернаторъ — на сына чиновника или дворянина, занимающаго мѣсто министра, а министръ — на члена царскаго дома, занимающаго мѣсто царя, а царь опять на всѣхъ этихъ чиновниковъ, дворянъ, купцовъ и крестьянъ; мало того, что люди этимъ путемъ избавляются отъ сознанія отвѣтственности за совершаемыя ими дѣла, они теряютъ нравственное сознаніе своей отвѣтственности еще и отъ того, что, складываясь въ государственное устройство, они такъ продолжительно, постоянно и напряженно увѣряютъ себя и другихъ въ томъ, что всѣ они не одинаковые люди, а люди, различающіеся между собою «какъ звѣзда отъ звѣзды», что начинаютъ искренно вѣрить въ это. Такъ, однихъ людей они увѣряютъ въ томъ, что они не простые, одинаковые съ другими люди, а люди особенные, которые должны быть особенно возвеличиваемы, другимъ же внушаютъ всѣми средствами, что они ниже всѣхъ другихъ людей и потому должны безропотно подчиняться тому, что имъ предписываютъ высшіе.

На этомъ то неравенствѣ и возвеличеніи однихъ людей и уничтоженіи другихъ и основывается преимущественно та способность людей не видѣть неразумія существующаго порядка жизни и жестокости и преступности его, и того обмана, который совершаютъ одни и которому подвергаются другіе.

Одни—тѣ, которымъ внушено, что они облечены особеннымъ сверхъестественнымъ значеніемъ и величіемъ, такъ опьяняются этимъ своимъ воображаемымъ величіемъ, что перестаютъ уже видѣть свою отвѣтственность въ совершаемыхъ ими дѣлахъ; другіе люди, тѣ, которымъ, напротивъ, внушается то, что они ничтожныя существа, долженствующія во всемъ покоряться высшимъ, вслѣдствіе этого постояннаго состоянія униженія впадаютъ въ странное состояніе опьяненія, подобострастія, и подъ вліяніемъ этого опьяненія тоже не видятъ значенія своихъ поступковъ и теряютъ сознаніе отвѣтственности въ нихъ. Серединные же люди, отчасти подчиняясь высшимъ, отчасти считая себя высшими, подпадаютъ одновременно опьяненію и власти и подобострастія и отъ этого теряютъ сознаніе своей отвѣтственности.

Стоитъ только взглянуть при какомъ нибудь народѣ на опьяненнаго величіемъ высшаго начальника, сопутствуемаго своимъ штатомъ: все это на великолѣпныхъ разубранныхъ лошадяхъ, въ особенныхъ мундирахъ и знакахъ отличія, когда онъ подъ звуки стройной и торжественной трубной музыки проѣзжаетъ передъ фронтомъ замершихъ отъ подобострастія солдатъ, держащихъ на караулъ,—стоитъ взглянуть на это, чтобы понять, что въ эти минуты, находясь въ этомъ высшемъ состояніи опьяненія, одинаково и высшій

начальникъ и солдатъ и всѣ средніе между ними могутъ совершить такіе поступки, которые они никогда бы не подумали совершить при другихъ условіяхъ.

Но опьяненіе, испытываемое людьми при такихъ явленіяхъ, какъ парады, выходы, церковныя торжества, коронаціи, суть состоянія временныя и острыя, но есть другія--хроническія, постоянныя состоянія опьяненія, которыя одинаково испытываютъ и люди, имѣющіе какую бы то ни было власть, отъ власти царя до полицейскаго, стоящаго на улицѣ, и люди, подчиняющіеся власти и находящіеся въ состояніи опьяненія подобострастіемъ, для оправданія этого своего состоянія всегда приписывающіе, какъ это проявлялось и проявляется у всѣхъ рабовъ, наибольшее значеніе и достоинство тѣмъ, кому они повинуются.

На этомъ обманѣ неравенства людей и вытекающаго изъ него опьяненія власти и подобострастія и зиждется преимущественно способность людей, соединенныхъ въ государственное устройство, совершать, не испытывая укоровъ совѣсти, дѣла, противныя ей.

Подъ вліяніемъ такого опьяненія — одинаково власти и подобострастія — люди представляются себѣ и другимъ уже не тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности,— людьми, а особенными, условными существами: дворянами, купцами, губернаторами, судьями, офицерами, царями, министрами, солдатами, подлежащими уже не обыкновеннымъ человѣческимъ обязанностямъ, а прежде всего, и предпочтительно передъ человѣческими — дворянскимъ, купеческимъ, губернаторскимъ, судейскимъ, офицерскимъ, царскимъ, министерскимъ, солдатскимъ обязанностямъ.

Такъ, помѣщикъ, судившійся за лѣсъ, сдѣлалъ то, что онъ сдѣлалъ, только потому, что онъ представлялся себѣ не простымъ человѣкомъ, который имѣетъ такіе же права на жизнь, какъ и всѣ тѣ люди-крестьяне, живущіе съ нимъ рядомъ, а представлялся себѣ крупнымъ собственникомъ и членомъ дворянскаго сословія, и вслѣдствіе этого подъ вліяніемъ опьяненія власти чувствовалъ себя оскорбленнымъ притязаніями крестьянъ. Только отъ этого онъ, не взирая на тѣ послѣдствія, которыя могли возникнуть изъ его требованія, послалъ прошеніе о возстановленіи своего мнимаго права.

Точно такъ же судьи, присудившіе неправильно лѣсъ помѣщику, потому только и сдѣлали то, что сдѣлали, что они представляются себѣ не просто людьми, такими же, какъ и всѣ другіе, и потому обязанными во всѣхъ дѣлахъ руководиться только тѣмъ, что они считаютъ правдой, а подъ опьяненіемъ власти представляются себѣ блюстителями правосудія, которые не могутъ ошибаться; подъ вліяніемъ же опьяненія подобострастія представляются себѣ людьми, обязанными исполнять написанныя въ извѣстной книгѣ слова, называемыя закономъ. Точно такимъ же условными лицами, а не тѣмъ, что они суть на самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ опьяненія власти или подобострастія, представляются людямъ и самимъ себѣ и всѣ другіе участники этого дѣла отъ высшихъ представителей власти, подписывающихъ согласіе на докладѣ, отъ предводителя, набиравшаго въ рекрутскомъ наборѣ солдатъ, и священника, обманывавшаго ихъ, до послѣдняго солдата, готовящагося теперь стрѣлять въ своихъ братьевъ. Всѣ они сдѣлали то, что сдѣлали, и готовятся дѣлать то, что предстоитъ имъ, только потому, что представляются себѣ и другимъ не тѣмъ, что они суть въ дѣйствительности, – людьми, передъ которыми стоитъ вопросъ: участвовать или не участвовать въ дурномъ, осуждаемомъ ихъ совѣстью дѣлѣ, а представляются себѣ и другимъ различными условными лицами: кто царемъ-помазанникомъ, особеннымъ существомъ, призваннымъ къ попеченію о благѣ 100 милліоновъ людей, кто—представителемъ дворянства, кто—священникомъ, получившимъ особенную благодать своимъ посвященіемъ, кто—солдатомъ, обязаннымъ присягой безъ разсужденія исполнять все, что ему прикажутъ.

Только подъ вліяніемъ опьяненія власти и подобострастія, вытекающихъ изъ ихъ воображаемыхъ положеній, и могли и могутъ всѣ эти люди дѣлать то, что дѣлаютъ.

Не будь у всѣхъ этихъ людей твердаго убѣжденія въ томъ, что званія царей, министровъ, губернаторовъ, судей, дворянъ, землевладѣльцевъ, предводителей, офицеровъ, солдатъ суть нѣчто дѣйствительно существующее и очень важное, ни одинъ изъ этихъ людей не подумалъ бы безъ ужаса и отвращенія объ участіи въ такихъ дѣлахъ, которыя они дѣлаютъ теперь.

Условныя положенія, установленныя сотни лѣтъ назадъ, признававшіяся вѣками, и теперь признаваемыя всѣми окружающими и обозначаемыя особенными названіями и особыми нарядами, кромѣ того подтверждаемыя всякаго рода торжественностью, воздѣйствіемъ на внѣшнія чувства, до такой степени внушаются людямъ, что они, забывая обычныя и общія всѣмъ условія жизни, начинаютъ смотрѣть на себя и всѣхъ людей только съ этой условной точки зрѣнія и только этой условной точкой зрѣнія руководствуются въ оцѣнкѣ своихъ и чужихъ поступковъ.

Такъ вполнѣ душевно здоровый и старый уже человѣкъ только оттого, что на него надѣта какая нибудь побрякушка или шутовской нарядъ, ключи на задницѣ или голубая лента, приличная только для наряжающейся дѣвочки, и ему внушено при

этомъ, что онъ генералъ, камергеръ, Андреевскій кавалеръ или тому подобная глупость, вдругъ дѣлается отъ этого самоувѣренъ, гордъ и даже счастливъ, или, наоборотъ, оттого, что лишается или не получаетъ ожидаемой побрякушки и кличка, становится печальнымъ и несчастнымъ такъ, что даже заболѣваетъ. Или, что еще поразительнѣе, вполнѣ въ остальномъ здоровый душевно, молодой, свободный и даже обезпеченный человѣкъ только оттого, что онъ назвался и его назвали судебнымъ слѣдователемъ или земскимъ начальникомъ, хватаетъ несчастную вдову отъ ея малолѣтнихъ дѣтей и запираетъ или устраиваетъ ея заключеніе въ тюрьмѣ, оставляя безъ матери ея дѣтей, и все это изъ-за того, что эта несчастная тайно торговала виномъ и этимъ лишила казну 25 рублей дохода, и не чувствуетъ при этомъ ни малѣйшаго раскаянія. Или, что еще удивительнѣе, въ остальномъ разумный и кроткій человѣкъ, только оттого, что на него надѣта бляха или мундиръ и ему сказано, что онъ сторожъ или таможенный солдатъ, начинаетъ стрѣлять пулей въ людей, и ни онъ, ни окружающіе не только не считаютъ его въ этомъ виноватымъ, но считаютъ его виноватымъ, когда онъ не стрѣлялъ; не говорю уже про судей и присяжныхъ, приговаривающихъ къ казнямъ, и про военныхъ, убивающихъ тысячи безъ малѣйшаго раскаянія только потому, что имъ внушено, что они не просто — люди, а присяжные, судьи, генералы, солдаты.

Такое постоянное неестественное и странное состояніе людей въ государственной жизни выражается словами обыкновенно такъ: «какъ человѣкъ, я жалѣю его, но какъ сторожъ, судья, генералъ, губернаторъ, царь, солдатъ, я долженъ убить или истязать его», точно какъ будто можетъ быть какое нибудь данное или признанное людьми положеніе, которое могло бы упразднить обязанности, налагаемыя на каждаго изъ насъ положеніемъ человѣка.

Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ люди ѣдутъ на убійство и истязаніе голодныхъ людей и признаютъ, что въ спорѣ крестьянъ съ помѣщикомъ — крестьяне правы (это говорили мнѣ всѣ начальствующіе), знаютъ, что крестьяне несчастны, бѣдны, голодны; помѣщикъ богатъ и не внушаетъ сочувствія, и всѣ эти люди все-таки ѣдутъ убивать крестьянъ для того, чтобы пріобрѣсти этимъ помѣщику 3000 рублей, только потому, что эти люди воображаютъ себя въ эту минуту не людьми, а — кто губернаторомъ, кто чиновникомъ, кто жандармскимъ генераломъ, кто офицеромъ, кто солдатомъ, и считаютъ для себя обязательными не вѣчныя требованія совѣсти человѣка, а случайныя, временныя требованія своихъ офицерскихъ, солдатскихъ положеній.

Какъ ни странно сказать это, — единственное объясненіе этого удивительнаго явленія — то, что люди эти находятся въ томъ же состояніи, въ которомъ находятся тѣ загипнотизированные люди, которымъ, какъ говорятъ, приказываютъ воображать или чувствовать себя въ извѣстныхъ условныхъ положеніяхъ и дѣйствовать такъ, какъ бы дѣйствовали тѣ существа, которыхъ они изображаютъ; такъ, напримѣръ, когда загипнотизированному лицу внушено, что онъ хромой, и онъ начинаетъ хромать, слѣпой, и онъ не видитъ, что онъ звѣрь и онъ начинаетъ кусаться. Въ такомъ состояніи находятся не только люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ, но и всѣ люди, исполняющіе свои общественныя и государственныя обязанности предпочтительно и въ ущербъ человѣческимъ.

Сущность этого состоянія въ томъ, что люди подъ вліяніемъ внушенной имъ одной мысли не въ силахъ обсуживать своихъ поступковъ и потому дѣлаютъ, не разсуждая, все то, что въ соотвѣтствіи съ внушенной мыслью предписывается имъ, и на что они наводятся посредствомъ примѣра, совѣта, или намека.

Разница между загипнотизированными искуственнымъ способомъ и тѣми, которые находятся подъ вліяніемъ государственнаго внушенія, состоитъ въ томъ, что искуственно загипнотизированнымъ внушено ихъ воображаемое положеніе вдругъ, однимъ лицомъ и въ самый короткій промежутокъ времени, и потому внушеніе это представляется намъ въ рѣзкой, удивляющей насъ формѣ, тогда какъ людямъ, дѣйствующимъ подъ государственнымъ внушеніемъ, ихъ воображаемое положеніе внушается имъ исподоволь, понемногу, незамѣтно, съ дѣтства, иногда не только годами, но цѣлыми поколѣніями, и кромѣ того внушается не однимъ лицомъ, а всѣми окружающими ихъ.

«Но», скажутъ на это, «всегда во всѣхъ обществахъ большинство людей: всѣ дѣти, всѣ поглощаемыя трудомъ дѣтоношенія, рожденія и кормленія женщины, всѣ огромныя массы рабочаго народа, поставленныя въ необходимость напряженной и неустанной физической работы, всѣ отъ природы слабые духомъ, всѣ люди ненормальные съ ослабленной духовной дѣятельностью вслѣдствіе отравленія никотиномъ, алкоголемъ и опіумомъ или другихъ причинъ,—всѣ эти люди всегда находятся въ томъ положеніи, что не имѣя возможности мыслить самостоятельно, подчиняются или тѣмъ людямъ, которые стоятъ на болѣе высокой степени разумнаго сознанія, или преданіямъ семейнымъ или государственнымъ, тому, что называется общественнымъ мнѣніемъ, и въ этомъ подчиненіи нѣтъ ничего неестественнаго и противурѣчиваго».

И дѣйствительно, въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго и способность людей мало-

мыслящихъ подчиняться указаніямъ людей, стоящихъ на высшей степени сознанія, есть всегдашнее свойство людей, то свойство, вслѣдствіе котораго люди, подчиняясь однимъ и тѣмъ же разумнымъ началамъ, могутъ жить обществами: одни — меньшинство — сознательно подчиняясь однимъ и тѣмъ же разумнымъ началамъ, вслѣдствіе согласія ихъ съ требованіями своего разума; другіе — большинство — подчиняясь тѣмъ же началамъ безсознательно только потому, что эти требованія стали общественнымъ мнѣніемъ. Такое подчиненіе маломыслящихъ людей общественному мнѣнію не представляетъ ничего неестественнаго до тѣхъ поръ, пока общественное мнѣніе не раздвояется.

Но бываютъ времена, когда открывшаяся сначала нѣкоторымъ людямъ высшая противъ прежней степень сознанія истины, равномѣрно переходя отъ однихъ къ другимъ, захватываетъ такое большое количество людей, что прежнее общественное мнѣніе, основанное на низшей степени сознанія, начинаетъ колебаться и новое уже готово установиться, но еще не установилось. Бываютъ такія времена, подобныя веснѣ, когда старое общественное мнѣніе еще не разрушилось и новое еще не установилось, когда люди уже начинаютъ обсуживать поступки свои и другихъ людей на основаніи новаго сознанія, а между тѣмъ въ жизни по инерціи, по преданію продолжаютъ подчиняться началамъ, которыя только въ прежнія времена составляли высшую степень разумнаго сознанія, но которыя теперь уже находятся въ явномъ противорѣчіи съ нимъ. И тогда люди, съ одной стороны, чувствуя необходимость подчиниться новому общественному мнѣнію, и съ другой стороны, не рѣшаясь отступать отъ прежняго, находятся въ неестественномъ колеблющемся состояніи. И въ такомъ состояніи находятся по отношенію къ христіанскимъ истинамъ не только люди этого поѣзда, но и большинство людей нашего времени.

Въ такомъ состояніи находятся одинаково и люди высшихъ сословій, пользующіеся исключительно выгодными положеніями, и люди низшихъ сословій, безпрекословно повинующіеся тому, что имъ предписывается.

Одни, люди правящихъ классовъ, не имѣя уже разумнаго объясненія занимаемыхъ ими выгодныхъ положеній, поставлены въ необходимость для удержанія этихъ положеній подавлять въ себѣ высшія разумныя любовныя способности и внушать самимъ себѣ необходимость своего исключительнаго положенія; другіе же, низшія сословія, задавленные трудомъ и умышленно одуряемые, находятся въ постоянномъ состояніи внушенія, неуклонно и постоянно производимомъ надъ ними людьми высшихъ классовъ.

Только этимъ можно объяснить тѣ удивительныя явленія, которыми наполнена наша жизнь и поразительнымъ образцомъ которыхъ представились мнѣ тѣ, встрѣченные мною 9-го сентября, знакомые мнѣ, добрые, смирные люди, которые съ спокойнымъ духомъ ѣхали на совершеніе самаго звѣрскаго, безсмысленнаго и подлаго преступленія. Не будь въ этихъ людяхъ какимъ либо средствомъ усыплена совѣсть, ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не могъ бы сдѣлать одной сотой того, что они собираются сдѣлать, и очень можетъ быть, что и сдѣлаютъ.

Не то, что въ нихъ нѣтъ той совѣсти, которая запрещаетъ имъ дѣлать то, что они собираются дѣлать, какъ ея, такой совѣсти не было въ людяхъ даже 400, 300, 200, 100 лѣтъ тому назадъ, — сжигавшихъ на кострахъ, пытавшихъ, засѣкавшихъ людей; она есть во всѣхъ этихъ людяхъ, но только она усыплена въ нихъ: въ однихъ, — въ начальствующихъ, въ тѣхъ, которые находятся въ исключительно выгодныхъ положеніяхъ, самовнушеніемъ, какъ называютъ это психіатры; въ другихъ, въ исполнителяхъ, въ солдатахъ, — прямымъ, сознательнымъ внушеніемъ, гипнотизаціей, производимой высшими классами.

Совѣсть усыплена въ этихъ людяхъ, но она есть въ нихъ, и сквозь то самовнушеніе и внушеніе, которое обладаетъ ими, уже говоритъ въ нихъ и вотъ-вотъ можетъ пробудиться.

Всѣ эти люди находятся въ положеніи подобномъ тому, въ которомъ находился бы загипнотизированный человѣкъ, которому бы было внушено и приказано совершить дѣло, противное всему тому, что онъ считаетъ разумнымъ и добрымъ: убить свою мать или ребенка. Загипнотизированный человѣкъ чувствуетъ себя связаннымъ напущеннымъ на него внушеніемъ, ему кажется, что онъ не можетъ остановиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ времени и мѣсту совершенія поступка, тѣмъ сильнѣе подымается въ немъ заглушенный голосъ совѣсти, и онъ все больше и больше начинаетъ упираться, корчиться и хочетъ пробудиться. И нельзя впередъ сказать, сдѣлаетъ ли онъ или не сдѣлаетъ внушенный ему поступокъ: что возьметъ верхъ: разумное сознаніе или неразумное внушеніе. Все зависитъ отъ относительной силы того и другого.

Точно то же совершается теперь и въ людяхъ этого поѣзда и вообще во всѣхъ людяхъ, совершающихъ въ наше время государственныя насилія и пользующихся ими.

Было время, когда люди, выѣхавъ съ цѣлью истязанія и убійства, показанія примѣра, не возвращались иначе, какъ совершивъ то дѣло, на которое они ѣхали,

и совершивъ такое дѣло, не мучались раскаяніями и сомнѣніями, а спокойно, засѣкши людей, возвращались въ семью и ласкали дѣтей, — шутили, смѣялись и предавались тихимъ семейнымъ удовольствіямъ. Тогда и людямъ, пользовавшимся этими насиліями, и помѣщикамъ и богачамъ, и въ голову не приходило, чтобы тѣ выгоды, которыми они пользуются, имѣли бы прямую связь съ этими жестокостями. Но теперь уже не то: люди знаютъ уже или близки къ тому, чтобы знать, что они дѣлаютъ, и для чего дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. Они могутъ закрывать глаза, заставлять бездѣйствовать свою совѣсть, но съ незакрытыми глазами и незаглушенной совѣстью они не могутъ уже—какъ тѣ, которые совершаютъ ихъ, такъ и тѣ, которые ими пользуются,—не видѣть того значенія, которое имѣютъ эти дѣла. Бываетъ, что люди понимаютъ значеніе того, что они сдѣлали, только уже послѣ совершенія дѣла; бываетъ и то, что они понимаютъ это передъ самымъ совершеніемъ его. Такъ люди, распоряжавшіеся истязаніями въ Нижнемъ Новгородѣ, Саратовѣ, Орлѣ, Юзовскомъ заводѣ, поняли значеніе того, что они сдѣлали, только послѣ совершенія дѣла и теперь мучаются стыдомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ своей совѣстью. Мучаются и распорядители, и исполнители. Я говорилъ съ солдатами, исполнявшими такія дѣла, и они всегда старательно отклоняли разговоръ объ этомъ; когда же говорили, то говорили съ недоумѣніемъ и ужасомъ. Бываютъ же случаи, когда люди опоминаются передъ самымъ совершеніемъ дѣла. Такъ я знаю случай съ фельдфебелемъ, во время усмиренія избитымъ двумя мужиками и подавшимъ объ этомъ рапортъ; но на другой день, какъ онъ увидалъ истязанія, совершенныя надъ другими крестьянами, упросившимъ ротнаго командира разорвать рапортъ и отпустить побившихъ его мужиковъ. Знаю случай, когда солдаты, назначенные разстрѣливать, отказывались повиноваться, и знаю много случаевъ, когда начальствующіе отказывались распоряжаться истязаніями и убійствами. Такъ что люди, учреждающіе насилія и совершающіе ихъ, иногда опоминаются много прежде совершенія внушеннаго имъ дѣла, иногда же передъ самымъ совершеніемъ его, иногда и послѣ его.

Люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ, выѣхали для истязанія и убійства своихъ братьевъ, но никто не знаетъ того, сдѣлаютъ или не сдѣлаютъ они то, для чего они ѣдутъ. Какъ ни скрыта для каждаго его отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ, какъ ни сильно во всѣхъ этихъ людяхъ внушеніе того, что они не люди, а губернаторы, исправники, офицеры, солдаты, и что, какъ такія существа, они могутъ нарушать свои человѣческія обязанности, чѣмъ ближе они будутъ подвигаться къ мѣсту своего назначенія, тѣмъ сильнѣе въ нихъ будетъ подниматься сомнѣніе о томъ: нужно ли сдѣлать то дѣло, на которое они ѣдутъ, и сомнѣніе это дойдетъ до высшей степени, когда они подойдутъ къ самому моменту исполненія.

Не можетъ губернаторъ, не смотря на весь дурманъ окружающей обстановки, не задуматься въ ту минуту, когда ему придется отдавать послѣднее рѣшительное приказаніе объ убійствѣ или истязаніи. Онъ знаетъ, что дѣло Орловскаго губернатора вызвало негодованіе лучшихъ людей общества, и самъ онъ уже подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія тѣхъ круговъ, въ которыхъ онъ находится, не разъ выражалъ неодобреніе ему; онъ знаетъ, что прокуроръ, который долженъ былъ ѣхать, прямо отказался отъ участія въ дѣлѣ, потому что считаетъ это дѣло постыднымъ; знаетъ и то, что въ правительствѣ нынѣ-завтра могутъ произойти перемѣны, вслѣдствіе которыхъ то, чѣмъ выслуживались вчера, можетъ завтра сдѣлаться причиной немилости; знаетъ, что есть пресса, если не русская, то заграничная, которая можетъ описать это дѣло и навѣки осрамить его. Онъ уже чуетъ то новое общественное мнѣніе, которое отмѣняетъ то, что требовало прежнее. Кромѣ того, онъ не можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, послушаются ли его въ послѣднюю минуту исполнители. Онъ колеблется и нельзя предугадать, что онъ сдѣлаетъ.

То же въ большей или меньшей мѣрѣ испытываютъ всѣ чиновники и офицеры, ѣдущіе съ нимъ. Всѣ они знаютъ въ глубинѣ души, что дѣло, которое дѣлается, — постыдно, что участіе въ немъ роняетъ и маретъ человѣка передъ нѣкоторыми людьми, мнѣніемъ которыхъ они уже дорожатъ. Они знаютъ, что придти къ невѣстѣ или женщинѣ, передъ которой кокетничаешь, послѣ убійства или истязанія беззащитныхъ людей — стыдно. И кромѣ того, они такъ же, какъ и губернаторъ, сомнѣваются въ томъ, навѣрное ли послушаются ихъ солдаты. И какъ ни непохоже это на тотъ увѣренный видъ, съ которымъ теперь всѣ эти начальствующіе люди движутся по станціи и платформѣ, всѣ они въ глубинѣ души не только страдаютъ, но и колеблятся. Даже затѣмъ и напускаютъ они на себя этотъ самоувѣренный тонъ, чтобы скрыть внутреннее колебаніе. И чувство это увеличивается по мѣрѣ приближенія ихъ къ мѣсту дѣйствія.

И какъ ни незамѣтно это, и какъ ни странно сказать это, въ такомъ же положеніи находится и вся эта масса молодыхъ ребятъ, солдатъ, кажущихся столь покорными.

Всѣ они уже не такіе солдаты, какіе

были прежде, люди, отказавшіеся отъ трудовой естественной жизни и посвятившіе свою жизнь исключительно разгулу, грабежу и убійству, какъ какіе нибудь римскіе легіонеры или воины 30-лѣтней войны или даже хоть недавніе 25-лѣтніе солдаты; все это теперь, большею частью, люди недавно взятые изъ семей, всѣ еще полные воспоминаніями о той деброй, естественной и разумной жизни, изъ которой они взяты.

Всѣ эти, большею частью, крестьянскіе ребята знаютъ, по какому дѣлу они ѣдутъ, знаютъ, что помѣщики всегда обижаютъ ихъ братью крестьянъ, и что поэтому и въ этомъ дѣлѣ должно быть то же. Кромѣ того, большая половина этихъ людей уже читаетъ книги, и не всѣ книги такія, въ которыхъ восхваляется военное дѣло, но есть и такія, въ которыхъ доказывается его безнравственность. Среди нихъ случаютъ часто свободомыслящіе товарищи, — вольнопредѣляющіеся и такіе же молодые либеральные офицеры, и среди нихъ уже заброшено зерно сомнѣнія о безусловной законности и доблестности ихъ дѣятельности. Правда, что всѣ они прошли черезъ ту страшную, искусную, вѣками выработанную муштровку, убивающую всякую самодѣятельность человѣка, и такъ пріучены къ механическому повиновенію, что при словахъ команды: Пальба шеренгой!... Шеренга.... Пли!... и т. п., у нихъ сами собой поднимаются ружья и совершаются привычныя движенія. Но вѣдь «Пли!» будетъ значить теперь не то, что забавляться, стрѣляя въ мишень, а значитъ убивать своихъ измученныхъ, обиженныхъ отцовъ, братьевъ, которые, вотъ они, стоятъ кучей съ бабами, ребятами на улицѣ и что то кричатъ, махая руками. Вотъ они, — кто съ рѣдкой бородкой въ заплатанномъ кафтанѣ и лаптяхъ, такой же, какъ оставшійся дома въ Казанской или Рязанской губерніи — родитель, кто съ сѣдой бородой, съ согнутой спиной, съ большой палкой, такой же, какъ отцовъ отецъ — дѣдъ, кто молодой малый въ сапогахъ и красной рубахѣ, такой же, какимъ годъ назадъ былъ онъ самъ, тотъ солдатъ, который долженъ теперь стрѣлять въ него. А вотъ и женщина въ лаптяхъ и паневѣ, такая же, какъ оставленная дома мать.....

Неужели стрѣлять въ нихъ?

И Богъ знаетъ, что сдѣлаетъ каждый солдатъ въ эту послѣднюю минуту. Одного малѣйшаго указанія на то, что этого нельзя дѣлать, главное, что этого можно не дѣлать, одного такого слова, намека будетъ тогда достаточно для того, чтобы остановить ихъ.

Всѣ люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ, когда приступятъ къ совершенію того дѣла, на которое ѣдутъ, будутъ въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ бы загипнотизированный человѣкъ, которому внушено разрубить бревно, и онъ, подойди уже къ тому, что ему указано, какъ бревно, и уже взмахнувъ топоромъ, самъ увидалъ бы или ему указали бы, что это не бревно, а его спящій братъ. Онъ можетъ совершить предписанное ему дѣло и можетъ очнуться передъ совершеніемъ его. Такъ же и всѣ эти люди могутъ очнуться или не очнуться. Не очнутся они и совершится такое же ужасное дѣло, какое было въ Орлѣ, и успѣлится въ другихъ людяхъ то самовнушеніе и внушеніе, подъ вліяніемъ котораго они дѣйствуютъ; очнутся они, и не только не произойдетъ такого дѣла, но еще и многіе изъ тѣхъ, которые узнаютъ про оборотъ, который приняло дѣло, освободятся отъ того внушенія, въ которомъ они находились, или по крайней мѣрѣ приблизятся къ такому освобожденію.

Но не только если всѣ люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ очнутся и воздержатся отъ совершенія начатаго дѣла, если очнутся и воздержатся хоть нѣкоторые изъ нихъ и выскажутъ смѣло другимъ людямъ преступность этого дѣла, то и тогда воздѣйствіе этихъ нѣсколькихъ людей можетъ сдѣлать то, что и остальные люди очнутся отъ того внушенія, подъ которымъ они находились, и предполагаемое злодѣяніе не будетъ совершено.

Мало того, если даже хоть нѣсколько людей, не участвующихъ въ этомъ дѣлѣ, но только присутствующихъ при приготовленіяхъ къ нему, или узнавшихъ про совершившіяся уже прежде подобныя дѣла, не останутся равнодушными, а прямо и смѣло выскажутъ свое отвращеніе къ участникамъ такихъ дѣлъ и укажутъ имъ на всю неразумность, жестокость и преступность ихъ. то и это не пройдетъ безслѣдно.

Такъ это и было въ настоящемъ случаѣ. Стоило нѣкоторымъ людямъ, участникамъ и неучастникамъ этого дѣла, свободнымъ отъ внушенія, еще тогда, когда только готовились къ этому дѣлу, смѣло высказывать свое негодованіе передъ совершившимися въ другихъ мѣстахъ истязаніями, и отвращеніе и презрѣніе къ людямъ, участвовавшимъ въ нихъ, стоило въ настоящемъ Тульскомъ дѣлѣ нѣкоторымъ лицамъ выразить нежеланіе участвовать въ немъ, стоило проѣзжавшей барынѣ и другимъ лицамъ тутъ же на станціи высказать тѣмъ, которые ѣхали въ этомъ поѣздѣ, свое негодованіе передъ совершаемымъ ими дѣломъ, стоило одному изъ полковыхъ командировъ, отъ которыхъ требовались части войскъ для усмиренія, высказать свое мнѣніе, что военные не могутъ быть палачами, и благодаря этимъ и нѣкоторымъ другимъ, кажущимся неважными частнымъ воздѣйствіямъ на людей, находящихся подъ внушеніемъ, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, и войска, пріѣхавъ на мѣсто, не совершили истязаній,

а только срубили лѣсъ и отдали его помѣщику.

Не будь въ нѣкоторыхъ людяхъ яснаго сознанія того, что то, что они дѣлаютъ дурно, и не будь вслѣдствіе этого воздѣйствій въ этомъ смыслѣ людей другъ на друга, произошло бы то, что было въ Орлѣ. Будь это сознаніе еще сильнѣе и потому количество этихъ воздѣйствій больше, чѣмъ то, какое было, очень можетъ быть, что губернаторъ съ войсками не рѣшился бы даже и срубить лѣса, отдавая его помѣщику. Будь это сознаніе еще сильнѣе и воздѣйствій этихъ еще больше, очень можетъ быть, что губернаторъ не рѣшился бы даже ѣхать на мѣсто дѣйствія. Будь сознаніе еще сильнѣе и воздѣйствій еще больше, очень можетъ быть, что не рѣшился бы и министръ предписывать и государь утверждать такое рѣшеніе.

Все зависитъ, слѣдовательно, отъ силы сознанія каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ христіанской истины.

И потому, казалось бы, на усиленіе въ себѣ и другихъ ясности требованій христіанской истины и должна бы была быть направлена дѣятельность всѣхъ людей нашего времени, утверждающихъ, что они желаютъ содѣйствовать благу человѣчества.

4.

Но удивительное дѣло: именно тѣ люди, которые въ наше время болѣе всѣхъ другихъ говорятъ, что заботятся объ улучшеніи человѣческой жизни, и считаются руководителями общественнаго мнѣнія, утверждаютъ, что этого то и не нужно дѣлать, и что для улучшенія положенія людей существуютъ другія, болѣе дѣйствительныя средства. Люди эти утверждаютъ, что улучшеніе жизни человѣческой происходитъ не вслѣдствіе внутреннихъ усилій отдѣльныхъ людей сознанія, уясненія и исповѣданія истины, а вслѣдствіе постепеннаго измѣненія общихъ внѣшнихъ условій жизни, и что потому силы каждаго отдѣльнаго человѣка должны быть направлены не на сознаніе и уясненіе себѣ и исповѣданіе истины, а на постепенное измѣненіе въ полезномъ для человѣчества направленіи общихъ внѣшнихъ условій жизни, всякое же исповѣданіе отдѣльнымъ человѣкомъ истины, несогласной съ существующимъ порядкомъ, не только не полезно, но вредно, потому что вызываетъ со стороны власти стѣсненія, мѣшающія этимъ отдѣльнымъ людямъ продолжать ихъ полезную для служенія обществу дѣятельность. По ученію этому всѣ измѣненія въ жизни человѣческой происходятъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ они происходятъ и въ жизни животныхъ.

Такъ что по ученію этому всѣ основатели религій, какъ Моисей и Пророки, Конфуцій, Лао-дзи, Будда, Христосъ и другіе проповѣдовали свои ученія, а послѣдователи ихъ принимали ихъ не потому, что они любили истину, уясняли ее себѣ и исповѣдовали, а потому, что политическія, соціальныя и, главное, экономическія условія тѣхъ народовъ, среди которыхъ появились и распространялись эти ученія, были благопріятны для проявленія и распространенія ихъ.

И потому главная дѣятельность человѣка, желающаго служить обществу и улучшать положеніе человѣчества, должна по этому ученію быть направлена не на уясненіе истины и исповѣданіе ея, а на улучшеніе внѣшнихъ политическихъ, соціальныхъ и, главное, экономическихъ условій. Измѣненіе же этихъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ условій совершается посредствомъ, отчасти, служенія правительству и внесенія въ него либеральныхъ и прогрессивныхъ началъ, отчасти, содѣйствіемъ развитію промышленности и распространенію соціалистическихъ идей и, главное, распространеніемъ научнаго образованія.

По этому ученію важно не то, чтобы исповѣдовать въ жизни ту истину, которая открылась тебѣ, и вслѣдствіе этого неизбѣжно быть вынужденнымъ осуществлять ее въ жизни или по крайней мѣрѣ не совершать поступковъ, противныхъ исповѣдуемой истинѣ: не служить правительству, и не усиливать его власть, если считаешь власть эту вредною, не пользоваться капиталистическимъ строемъ, если считаешь этотъ строй неправильнымъ, не выказывать уваженія разнымъ обрядамъ, если считаешь ихъ вреднымъ суевѣріемъ, не участвовать въ судахъ, если считаешь ихъ устройство ложнымъ, не служить солдатомъ, не присягать, вообще не лгать, не подличать, а важно то, чтобы, не измѣняя существующихъ формъ жизни и противно своимъ убѣжденіямъ подчиняясь имъ, вносить либерализмъ въ существующія учрежденія: содѣйствовать промышленности, пропагандѣ соціализма и успѣхамъ того, что называется науками, и распространенію образованія. По этой теоріи можно, оставаясь землевладѣльцемъ, купцомъ, фабрикантомъ, судьей, чиновникомъ, получающимъ жалованье отъ правительства, солдатомъ, офицеромъ, быть при этомъ не только гуманнымъ человѣкомъ, но даже соціалистомъ и революціонеромъ.

Лицемѣріе, имѣвшее прежде одну религіозную основу въ ученіи о паденіи рода человѣческаго, объ искупленіи и о церкви, въ этомъ ученіи получило въ наше время новую научную основу и вслѣдствіе этого захватило въ свои сѣти всѣхъ тѣхъ людей, которые уже не могутъ по степени своего развитія опираться на лицемѣріе религіозное. Такъ что если прежде только человѣкъ, исповѣдующій церковное религіозное

ученіе, могъ, признавая себя при этомъ чистымъ отъ всякаго грѣха, участвовать во всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ государствомъ, и пользоваться ими, если онъ только при этомъ исполнялъ внѣшнія требованія своего исповѣданія, то теперь и всѣ люди, не вѣрящіе въ церковное христіанство, имѣютъ такую же твердую свѣтскую научную основу для признанія себя чистыми и даже высоко-нравственными людьми, не смотря на свое участіе въ государственныхъ злодѣяніяхъ и пользованіе ими.

Живетъ не въ одной Россіи, но гдѣ бы то ни было — во Франціи, Англіи, Германіи, Америкѣ — богатый землевладѣлецъ и за право, предоставляемое имъ людямъ, живущимъ на его землѣ, кормиться съ нея, сдираетъ съ этихъ, большею частью, голодныхъ людей все, что только онъ можетъ содрать съ нихъ. Право собственности на землю этого человѣка основывается на томъ, что при каждой попыткѣ угнетенныхъ людей безъ его согласія воспользоваться землями, которыя онъ считаетъ своими, приходятъ войска и подвергаютъ людей, захватывающихъ эти земли, истязаніямъ и убійствамъ. Казалось бы, очевидно, что человѣкъ, живущій такъ, есть злое и эгоистическое существо и никакъ не можетъ считать себя христіаниномъ или либеральнымъ человѣкомъ. Казалось бы очевиднымъ, что первое, что долженъ сдѣлать такой человѣкъ, если онъ хочетъ хоть сколько нибудь приблизиться къ христіанству или либерализму, состоитъ въ томъ, чтобы перестать грабить и губить людей, посредствомъ поддерживаемаго правительствомъ убійствами и истязаніями его права на землю. Но такъ бы это было, если бы не было метафизики лицемѣрія, которая говоритъ, что съ религіозной точки зрѣнія владѣніе или невладѣніе землей — безразлично для спасенія, а съ научной точки зрѣнія—то, что отказъ отъ владѣнія землей былъ бы безполезнымъ личнымъ успѣхомъ и что содѣйствіе благу людей совершается не этимъ путемъ, а постепеннымъ измѣненіемъ внѣшнихъ формъ. И вотъ этотъ человѣкъ, нисколько не смущаясь и не сомнѣваясь въ томъ, что ему повѣрятъ, устроивъ земледѣльческую выставку, общество трезвости или разославъ черезъ жену и дѣтей фуфайки и бульонъ тремъ старухамъ, смѣло въ семьѣ, въ гостинныхъ, въ комитетахъ, печати проповѣдуетъ евангельскую или гуманную любовь къ ближнему вообще и въ особенности къ тому рабочему земледѣльческому народу, который онъ, не переставая, мучаетъ и угнетаетъ. И люди, находящіеся въ томъ же положеніи, какъ и онъ, вѣрятъ ему, восхваляютъ его, и съ нимъ вмѣстѣ, съ важностью обсуждаютъ вопросы о томъ, какими бы еще мѣрами улучшить положеніе того рабочаго народа, на ограбленіи котораго основана ихъ жизнь, придумывая для этого всѣ возможныя средства, но только не то одно, безъ котораго невозможно никакое улучшеніе положенія народа, и именно то, чтобы перестать отнимать у этого народа необходимую ему для пропитанія землю.

Поразительнѣйшимъ примѣромъ такого лицемѣрія были заботы русскихъ землевладѣльцевъ во время послѣдняго года о борьбѣ съ голодомъ, который они то и произвели и которымъ они тутъ же пользовались, продавая не только хлѣбъ по самой высокой цѣнѣ, но картофельную ботву по 5 рублей за десятину на топливо мерзнущимъ крестьянамъ.

Или живетъ купецъ, вся торговля котораго, какъ и всякая торговля, основана на рядѣ мошенничествъ, посредствомъ которыхъ, пользуясь невѣжествомъ и нуждой людей, у нихъ покупаются предметы ниже ихъ стоимости и, пользуясь невѣжествомъ же, нуждой и соблазномъ, продаются назадъ выше стоимости. Казалось бы, очевидно, что человѣкъ, вся дѣятельность котораго основана на томъ, что на его же языкѣ называется мошенничествомъ, если только эти же дѣла совершаются при другихъ условіяхъ, долженъ бы стыдиться своего положенія и никакъ уже не можетъ, продолжая быть купцомъ, выставлять себя христіаниномъ или либеральнымъ человѣкомъ. Но метафизика лицемѣрія говоритъ ему, что онъ можетъ слыть добродѣтельнымъ человѣкомъ, продолжая свою вредную дѣятельность : религіозному человѣку нужно только вѣрить, а либеральному нужно только содѣйствовать измѣненію внѣшнихъ условій — прогрессу промышленности. И вотъ этотъ купецъ, (который часто кромѣ того совершаетъ еще и рядъ прямыхъ мошенничествъ, продавая дурное за хорошее, обвѣшиваетъ, обмѣриваетъ, или торгуетъ исключительно губящими жизнь народа предметами, — какъ вино, опіумъ), смѣло считаетъ себя и считается другими, если только онъ прямо не обманываетъ въ дѣлахъ своихъ сотоварищей по обману, т. е. свою братью—купцовъ, то считается образцомъ честности и добросовѣстности. Если же онъ истратитъ 0,001 изъ украденныхъ имъ денегъ на какое нибудь общественное учрежденіе : больницу, музей, учебное заведеніе, то его считаютъ еще и благотворителемъ того народа, на обманѣ и развращеніи котораго основано все его благосостояніе; если же онъ пожертвовалъ часть украденныхъ денегъ на церковь и бѣдныхъ, — то и примѣрнымъ христіаниномъ.

Или живетъ фабрикантъ, доходъ котораго весь составляется изъ платы, отнятой у рабочихъ, и вся дѣятельность котораго основана на принудительномъ, неестественномъ трудѣ, губящемъ цѣлыя поколѣнія людей ; казалось бы, очевидно, что прежде

всего, если человѣкъ этотъ исповѣдуетъ какіе нибудь христіанскіе или либеральные принципы, ему нужно перестать губить для своихъ барышей человѣческія жизни. Но по существующей теоріи онъ содѣйствуетъ промышленности и ему не нужно, даже было бы вредно для людей и общества, прекращать свою дѣятельность. И вотъ человѣкъ этотъ, жестокій рабовладѣлецъ тысячъ людей, устроивъ для искалѣченныхъ на его работѣ людей домики съ двухъ-аршинными садиками, и кассу, и богадѣльню, больницу, — вполнѣ увѣренъ, что онъ этимъ съ излишкомъ заплатилъ за всѣ тѣ погубленныя и губимыя имъ физически и духовно человѣческія жизни, спокойно, гордясь ею, продолжаетъ свою дѣятельность.

Или живетъ правитель или какой бы то ни было гражданскій, духовный, военный слуга государства, служащій для того, чтобы удовлетворить свое честолюбіе или властолюбіе, или, что чаще всего бываетъ, для того только, чтобы получить собираемое съ изнуреннаго измученнаго работой народа жалованье (подати, отъ кого бы ни шли, всегда идутъ съ труда, т. е. съ рабочаго народа), и если онъ, что очень рѣдко бываетъ, еще прямо не крадетъ государственныя деньги непривычнымъ способомъ, то считаетъ себя и считается другими, подобными ему, полезнѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ членомъ общества.

Живетъ какой нибудь судья, прокуроръ, правитель и знаетъ, что по его приговору или рѣшенію сидятъ сейчасъ сотни, тысячи оторванныхъ отъ семей несчастныхъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, на каторгахъ, сходя съ ума и убивая себя стекломъ, голодомъ, знаетъ, что у этихъ тысячъ людей есть еще тысячи матерей, женъ, дѣтей, страдающихъ разлукой, лишенныхъ свиданья, опозоренныхъ, тщетно вымаливающихъ прощенья или хоть облегченья судьбы отцовъ, сыновей, мужей, братьевъ, и судья и правитель этотъ такъ загрубѣлъ въ своемъ лицемѣріи, что онъ самъ и ему подобные и ихъ жены и домочадцы вполнѣ увѣрены, что онъ при этомъ можетъ быть очень добрый и чувствительный человѣкъ. По метафизикѣ лицемѣрія выходитъ, что онъ дѣлаетъ полезное общественное дѣло. И человѣкъ этотъ, погубивъ сотни, тысячи людей, проклинающихъ его и отчаивающихся, благодаря его дѣятельности, въ вѣрѣ въ добро и Бога, съ сіяющей благодушной улыбкой на гладкомъ лицѣ идетъ къ обѣднѣ, слушаетъ Евангеліе, произноситъ либеральныя рѣчи, ласкаетъ своихъ дѣтей, проповѣдуетъ имъ нравственность и умиляется передъ воображаемыми страданіями.

Живутъ всѣ эти люди и тѣ, которые кормятся около нихъ, ихъ жены, учителя, дѣти, повара, актеры, жокеи и т. п. живутъ той кровью, которая тѣмъ или другимъ способомъ, тѣми или другими цьявками высасывается изъ рабочаго народа, живутъ такъ, поглощая каждый ежедневно для своихъ удовольствій сотни и тысячи рабочихъ дней замученныхъ рабочихъ, принужденныхъ къ работѣ угрозами убійствъ, видятъ лишенія и страданія этихъ рабочихъ, ихъ дѣтей, стариковъ, женъ, больныхъ, знаютъ про тѣ казни, которымъ подвергаются нарушители этого установленнаго грабежа, и не только не уменьшаютъ свою роскошь, не скрываютъ ея, но нагло выставляютъ передъ этими угнетенными, большею частью ненавидящими ихъ рабочими, какъ бы нарочно дразня ихъ, свои парки, дворцы, театры, охоты, скачки и вмѣстѣ съ тѣмъ, не переставая, увѣряютъ себя и другъ друга, что они всѣ очень озабочены благомъ того народа, который они, не переставая, топчутъ ногами, и по воскресеньямъ въ богатыхъ одеждахъ на богатыхъ экипажахъ ѣдутъ въ нарочно для издѣвательства надъ христіанствомъ устроенные дома и тамъ слушаютъ, какъ нарочно для этой лжи обученные люди, на всѣ лады, въ ризахъ или безъ ризъ, въ бѣлыхъ галстукахъ проповѣдуютъ другъ другу любовь къ людямъ, которую они всѣ отрицаютъ всею своею жизнью. И дѣлая все это, люди эти такъ входятъ въ свою роль, что серьезно вѣрятъ, что они дѣйствительно то самое, чѣмъ притворяются.

Всеобщее лицемѣріе, вошедшее въ плоть и кровь всѣхъ сословій нашего времени, дошло до такихъ предѣловъ, что ничто уже въ этомъ родѣ никого уже не возмущаетъ. Недаромъ гипокритство значитъ актерство, и притворяться — играть роль можно всякую. Такія явленія, какъ то, что намѣстники Христа благословляютъ въ порядкѣ стоящихъ убійцъ, держащихъ заряженное на своихъ братьевъ ружье, на молитву; что священники, пастыри всякихъ христіанскихъ исповѣданій всегда такъ же неизбѣжно, какъ и палачи, участвуютъ въ казняхъ, своимъ присутствіемъ признавая убійство совмѣстимымъ съ христіанствомъ (на опытѣ въ Америкѣ во время убійства электричествомъ присутствовалъ пасторъ), — всѣ такія явленія никого уже не удивляютъ.

Недавно была международная тюремная выставка въ Петербургѣ, гдѣ выставляли орудія истязаній: кандалы, модели одиночныхъ заключеній, т. е. орудія пытки худшія, чѣмъ кнуты и розги, и чувствительные господа и дамы ходили осматривать это и веселились этимъ.

Никого не удивляетъ и то, какъ либеральная наука доказываетъ, рядомъ съ признаніемъ равенства, братства, свободы людей, необходимость войска, казней, таможенъ, цензуры, регламентаціи проституціи, изгнанія дешевыхъ работниковъ, запрещеній эмиграціи, необходимости и спра-

ведливости колонизаціи, основанной на отравленіи, ограбленіи и уничтоженіи цѣлыхъ породъ, людей, называемыхъ дикими и т. п.

Говорятъ о томъ, что будетъ тогда, когда всѣ люди будутъ исповѣдовать то, что называется христіанствомъ (т. е. различныя враждебныя между собой исповѣданія), когда всѣ будутъ сыты и одѣты, будутъ всѣ соединены другъ съ другомъ съ одного конца свѣта до другого телеграфами, телефонами, будутъ сообщаться воздушными шарами, когда всѣ рабочіе проникнутся соціальными ученіями и когда рабочіе союзы соберутъ столько то милліоновъ членовъ и рублей, и всѣ люди будутъ образованы, всѣ будутъ читать газеты, знать всѣ науки.

Но что же можетъ произойти полезнаго и добраго отъ всѣхъ этихъ усовершенствованій, если при этомъ люди не будутъ говорить и дѣлать то, что они считаютъ правдой?

Вѣдь, бѣдствія людей происходятъ отъ разъединенія. Разъединеніе же происходитъ отъ того, что люди слѣдуютъ не истинѣ, которая одна, а лжамъ, которыхъ много. Единственное средство соединенія людей во едино есть соединеніе въ истинѣ. И потому чѣмъ искреннѣе люди стремятся къ истинѣ, тѣмъ ближе они къ этому соединенію.

Но какъ же могутъ люди соединиться въ истинѣ или хотя бы приблизиться къ ней, если они не только не высказываютъ ту истину, которую знаютъ, но считаютъ, что этого не нужно дѣлать, и притворяются, что считаютъ истиной то, что не считаютъ истиной.

И потому никакое улучшеніе положенія людей невозможно до тѣхъ поръ, пока люди будутъ притворяться, т. е. сами отъ себя скрывать истину, до тѣхъ поръ, пока не признаютъ того, что единеніе ихъ, а потому и благо ихъ возможно только въ истинѣ, и потому не будутъ ставить выше всего другого признаніе и исповѣданіе истины, той истины, которая открылась имъ.

Пусть совершатся всѣ тѣ внѣшнія усовершенствованія, о которыхъ могутъ только мечтать религіозные и научные люди; пусть всѣ люди примутъ христіанство и пусть совершатся всѣ тѣ улучшенія, которыхъ желаютъ разные Беллами и Рише со всевозможными добавленіями и исправленіями, но пусть при этомъ останется то лицемѣріе, которое есть теперь; пусть люди не исповѣдуютъ ту истину, которую они знаютъ, а продолжаютъ притворяться, что вѣрятъ въ то, во что не вѣрятъ, и уважаютъ то, чего не уважаютъ, и положеніе людей не только останется то же, но будетъ становиться все хуже и хуже. Чѣмъ будутъ сытѣе люди, чѣмъ больше будетъ телеграфовъ, телефоновъ, книгъ, газетъ, журналовъ, тѣмъ будетъ только больше средствъ распространенія несогласныхъ между собой лжей и лицемѣрія и тѣмъ больше будутъ разъединены и потому бѣдственны люди, какъ это и есть теперь.

Пусть совершатся всѣ эти внѣшнія измѣненія, и положеніе человѣчества не улучшится. Но пусть только каждый человѣкъ сейчасъ же въ своей жизни по мѣрѣ силъ своихъ исповѣдуетъ ту правду, которую онъ знаетъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, пусть не защищаетъ ту неправду, которую онъ дѣлаетъ, выдавая ее за правду, и тотчасъ же въ нынѣшнемъ 93-мъ году совершились бы такія перемѣны къ освобожденію людей и установленію правды на землѣ, о которыхъ мы не смѣемъ мечтать и черезъ столѣтія.

Не даромъ единственная не кроткая, а обличительная и жестокая рѣчь Христа была обращена къ лицемѣрамъ и противъ лицемѣрія. Развращаетъ, озлобляетъ, озвѣряетъ и потому разъединяетъ людей не воровство, не грабежъ, не убійство, не блудъ, не подлоги, а ложь, та особенная ложь лицемѣрія, которая уничтожаетъ въ сознаніи людей различіе между добромъ и зломъ, лишаетъ ихъ этимъ возможности избѣгать зла и искать добра, лишаетъ ихъ того, что составляетъ сущность истинной человѣческой жизни, и потому стоитъ на пути всякаго совершенствованія людей.

Люди, не знающіе истины и дѣлающіе зло, возбуждая въ другихъ состраданіе къ своимъ жертвамъ и отвращеніе къ своимъ поступкамъ, дѣлаютъ зло только тѣмъ, надъ кѣмъ они совершаютъ его, но люди, знающіе истину и дѣлающіе зло, прикрытое лицемѣріемъ, дѣлаютъ зло и себѣ и тѣмъ, надъ кѣмъ его совершаютъ, и еще тысячамъ и тысячамъ другихъ людей, соблазняемыхъ той ложью, которою они стараются прикрыть совершаемое ими зло.

Воры, грабители, убійцы, обманщики, совершающіе дѣла, признаваемыя зломъ ими самими и всѣми людьми, служатъ примѣромъ того, чего не нужно дѣлать, и отвращаютъ людей отъ зла. Люди же, дѣлающіе тѣ же дѣла воровства, грабежа, истязаній, убійствъ, прикрываясь религіозными и научными либеральными оправданіями, какъ это дѣлаютъ всѣ землевладѣльцы, купцы, фабриканты и всякія слуги правительства нашего времени, призываютъ другихъ къ подражанію своимъ поступкамъ и дѣлаютъ зло не только тѣмъ, которые страдаютъ отъ него, но тысячамъ и милліонамъ людей, которыхъ они развращаютъ, уничтожая для этихъ людей различіе между добромъ и зломъ.

Одно состояніе, нажитое торговлей предметами, необходимыми для народа или развращающими народъ, или биржевыми операціями, или пріобрѣтеніемъ дешевыхъ земель, которыя потомъ дорожаютъ отъ

нужды народной, или устройствомъ заводовъ, губящихъ здоровье и жизни людей, или посредствомъ гражданской или военной службы государству, или какими либо дѣлами, потворствующими соблазнамъ людей, — состояніе, пріобрѣтаемое такими дѣлами не только съ разрѣшенія, но съ одобренія руководителей общества, скрашенное при этомъ показною благотворительностью, безъ сравненія болѣе развращаетъ людей, чѣмъ милліоны кражъ, мошенничествъ, грабежей, совершенныхъ внѣ признанныхъ закономъ формъ и подвергающихся уголовному преслѣдованію.

Одна казнь, совершенная не находящимися подъ дѣйствіемъ страсти, достаточными, образованными людьми съ одобренія и съ участіемъ христіанскихъ пастырей и выставляемая, какъ нѣчто необходимое, и даже справедливое, развращаетъ и озвѣряетъ людей больше, чѣмъ сотни и тысячи убійствъ, совершенныхъ людьми рабочими, необразованными, да еще въ увлеченіяхъ страсти. Казнь такая, какую предлагалъ устроить Жуковскій, такая, при которой люди испытывали бы даже, какъ предлагалъ Жуковскій, религіозное умиленіе, была бы самымъ развращающимъ дѣйствіемъ, которое только можно себѣ представить. (См. VI томъ полн. собр. соч. Жуковскаго).

Всякая, самая короткая война съ сопровождающими обыкновенно войну тратами, истребленіями посѣвовъ, воровствами, допускаемымъ развратомъ, грабежами, убійствами, съ придумываемыми оправданіями необходимости и справедливости ея, съ возвеличеніемъ и восхваленіемъ военныхъ подвиговъ, любви къ знамени, къ отечеству, и съ притворствомъ заботъ о раненыхъ и т. п. — развращаетъ въ одинъ годъ людей больше, чѣмъ милліоны грабежей, поджоговъ, убійствъ, совершаемыхъ въ продолженіи сотни лѣтъ одиночными людьми подъ вліяніемъ страстей.

Одна, степенно ведомая въ предѣлахъ приличія, роскошная жизнь благопристойной, такъ называемой добродѣтельной семьи, проѣдающей, однако, на себя столько рабочихъ дней, сколько достало бы на прокормленіе тысячъ людей въ нищетѣ живущихъ рядомъ съ этой семьей,—болѣе развращаетъ людей, чѣмъ тысячи неистовыхъ оргій грубыхъ купцовъ, офицеровъ, рабочихъ, предающихся пьянству и разврату, разбивающихъ для потѣхи зеркала, посуду и т. п.

Одна торжественная процессія, молебствіе или проповѣдь съ амвона или каѳедры лжи, въ которую не вѣрятъ проповѣдующіе, производитъ безъ сравненія болѣе зла, чѣмъ тысячи подлоговъ и фальсификацій пищи и т. п.

Говорятъ о лицемѣріи фарисеевъ. Но лицемѣріе людей нашего времени далеко превосходитъ невинное сравнительно лицемѣріе фарисеевъ. У тѣхъ былъ хоть внѣшній религіозный законъ, изъ за исполненія котораго они могли не видѣть своихъ обязанностей по отношенію своихъ близкихъ, да и обязанности то эти были тогда еще не ясно указаны; въ наше же время, во первыхъ, нѣтъ такого религіознаго закона, который освобождалъ бы людей отъ ихъ обязанностей къ близкимъ, всѣмъ безъ различія (я не считаю тѣхъ грубыхъ и глупыхъ людей, которые думаютъ еще и теперь, что таинства или разрѣшеніе папы, могутъ разрѣшать ихъ грѣхи): напротивъ, тотъ евангельскій законъ, который въ томъ или другомъ видѣ мы всѣ исповѣдуемъ, прямо указываетъ на эти обязанности, и кромѣ того эти самыя обязанности, которыя тогда въ туманныхъ выраженіяхъ были высказаны только нѣкоторыми пророками, теперь уже такъ ясно высказаны, что стали такими трюизмами, что ихъ повторяютъ гимназисты и фельетонисты. И потому людямъ нашего времени, казалось бы, ужъ никакъ нельзя притворяться, что они не знаютъ этихъ своихъ обязанностей.

Люди нашего времени, пользующіеся держащимся насиліемъ порядкомъ вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряющіе, что они очень любятъ своихъ ближнихъ и совсѣмъ не замѣчаютъ того, что они всей своей жизнью дѣлаютъ зло этимъ ближнимъ, подобны человѣку, непрестанно грабящему людей, который бы, будучи, наконецъ, захваченъ съ поднятымъ ножемъ надъ отчаяннымъ крикомъ зовущей себѣ на помощь жертвой, увѣрялъ бы, что онъ не зналъ, что то, что онъ дѣлалъ, было непріятно тому, кого онъ грабилъ и собирался рѣзать. Вѣдь, какъ нельзя этому грабителю и убійцѣ отрицать того, что у всѣхъ на виду, такъ точно нельзя, казалось бы, теперь уже и людямъ нашего времени, живущимъ на счетъ страданій угнетенныхъ людей, увѣрять себя и другихъ, что они желаютъ добра тѣмъ людямъ, которыхъ они, не переставая, грабятъ, и что они не знали того, какимъ образомъ пріобрѣтается ими то, чѣмъ они пользуются.

Нельзя ужъ намъ увѣрять, что мы не знали про тѣхъ 100 тысячъ человѣкъ въ одной Россіи, которые сидятъ всегда по тюрьмамъ и каторгамъ для обезпеченія нашей собственности и спокойствія, и что мы не знаемъ про тѣ суды, въ которыхъ мы сами участвуемъ, и которые по нашимъ прошеніямъ приговариваютъ покушающихся на нашу собственность и безопасность людей къ тюрьмамъ, ссылкамъ и каторгамъ въ которыхъ люди нисколько не худшіе, чѣмъ тѣ, которые ихъ судятъ, гибнутъ и развращаются; что мы не знали того, что все, что мы имѣемъ, мы имѣемъ только потому, что это добывается и ограждается для насъ убійствомъ и истязаніями. Нельзя намъ притворяться, что

мы не видимъ того городового, который съ заряженнымъ револьверомъ ходитъ передъ окнами, защищая насъ въ то время, какъ мы ѣдимъ свой вкусный обѣдъ или смотримъ новую пьесу, и про тѣхъ солдатъ, которые сейчасъ же выѣдутъ съ ружьями и боевыми патронами туда, гдѣ будетъ нарушена наша собственность.

Вѣдь, мы знаемъ, что если мы доѣдимъ свой обѣдъ и досмотримъ новую пьесу, и довеселимся на балѣ, на елкѣ, на катаньѣ, скачкѣ или охотѣ, то только благодаря пулѣ въ револьверѣ городового и въ ружьѣ солдата, которая пробьетъ голодное брюхо того обдѣленнаго, который изъ-за угла, облизываясь, глядитъ на наши удовольствія и тотчасъ же нарушитъ ихъ, какъ только уйдетъ городовой съ револьверомъ или не будетъ солдата въ казармахъ, готоваго явиться по нашему первому зову.

И потому, какъ человѣку, пойманному среди бѣла дня въ грабежѣ, никакъ нельзя увѣрять всѣхъ, что онъ замахнулся на грабимаго имъ человѣка не затѣмъ, чтобы отнять у него его кошелекъ, и не угрожалъ зарѣзать его, такъ и намъ, казалось бы, нельзя уже увѣрять себя и другихъ, что солдаты и городовые съ револьверами находятся около насъ совсѣмъ не для того, чтобы оберегать насъ, а для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, для порядка, для украшенія, развлеченія и парадовъ, и что мы и не знали того, что люди не любятъ умирать отъ голода, не имѣя права вырабатывать себѣ пропитаніе изъ земли, на которой они живутъ, не любятъ работать подъ землей, въ водѣ, въ пеклѣ, по 10—14 часовъ въ сутки, и по ночамъ, на разныхъ фабрикахъ и заводахъ для изготовленія предметовъ нашихъ удовольствій. Казалось бы невозможно отрицать того, что такъ очевидно. А между тѣмъ это то самое и дѣлается.

И хотя и есть среди богатыхъ живые люди, какихъ я къ счастью встрѣчаю все чаще и чаще, особенно изъ молодыхъ и женщинъ, которые при напоминаніи о томъ, какъ и чѣмъ покупаются ихъ удовольствія, не стараясь скрыть истину, схватываются за голову и говорятъ: «Ахъ, не говорите объ этомъ. Вѣдь, если такъ, то жить нельзя»; хотя и есть такіе искренніе люди, которые, хотя и не могутъ избавиться отъ него, видятъ свой грѣхъ, огромное большинство людей нашего времени такъ вошло въ свою роль лицемѣрія, что ужъ смѣло отрицаетъ то, что рѣжетъ глаза всякому зрячему.

«Все это несправедливо», говорятъ они: «никто не принуждаетъ народъ работать у землевладѣльцевъ и на фабрикахъ. Это дѣло свободнаго договора. Крупная собственность и капиталы необходимы, потому что организуютъ работу и даютъ ее рабочему классу. Работы же на фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ не такъ ужасны, какъ вы ихъ представляете. И если есть нѣкоторыя злоупотребленія на фабрикахъ, то правительство и общество принимаютъ мѣры къ тому, чтобы устранить ихъ и сдѣлать трудъ рабочихъ еще болѣе легкимъ и даже пріятнымъ. Рабочій народъ привыкъ къ физическимъ работамъ и пока ни на что другое не способенъ. Бѣдность же народа происходитъ совсѣмъ не отъ землевладѣнія, не отъ угнетенія капиталистовъ, а отъ другихъ причинъ: она происходитъ отъ необразованія, грубости, пьянства народа. И мы, правительственные люди, противодѣйствующіе этому обѣдненію мудрымъ управленіемъ, и мы, капиталисты, противодѣйствующіе этому распространеніемъ полезныхъ изобрѣтеній, мы, духовенство,—религіознымъ обученіемъ, а мы, либералы — устройствомъ союзовъ рабочихъ, увеличеніемъ и распространеніемъ образованія, этимъ путемъ, не измѣняя своего положенія, увеличиваемъ благосостояніе народа. Мы не хотимъ, чтобы всѣ были бѣдны, какъ бѣдные, а хотимъ, чтобы всѣ были богаты, какъ богатые. То же, что людей будто бы истязаютъ и убиваютъ для того, чтобы заставить ихъ работать на богатыхъ, есть софизмъ; войска посылаются противъ народа только тогда, когда народъ, не понимая своей выгоды, бунтуетъ и нарушаетъ спокойствіе, нужное для всеобщаго блага. Такъ же необходимо и обузданіе злодѣевъ, для которыхъ устроены тюрьмы, висѣлицы, каторги. Мы сами бы желали упразднить ихъ и работаемъ въ этомъ направленіи».

Лицемѣріе въ наше время, поддерживаемое съ двухъ сторонъ: *quasi*-религіей и *quasi*-наукой, дошло до такихъ размѣровъ, что если бы мы не жили среди него, то нельзя бы было повѣрить, что люди могутъ дойти до такой степени самообмана. Люди дошли въ наше время до того удивительнаго положенія, что такъ огрубѣло сердце ихъ, что они глядятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ и не разумѣютъ.

Люди уже давно живутъ жизнью противной ихъ сознанію. Если бы не было лицемѣрія, они не могли бы жить этой жизнью. Этотъ противный ихъ сознанію строй жизни продолжается только потому, что онъ прикрытъ лицемѣріемъ.

И чѣмъ больше увеличивается разстояніе между дѣйствительностью и сознаніемъ людей, тѣмъ больше растягивается и лицемѣріе. Но и лицемѣрію есть предѣлы. И мнѣ кажется, что мы въ нашемъ время дошли до этого предѣла.

Каждый человѣкъ нашего времени съ невольно усвоеннымъ имъ христіанскимъ сознаніемъ находится въ положеніи совершенно подобномъ положенію спящаго человѣка, который видитъ во снѣ, что онъ долженъ дѣлать то, чего, какъ онъ знаетъ это и во снѣ, онъ не долженъ дѣлать. Онъ

знаетъ это въ самой глубинѣ своего сознанія и, все таки, какъ будто не можетъ измѣнить своего положенія, не можетъ остановиться и перестать дѣлать то, чего, онъ знаетъ, ему не должно дѣлать. И, какъ это бываетъ во снѣ, положеніе его, становясь все мучительнѣе и мучительнѣе, доходитъ, наконецъ, до послѣдней степени напряженія и тогда онъ начинаетъ сомнѣваться въ дѣйствительности того, что представляется ему, и дѣлаетъ усиліе сознанія, чтобы разорвать то навожденіе, которое сковываетъ его.

Въ такомъ же положеніи находится средній человѣкъ нашего христіанскаго міра. Онъ чувствуетъ, что все то, что дѣлается имъ самимъ и вокругъ него, есть что то нелѣпое, безобразное, невозможное и противное его сознанію, чувствуетъ, что положеніе это становится все мучительнѣе и мучительнѣе и дошло уже до послѣдней степени напряженія.

Не можетъ этого быть: не можетъ быть того, чтобы мы, люди нашего времени, съ нашимъ вошедшимъ уже въ нашу плоть и кровь христіанскимъ сознаніемъ достоинства человѣка, равенства людей, съ нашей потребностью мирнаго общенія и единенія народовъ, дѣйствительно жили бы такъ, чтобы всякая наша радость, всякое удобство оплачивалось бы страданіями, жизнями нашихъ братій, и чтобы мы при этомъ еще всякую минуту были бы на волоскѣ отъ того, чтобы какъ дикіе звѣри броситься другъ на друга, народъ на народъ, безжалостно истребляя труды и жизни людей только потому, что какой нибудь заблудшій дипломатъ или правитель скажетъ или напишетъ какую нибудь глупость другому такому же, какъ онъ, заблудшему дипломату или правителю.

Не можетъ этого быть. А между тѣмъ всякій человѣкъ нашего времени видитъ, что это самое дѣлается и это самое ожидаетъ его. И положеніе становится все мучительнѣе и мучительнѣе.

И какъ человѣкъ во снѣ не вѣритъ тому, чтобы то, что ему представляется дѣйствительностью, было бы точно дѣйствительностью, и хочетъ проснуться къ другой настоящей дѣйствительности, такъ точно и средній человѣкъ нашего времени не можетъ въ глубинѣ души вѣрить тому, чтобы то ужасное положеніе, въ которомъ онъ находится, и которое становится все хуже и хуже, было бы дѣйствительностью, и хочетъ проснуться къ настоящей дѣйствительности, къ дѣйствительности уже живущаго въ немъ сознанія.

И какъ стоитъ человѣку во снѣ только сдѣлать усиліе сознанія и спросить себя: да не сонъ ли это? для того, чтобы мгновенно разрушилось казавшееся ему такимъ безнадежнымъ положеніе, и онъ проснулся бы къ спокойной и радостной дѣйствительности, точно такъ же и современному человѣку стоитъ только сдѣлать усиліе сознанія, усумниться въ дѣйствительности того, что ему представляетъ его собственное и окружающее его лицемѣріе, и спросить себя: да не обманъ ли это? чтобы онъ почувствовалъ себя тотчасъ же перешедшимъ такъ же, какъ и проснувшійся человѣкъ, изъ воображаемаго и страшнаго міра въ настоящую, спокойную и радостную дѣйствительность.

И для этого человѣку не нужно дѣлать никакихъ подвиговъ и поступковъ, а нужно сдѣлать только внутреннее усиліе сознанія.

5.

Но можетъ ли человѣкъ сдѣлать это усиліе?

По существующей и необходимой для лицемѣрія теоріи человѣкъ не свободенъ и не можетъ измѣнить своей жизни.

«Человѣкъ не можетъ измѣнить своей жизни, потому что онъ не свободенъ; несвободенъ же онъ потому, что всѣ поступки его обусловлены предшествующими причинами. И что бы ни дѣлалъ человѣкъ, существуютъ всегда тѣ или другія причины, по которымъ человѣкъ совершилъ тѣ или другіе поступки, и потому человѣкъ не можетъ быть свободенъ и измѣнять самъ свою жизнь», говорятъ защитники метафизики лицемѣрія. И они были бы совершенно правы, если бы человѣкъ былъ существо безсознательное и неподвижное по отношенію истины, т. е. разъ познавъ истину, всегда бы оставался на одной и той же степени познанія ея. Но человѣкъ —существо сознательное и познающее все большую и большую степень истины, и потому, если человѣкъ и не свободенъ въ совершеніи тѣхъ или другихъ поступковъ, потому что для каждаго поступка существуетъ причина, — самыя причины этихъ поступковъ, заключающіяся для сознательнаго человѣка въ томъ, что онъ признаетъ ту или другую истину достаточной причиной поступка, находятся во власти человѣка.

Такъ что человѣкъ, не свободный въ совершеніи тѣхъ или другихъ поступковъ, свободенъ въ томъ, на основаніи чего совершаются поступки. Въ родѣ того, какъ машинистъ на паровозѣ, не свободный въ томъ, чтобы измѣнить уже совершившееся или совершающееся движеніе паровоза, свободенъ въ томъ, чтобы впередъ опредѣлить его будущія движенія.

Что бы ни дѣлалъ сознательный человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, а не иначе, только потому, что онъ или теперь признаетъ, что истина въ томъ, что должно поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, или потому, что онъ когда то прежде призналъ

это, теперь же только по инерціи, по привычкѣ поступаетъ такъ, какъ онъ это призналъ должнымъ прежде.

Въ томъ или другомъ случаѣ причиной его поступка было не извѣстное явленіе, а признаніе извѣстнаго положенія истиной и, вслѣдствіе того, признаніе того или другого явленія достаточной причиной поступка.

Ѣстъ-ли человѣкъ или воздерживается отъ пищи, работаетъ или отдыхаетъ, бѣжитъ опасности или подвергается ей, если онъ сознательный человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ, только потому, что теперь считаетъ это должнымъ, разумнымъ: считаетъ, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, или уже давно прежде считалъ это.

Признаніе же извѣстной истины или непризнаніе ея зависитъ не отъ внѣшнихъ, а отъ какихъ то другихъ причинъ, находящихся въ самомъ человѣкѣ. Такъ что иногда при всѣхъ внѣшнихъ, казалось бы, выгодныхъ условіяхъ для признанія истины, одинъ человѣкъ не признаетъ ее, и, напротивъ, другой при всѣхъ самыхъ невыгодныхъ къ тому условіяхъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ признаетъ ее. Какъ это и сказано въ Евангеліи: «и никто не придетъ ко мнѣ, если Отецъ не привлечетъ его къ Себѣ» (Іоан. VI, 44), т. е., что признаніе истины, составляющее причину всѣхъ явленій жизни человѣческой, не зависитъ отъ внѣшихъ явленій, а отъ какихъ то внутреннихъ свойствъ человѣка, не подлежащихъ его наблюденію.

И потому человѣкъ, не свободный въ своихъ поступкахъ, всегда чувствуетъ себя свободнымъ въ томъ, что служитъ причиной его поступковъ, — въ признаніи или непризнаніи истины. И чувствуетъ себя свободнымъ не только независимо отъ внѣшнихъ, происходящихъ внѣ его событій, но даже и отъ своихъ поступковъ.

Такъ человѣкъ, совершивъ подъ вліяніемъ страсти поступокъ, противный сознанной истинѣ, остается все таки свободнымъ въ признаніи или непризнаніи ея, т. е. можетъ, не признавая истину, считать свой поступокъ необходимымъ и оправдывать себя въ совершеніи его, и можетъ, признавая истину, считать свой поступокъ дурнымъ и осуждать себя въ немъ.

Такъ игрокъ или пьяница, не выдержавшій соблазна и подпавшій своей страсти, остается все таки свободнымъ признавать игру и пьянство или зломъ, или безразличной забавой. Въ первомъ случаѣ онъ, если и не тотчасъ избавляется отъ своей страсти, тѣмъ больше освобождается отъ нея, чѣмъ искреннѣе онъ признаетъ истину; во второмъ же онъ усиливаетъ свою страсть и лишаетъ себя всякой возможности освобожденія.

Точно такъ же и человѣкъ, не выдержавшій жара и, не спасши своего товарища, выбѣжавшій изъ горящаго дома, остается свободнымъ (признавая истину о томъ, что человѣкъ съ опасностію своей жизни долженъ служить чужимъ жизнямъ) считать свой поступокъ дурнымъ и потому осуждать себя за него; или (не признавая эту истину) считать свой поступокъ естественнымъ, необходимымъ и оправдывать себя въ немъ. Въ первомъ случаѣ — въ томъ, когда онъ признаетъ истину, не смотря на свое отступленіе отъ нея, онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ неизбѣжно имѣющихъ вытечь изъ такого признанія самоотверженныхъ поступковъ; во второмъ случаѣ готовитъ цѣлый рядъ противоположныхъ первымъ эгоистическихъ поступковъ.

Не то, чтобы человѣкъ былъ свободенъ всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно уже признанныя или самимъ человѣкомъ или переданныя ему воспитаніемъ, преданіемъ и принятыя имъ на вѣру, слѣдованіе которымъ стало для него привычкой, — второй природой, и есть истины, только неясно, вдалекѣ представляющіяся ему. Человѣкъ одинаково несвободенъ въ признаніи первыхъ и въ признаніи вторыхъ. Но есть третій родъ истинъ, такихъ, которыя не стали еще для человѣка безсознательнымъ мотивомъ дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ такою ясностью открылись ему, что онъ не можетъ обойти ихъ и неизбѣжно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ, признавъ или не признавъ ихъ. По отношенію этихъ то истинъ и проявляется свобода человѣка.

Всякій человѣкъ въ своей жизни находится по отношенію къ истинѣ въ положеніи путника, идущаго въ темнотѣ при свѣтѣ впереди двигающагося фонаря: онъ не видитъ того, что еще не освѣщено фонаремъ, не видитъ и того, что онъ прошелъ и что закрылось уже темнотою, и не властенъ измѣнить своего отношенія ни къ тому, ни къ другому; но онъ видитъ, на какомъ бы мѣстѣ пути онъ ни стоялъ, то, что освѣщено фонаремъ, и всегда властенъ выбрать ту или другую сторону дороги, по которой движется.

Для каждаго человѣка есть всегда истины, невидимыя ему, не открывшіяся еще его умственному взору, есть другія истины, уже пережитыя, забытыя и усвоенныя имъ, и есть извѣстныя истины, при свѣтѣ его разума возставшія передъ нимъ, и требующія своего признанія. И вотъ въ признаніи или непризнаніи этихъ то истинъ и проявляется то, что мы сознаемъ своей свободой.

Вся трудность и кажущаяся неразрѣшимость вопроса о свободѣ человѣка происходитъ отъ того, что люди, рѣшающіе

этотъ вопросъ, представляютъ себѣ человѣка неподвижнымъ по отношенію истины.

Человѣкъ несомнѣнно несвободенъ, если мы представимъ себѣ его неподвижнымъ, если мы забудемъ, что жизнь человѣка и человѣчества есть только постоянное движеніе отъ тьмы къ свѣту, отъ низшей степени истины къ высшей, отъ истины болѣе смѣшанной съ заблужденіями къ истинѣ болѣе освобожденной отъ нихъ.

Человѣкъ былъ бы несвободенъ, если бы онъ не зналъ никакой истины, и точно такъ же не былъ бы свободенъ и даже не имѣлъ бы понятія о свободѣ, если бы вся истина, долженствующая руководить его въ жизни, разъ навсегда, во всей чистотѣ своей, безъ примѣси заблужденій была бы открыта ему.

Но человѣкъ не неподвиженъ относительно истины, а постоянно, по мѣрѣ движенія своего въ жизни, каждый отдѣльный человѣкъ, такъ же какъ и все человѣчество, познаетъ все большую и большую степень истины и все больше и больше освобождается отъ заблужденій. И потому люди всегда находятся въ троякомъ отношеніи къ истинѣ: однѣ истины такъ уже усвоены ими, что сдали безсознательными причинами поступковъ, другія только начинаютъ открываться имъ, и третьи, хотя и не усвоены еще ими, до такой степени ясности открыты имъ, что они неизбѣжно, такъ или иначе, должны отнестись къ нимъ, должны признать или не признать ихъ.

И вотъ въ признаніи или не признаніи этихъ то истинъ и свободенъ человѣкъ.

Свобода человѣка не въ томъ, что онъ можетъ независимо отъ хода жизни и уже существующихъ и вліяющихъ на него причинъ совершать произвольные поступки,—а въ томъ, что онъ можетъ, признавая открывшуюся ему истину и исповѣдуя ее, сдѣлаться свободнымъ и радостнымъ дѣлателемъ вѣчнаго и безконечнаго дѣла, совершаемаго Богомъ или жизнью міра, и можетъ, не признавая эту истину, сдѣлаться рабомъ ея и быть насильно и мучительно влекомымъ туда, куда онъ не хочетъ идти.

Истина не только указываетъ путь жизни человѣческой, но открываетъ тотъ единственный путь, по которому можетъ идти жизнь человѣческая. И потому всѣ люди неизбѣжно, свободно или не свободно пойдутъ по пути истины: одни—сами собою совершая предназначенное имъ дѣло жизни, другіе — невольно подчиняясь закону жизни. Свобода человѣка въ этомъ выборѣ.

Такая свобода, въ такихъ узкихъ предѣлахъ, кажется людямъ столь ничтожною, что они не замѣчаютъ ее: одни (детерминисты) считаютъ эту долю свободы столь малою, что вовсе не признаютъ ее; другіе — защитники полной свободы, имѣя въ виду свою воображаемую свободу, пренебрегаютъ этой кажущейся имъ ничтожной степенью свободы. Свобода, заключенная между предѣлами незнанія истины и признанія извѣстной степени ея, кажется людямъ не свободою, тѣмъ болѣе, что хочетъ или не хочетъ человѣкъ признать открывшуюся ему истину, онъ неизбѣжно будетъ принужденъ къ исполненію ея въ жизни.

Лошадь, запряженная вмѣстѣ съ другими въ возъ, не свободна не идти впереди воза. И если она не везетъ, возъ будетъ бить ее по ногамъ, и она пойдетъ туда же, куда пойдетъ возъ, и будетъ невольно везти его. Но не смотря на эту ограниченную свободу, она свободна сама везти возъ или быть влекомой имъ. То же и съ человѣкомъ.

Велика ли, невелика ли эта свобода въ сравненіи съ той фантастической свободой, которую мы бы хотѣли имѣть, свобода эта одна несомнѣнно существуетъ и свобода эта есть свобода, и въ этой свободѣ заключается благо, доступное человѣку.

И мало того, что свобода эта даетъ благо людямъ, она же есть и единственное средство совершенія того дѣла, которое дѣлается жизнью міра.

По ученію Христа человѣкъ, который видитъ смыслъ жизни въ той области, въ которой она несвободна, въ области послѣдствій, т. е. поступковъ, — не имѣетъ истинной жизни. Истинную жизнь, по христіанскому ученію, имѣетъ только тотъ, кто перенесъ свою жизнь въ ту область, въ которой она свободна, — въ область причинъ, т. е. познанія и признанія открывающейся истины, исповѣданія ея, и потому неизбѣжно слѣдующаго,—какъ возъ за лошадью исполненія ея.

Полагая жизнь свою въ дѣлахъ плотскихъ, человѣкъ дѣлаетъ тѣ дѣла, которыя всегда находятся въ зависимости отъ пространственныхъ и временныхъ, внѣ его находящихся причинъ. Онъ самъ даже ничего не дѣлаетъ, ему только кажется, что дѣлаетъ онъ, но въ дѣйствительности творятся всѣ тѣ дѣла, которыя ему кажется, что онъ дѣлаетъ, черезъ него высшею силою, и онъ не творецъ жизни, а рабъ ея; полагая же жизнь свою въ признаніи и исповѣданіи открывающейся ему истины, онъ, соединяясь съ источникомъ всеобщей жизни, совершаетъ дѣла уже не личныя, частныя, зависящія отъ условій пространства и времени, но дѣла, не имѣющія причины и сами составляющія причины всего остальнаго и имѣющія безконечное, ничѣмъ не ограниченное значеніе.

Пренебрегая сущностью истинной жизни, состоящей въ признаніи и исповѣданіи истины, и напрягая свои усилія для улучшенія своей жизни на внѣшніе поступки, люди языческаго жизнепониманія подобны людямъ на пароходѣ, которые бы для того,

чтобы дойти до цѣли, заглушили бы паровикъ, мѣшающій имъ размѣстить гребцовъ, и въ бурю старались бы вмѣсто того, чтобы идти готовымъ уже паромъ и винтомъ, грести недостающими до воды веслами.

Царство Божіе усиліемъ берется и только дѣлающіе усиліе восхищаютъ его, — и это то усиліе отреченія отъ измѣненій внѣшнихъ условій для признанія и исповѣданія истины и есть то усиліе, которымъ берется Царство Божіе и которое должно и можетъ быть сдѣлано въ наше время.

Стоитъ людямъ только понять это: перестать заботиться о дѣлахъ внѣшнихъ и общихъ, въ которыхъ они не свободны, а только одну сотую той энергіи, которую они употребляютъ на внѣшнія дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны, на признаніе и исповѣданіе той истины, которая стоитъ передъ ними, на освобожденіе себя и людей отъ лжи и лицемѣрія, скрывавшихъ истину, для того, чтобы безъ усилій и борьбы тотчасъ же разрушился тотъ ложный строй жизни, который мучаетъ людей и угрожаетъ имъ еще худшими бѣдствіями, и осуществилось бы то Царство Божіе или хоть та первая ступень его, къ которой уже готовы люди по своему сознанію.

Какъ бываетъ достаточно одного толчка для того, чтобы вся насыщенная солью жидкость мгновенно перешла бы въ кристаллы, такъ, можетъ быть, теперь достаточно самаго малаго усилія для того, чтобы открытая уже людямъ истина охватила бы сотни, тысячи, милліоны людей, — установилось бы соотвѣтствующее сознанію общественное мнѣніе, и вслѣдствіе установленія его измѣнился бы весь строй существующей жизни. И сдѣлать это усиліе зависитъ отъ насъ.

Только бы каждый изъ насъ постарался понять и признать ту христіанскую истину, которая въ самыхъ разнообразныхъ видахъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ и просится намъ въ душу; только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видимъ эту истину, или желаемъ исполнять ее, но только не въ томъ, чего она прежде всего требуетъ отъ насъ; только бы мы признали эту истину, которая зоветъ насъ, и смѣло исповѣдовали ее, и мы тотчасъ же увидали бы, что сотни, тысячи, милліоны людей находятся въ томъ же положеніи, какъ и мы, такъ же какъ и мы, видятъ истину и такъ же, какъ и мы, только ждутъ отъ другихъ признанія ея.

Только бы перестали люди лицемѣрить и они тотчасъ же увидали бы, что тотъ жестокій строй жизни, который одинъ связываетъ ихъ и представляется имъ чѣмъ то твердымъ, необходимымъ и священнымъ, отъ Бога установленнымъ, уже весь колеблется и держится только той ложью лицемѣрія, которой мы вмѣстѣ съ подобными намъ поддерживаемъ его.

Но если это такъ, если справедливо, что отъ насъ зависитъ разрушить существующій строй жизни, имѣемъ ли мы право разрушать его, не зная ясно того, что мы поставимъ на его мѣсто? Что будетъ съ міромъ, если уничтожится существующій порядокъ вещей?

— «Что будетъ тамъ, за стѣнами оставляемаго нами міра? *)

— Страхъ беретъ — пустота, ширина, воля... Какъ идти, не зная куда, какъ терять, не видя пріобрѣтеній!..»

«Если бы Колумбъ такъ разсуждалъ, онъ никогда не снялся бы съ якоря. Сумашествіе ѣхать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой — вопросъ. Этимъ сумашествіемъ онъ открылъ новый міръ. Конечно, если бы народы переѣзжали изъ одного готоваго *hotel garni* въ другой, еще лучшій — было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ. Въ будущемъ хуже нежели въ океанѣ—ничего нѣтъ,—оно будетъ такимъ, какимъ его сдѣлаютъ обстоятельства и люди».

«Если вы довольны старымъ міромъ, — старайтесь его сохранить, онъ очень хилъ и на долго его не станетъ; но если вамъ невыносимо жить въ вѣчномъ раздорѣ убѣжденій съ жизнью, думать одно и дѣлать другое, выходите изъ подъ выбѣленныхъ средневѣковыхъ сводовъ на свой страхъ. Я очень знаю, что это не легко. Шутка ли разстаться со всѣмъ, къ чему человѣкъ привыкъ со дня рожденія, съ чѣмъ вмѣстѣ росъ и выросъ. Люди готовы на страшныя жертвы, но не на тѣ, которыя отъ нихъ требуетъ новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью? Готовы ли они лишиться всѣхъ плодовъ, выработанныхъ съ такими усиліями, плодовъ, которыми мы хвастаемся три столѣтія, лишиться всѣхъ удобствъ и прелестей нашего существованія, предпочесть дикую юность образованной дряхлости, сломать свой наслѣдственный замокъ изъ одного удовольствія участвовать въ закладкѣ новаго дома, который построится, безъ сомнѣнія, гораздо послѣ насъ?» (Герценъ, т. V, стр. 55).

Такъ говорилъ почти полстолѣтія тому назадъ русскій писатель, своимъ проницательнымъ умомъ уже тогда ясно видѣвшій то, что видитъ теперь уже всякій самый мало размышляющій человѣкъ нашего времени: невозможность продолженія жизни на прежнихъ основахъ и необходимость

*) Слова Герцена.

установленія какихъ то новыхъ формъ жизни.

Съ самой простой, низменной, мірской точки зрѣнія уже ясно, что безумно оставаться подъ сводомъ невыдерживающаго своей тяжести зданія и надо выходить изъ него. И дѣйствительно, трудно придумать положеніе, которое было бы бѣдственнѣе того, въ которомъ находится теперь христіанскій міръ съ своими вооруженными другъ противъ друга народами, съ своими постоянно неудержимо возростающими для поддержанія все растущихъ этихъ вооруженій податями, со все разгорающейся ненавистью рабочаго сословія къ богатому, съ висящимъ надо всѣми Дамокловымъ мечемъ войны, всякую секунду готовымъ и необходимо долженствующимъ рано или поздно оборваться.

Едва ли какая либо революція можетъ быть бѣдственнѣе для большой массы народа постоянно существующаго порядка или скорѣе безпорядка нашей жизни съ своими обычными жертвами неестественной работы, нищеты, пьянства, разврата и со всѣми ужасами предстоящей войны, имѣющей поглотить въ одинъ годъ больше жертвъ, чѣмъ всѣ революціи нынѣшняго столѣтія.

Что будетъ съ нами, со всѣмъ человѣчествомъ, если каждый изъ насъ исполнитъ то, что требуетъ отъ него Богъ черезъ вложенную въ него совѣсть? Не будетъ ли бѣды отъ того, что находясь весь во власти хозяина, я въ устроенномъ и руководимомъ имъ заведеніи исполню то, что онъ мнѣ велитъ дѣлать, но что мнѣ, не знающему конечныхъ цѣлей хозяина, кажется страннымъ?

Но даже не этотъ вопросъ: «что будетъ?» тревожитъ людей, когда они медлятъ исполнить волю хозяина: ихъ тревожитъ вопросъ, какъ жить безъ тѣхъ привычныхъ намъ условій нашей жизни, которыя мы называемъ наукой, искусствомъ, цивилизаціей, культурой. Мы чувствуемъ для себя лично всю тяжесть настоящей жизни, мы видимъ и то, что порядокъ жизни этой, если будетъ продолжаться, неизбѣжно погубитъ насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы хотимъ, чтобы условія этой нашей жизни, выросшія изъ нея: наши науки, искусства, цивилизація, культуры при измѣненіи нашей жизни остались бы цѣлы. Вродѣ того, какъ если бы человѣкъ, живущій въ старомъ домѣ, страдающій отъ холода и неудобствъ этого дома и знающій кромѣ того то, что домъ этотъ вотъ-вотъ завалится, согласился бы на перестройку его только съ тѣмъ, чтобы не выходить изъ него: условіе, равняющееся отказу отъ перестройки дома. «А что, какъ я выйду изъ дома, лишусь на время всѣхъ удобствъ, а новый домъ не построится или построится иначе и въ немъ не будетъ того, къ чему я привыкъ?»

Но вѣдь, когда есть матеріалъ, есть строители, то всѣ вѣроятія за то, что новый домъ построится лучше прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть не только вѣроятіе, но несомнѣнность того, что старый домъ завалится и задавитъ тѣхъ, которые останутся въ немъ. Удержатся ли прежнія, привычныя условія жизни, уничтожатся-ли онѣ, возникнутъ ли совсѣмъ новыя, лучшія, нужно неизбѣжно выходить изъ старыхъ, ставшихъ невозможными и губительными, условій нашей жизни и идти на встрѣчу будущаго.

«Исчезнутъ науки, искусства, цивилизаціи, культуры!»

Да, вѣдь, все это суть только различныя проявленія истины — предстоящее же измѣненіе совершается только во имя приближенія къ истинѣ и осуществленія ея. Такъ какъ же могутъ исчезнуть проявленія истины вслѣдствіе осуществленія ея? Онѣ будутъ иныя, лучшія и высшія, но никакъ не уничтожатся. Уничтожится въ нихъ то, что было ложно; то же, что было отъ истины, то только болѣе процвѣтетъ и усилится.

6.

Одумайтесь, люди, и вѣруйте въ Евангеліе, въ ученіе о благѣ. Если не одумаетесь, всѣ такъ же погибнете, какъ погибли люди, убитые Пилатомъ, какъ погибли тѣ, которыхъ задавила башня Силоамская, какъ погибли милліоны и милліоны людей, убивавшихъ и убитыхъ, казнившихъ и казненныхъ, мучащихъ и мучимыхъ и какъ глупо погибъ тотъ человѣкъ, засыпавшій житницы и сбиравшійся долго жить и умершій въ ту же ночь, съ которой онъ хотѣлъ начинать жизнь. «Одумайтесь, люди, и вѣруйте въ Евангеліе», говорилъ Христосъ 1800 лѣтъ тому назадъ и говоритъ еще съ большей убѣдительностью теперь, — предсказанною имъ и совершившеюся теперь бѣдственностью и неразумностью нашей жизни, дошедшей теперь до послѣднихъ предѣловъ бѣдственности и неразумія.

Вѣдь, теперь послѣ столькихъ вѣковъ тщетныхъ стараній языческимъ устройствомъ насилія обезпечить нашу жизнь, казалось бы, не можетъ не быть очевиднымъ для всякаго, что всѣ, направленныя къ этой цѣли усилія, вносятъ только новыя опасности въ жизнь и личную, и общественную, но никакъ не обезпечиваютъ ея.

Вѣдь, какъ бы мы ни назывались, какіе бы мы ни надѣвали на себя наряды, чѣмъ бы и при какихъ священникахъ ни мазали себя, сколько бы ни имѣли милліоновъ, сколько бы охраны не стояло по нашему пути, сколько бы полицейскихъ не ограждали наше богатство, сколько бы мы ни казнили такъ называемыхъ злодѣевъ-революціонеровъ и

анархистовъ, какіе бы мы сами ни совершали подвиги, какія бы ни основывали государства и ни воздвигали крѣпости и башни отъ Вавилонской до Эйфелевой — передъ всѣми нами всегда стоятъ два неотвратимыя условія нашей жизни, уничтожающія весь смыслъ ея: 1) смерть, всякую минуту могущая постигнуть каждаго изъ насъ и 2) непрочность всѣхъ совершаемыхъ нами дѣлъ, очень быстро, безслѣдно уничтожающихся. Что бы мы ни дѣлали: основывали государства, строили дворцы и памятники, сочиняли поэмы и пѣсни: все это не надолго и все проходитъ, не оставляя слѣда. И потому, какъ бы мы ни скрывали это отъ себя, мы не можемъ не видѣть, что смыслъ жизни нашей не можетъ быть ни въ нашемъ личномъ плотскомъ существованіи, подверженномъ неотвратимымъ страданіямъ и неизбѣжной смерти, ни въ какомъ либо мірскомъ учрежденіи или устройствѣ.

Кто бы ты ни былъ, читающій эти строки, подумай о твоемъ положеніи и о твоихъ обязанностяхъ, — не о томъ положеніи землевладѣльца, купца, судьи, императора, президента, министра, священника, солдата, которое временно приписываютъ тебѣ люди, и не о тѣхъ воображаемыхъ обязанностяхъ, которыя на тебя налагаютъ эти положенія, а о твоемъ настоящемъ, вѣчномъ положеніи существа, по чьей то волѣ послѣ цѣлой вѣчности несуществованія вышедшаго изъ безсознательности и всякую минуту по чьей то волѣ могущаго возвратиться туда, откуда ты вышелъ. Подумай о твоихъ обязанностяхъ: не о тѣхъ воображаемыхъ обязанностяхъ твоихъ землевладѣльца къ своему имѣнію, купца къ капиталу, императора, министра, чиновника къ государству, а о тѣхъ настоящихъ твоихъ обязанностяхъ, которыя вытекаютъ изъ твоего настоящаго положенія существа, вызваннаго къ жизни и одареннаго разумомъ и любовью. То ли ты дѣлаешь, что требуетъ отъ тебя Тотъ, кто послалъ тебя въ міръ и къ которому ты очень скоро вернешься? То ли ты дѣлаешь, что Онъ хочетъ отъ тебя? То ли ты дѣлаешь, когда, будучи землевладѣльцемъ, фабрикантомъ, ты отбираешь произведенія труда бѣдныхъ, строя свою жизнь на этомъ ограбленіи, или будучи правителемъ, судьей, насилуешь, приговариваешь людей къ казнямъ, или будучи военнымъ, готовишься къ войнамъ, воюешь, грабишь, убиваешь?

Ты говоришь, что такъ устроенъ міръ, что это неизбѣжно, что ты не по своей волѣ дѣлаешь это, но принужденъ къ этому. — Но развѣ это можетъ быть, чтобы въ тебя заложено было съ такой силой отвращеніе къ страданіямъ людей, къ истязаніямъ, къ убійству ихъ, чтобы въ тебя вложена была такая потребность любви къ людямъ и еще болѣе сильная потребность любви отъ нихъ, чтобы ты ясно видѣлъ, что только при признаніи равенства всѣхъ людей, при служеніи ихъ другъ другу, возможно осуществленіе наибольшаго блага, доступнаго людямъ, чтобы то же самое говорили тебѣ твое сердце, твой разумъ, исповѣдуемая тобой вѣра, чтобы это самое говорила наука, и чтобы, не смотря на это, ты бы былъ по какимъ то очень туманнымъ, сложнымъ разсужденіямъ принужденъ дѣлать все прямо противуположное этому: чтобы ты, будучи землевладѣльцемъ или капиталистомъ, долженъ былъ на угнетеніи народа строить всю свою жизнь, или чтобы, будучи императоромъ или президентомъ, былъ принужденъ командовать войсками, т. е. быть начальникомъ и руководителемъ убійцъ, или чтобы, будучи правительственнымъ чиновникомъ, былъ принужденъ насильно отнимать у бѣдныхъ людей ихъ кровныя деньги для того, чтобы пользоваться ими и раздавать ихъ богатымъ; или, будучи судьей, присяжнымъ, былъ бы принужденъ приговаривать заблудшихъ людей къ истязаніямъ и къ смерти за то, что имъ не открыли истины, или — главное, на чемъ зиждется все зло міра, — чтобы ты, всякій молодой мущина, долженъ былъ идти въ военные и, отрекаясь отъ своей воли и отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, обѣщаться по волѣ чуждыхъ тебѣ людей убивать всѣхъ тѣхъ, кого они тебѣ прикажутъ?

Не можетъ этого быть.

Если и говорятъ тебѣ люди, что все это необходимо для поддержанія существующаго строя жизни, а что существующій строй съ своей нищетой, голодомъ, тюрьмами, казнями, войсками, войнами необходимъ для общества, что если бы этотъ строй нарушился, то наступятъ худшія бѣдствія, то, вѣдь, это говорятъ только тѣ, которымъ выгоденъ этотъ строй жизни, всѣ же тѣ, ихъ въ 10 разъ больше, которые страдаютъ отъ этого строя жизни, всѣ думаютъ и говорятъ обратное. И ты самъ въ глубинѣ души знаешь, что это неправда, что существующій строй жизни отжилъ свое время и неизбѣжно долженъ быть перестроенъ на новыхъ началахъ, и что потому нѣтъ никакой нужды, жертвуя человѣческими чувствами, поддерживать его.

Главное же то, что если бы и допустить, что существующій строй необходимъ, почему ты именно чувствуешь себя обязаннымъ, попирая всѣ лучшія человѣческія чувства, поддерживать его? Кто тебя приставилъ нянькой этого разрушающагося строя? Ни общество, ни государство, ни всѣ люди никогда не просили тебя о томъ, чтобы ты поддерживалъ этотъ строй, занимая то мѣсто землевладѣльца, купца, императора, священника, солдата, которое ты занимаешь; и ты знаешь очень хорошо, что ты занялъ, принялъ свое положе-

ніе вовсе не съ самоотверженною цѣлью поддерживать необходимый для блага людей порядокъ жизни, а для себя: для своей корысти, славолюбія, честолюбія, своей лѣни, грусости. Если-бы ты не желалъ этого положенія, ты не дѣлалъ бы всего того, что постоянно нужно дѣлать, чтобы удерживать твое положеніе. Попробуй только перестать дѣлать тѣ сложныя, жестокія, коварныя и подлыя дѣла, которыя ты, не переставая, дѣлаешь, чтобы удерживать свое положеніе, и ты сейчасъ же лишишься его. Попробуй только перестать, будучи правителемъ или чиновникомъ, лгать, подличать, участвовать въ насиліяхъ, казняхъ; будучи священникомъ, перестать обманывать; будучи военнымъ, перестать убивать; будучи землевладѣльцемъ, фабрикантомъ, перестать защищать свою собственность судами и насиліями, и ты тотчасъ лишишься того положенія, которое, ты говоришь, навязано тебѣ и которымъ ты, будто бы, тяготишься.

Не можетъ быть того, чтобы человѣкъ былъ поставленъ противъ своей воли въ положеніе, противное его сознанію.

Если ты находишься въ этомъ положеніи, то не потому, что это необходимо для кого то, а только потому, что ты этого хочешь. И потому, зная, что это положеніе прямо противно и твоему сердцу, и твоему разуму, и твоей вѣрѣ, и даже наукѣ, въ которую ты вѣришь, нельзя не задуматься надъ вопросомъ о томъ, то ли ты дѣлаешь, что тебѣ должно дѣлать, если остаешься въ этомъ положеніи, и, главное, стараешься оправдать его?

Вѣдь можно бы было рисковать ошибиться, если бы ты имѣлъ время увидать и поправить свою ошибку, и если бы то, во имя чего ты такъ рискуешь, имѣло бы какую нибудь важность. Но когда ты знаешь навѣрное, что ты всякую секунду можешь исчезнуть безъ малѣйшей возможности ни для себя, ни для тѣхъ, кого ты вовлечешь въ свою ошибку, поправить ее, и знаешь кромѣ того, что, что бы ты ни сдѣлалъ во внѣшнемъ устройствѣ міра, все это очень скоро и такъ же навѣрно, какъ и ты самъ, исчезнетъ, не оставивъ слѣда, то очевидно, что не изъ за чего тебѣ рисковать такой страшной ошибкой.

Вѣдь, это такъ просто и ясно, если бы только мы лицемѣріемъ не затемняли себѣ несомнѣнно открытую намъ истину.

«Дѣлись тѣмъ, что у тебя есть, съ другими, не собирай богатствъ, не величайся, не грабь, не мучай, не убивай никого, не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали», сказано не 1800, а 5000 лѣтъ тому назадъ, и сомнѣнія въ истинѣ этого закона не могло бы быть, если бы не было лицемѣрія: нельзя бы было, если не дѣлать этого, то по крайней мѣрѣ не признавать, что это всегда нужно дѣлать, и что тотъ, кто не дѣлаетъ этого, дѣлаетъ дурно.

Но ты говоришь, что есть еще общее благо, для котораго можно и должно отступить отъ этихъ правилъ: для общаго блага можно убивать, истязать, грабить. Лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ всему народу, говоришь ты, какъ Каіафа, и подписываешь одному и другому и третьему человѣку смертный приговоръ, заряжаешь ружье на этого, долженствующаго для блага общаго погибнуть человѣка, сажаешь его въ тюрьму, отбираешь у него его имущество. Ты говоришь, что ты дѣлаешь эти жестокія дѣла потому, что ты чувствуешь себя человѣкомъ общества, государства, обязаннымъ служить ему и исполнять его законы, землевладѣльцемъ, судьей, императоромъ, военнымъ. Но, вѣдь, кромѣ твоей принадлежности къ извѣстному государству и вытекающихъ изъ того обязанностей, у тебя есть еще принадлежность къ безконечной жизни міра и къ Богу и вытекающія изъ этой принадлежности обязанности.

И какъ твои обязанности, вытекающія изъ твоей принадлежности къ извѣстной семьѣ, обществу,—всегда подчиняются высшимъ обязанностямъ, вытекающимъ изъ принадлежности къ государству, такъ и твои обязанности, вытекающія изъ твоей принадлежности къ государству, необходимо должны быть подчинены обязанностямъ, вытекающимъ изъ твоей принадлежности къ жизни міра, къ Богу.

И какъ неразумно было бы срубить телеграфные столбы для того, чтобы обезпечить отопленіе семейства или общества и увеличить благосостояніе его, потому что это нарушитъ законы, соблюдающіе благо государства, точно такъ же неразумно для того, чтобы обезпечить государство и увеличить благосостояніе его, истязать, казнить, убить человѣка, потому что это нарушаетъ несомнѣнные законы, соблюдающіе благо міра.

Обязанности твои, вытекающія изъ твоей принадлежности къ государству, не могутъ не быть подчинены высшей вѣчной обязанности, вытекающей изъ твоей принадлежности къ безконечной жизни міра или къ Богу, и не могутъ противорѣчить имъ, какъ это и сказали 1800 лѣтъ тому назадъ ученики Христа: (Дѣян. Ап. IV, 19). — «Судите, справедливо ли слушать васъ болѣе, чѣмъ Бога» и (V, 29) «Должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ».

Тебя увѣряютъ, что для того, чтобы не нарушился вчера устроенный нѣсколькими людьми въ извѣстномъ уголкѣ міра постоянно измѣняющійся порядокъ, ты долженъ совершать поступки истязаній, мученій, убійствъ отдѣльныхъ людей, нарушающіе

вѣчный, установленный Богомъ или разумомъ неизмѣнный порядокъ міра. Развѣ можетъ это быть ?

И потому не можешь ты не задуматься надъ твоимъ положеніемъ землевладѣльца, купца, судьи, императора, президента, министра, священника, солдата—связаннымъ съ угнетеніями, насиліями, обманами, истязаніями и убійствами, и не признать незаконности ихъ.

Я не говорю, что если ты землевладѣлецъ, чтобы ты сейчасъ же отдалъ свою землю бѣднымъ, если капиталистъ, — сейчасъ бы отдалъ свои деньги, фабрику рабочимъ, если царь, министръ, служащій, судья, генералъ, то чтобы ты тотчасъ отказался отъ своего выгоднаго положенія, если солдатъ (т. е. занимаешь то положеніе, на которомъ стоятъ всѣ насилія)—то, не смотря на всѣ опасности отказа въ повиновеніи, тотчасъ бы отказался отъ своего положенія.

Если ты сдѣлаешь это, ты сдѣлаешь самое лучшее, но можетъ случиться — и самое вѣроятное — то, что ты не въ силахъ будешь сдѣлать этого : у тебя связи, семья, подчиненные, начальники, ты можешь быть подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ соблазновъ, что будешь не въ силахъ сдѣлать это. — но признать истину истиной и не лгать — ты всегда можешь. Не утверждать того, что ты остаешься землевладѣльцемъ, фабрикантомъ, купцомъ, художникомъ, писателемъ потому, что это полезно для людей, что ты служишь губернаторомъ, прокуроромъ, царемъ не потому, что тебѣ это пріятно, привычно, а для блага людей ; что ты продолжаешь быть солдатомъ не потому, что боишься наказанія, а потому, что считаешь войско необходимымъ для обезпеченія жизни людей ; — не лгать такъ передъ собой и людьми ты всегда можешь, и не только можешь, но и долженъ, потому что въ этомъ одномъ, въ освобожденіи себя отъ лжи и исповѣданіи истины состоитъ единственное благо твоей жизни.

И стоитъ тебѣ только сдѣлать это и само собой неизбѣжно измѣнится и твое положеніе.

Одно, только одно дѣло, въ которомъ ты свободенъ и всемогущъ, дано тебѣ въ жизни, всѣ остальныя внѣ твоей власти. Дѣло это въ томъ, чтобы познавать истину и исповѣдовать ее.

И вдругъ, отъ того, что такіе же, какъ и ты, жалкіе заблудшіе люди увѣрили тебя, что ты солдатъ, императоръ, землевладѣлецъ, богачъ, священникъ, генералъ, — ты начинаешь дѣлать, очевидно, несомнѣнно противное твоему разуму и сердцу зло : начинаешь истязать, грабить, убивать людей, строить свою жизнь на страданіяхъ ихъ и, главное, — вмѣсто того, чтобы исполнять единственное дѣло твоей жизни — признавать и исповѣдовать извѣстную тебѣ истину, — ты, старательно притворяясь, что не знаешь ее, скрываешь ее отъ себя и другихъ, дѣлая этимъ прямо противуположное тому единственному дѣлу, къ которому ты призванъ.

И въ какихъ условіяхъ ты дѣлаешь это? Ты, всякую минуту могущій умереть, подписываешь смертный приговоръ, объявляешь войну, идешь на войну, судишь, мучаешь, обираешь рабочихъ, роскошествуешь среди нищихъ, и научаешь слабыхъ и вѣрящихъ тебѣ людей тому, что это такъ и должно быть и что въ этомъ обязанность людей, рискуя тѣмъ, что въ тотъ самый моментъ, какъ ты сдѣлалъ это, залетитъ въ тебя бактерія или пуля, и ты захрипишь и умрешь, и навѣки лишишься возможности исправить, измѣнить то зло, которое ты сдѣлалъ другимъ и, главное, себѣ, погубивъ задаромъ одинъ разъ въ цѣлой вѣчности данную тебѣ жизнь, не сдѣлавъ въ ней то одно, что ты несомнѣнно долженъ былъ сдѣлать.

Вѣдь, какъ это ни просто, и какъ ни старо, и какъ бы мы ни одуряли себя лицемѣріемъ и выпекающимъ изъ него самовнушеніемъ, ничто не можетъ разрушить несомнѣнности той простой и ясной истины, что никакія внѣшнія усилія не могутъ обезпечить нашей жизни, неизбѣжно связанной съ неотвратимыми страданіями и кончающейся еще болѣе неотвратимой смертью, могущей наступить для каждаго изъ насъ всякую минуту, и что потому жизнь наша не можетъ имѣть никакого другого смысла, какъ только исполненіе всякую минуту того, что хочетъ отъ насъ сила, пославшая насъ въ жизнь и давшая намъ въ этой жизни одного несомнѣннаго руководителя : наше разумное сознаніе.

И потому сила эта не можетъ хотѣть отъ насъ того, что неразумно и невозможно : устроенія нашей временной плотской жизни, жизни общества или государства. Сила эта требуетъ отъ насъ того, что одно несомнѣнно и разумно и возможно : служенія Царствію Божію, т. е., содѣйствія установленію наибольшаго единенія всего живущаго, возможнаго только въ истинѣ, и потому признанія открывшейся намъ истины и исповѣданія ея, того самого, что одно всегда въ нашей власти.

«Ищите Царствія Божія и правды его, а остальное приложится вамъ». Единственный смыслъ жизни человѣка состоитъ въ служеніи міру содѣйствіемъ установленію Царства Божія. Служеніе же это можетъ совершиться только черезъ признаніе истины и исповѣданіе ея каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

«И не придетъ Царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ и не скажутъ : вотъ оно здѣсь или вотъ оно тамъ. Ибо вотъ : Царствіе Божіе внутрь васъ есть».

БИБЛІОТЕКА